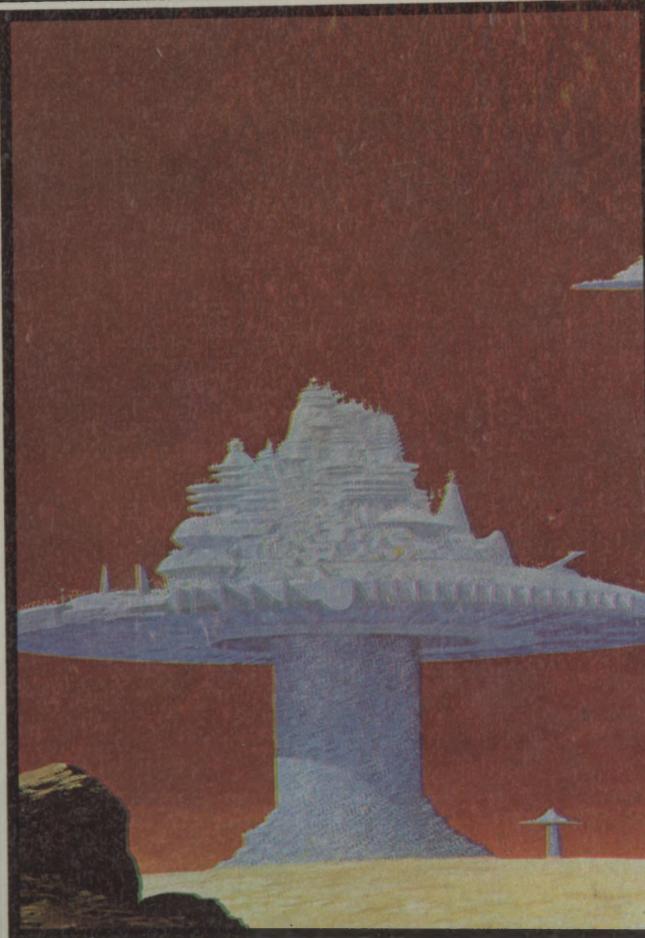
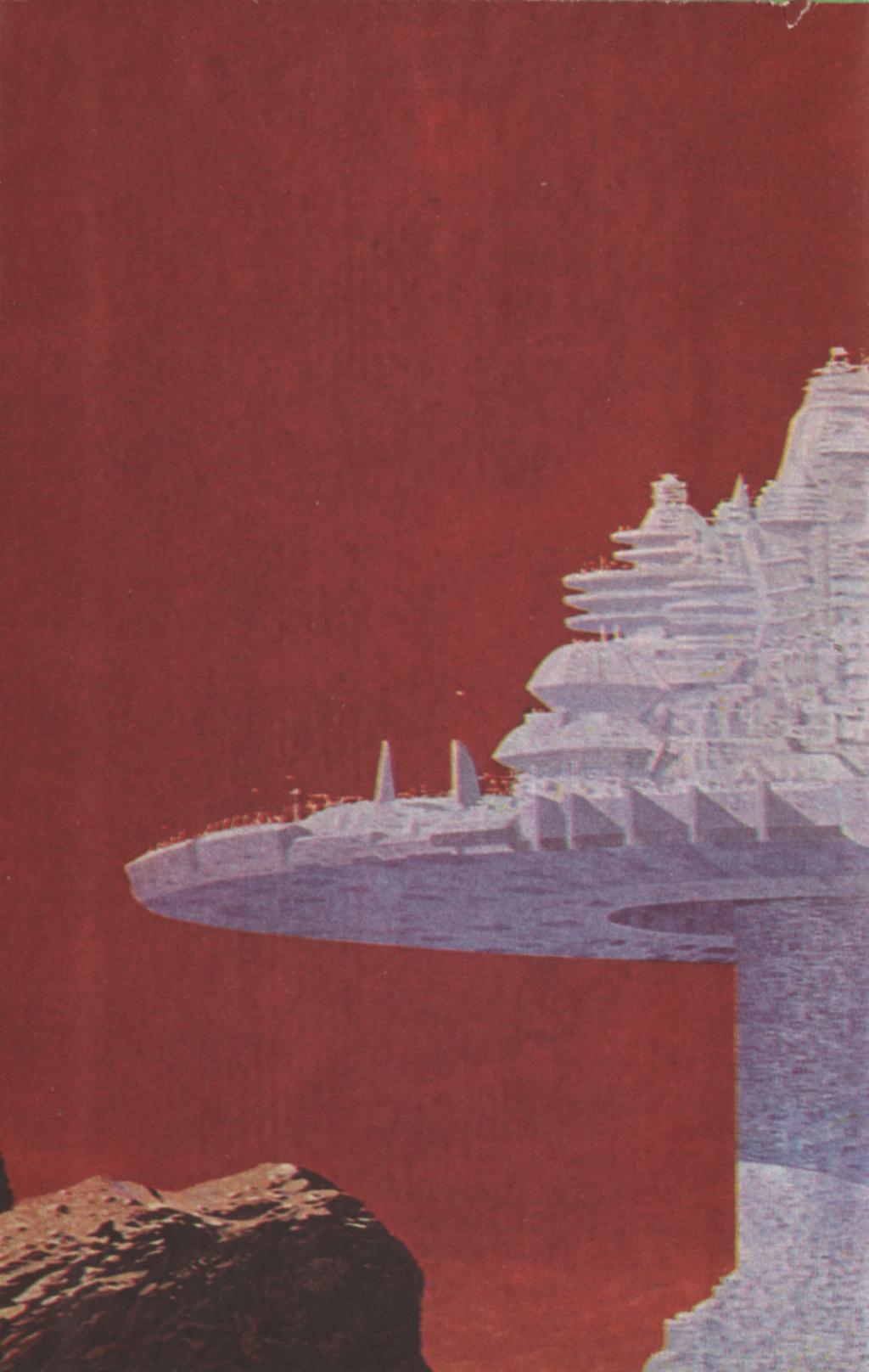

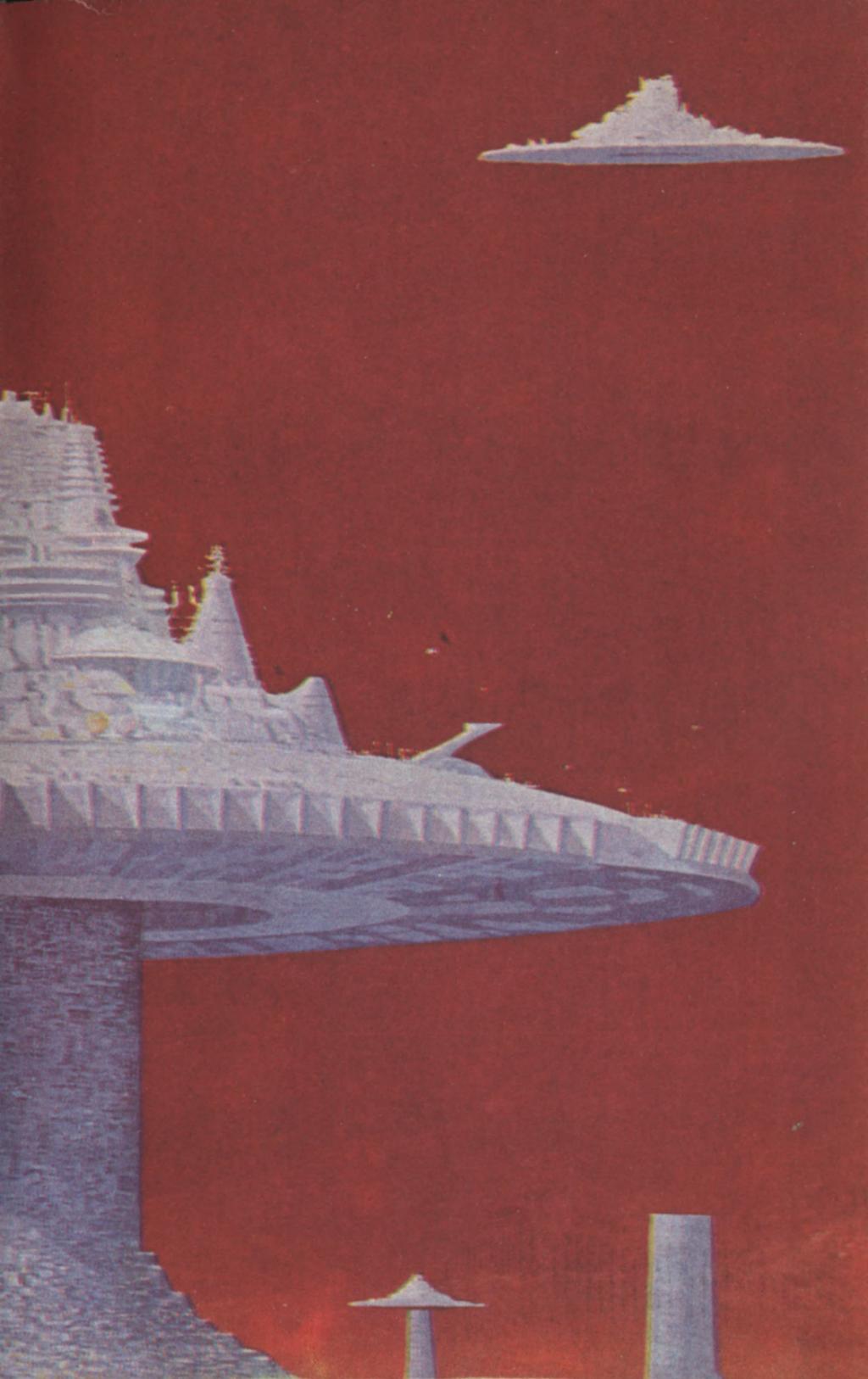
МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

3

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume three

THE CAVES OF STEEL

THE NAKED SUN

«POLARIS» PUBLISHERS
1994

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Книга третья

**СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ОБНАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994**

The Caves of Steel
Copyright © 1954 by Isaac Asimov

The Naked Sun
Copyright © 1957 by Isaac Asimov

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
*перевод на русский язык, оформление,
составление, название серии*

Книга выпущена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

А 4703040100—032 Без объявл.
94

СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ

Глава 1

РАЗГОВОР С КОМИССАРОМ

Hе успел Лайдж Бейли добраться до своего письменного стола, как поймал на себе ожидающий взгляд Р. Сэмми. Строгое вытянутое лицо Бейли сразу как будто окаменело.

— Чего тебе?

— Босс хочет вас видеть. Немедленно. Как только появитесь.

— Хорошо. — Р. Сэмми не двинулся с места. — Я сказал, хорошо. Можешь уходить!

Р. Сэмми круто развернулся и отправился выполнять другие поручения.

«И почему им заменили человека?» — раздраженно подумал Бейли.

Он помедлил, изучая содержимое своего кисета. Прикинул — если выкуривать по две трубки в день, то можно растянуть табак до получения следующей порции.

Затем он вышел из-за барьера — вот уже два года, как он имел право на отгороженный угол, — и прошел через общую комнату к выходу. Симпсон оторвался от своей ртутной картотеки:

— Вас ждет босс, Лайдж.

— Знаю. Р. Сэмми мне уже сказал.

Испещренная перфорацией лента змейкой вилась из миниатюрного прибора, который разыскивал в своей памяти и затем анализировал нужную информацию, хранящуюся в крошечных ячейках с мерцающими капельками ртути.

— Я бы дал пинка под зад этому Р. Сэмми, если б не боялся сломать себе ногу, — сказал Симпсон. — На днях видел Винса Барретта.

— Да?

— Он хотел бы снова работать на прежнем месте. Или на любом другом, лишь бы у нас в департаменте. Бедняга в отчаянии, но что я мог ему посоветовать? Его обязанности уже выполняет Р. Сэмми, и ничего тут не поделать. Малышу сейчас приходится работать на конвейере на дрожжевой фабрике. Смышленый был малый. Всем нравился.

Бейли пожал плечами и сказал несколько строже, чем хотел:

— Сейчас такое время, что подобное с каждым может случиться.

Боссу был положен личный кабинет. На матовом стекле изящными буквами было старательно выгравировано: «Джулиус Эндерби». И чуть пониже: «Комиссар полиции Города Нью-Йорка».

Бейли шагнул внутрь и сказал:

— Вы хотели видеть меня, комиссар?

Эндерби поднял взгляд. Он носил очки, так как его глаза были слишком чувствительны к обычным контактным линзам. Только привыкнув к очкам, можно было разглядеть черты его лица, в которых, впрочем, не было ничего примечательного. Бейли не мог отделаться от мысли, что комиссар ценил свои очки как раз из-за той индивидуальности, которую они ему придавали, и подозревал, что Эндерби несколько лукавил в отношении чувствительности глаз.

Комиссар определенно нервничал. Он разгладил манжеты рубашки, откинулся на спинку стула и с преувеличенно радушностью сказал:

— Присаживайтесь, Лайдж, присаживайтесь.

Бейли неуклюже сел и, внутренне напрягшись, стал ждать.

— Как дела у Джесси? Как сын? — спросил Эндерби.

— Нормально, — сухо ответил Бейли. — Все в порядке. А как ваши?

— Нормально, — эхом отозвался Эндерби. — Тоже в порядке.

Начало показалось неудачным.

«Что-то неладное у него с лицом», — подумал Бейли. Вслух он сказал:

— Комиссар, мне бы не хотелось, чтобы вы посыпали за мной Р. Сэмми.

— Вы знаете мою точку зрения на этот счет, Лайдж. Но его прислали к нам, и я должен его как-то использовать.

— Это неприятно, комиссар. Сообщает, что вы меня ждете, и стоит на месте как вкопанный. Вы понимаете, что я имею в виду. Приходится приказывать ему уйти, иначе он так и будет стоять истуканом.

— О, это моя вина, Лайдж. Я сказал ему, что нужно передать, но забыл напомнить, чтобы после этого он вернулся к своей работе.

Бейли вздохнул. Мелкие морщинки вокруг его темно-карих глаз стали более заметными.

— Прошу учесть на будущее. Вы хотели меня видеть?

— Да, Лайдж, — согласился комиссар, — и по очень серьезному делу.

Эндерби поднялся, подошел к стене позади стола и прикоснулся к незаметному контактному переключателю. Часть стены стала прозрачной. Бейли невольно зажмурился от неожиданно хлынувшего в комнату сероватого света.

Комиссар улыбнулся:

— Я устроил это в прошлом году, Лайдж. Кажется, я вам еще не показывал. Подойдите сюда, взгляните. В былые времена подобные штуки были во всех комнатах. Они назывались окнами. Вы слышали об этом?

Все это Бейли прекрасно знал. Он прочитал немало исторических романов.

— Слышал, — обронил он.

— Подойдите сюда.

Бейли поежился, но все-таки подошел. Было что-то неприличное в этой демонстрации убогости комнаты внешнему миру. Иногда увлечение комиссара медиевизмом доходило до нелепых крайностей.

«Взять хотя бы эти очки», — подумал Бейли.

Так вот оно что! Вот что делало его лицо таким непривычным!

— Простите за любопытство, комиссар. У вас, кажется, новые очки? — спросил Бейли.

Комиссар взглянул на него с удивлением, снял очки, посмотрел на них, затем снова на Бейли. Казалось, его круглое лицо без очков округлилось еще больше, а подбородок обозначился чуть резче. Его взгляд стал более рассеянным, так как все расплывалось перед его глазами.

— Да, — ответил Эндерби. Он снова нацепил очки себе на нос и добавил в сердцах: — Старые я разбил три дня назад, а новые смог раздобыть в этой сумятице только сегодня утром. Эти три дня были для меня сущим адом, Лайдж.

— Из-за очков?

— Не только. К этому я как раз и подхожу.

Он повернулся к окну. Бейли последовал его примеру и был крайне удивлен, обнаружив, что за окном идет дождь. На минуту он забылся, очарованный видом падающих с неба капель, в то время как комиссара прямо распирало от гордости, будто в этом явлении природы была его собственная заслуга.

— Уже третий раз в этом месяце любуюсь дождем. Потрясающее зрелище, как вы находите?

Бейли вынужден был признать, что дождь действительно произвел на него сильное впечатление. За сорок два года своей жизни он редко видел это явление природы, как, впрочем, и любое другое.

— Мне всегда казалось, что вся эта падающая на город вода тратится впустую, — заметил он. — Ее следовало бы собирать в резервуары.

— Вы неисправимый модернист, Лайдж! — воскликнул комиссар. — И в этом ваша беда. В среднюю эпоху люди жили под открытым небом. И не только в сельской местности, но и в городах. Даже в Нью-Йорке. Когда шел дождь, они не думали о нем как о пустой растрате. Они радовались ему. Они были ближе к природе. Это лучше, здоровее. Все проблемы современного человека коренятся в том, что он в разводе с природой. Займитесь как-нибудь на досуге угольным веком.

В свое время Бейли читал об этом. Он слышал, как многие выражали недовольство изобретением атомного

реактора. Он и сам сетовал на это, когда уставал или когда что-то не ладилось. Человек всегда чем-то недоволен. В угольном веке люди ворчали по поводу изобретения парового двигателя. В одной из пьес Шекспира герой возмущался тем, что кто-то изобрел порох. А через тысячу лет найдутся такие, что будут недовольны изобретением позитронного мозга. Пошло оно все к черту!

— Послушайте, Джулиус... — решительно начал Бейли. (Обычно он не позволял себе фамильярничать с комиссаром в рабочие часы, сколько бы тот ни обращался к нему просто по имени, но что-то в сегодняшнем разговоре, казалось, тянуло его перейти на более доверительный тон.) — Послушайте, Джулиус, чего вы ходите вокруг да около? Можно подумать черт знает что. Скажите, наконец, в чем дело? Зачем вы меня вызвали?

— Не спешите, Лайдж. Я непременно открою вам тайну. Позвольте только сделать это так, как я задумал. У нас... неприятности.

— Еще бы. Ничего другого на этой планете и не происходит. Опять что-нибудь с роботами?

— В некотором роде, да. Лайдж, я вот стою здесь и думаю: интересно, сколько еще бед сможет вместить в себя этот старый мир? С тех пор как я установил окно, я не просто время от времени впускаю сюда небо, я впускаю Город. Я смотрю на него и спрашиваю себя: что станет с ним еще лет через сто?

Бейли почувствовал отвращение к сентиментальности босса, но тут же обнаружил, что сам смотрит в окно с восхищением. Даже в такую погоду Город представлял собой грандиозное зрелище. Департамент полиции находился на верхних этажах здания муниципалитета, самого высокого в Городе. Из окна комиссара видны были верхушки соседних шпилей и башен, похожих на устремленные ввысь пальцы огромной руки. Стены зданий были совершенно гладкими и глухими — внешние оболочки человеческих ульев.

— Вообще-то жаль, что идет дождь, — сказал комиссар. — Мы не сможем увидеть Космотаун.

Бейли взглянул на запад. Комиссар был прав. Горизонта не было видно. Очертания нью-йоркских башен

становились вдали все более расплывчатыми, а затем и вовсе исчезали в невыразительной серой мгле.

— Я знаю, как выглядит Космотаун, — отозвался Бейли.

— Мне нравится его вид отсюда. Он едва различим в промежутке между двумя секторами Брунсвика. Растянувшись вширь купола... В этом мы и отличаемся от космонитов. Мы стремимся вверх и стараемся прижаться друг к другу как можно теснее. У них же каждая семья имеет свой собственный купол. Одна семья — один дом. А между ними участки земли. Вы когда-нибудь разговаривали с космонитом, Лайдж?

— Приходилось несколько раз. Месяц назад я разговаривал с одним прямо отсюда, по вашей селекторной связи.

— Да, я помню. Меня просто распирает пофилософствовать. Мы и они. Разные образы жизни.

Бейли почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугой узел. «Чем изворотливее предисловие комиссара, — подумал он, — тем ужаснее может быть заключительная часть».

— Да, конечно, — проговорил он. — Но что в этом удивительного? Не можете же вы расселить восемь миллиардов людей по Земле в маленьких куполах. А у космонитов на их мирах хватает места, вот и пусть живут, как привыкли.

Комиссар подошел к своему креслу и сел. Его глаза, немного уменьшенные вогнутыми линзами очков, не мигая смотрели на Бейли.

— Не все так терпимы к различиям в образе жизни. Ни среди нас, ни среди космонитов, — заметил он.

— Хорошо. И что из этого?

— А то, что три дня назад умер космонит.

Ну вот, начинается. Впечатление, произведенное словами комиссара, не отразилось на печальном лице Бейли. Лишь чуть-чуть дрогнули уголки его тонких губ.

— Очень жаль. Надеюсь, что-нибудь не слишком серьезное. Какой-нибудь вирус или простуда?

Комиссар с недоумением взглянул на него:

— О чём это вы?

Бейли не собирался тратить время на объяснения. Всем была хорошо известна педантичность, с которой

космониты искореняли болезни в своем обществе. Еще более известна была тщательность, с которой они избегали, насколько это было возможно, контактов с землянами, переносчиками тысяч болезней. Но сарказм, видимо, комиссар вообще не улавливал.

— Так, ни о чем. Отчего же он умер?

Бейли снова повернулся к окну.

— Он умер оттого, что у него оторвало грудь. Кто-то расправился с ним при помощи бластера.

Бейли окаменел.

— Вы о чем говорите? — воскликнул он, не оборачиваясь.

— Я говорю об убийстве, — негромко сказал комиссар. — Вы сыщик и знаете, что такое убийство.

Только теперь Бейли смог повернуться:

— Но ведь убит космонит! Три дня назад, говорите?

— Да.

— Кто это сделал? Как?

— Космониты говорят, что убийца — землянин.

— Не может быть.

— Отчего же? Вам космониты не нравятся. Мне тоже. Да какому землянину они нравятся? Кто-то немного переборщил в своей ненависти к ним, вот и все.

— Все это так, но...

— На фабриках Лос-Анджелеса были пожары. В Берлине громили роботов. По Шанхаю прокатилась волна беспорядков.

— И что же?

— Все это свидетельствует о растущем недовольстве. Может быть, даже о существовании какой-нибудь организации.

— Я вас не понимаю, комиссар. Уж не проверяете ли вы меня?

— Что?

Во взгляде комиссара отразилось искреннее недоумение.

Пристально глядя в лицо босса, Бейли сказал:

— Три дня назад убили космонита. В Космотауне считают, что убийца — землянин. И до сих пор все тихо. Верно? — Пальцы Бейли пробежались по столу. — Комиссар, но это же невероятно. Думаю, если бы

что-либо подобное действительно произошло, Нью-Йорк давно бы стерли с лица Земли.

— Не так-то все просто. — Комиссар покачал головой. — Послушайте, Лайдж, меня не было здесь три дня. Я встречался с мэром. Я был в Космотауне. Вылетал в Вашингтон для разговора во Всепланетном бюро расследований.

— Да? И что говорят всепланетчики?

— Говорят, что расхлебывать эту кашу придется нам. Преступление совершено в пределах Города. Космотаун находится под юрисдикцией Нью-Йорка.

— Обладая, однако, экстерриториальными правами.

— Знаю. К этому я сейчас и подхожу.

Комиссар опустил глаза под твердым взглядом Бейли. Казалось, его вдруг разжаловали, и он вел себя так, будто был просто-напросто напарником Бейли.

— Космониты сами могут вести расследование, — заметил тот.

— Погодите, Лайдж, — в голосе комиссара послышались умоляющие нотки. — Не напирайте на меня. Я хотел бы обсудить это с вами, как с другом. Поймите мое положение. Я был там, когда это произошло. У меня была назначена с ним встреча. С Роджем Наменну Сартоном...

— С жертвой?

— С жертвой, — простонал комиссар. — Еще каких-нибудь пять минут, и я лично обнаружил бы труп. Какой бы это был ужас! И без того все было чудовищно, просто чудовищно. Меня встретили космониты и сообщили о произошедшем. С этого и начался мой трехдневный кошмар. Я уж не говорю о том, что у меня перед глазами все расплывалось, так как совершенно не было времени заменить очки. Ну да хоть это-то больше не повторится: я заказал себе сразу три пары.

Бейли живо представил себе, как все было. Вот к комиссару приближаются высокие белокурые космониты и со свойственным им хладнокровием, без всяких прикрас выкладывают ему новости. Джулиус снимает очки и начинает их протирать. Потрясенный случившимся, он конечно же роняет их и беспомощно смотрит на разлетевшиеся осколки. Его мягкие полные губы подрагивают. Бейли был абсолютно уверен, что по меньшей

мере пять минут комиссар гораздо больше был обеспокоен утратой очков, чем убийством.

Комиссар продолжал говорить.

— Чертовское положение. Как вы говорите, космониты обладают экстерриториальными правами. Они вполне могут настоять на проведении собственного расследования и сообщить своим правительствам все, что пожелаю. Внешние Мирры могут воспользоваться этим, чтобы потребовать с нас непомерную компенсацию. Вы прекрасно знаете, какую реакцию это вызовет у населения.

— Согласиться платить для Белого дома было бы равносильно политическому самоубийству.

— А не платить — тоже самоубийство, только другого рода.

— Я понимаю, чем может грозить сложившаяся ситуация, — сказал Бейли.

Он был еще маленьким мальчиком, когда сверкающие космолеты с Внешних Миров последний раз высаживали своих солдат в Вашингтоне, Нью-Йорке и Москве, чтобы забрать то, что, как они считали, принадлежит им по праву.

— Значит, вы и сами понимаете: платить или не платить — результат один и тот же. Единственный выход — собственными силами найти убийцу и передать его космонитам. Все зависит от нас.

— А почему бы не передать это дело ВБР? Даже если с точки зрения законников оно в сфере наших полномочий, то ведь здесь встает вопрос межзвездных отношений...

— ВБР к этому не притронется. Дело свежее и как раз по нашей части. — На мгновение комиссар поднял глаза и пристально посмотрел на своего подчиненного. — И вообще, положение скверное, Лайдж. Мы все рискуем остаться без работы.

— Заменить нас всех?! Как бы не так! Где они найдут профессионалов?

— Не забывайте, что существуют роботы, — возразил комиссар.

— Что?

— Р. Сэмми — это только начало. Он просто на побегушках. Но такие, как он, вполне могут патрулиро-

вать экспресс-дороги. Почему бы нет? Черт побери, старина, я лучше вас знаю космонитов и представляю, чем они сейчас занимаются. Существуют роботы, которые могут выполнять и нашу с вами работу. И вас и меня могут просто деклассифицировать, поверьте мне. А пополнять в нашем возрасте ряды безработных...

— Ладно. Хватит, — резко оборвал его Бейли.

— Простите, Лайдж, — смущаясь, сказал комиссар.

Бейли кивнул, стараясь не думать о своем отце. Комиссар, конечно, знал эту давнюю историю.

— Когда началась вся эта кампания по замене кадров? — спросил Бейли.

— Послушайте, Лайдж. Не прикидывайтесь таким наивным. Она идет постоянно вот уже двадцать пять лет, с тех пор как на Земле появились космониты. И вы это знаете. Просто она начинает забираться выше, вот и все. Если мы завалим это дело, то и нам не видать пенсионных книжек как своих ушей. С другой стороны, Лайдж, если мы окажемся на высоте, возможность такой неприятности отодвинется в далекое будущее. И особенно хороший шанс продвинуться по службе был бы у вас.

— У меня?

— Вы поведете расследование, Лайдж.

— Мой класс не дает мне на это права, комиссар. Я всего лишь С-5.

— Но хотите получить С-6, не так ли?

Что за вопрос! Еще бы! Бейли хорошо знал, какие привилегии давал класс С-6. Сидячее место в экспрессе не только с десяти до четырех, но и в часы пик. Большой выбор блюд в столовых. Может быть, даже более благоустроенная квартира и пропуск в солярий для Джесси.

— Хочу, конечно, — ответил Бейли. — Почему бы и нет? Но что будет, если я не смогу раскрыть это преступление?

— Вы его раскроете, Лайдж, — вкрадчиво подбодрил комиссар. — Вы хороший сыщик. Один из лучших в нашем департаменте.

— Но у нас в отделении немало парней с более высоким классом. Почему вы обходите их?

Хотя Бейли не высказал своей мысли вслух, его поведение недвусмысленно говорило о том, что он понимал: подобное нарушение заведенного порядка комиссар допускал только в чрезвычайных обстоятельствах.

Комиссар сложил руки на груди.

— На это есть две причины. Для меня, Лайдж, вы не просто один из сотрудников. Мы еще и друзья. Я помню, что мы вместе учились в колледже. Иногда может показаться, что для меня это не имеет никакого значения, но во всем виновата разница в положении. Я — комиссар, а вы знаете, что это такое. Тем не менее я считаю себя вашим другом. Вот сейчас появился прекрасный шанс для достойного человека, и я хочу, чтобы им воспользовались именно вы.

— Это одна из причин, — холодно заметил Бейли.

— Вторая заключается в том, что, как мне кажется, вы тоже расположены ко мне по-дружески. Окажите мне услугу.

— Какую услугу?

— Я хочу, чтобы вы взяли себе в напарники космонита. Это условие поставили в Космотауне. Они согласились не сообщать об убийстве и оставить расследование в наших руках. Но при этом они настаивают на том, чтобы один из их агентов участвовал в этом предприятии от начала до конца.

— Похоже, они нам все-таки не доверяют.

— В том-то все и дело. Если преступление не будет раскрыто, им придется отвечать перед своими правительствами. Пусть не доверяют, Лайдж. Мне хочется верить, что у них нет дурных намерений.

— Наверняка нет. В том-то вся и беда.

Последнее замечание Бейли явно озадачило комиссара, но он не стал заострять на нем внимания.

— Так вы согласны взять в напарники космонита, Лайдж?

— Вы просите об этом как об услуге?

— Да, я прошу вас взяться за это дело, выполняя все условия космонитов.

— Я буду работать с космонитом, комиссар.

— Спасибо, Лайдж. Но... ему придется жить у вас.

— Постойте, постойте...

— Я все понимаю, Лайдж. Но ведь у вас большая квартира. Целых три комнаты. И только один ребенок. Вы вполне сможете поселить его у себя. У вас не будет с ним никаких хлопот, абсолютно никаких. К тому же это просто необходимо.

— Джесси это не понравится, я уверен.

— Скажите Джесси, — комиссар смотрел на Бейли так пристально, что, казалось, его взгляд просверлит стекла очков, — скажите ей, что, если вы сделаете это для меня, я приложу все усилия, чтобы вы получили сразу С-7. С-7, Лайдж!

— Хорошо, комиссар, по рукам.

Бейли уже начал было подниматься со своего стула, но что-то в выражении лица Эндерби заставило его сесть снова.

— Еще что-нибудь?

Комиссар медленно кивнул:

— Есть еще одно обстоятельство.

— Какое?

— Имя вашего партнера.

— Какое это имеет значение?

— У космонитов странные методы работы, — проговорил комиссар. — Помощник, которого они вам дают, не... не...

Глаза Бейли широко раскрылись.

— Минуту!

— Вы должны, Лайдж. Должны. Другого выхода нет.

— Поселить в своей квартире? Такое?

— Пожалуйста! Прошу вас как друга!

— Нет и еще раз нет!

— Лайдж, я не могу посвятить в это дело никого другого. Неужели вы этого не понимаете? Мы должны работать с космонитами. И нам во что бы то ни стало надо добиться успеха, если мы хотим удержать корабли Внешних Миров вдали от Земли. Но ведь у нас ничего не получится, если будем работать старыми методами. Вам придется сотрудничать с их Р'ом. И если преступление раскроет он, если у него будет повод объявить о нашей некомпетентности, нам конец. Нам как департаменту. Так что задача у вас очень деликатная. Работать вы будете в паре с ним, но убийцу должны найти вы, а не он. Понимаете?

— Вы хотите сказать, что мне нужно сотрудничать с ним на все сто процентов и в то же время не упустить случая, чтобы перерезать ему горло? Похлопывать его по плечу, держа наготове нож?

— Что делать? Другого выхода нет.

Лайдж Бейли стоял в нерешительности.

— Не знаю, что скажет Джесси.

— Если хотите, я могу поговорить с ней.

— Нет, комиссар. Не надо. — Бейли сделал глубокий вздох. — Как зовут моего напарника?

— Р. Дэниел Оливо.

— Сейчас не время для эвфемизмов, комиссар, — с грустью проговорил Бейли. — Я берусь за эту работу, так что давайте называть его полным именем. Робот Дэниел Оливо.

Глава 2

ПОЕЗДКА НА ЭКСПРЕССЕ

На экспресс-линии, как обычно, было полно народу. На нижнем ярусе ехали стоячие пассажиры, наверху — те, кто обладал правом на сидячие места. Нескончаемый людской поток выливался из экспресса, пересекал замедляющиеся полосы, направляясь к местным линиям или неподвижным платформам, и оттуда устремлялся под арки или через мосты в бесконечные лабиринты жилых секторов Города. Другой поток, столь же непрерывный, пробивался с противоположной стороны через ускоряющиеся полосы к экспресс-дороге.

Вокруг сверкали сотни огней: фосфоресцирующие стены и потолки заливали пространство холодным ровным светом; яркие рекламы привлекали внимание прохожих; резали глаза длинные, похожие на червей указатели: «К СЕКТОРАМ ДЖЕРСИ», «К МАРШРУТНОЙ СЛУЖБЕ ИСТ-РИВЕР СЛЕДОВАТЬ ПО СТРЕЛКАМ», «ВЕРХНИЙ ЯРУС — ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ К СЕКТОРАМ ЛОНГ-АЙЛЕНДА». Всюду стоял неотделимый от жизни большого Города шум: говор, смех, кашель, крики, гудение, дыхание миллионов людей.

«Нигде ни одного указателя к Космотауну», — подумал Бейли. Он переходил с одной полосы на другую с легкостью человека, привыкшего делать это всю свою жизнь. (Едва научившись ходить, дети тут же начинали «скакать по полосам».) С каждым шагом скорость Бейли увеличивалась, но он почти не чувствовал толчков ускорения. Он даже не замечал, что в противодействие ускорению наклонялся вперед. В полминуты он достиг последней, идущей со скоростью шестьдесят миль в час

полосы и теперь мог шагнуть на огражденную перилами застекленную движущуюся платформу — экспресс-линию.

«Ни одного указателя к Космотауну», — снова подумал Бейли. Да и не нужно никаких указателей. Если у тебя в Космотауне дело, значит, ты знаешь, как туда добраться. А если ты этого не знаешь, то и делать тебе там нечего.

Когда около двадцати пяти лет назад возник Космотаун, появилась идея устроить из него что-то вроде городской достопримечательности. Толпы горожан осаждали поселок космонитов.

Космониты положили этому конец. Вежливо (они всегда были вежливы), но довольно бесцеремонно они воздвигли между собой и Городом силовой барьер и создали ведомство, совмещающее функции эмиграционной службы и таможни. Если у кого-то действительно было какое-то дело в Космотауне, он предъявлял удостоверение личности, мирился с тем, что его обыскивали, и соглашался на медицинский осмотр и дезинфекцию.

Это вызвало бурю негодования. Еще бы! Возмущения были больше, чем того заслуживало нововведение. Оно оказалось серьезной помехой в осуществлении программы модернизации.

Бейли хорошо помнил Барьерные бунты. Он сам был среди тех, кто свисал с экспресс-дороги, держась за поручни, невзирая на ранги, занимал места на верхних ярусах, отчаянно носился вдоль и поперек полос, рискуя сломать себе шею, и двое суток находился у самого барьера, выкрикивая лозунги и уничтожая городскую собственность просто из чувства разочарования и безысходности.

При желании Бейли мог бы даже вспомнить слова песенок того времени. Одной из них была «На матушке-Земле мы, люди, рождены, слышишь?» со странным рефреном «хинки-динки-парле-ву», положенным на мотив старой народной песни.

На матушке-Земле мы, люди, рождены, слышишь?
Земля — наш дом родной, что все понять должны,
слышишь?

Непрошеных гостей спровадим поскорей.
Ты не найдешь среди землян друзей,
Эй, грязный космонит, ты слышишь?

По Городу ходили сотни песенок. Некоторые были остроумны, большинство — глупы, многие были просто непристойны. Однако все они заканчивались словами: «Грязный космонит, ты слышишь?» Грязный, грязный... Это была тщетная попытка отплатить космонитам за то, что они считали всех жителей Земли разносчиками опаснейших болезней.

Конечно, космониты не покинули Землю. Им даже не пришлось пускать в ход свое наступательное оружие. Пилоты безнадежно устаревшего земного флота давно уже убедились, что приблизиться к любому из кораблей Внешнего Мира было равносильно самоубийству. Самолеты землян, отважившиеся пролететь над территорией Космотауна еще в самом начале его существования, попросту бесследно исчезали. На Земле в лучшем случае находили искромсаные части их крыльев.

И никакая толпа не могла обезуметь настолько, чтобы забыть действие субэфирных «руколомок», которые применялись в войнах с землянами еще за сто лет до Барьерных бунтов.

Вот так космониты и отсиживались за своим барьером, который невозможно было разрушить земными средствами, и хладнокровно ждали, пока городские власти не утихомирят толпу недовольных, что те и сделали с помощью снотворного пара и рвотного газа. Впоследствии подземные тюрьмы были переполнены зачинщиками, недовольными и теми, кто просто попался под горячую руку. Впрочем, скоро их всех освободили.

Спустя некоторое время космониты смягчили свои ограничения. Барьер убрали, а охрану границ Космотауна доверили городской полиции. Но самое главное, медосмотр стал не таким оскорбительным.

«Теперь, — подумал Бейли, — история может повториться. Если космониты всерьез считают, что убийство совершил пробравшийся в Космотаун землянин, они могут снова установить барьер. А это ничего хорошего не сулит».

Он поднялся на платформу экспресс-дороги, протолкался к узкой винтовой лестнице сквозь строй стоящих пассажиров и, взобравшись по ней на верхний ярус, занял одно из сидячих мест. Он не стал предъявлять

свою служебную карточку, пока экспресс не вышел за пределы секторов Гудзона. Класс С-5 не давал права на кресло в экспрессе восточнее Гудзона и западнее Лонг-Айленда и, хотя свободных мест было довольно много, его могли попросить перейти на нижний ярус. В том, что касалось привилегий, люди становились все более щепетильными, и, сказать по правде, Бейли и сам был таким же.

Обтекая изогнутые ветровые стекла, укрепленные на спинках кресел, воздух издавал характерный свистящий звук. Разговаривать при таком шуме было задачей не из легких, но думать он не мешал, если привык к нему с детства.

Большинство землян так или иначе были медиевистами. Быть медиевистом легко, если подразумевать под этим ностальгическое созерцание тех давних времен, когда Земля была единственным миром, а не одним из пятидесяти, к тому же не самым лучшим из них. Бейли резко повернулся вправо на истощный крик женщины. Одна из пассажирок обронила свою сумочку; на мгновение Бейли увидел ее нежно-розовое пятнышко на унылой серой полосе. Должно быть, какой-то пассажир, спешивший сойти с экспресс-линии, нечаянно выбил ее на замедляющуюся полосу, и теперь сумочка и ее владелица неслись в разные стороны.

Бейли криво усмехнулся. Женщина могла бы догнать ее, хвати у нее сообразительности поспешить к более медленной полосе. Но, увы!.. Бейли так и не узнал, нашла она сумочку или нет: от места происшествия его уже отделяли добрых полмили.

Скорее всего, нет. По статистике в городе каждые три минуты кто-нибудь что-нибудь ронял на полосу и больше никогда не находил. Наладить работу департамента находок было чрезвычайно сложно. Еще одна проблема современной жизни.

«Когда-то было проще, — подумал Бейли. — Все было проще. Это-то и делает людей медиевистами».

Медиевизм принимал различные формы. Для лишенного воображения Джгулиуса Эндерби он означал увлечение старинными вещами — очками, моноклями. Для Бейли он заключался в изучении истории, особенно истории обычав и нравов людей.

Взять хотя бы нынешний Нью-Йорк. Город, в котором он жил, которому принадлежало все его сердце. По площади его превосходил лишь Лос-Анджелес, а по численности населения он уступал только Шанхаю. А ведь ему было всего триста лет.

Конечно, что-то и прежде существовало на том же самом географическом пространстве и тоже называлось Нью-Йорком. То примитивное поселение насчитывало три тысячи, а не триста лет, но оно не было Городом в полном смысле слова.

Тогда вообще не было настоящих Городов. Были лишь беспорядочные, большие и малые, нагромождения жилищ под открытым небом. Они чем-то напоминали купола космонитов, хотя, конечно, сильно от них отличались. Тысячи таких нагромождений (население самых крупных из них едва достигало десяти миллионов, большинство же не насчитывало и миллиона) были рассеяны по всей Земле. По современным меркам, они были совершенно неэффективны с экономической точки зрения.

С ростом населения на Земле возникла необходимость более разумного устройства городов. Ценой постоянного снижения уровня жизни планета могла прокормить два миллиарда человек, три и даже пять. Однако, когда численность населения достигла восьми миллиардов, полуголодное существование стало реальной проблемой, от которой просто так не отмахнешься. В жизни человечества неизбежно должна была произойти радикальная перемена, особенно когда оказалось, что Внешние Миры, тысячелетие назад бывшие всего лишь колониями Земли, начали всерьез подумывать о введении строгих эмиграционных ограничений.

Радикальная перемена состояла в постепенном образовании городов современного типа. Этот процесс занял тысячу лет земной истории. Необходимость укрупнения городов диктовалась целесообразностью. Возможно, чисто интуитивно это поняли еще в среднюю эпоху. Кустарный промысел уступил место фабрикам, а фабрики — межконтинентальной индустрии.

Подумать только, как неразумно содержать сто тысяч домов для сотни тысяч семей в сравнении с одним жилым сектором на сто тысяч квартир; а что такое домашняя библиотека по сравнению с централизован-

ным хранилищем книгофильмов, индивидуальный телевизор по сравнению с системой видеоканалов? Если на то пошло, взять хотя бы наивную глупость бесконечного дублирования кухонь и ванных в каждом доме. Разве могут они сравниться с автоматизированными блоками столовых и душевых, которые появились с развитием современной городской цивилизации!

Все больше и больше старых городов, поселков и деревень на Земле поглощалось современными Городами. Даже угроза атомной войны лишь замедлила этот процесс. Но с изобретением силового щита он приобрел еще больший размах.

Современная городская культура означала оптимальное распределение пищевых продуктов и возрастающее применение дрожжей и гидропоники. Нынешний Нью-Йорк раскинулся на двух тысячах квадратных милях, и по последней переписи численность его населения значительно превышала двадцать миллионов. На Земле было около восьмисот Городов, в каждом из которых проживало в среднем по десять миллионов человек.

Каждый Город стал полуавтономной единицей, почти самостоятельной экономически. Он покрыл себя сводом, оградился со всех сторон, зарылся глубоко в землю. Город превратился в стальную пещеру — громадную замкнутую пещеру из стали и бетона.

Внутренняя планировка Города была тщательно продумана. В центре находился гигантский комплекс административных зданий. В строгой соотнесенности друг с другом и по отношению к целому располагались огромные жилые секторы, соединенные экспресс-дорогой и местными линиями. На окраинах размещались фабрики, гидропонные заводы, цистерны с дрожжевыми культурами и силовые станции. Во все это были вплетены водопроводы и канализационные сети, школы, тюрьмы, электролинии и линии лучевой коммуникации.

Без сомнения, Город являл собой наивысшее проявление господства человечества над окружающей средой. Не космические полеты, не те пятьдесят миров, которые теперь так кичились своей независимостью, а именно Город.

Практически никто из населявших Землю людей не жил за пределами Городов, где под открытым небом, один вид которого приводил горожанина в замешательство, простирались незаселенные пространства. Конечно, без этих пространств было не обойтись. Именно там добывалась необходимая человеку вода, уголь и древесина, являвшаяся основным сырьем для пластиков и вечнорастущих дрожжевых культур. (Нефть на Земле уже давно была израсходована, но ее прекрасно заменили богатые маслами штаммы дрожжей.) Эти пространства продолжали использовать, причем в большей степени, чем думало большинство людей. Там все еще работали шахты, выращивали пищевые продукты и откармливали скот. Такое производство продовольствия было неэффективно, но натуральное мясо и хлеб всегда находили спрос на рынке деликатесов, и, кроме того, их экспортировали на другие планеты.

Однако, для того чтобы управлять шахтами и водонасосными станциями, а также вести хозяйство на фермах, требовалось совсем мало людей. К тому же контроль за всеми этими объектами мог осуществляться с большого расстояния. Работы справлялись с работой лучше и требовали меньшего.

Работы! Какая ирония судьбы! Именно на Земле изобрели позитронный мозг, и именно на Земле роботов впервые стали использовать на производстве. На Земле, а не на Внешних Мирах. Хотя Внешние Миры всегда вели себя так, будто роботы были порождением их цивилизации. Правда, надо признать, что своей высшей точки развития роботы достигли именно на Внешних Мирах. Здесь, на Земле, уделом роботов всегда оставались шахты и фермы. Только в последнюю четверть века они стали постепенно проникать в Города, да и то под нажимом космонитов.

Города были всем хороши. Всякий, кто не был медиевистом, знал, что альтернативы им нет, во всяком случае, разумной альтернативы. Единственная беда была в том, что они не могли оставаться такими вечно. Население Земли по-прежнему росло. Рано или поздно, несмотря на все свои преимущества, Города могли оказаться не в состоянии обеспечить каждого своего жителя необходимым количеством калорий.

Положение усугублялось тем, что потомки первых эмигрантов с Земли, космониты, жили в прекрасных условиях на своих малонаселенных, набитых роботами мирах. Они были полны решимости сохранить тот комфорт, который давал им простор их миров, и с этой целью ограничивали как уровень рождаемости у себя, так и приток эмигрантов с перенаселенной Земли. А потому...

Скоро Космотаун!

Бейли как будто что-то подтолкнуло; он понял, что приближается к сектору Нью-Арк. Задержись он на долю секунды, и экспресс умчал бы его совсем в другую сторону, на юго-запад, к сектору Трентон, в глубь теплого, пахнущего плесенью царства дрожевой индустрии.

Все дело было в том, чтобы правильно рассчитать время. Пару минут на то, чтобы спуститься вниз и протиснуться вдоль перил к выходу и пересечь замедляющиеся дорожки. Проделав все это, он оказался как раз у нужного ему перехода. Он действовал автоматически, не задумываясь, иначе наверняка бы промахнулся.

Бейли очутился в непривычном для себя почти полном одиночестве. Кроме него внутри станции находился лишь один полицейский. Гнетущую тишину нарушал только шелест экспресс-линии.

Бейли поспешил предъявил подошедшему полицейскому свое удостоверение, и тот отсалютовал, разрешая ему пройти.

Переход к Космотауну постепенно сужался, несколько раз резко сворачивая то вправо, то влево. Такая конфигурация была явно не случайна. Толпы землян не могли бы здесь развернуться, и, кроме того, в подобном переходе невозможно было бы организовать прямое нападение.

Бейли был рад, что по договоренности место его встречи с напарником находилось по эту сторону от Космотауна. Ему совсем не улыбалась мысль о прохождении медосмотра, сколько бы ни говорили о вежливости, с которой он проводился.

Возле ряда дверей, за которыми под открытым небом раскинулись купола Космотауна, стоял космонит. Одет он был по-земному: на нем были расклешенные книзу

брюки с тесьмой по бокам и обычная текстроновая рубашка с открытым воротом, швами-молниями и гофрированными рукавами. В том, как он стоял, в его манере держать голову, в спокойном бесстрастном выражении его широкого скуластого лица, в его аккуратно подстриженных бронзовых волосах, гладко зачесанных назад без пробора, было что-то отличавшее его от настоящего землянина.

Бейли подошел к нему деревянной походкой и голосом, лишенным всякой выразительности, представился:

— Я сыщик Элайдж Бейли, департамент полиции Города Нью-Йорка, класс С-5. — Предъявив свое удостоверение, он продолжил: — Мне поручено встретить здесь Р. Дэниела Оливо. — Бейли взглянул на часы. — Я приехал чуть раньше назначенного времени. Могу я попросить, чтобы объявили о моем прибытии?

Ему было не по себе. К земным моделям роботов он уже немного привык. Модель же космонитов наверняка будет иной. Бейли никогда не сталкивался с их роботами, но на Земле не было истории известнее, чем пересказывавшиеся шепотом ужасы о страшных роботах, совершивших немыслимое на далеких сверкающих Внешних Мирах. Бейли невольно стиснул зубы.

— В этом нет необходимости. Я уже жду вас, — ответил космонит, вежливо выслушав его.

Рука Бейли непроизвольно поднялась и тут же опустилась. То же самое проделал его подбородок; казалось, он стал еще длиннее, чем обычно. Бейли не мог выдавить из себя ни звука. Слова застыли у него на губах.

— Я должен представиться, — продолжал космонит. — Меня зовут Р. Дэниел Оливо.

— Да? Я не ослышался? Мне показалось, первая буква...

— Именно так. Я робот. Разве вас не предупредили?

— Предупредили. — Бейли поднес влажную ладонь к волосам и стал заглаживать их назад, в чем в тот момент не было совершенно никакой необходимости. Затем он протянул руку роботу: — Извините, мистер Оливо. Я как-то не ожидал... Добрый день. Я — Элайдж Бейли, ваш напарник.

— Хорошо. — Робот стал сжимать руку Бейли с плавно возрастающей силой, которая достигла величины «приятного дружеского рукопожатия» и ослабла. — И все же, мне кажется, вас что-то беспокоит. Пожалуйста, будьте со мной откровенны. В таких отношениях, как наши, лучше всего быть друг с другом как можно искреннее. Кроме того, у нас принято, чтобы коллеги называли друг друга по имени. Я полагаю, это не противоречит вашим обычаям?

— Видите ли, все дело в том, что вы совсем не похожи на робота, — в растерянности проговорил Бейли.

— И это вас беспокоит?

— Я понимаю, что это глупо, Дэ... Дэниел. Ваши роботы все такие, как вы?

— У нас есть индивидуальные различия, Элайдж, как и у людей.

— Земные роботы... Ну, когда встречаешь нашего робота, сразу видно, что это робот. А вы выглядите совсем как космонит.

— А, понимаю. Вы ожидали увидеть довольно грубую модель и поэтому удивились. Но если мы хотим избежать неприятностей, в этом деле логично использовать робота с ярко выраженным гуманоидными чертами. Разве не так?

Это было, конечно, так. Явный робот, шатающийся по Городу, быстро попал бы в беду.

— Вы правы, — ответил Бейли.

— Ну что ж, пойдемте, Элайдж.

И они отправились к экспресс-линии.

Р. Дэниел сразу понял назначение ускоряющихся полос и начал передвигаться по ним умело и быстро. Бейли, сперва старавшийся идти помедленнее, закончил тем, что с каким-то непонятным раздражением начал двигаться все быстрее и быстрее.

Робот не отставал. Он не проявлял никаких признаков усталости. «Интересно, — подумал Бейли, — может, Р. Дэниел намеренно двигается медленнее, чем мог бы». Они подошли к одному из вагонов бесконечной экспресс-дороги, и Бейли вскочил в него с безумной бесшабашностью. Робот с легкостью проделал то же самое. Бейли покраснел, дважды слготнул и сказал:

— Я останусь с вами здесь, внизу.

— Внизу? — переспросил робот. Он явно не замечал ни шума, ни ритмичного покачивания платформы. — Разве моя информация неверна? Мне говорили, что при определенных обстоятельствах класс *C-5* дает право на сидячее место верхнего яруса.

— Все правильно. Я могу подняться туда, а вы — нет.

— Почему мне нельзя подняться вместе с вами?

— Для этого нужно обладать классом *C-5*, Дэниел.

— Мне это известно.

— Но у вас его нет.

Говорить было трудно. Свист врывающегося воздуха на менее защищенном нижнем ярусе был громче, а Бейли по вполне понятным причинам старался не повышать голоса.

— Почему вы думаете, что нет? Я ваш коллега и, значит, должен быть одного с вами класса. Мне дали вот это.

Из внутреннего кармана рубашки он достал абсолютно подлинное на вид удостоверение. В нем значилось: «Дэниел Оливо, класс *C-5*. Инициала, имевшего первостепенное значение, естественно не было.

— Тогда идемте наверх, — без всякого выражения произнес Бейли.

На втором ярусе он сел и уставился прямо перед собой, злой на самого себя, да к тому же чувствующий неловкость от присутствия сидящего рядом робота. Он уже дважды сел в лужу: сначала не распознал в Р. Дэниеле робота, потом не сообразил, что Р. Дэниелу для выполнения его задания обязаны были дать класс *C-5*.

Дело в том, что Бейли вовсе не походил на образ легендарного сыщика из популярных книгофильмов. Он не был идеалом хладнокровия и сообразительности, его способность примеряться к любым обстоятельствам была не безгранична, а о холодной невозмутимости и непроницаемом спокойствии оставалось только мечтать. Бейли никогда и не думал, что должен обладать всеми этими качествами и никогда не жалел об их отсутствии. Не жалел, пока не встретился с Р. Дэниелом Оливо, потому что тот, по всей видимости, как раз и был воплощением всего этого. А как же иначе? Ведь он — робот.

Бейли начал искать себе оправдание. Он привык к таким роботам, как Р. Сэмми из их отдела. И ожидал встретить существа с кожей из твердого блестящего пластика какого-то мертвенно-бледного цвета. Он ожидал увидеть в его глазах застывшее выражение нереального бессмысленного счастья. Думал, что движения его будут отрывистыми и слегка неуверенными.

Ничего подобного в Р. Дэниеле не было.

Бейли отважился искоса взглянуть на робота. В тот же миг Р. Дэниел повернул голову, встретил его взгляд и серьезно кивнул. Когда он говорил, его губы двигались естественно, а не оставались все время полуоткрытыми, как у земных роботов. Время от времени можно было даже увидеть, как шевелился кончик языка.

«Как он может оставаться таким спокойным? — подумал Бейли. — Ведь для него все должно быть совершенно непривычным. Шум, огни, толпы людей!»

Бейли поднялся, проскользнул мимо Р. Дэниела и на ходу бросил:

— Идите за мной!

Они сошли с экспресс-линии и двинулись по замедляющимся полосам.

«Боже праведный, что же я все-таки скажу Джесси?» — подумал Бейли. При встрече с роботом эта мысль вылетела у него из головы, но теперь, когда местная линия несла их прямо в Нижний Бронкс, она возвращалась с вызывающей слабостью настойчивостью.

— Все это — одно здание, Дэниел: все, что вы видите, целый Город — это одно здание. В нем живут двадцать миллионов человек. Экспресс-линии движутся непрерывно, день и ночь, со скоростью шестьдесят миль в час. Их общая протяженность составляет двести пятьдесят миль, это не считая местных линий.

«Теперь, — подумал Бейли, — я начну подсчитывать, сколько тонн дрожжевых продуктов Нью-Йорк поглощает в день, и сколько кубических футов воды мы выпиваем, и сколько мегаватт в час вырабатывают наши атомные реакторы».

— Во время инструктажа меня информировали об этом, а также о других фактах подобного рода, — сообщил Р. Дэниел.

«Ну что ж, будем надеяться, что эти факты освещают ситуацию с продовольствием, водой и энергией. Да и к чему стараться удивить робота?» — подумал Бейли.

Они добрались до сто восемьдесят второй Восточной улицы, и до лифта, развозившего жителей этого сектора по домам из стали и бетона, среди которых было и жилище Бейли, оставалось не более двухсот ярдов.

Бейли уже собирался сказать «сюда», когда путь ему преградило скопление людей, собравшихся у ярко освещенной силовой двери одного из многочисленных магазинов, которые полностью занимали нижние этажи этого сектора.

По привычке властным тоном Бейли спросил ближайшего к нему человека:

— Что здесь происходит?

Вытягиваясь на цыпочках, тот бросил:

— Черт меня побери, если я знаю. Я только что подошел.

Кто-то возбужденно пояснил:

— У них там эти вшивые Р'ы. Может, их выбросят сюда. Уж я бы их разобрал по винтикам!

Бейли обеспокоенно взглянул на Р. Дэниела, но, если до его помощника и дошли слова прохожего, внешне он ничем этого не выдал.

Бейли нырнул в толпу:

— Дайте пройти. Дорогу! Полиция!

Люди расступились. За спиной Бейли слышалось:

— ...Разобрать их... винтик за винтиком... потихоньку расколоть по швам...

Кто-то засмеялся.

Бейли стало не по себе. Город был верхом совершенства с точки зрения эффективности и целесообразности, но это накладывало определенные обязательства на его обитателей. Они должны были жить в строгом соответствии с заведенным порядком и могли распоряжаться своими жизнями лишь под жестким научным контролем. Временами стройная система строгих запретов рушилась и страсти вырывались наружу.

Бейли вспомнил Барьерные бунты.

Причины для недовольства роботами, безусловно, существовали. Люди,олжизни проработавшие не покладая рук и в результате деклассификации столкнув-

шиеся с перспективой прожить остаток жизни на полуоголдном пайке, не могли хладнокровно рассуждать о том, что в этом не было вины конкретных роботов. Конкретного робота, по крайней мере, можно было ударить.

Ведь нельзя же было пнуть то, что называлось «правительственной политикой», или ударить какой-нибудь лозунг типа «Повысим производительность за счет труда роботов!»

Правительство определяло сложившуюся ситуацию как усиливающиеся муки нарождения нового. Оно печально качало своей коллективной головой и уверяло население, что после неизбежного переходного периода для всех наступит новая, лучшая жизнь.

Но движение медиевистов расширялось вместе с нарастанием процесса деклассификации. Люди доходили до отчаяния, и тогда чувство горькой безысходности с легкостью превращалось в жажду разрушения.

Вот и сейчас лишь минуты могли разделять сдерживаемую враждебность толпы от внезапной вспышки кровавой оргии уничтожения.

Бейли отчаянно пробивался к силовой двери.

Глава 3

ПРОИСШЕСТВИЕ В ОБУВНОМ МАГАЗИНЕ

Внутри магазина народу было меньше, чем снаружи. Директор заведения с похвальной предусмотрительностью включил силовую дверь, как только почувствовал неладное, тем самым преградив путь потенциальным нарушителям спокойствия. Правда, зacinщики скандала, оставшиеся внутри магазина, тоже не могли пройти через нее, но это было меньшим злом.

Бейли прошел сквозь силовую дверь, открыв ее с помощью офицерского нейтрализатора, и тут неожиданно обнаружил, что Р. Дэниел все еще следует за ним по пятам. Робот держал в руках свой собственный нейтрализатор, меньше и аккуратнее стандартной полицейской модели. Директор магазина тут же подскочил к нему и громким голосом начал объяснять:

— Господа полицейские, мои продавцы были направлены ко мне городской администрацией. Я действую сугубо в рамках своих законных прав.

В глубине магазина стояли, как истуканы, три робота. Возле силовой двери собралось несколько взъяренных женщин.

— Хорошо, — решительно сказал Бейли, — так что же все-таки здесь происходит? О чём весь этот сыр-бор?

Одна из женщин пронзительно заверещала:

— Я зашла купить туфли. Разве я недостойна, чтобы меня обслуживал приличный продавец? У меня что, нереспектабельный вид?

Ее одежда, особенно шляпка, были настолько экстравагантны, что последний вопрос звучал более чем риторически. Сердитый румянец, заливший ее щеки, проступал сквозь наложенный толстым слоем макияж.

— Если нужно, я сам обслужу ее, — начал директор, — но я не в состоянии обслуживать всех. Мои люди в полном порядке. Это подготовленные специалисты. У меня есть их техпаспорта и гарантийные талоны...

— Талоны! — вскричала женщина и, повернувшись к остальным, резко засмеялась. — Вы только послушайте его! Он называет их людьми! С тобой-то все в порядке? Они не люди. Они ро-бо-ты! — проговорила она, растягивая слоги. — И я скажу тебе, что они делают — вдруг ты не знаешь. Они отнимают у людей работу. Они вкалывают бесплатно. Потому-то правительство и защищает их всегда. А из-за этого семьям приходится жить в бараках и есть бурду из сырых дрожжей. Приличным трудолюбивым семьям. Если бы я была боссом, мы бы живо покончили со всеми этими ро-бо-та-ми. Можете не сомневаться!

Остальные женщины заговорили одновременно, перебивая друг друга, а за силовой дверью нарастил шум не думающей расходиться толпы.

Всем своим существом Бейли ощущал, не мог не ощущать, присутствие стоявшего рядом Р. Дэниела Оливо. Он посмотрел на продавцов. Это были изготовленные на Земле и даже по земным меркам недорогие модели. Просто роботы, владевшие несколькими несложными операциями. Они знали номера всех моделей обуви, их цены и имеющиеся в наличии размеры. Они могли следить за колебаниями ассортимента, возможно, лучше, чем любой человек, поскольку у них не было никаких других забот. Могли рассчитать, какие заказы нужно сделать на следующую неделю, могли снять мерку с ноги клиента.

Сами по себе они были безобидны. В массе — невероятно опасны.

Еще вчера Бейли не поверил бы, что сможет так глубоко сочувствовать этой женщине. Да что там вчера, два часа назад. Он ощущал близость Р. Дэниела, и ему не давал покоя вопрос: «Сможет ли этот робот заменить рядового сыщика класса С-5?» При мысли об этом он

представил себе бараки, ощущил вкус дрожжевой похлебки, вспомнил своего отца.

Его отец был физиком-ядерщиком и по своему классу принадлежал к высшему обществу Города. Как-то на силовой станции произошла авария, и ответственность за нее легла на отца. Его деклассифицировали. Бейли не знал подробностей: это случилось, когда ему шел второй год.

Но он помнил бараки своего детства; то гнетущее коммунальное существование у самой черты бедности. Он совершенно не помнил своей матери: после случившегося она прожила недолго. А вот отца он помнил хорошо — отупевшего от пьянства, надломленного замкнутого человека, иногда говорившего о прошлом охрипшим прерывающимся голосом. Он умер, так и не восстановленный в своих правах, когда Лайджу было восемь. Маленький Лайдж и две его старшие сестры переехали в детдом одного из секторов. Детский этаж, как его называли. Брат его матери, дядя Борис, сам был слишком беден, чтобы воспрепятствовать этому.

Так что жизнь легче не стала. Непросто было и в школе — без унаследованных от отца привилегий.

И вот теперь он оказался в центре скандала, грозившего перерасти в крупные беспорядки, и вынужден был усмирять простых людей, которые в конечном счете всего лишь боялись деклассификации — своей и своих родных, а этого боялся и он сам.

— Давайте успокоимся, мадам. Продавцы ведь не сделали вам ничего плохого, — сказал он ровным голосом умолкнувшей женщины.

— Конечно, не сделали. И не сделают, — раздалось сопрано женщины. — Думаете, я позволю, чтобы они прикасались ко мне своими холодными сальными пальцами? Я думала, что здесь со мной будут обращаться как с человеком. Я живой человек и имею право, чтобы меня обслуживали люди. И вообще, у меня дома двое ребятишек. Ждут меня, чтобы идти на ужин. Не могут же они пойти в столовую одни, будто сироты! Мне нужно выйти отсюда.

— Хватит! — Бейли почувствовал, что начинает терять самообладание. — Если бы вы позволили обслужить себя, то уже давно бы ушли отсюда. Вы просто

попусту поднимаете шум. Ладно, пусть они вас обслужат, и дело с концом.

— Вот те раз! — На лице женщины отразилось крайнее изумление. — Может, вы думаете, со мной можно обращаться по-свински? Пора бы правительству, наконец, понять, что на Земле живут не одни только роботы. Я работаю с утра до вечера, и у меня тоже есть права...

Она трещала без умолку.

Бейли почувствовал себя в ловушке. Ситуация выходила из-под контроля. Если даже покупательница и согласится, чтобы ее обслужили, ждущая снаружи толпа была уже настолько возбуждена, что могла решиться на все, что угодно. С того времени, как сыщики вошли в магазин, толпа удвоилась, и теперь у витрины собралось человек сто.

— Какова обычная процедура в таких случаях? — неожиданно спросил Р. Дэниел Оливо.

Бейли едва не подпрыгнул:

— Прежде всего, это не обычный случай.
— Что говорит закон?

— Роботы были назначены сюда в соответствии с установленным порядком. Это подготовленные специалисты. Все сделано в рамках закона.

Они переговаривались шепотом. Бейли старался напустить на себя властный и грозный вид. Лицо Р. Оливо, как всегда, оставалось бесстрастным.

— В таком случае, — сказал он, — распорядитесь, чтобы эта женщина позволила себя обслужить или покинула помещение.

Уголки рта Бейли скривились в ухмылке:

— Проблема в толпе, а не в женщине. Ничего не поделаешь, придется вызывать отряд по борьбе с беспорядками.

— Для поддерживания порядка гражданам должно быть достаточно одного представителя закона, — проговорил Р. Дэниел, затем повернул свое широкоскулое лицо к директору магазина: — Откройте силовую дверь, сэр.

Рука Бейли метнулась вперед, чтобы схватить Р. Дэниела за плечо и развернуть его, но в последнюю секунду он передумал. Если в такой момент представители зако-

на начнут открыто ссориться между собой, всякая надежда на мирное разрешение конфликта будет потеряна.

Директор начал было протестовать, ища поддержку у Бейли, но тот отвел взгляд в сторону.

Не обращая внимания на протесты, Р. Дэниел повторил:

— Я приказываю вам именем закона.

— Ответственность за ущерб, причиненный товарам и предметам обстановки, будет нести Город, — прокрутил директор тоненьким голоском. — Заявляю официально, что, делая это, я подчиняюсь приказу.

Барьер опустился; с радостным ревом собравшиеся у магазина хлынули внутрь. Они предвкушали победу.

Бейли слышал о подобных беспорядках. Он даже как-то стал свидетелем одного из них. На его глазах десятки рук подхватывали роботов и, передавая их тяжелые несопротивляющиеся тела над головами, отправляли их в гущу толпы. Люди набрасывались на свои металлические подобия. В ход шли молотки, силовые ножи, иглопистолеты. В конце концов от несчастных роботов оставались лишь искромсанные куски металла и проволоки. Дорогие позитронные мозги — наисложнейшее создание человеческого разума — кидали из рук в руки, как футбольные мячи, и в мгновение ока превращали в ненужный хлам. Затем дух уничтожения, с такой легкостью и весельем выпущенный на волю, направлял толпу на все, что только можно было разбить.

Роботы-продавцы, конечно, не могли знать всего этого, но как только толпа хлынула в магазин, они издали визгливый резкий звук и вскинули руки к лицам, как будто повинуясь примитивному инстинкту самосохранения. Женщина, испуганная тем, во что вылилась поднятая ею суматоха, запричитала, с трудом глотая воздух:

— Ой, что теперь будет! Что будет!

Шляпа сдвинулась ей на лицо, и ее слова слились в протяжный бессмысленный визг.

— Господин полицейский, остановите их! Остановите их! — завопил директор.

И тут заговорил Р. Дэниел. Без всякого видимого усилия со стороны робота его голос неожиданно оказался на несколько децибелов выше человеческого.

«Еще бы, — уже в который раз подумал Бейли, — он же не...»

— Всякий, кто сделает еще один шаг, будет убит.

Кто-то из задних рядов закричал:

— Хватай его!

Но на мгновение все замерли.

Р. Дэниел ловко вскочил на стул, а с него перебрался на транстексовый демонстрационный стенд. Цветное свечение, проникая сквозь щели молекулярно поляризованной пленки, придавало его бесстрастному, холодному лицу какой-то неземной вид.

«Неземной, еще бы...» — подумал Бейли.

Р. Дэниел, страшный в своем спокойствии, выдержал паузу, во время которой никто из участников этой немой сцены не сдвинулся с места, и твердо сказал:

— Вы думаете: «У него в руках нейронная плеть или электровибратор. Если мы все бросимся на него, в худшем случае пострадают один или двое, да и те скоро поправятся. Мы же тем временем сделаем все, что хотим, и пошлем закон и порядок ко всем космическим чертям». — Его голос не был ни резким, ни сердитым, но в нем чувствовалась сила и уверенность. Он говорил так, будто отдавал приказ и был уверен в его исполнении. — Вы ошибаетесь. У меня в руках бластер, штука очень серьезная. И я им воспользуюсь, причем целиться поверх голов не собираюсь. Прежде чем вы до меня доберетесь, я многих успею отправить на тот свет. Может быть, большинство. Я не шучу. У меня ведь серьезный вид, не так ли?

В глубине толпы происходило какое-то движение, но она больше не разрасталась. Если прохожие и останавливались из любопытства, то, поняв, в чем дело, спешили убраться прочь. Передние стояли затаив дыхание и изо всех сил старались не податься вперед под натиском направивших сзади.

Внезапно женщина в шляпе нарушила затянувшееся молчание. Разразившись рыданиями, она завопила:

— Он укокошит нас всех! Я ничего не сделала. Выпустите меня отсюда!

Р. Дэниел спрыгнул с демонстрационного стенда и сказал:

— Сейчас я пойду к двери. Всякий, кто дотронется до меня, будет застрелен. Когда я достигну выхода, я буду стрелять в любого, кто еще не спешит по своим делам, будь то мужчина или женщина. Эта дама...

— Нет-нет! — закричала женщина в шляпе. — Говорю вам, я ничего не сделала. Мне не нужны никакие туфли! Я хочу только домой.

— Эта дама, — продолжал Р. Дэниел, — останется здесь, пока ее не обслужат.

Он шагнул вперед. Толпа молча стояла перед ним. Бейли закрыл глаза. «Я в этом не виноват, — в отчаянии думал он. — Сейчас прольется кровь, начнется ужаснейшая заваруха...» Но ведь они сами навязали ему в помощники робота, сами дали роботу равные с ним права.

Нет, это не оправдание. Бейли и сам себе не верил. Он мог остановить Р. Дэниела в самом начале. Позже он в любой момент мог вызвать дежурную машину. А вместо этого он позволил роботу взять на себя ответственность и при этом почувствовал трусивое облегчение. Когда же он признался себе, что в этой ситуации личность Р. Дэниела одержала верх, он внезапно почувствовал к себе отвращение. Робот одержал верх...

Шум не нарастал, не слышно было выкриков и проклятий, не было ни стонов, ни воплей. Бейли открыл глаза.

Толпа расходилась.

Директор магазина постепенно приходил в себя. Он поправлял сбившийся пиджак, приглаживал волосы, бормотал гневные угрозы в адрес тающей толпы.

Прямо у входа послышался вой полицейской сирены. «Как всегда, к шапочному разбору...» — подумал Бейли.

Директор дернулся за рукав:

— Давайте обойдемся без дальнейших неприятностей, инспектор.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке, — пообещал Бейли.

Отделаться от полицейских с дежурной машины не представляло труда. Кто-то вызвал их, сообщив, что на улице собралась толпа. Они не знали никаких подробностей и сами могли убедиться, что улица чиста. Р. Дэниел отошел в сторону, не проявляя никакого интереса к происходящему, в то время как Бейли давал объяснения людям с дежурной машины, преуменьшая серьезность происшествия и полностью умалчивая о роли, сыгранной в нем его напарником.

После он оттащил Р. Дэниела в сторону, к одной из сталебетонных колонн здания, и прошипел:

— Слушайте, я вовсе не хочу погреть в этом деле руки за счет вас.

— Погреть руки? Это одна из ваших земных идиом?

— Я не сообщил о вашем участии в этом происшествии.

— Я не знаю ваших обычаев. В нашем мире принято представлять полный отчет, но, возможно, у вас это не так. Во всяком случае, беспорядки предотвращены, а это самое главное, разве нет?

— А разве да? Теперь послушайте, что я вам скажу. — Вынужденный говорить шепотом, Бейли, тем не менее, старался придать своим словам как можно больше убедительности. — Никогда больше этого не делайте.

— Никогда больше не настаивайте на соблюдении закона? Если я не должен делать этого, то в чем же тогда моя задача?

— Никогда больше не угрожайте человеку бластером.

— Эладж, я бы не выстрелил ни при каких обстоятельствах, и вы это прекрасно знаете. Я не способен причинить вред человеческому существу. Однако, как видите, мне не пришлось стрелять. И я был уверен, что не придется.

— Вам просто здорово повезло, что не пришлось стрелять. Не испытывайте больше судьбу. Я бы тоже мог отколоть такой номер.

— Отколоть номер? Что это значит?

— Неважно. Главное, поймите суть того, что я вам говорю. Я и сам мог бы угрожать толпе бластером. Он у меня всегда под рукой. Но я не имею права играть в эти игры, так же как и вы. Безопаснее было бы вызвать

на место происшествия дежурные полицейские машины, чем геройствовать в одиночку.

Р. Дэниел обдумал сказанное и покачал головой:

— Мне кажется, вы ошибаетесь, коллега Элайдж. Данная мне инструкция, касающаяся характеристики человеческих качеств землян, включает информацию о том, что, в отличие от людей Внешних Миров, землян с детства приучают подчиняться власти. Очевидно, это результат вашего образа жизни. Одного человека, твердо представляющего власть, было совершенно достаточно, что я и доказал. А ваше требование вызвать полицейскую машину на самом деле было лишь выражением почти инстинктивного желания, чтобы власти более высокого уровня сняли ответственность с ваших плеч. Должен признаться, в нашем мире моему поступку не было бы оправдания.

Вытянутое лицо Бейли покраснело от гнева.

— Если бы они догадались, что вы — робот...

— Я был уверен, что не догадаются.

— Как бы там ни было, помните, что вы — робот. Не больше чем робот. Просто робот, подобный тем продавцам в обувном магазине.

— Но это ведь очевидно.

— И в вас нет ничего человеческого.

Бейли никак не мог справиться со своей злостью.

Казалось, Р. Дэниел задумался над последними словами Бейли.

— Возможно, разделение на людей и роботов не столь существенно. Важнее, обладает объект разумом или нет.

Бейли взглянул на часы, с трудом различив циферблат. Он опаздывал уже на час с четвертью. При мысли о том, что Р. Дэниел выиграл первый раунд, в то время как сам он оказался беспомощным статистом, у него пересохло в горле.

Он подумал о Винсе Барретте, юноше, которого заменил Р. Сэмми. И о себе, Элайдже Бейли, которого мог заменить Р. Дэниел. Его отца, по крайней мере, вышвырнули с работы из-за аварии, причинившей большой ущерб, погубившей множество людей. Может быть, он действительно был виноват. Бейли не знал точно. Что если отца отстранили от занимаемой должности, чтобы

освободить место для физика-робота? Лишь из-за этого, без всякой другой причины. И он ничего не мог поделать...

— Ладно, идемте, — резко сказал Бейли. — Я должен привести вас к себе.

— Понимаете, нельзя проводить какие бы то ни было различия, основываясь на менее весомых критериях, чем факт обладания разу...

— Все. Хватит об этом. Нас ждет Джесси, — повысил голос Бейли. Он направлялся к ближайшей внутрисекторной переговорной трубке. — Мне лучше позвонить ей, предупредить, что мы поднимаемся.

— Джесси?

— Да, моей жене.

«О Боже, в хорошем же настроении я собираюсь предстать перед Джесси», — подумал Бейли.

Глава 4

ЗНАКОМСТВО С СЕМЬЕЙ СЫЩИКА

Сначала Лайдж Бейли обратил внимание на Джесси только из-за ее имени. Он познакомился с ней на рождественском вечере, устроенном их сектором, возле чаши с пуншем. Он только что закончил учебу, только что получил назначение на работу в городскую администрацию, только что переехал в этот сектор. Жил он в одном из холостяцких отсеков общей комнаты 122-А. Довольно неплохом для холостяка.

Она разливала пунш.

— Я Джесси. Джесси Наводны. Я вас раньше не встречала.

— Бейли, — отозвался он. — Элайдж Бейли. Можно просто Лайдж. Я недавно приехал в этот сектор.

Он взял свой бокал пунша и невольно улыбнулся. Ее жизнерадостность и приветливость пришлись ему по душе, и он остался с ней рядом. Бейли был новичком, а новички на таких вечерах всегда чувствуют себя одиноко среди незнакомых людей, стоящих вокруг обособленными группками. Он надеялся, что сумеет преодолеть свою скованность позже, когда чаша с пуншем опустеет. А пока он задумчиво потягивал свой пунш и наблюдал, как народ веселился.

— Я помогала готовить пунш, — прервал его мысли голос девушки. — Могу гарантировать его качество. Хотите еще?

Бейли увидел, что его маленький бокал пуст. Он улыбнулся и сказал:

— Да.

Овальное лицо девушки можно было бы назвать красивым, если б не крупноватый нос. Светло-каштановые волосы множеством колечек спадали ей на лоб. На ней было скромное платьице. И выглядела она довольно-таки мило...

Следующую порцию пунша они уже пили вместе, и ему стало лучше.

— Джесси... — произнес Бейли, смакуя каждый звук ее имени. Красиво звучит. — Вы не против, если я буду вас так называть?

— Конечно, нет. Если хотите. А вы знаете, от какого имени оно образуется?

— Джессика?

— Ни за что не догадаетесь.

— Больше ничего не приходит на ум.

Она засмеялась и игриво сказала:

— Мое полное имя — Джезебел.

Вот тогда-то в нем и вспыхнул интерес к ней. Он опустил свой бокал и недоверчиво воскликнул:

— Не может быть!

— Честное слово. Я не шучу. Это мое настоящее имя. Джезебел. Оно стоит во всех моих документах. Моим родителям нравилось, как оно звучит.

Она прямо-таки гордилась своим именем, хотя во всем мире трудно было найти менее подходящую Джезебел.

— Я уже сказал, что мое полное имя Элайдж, — многозначительно произнес Бейли. — Наверняка вам известна одна библейская история.

Его слова не произвели на нее никакого впечатления.

— Элайдж был злейшим врагом Джезебел, — пояснил он.

— Серьезно?

— Ну конечно же. Только в Библии Элайдж — это Илия, а Джезебел — Иезавель.

— Да? А я не знала. Слушайте, как это забавно! Надеюсь, это не значит, что вы должны стать моим врагом в реальной жизни.

Об этом не могло быть и речи с самого начала. Сперва именно благодаря совпадению имен она стала для него больше чем просто приятной девушкой, разли-

вающей пунш. А затем он обнаружил, что она и веселая, и отзывчивая и, в конце концов, даже хорошенькая. Особенно ему нравился ее оптимизм. Его скептический взгляд на жизнь нуждался в противоядии.

А Джесси, по-видимому, вовсе не смущало мрачное выражение его вытянутого лица.

— О Господи, — говорила она, — ну и что с того, если у тебя действительно вечно кислая физиономия? Я знаю, что ты в душе совсем другой, и вообще мне кажется, что, если бы у тебя всегда рот был до ушей, как у меня, мы просто лопнули бы, сойдясь вместе. Оставайся таким, какой ты есть, и не давай мне витать в облаках.

А она, в свою очередь, помогала Лайджу Бейли держаться на плаву. Он подал заявление на небольшую квартиру для новобрачных и получил ордер, вступавший в силу с момента регистрации брака. Он показал его своей возлюбленной со словами:

— Джесси, сделай, пожалуйста, так, чтобы я мог выехать из общежития. Мне там не нравится.

Возможно, это было не самое романтическое предложение в мире, но Джесси оно понравилось.

Бейли помнил лишь один случай, когда привычная веселость Джесси изменила ей, и это опять же было связано с ее именем. Произошло это на первом году их совместной жизни, когда у них еще не было ребенка. Точнее, как раз в тот месяц, когда Джесси забеременела. (Их коэффициент умственного развития, статус генетической ценности и занимаемая Бейли должность давали им право на двух детей, причем первый мог появиться на свет на первом году супружества.)

«Может быть, — думал Бейли, мысленно возвращаясь к событиям тех дней, — ее необычная раздражительность и объяснялась тем, что она ждала Бентли».

У нее портилось настроение из-за того, что он часто задерживался на работе. Как-то она пожаловалась:

— Мне уже неудобно каждый вечер появляться в столовой одной.

Бейли устал и был не в духе.

— А что здесь неудобного? Ты можешь познакомиться там с каким-нибудь привлекательным одиноким мужчиной.

Естественно, она тут же вспыхнула как спичка:

— Думаете, я ни на кого не смогу произвести впечатление, Лайдж Бейли?

Может быть, это произошло просто оттого, что он устал; может быть, потому, что Джулиус Эндерби, его однокашник, обошел его еще на одну ступеньку по служебной лестнице. А может, это случилось просто из-за того, что ему надоело ее вечное стремление соответствовать своему имени, хотя никакого сходства с библейской тезкой у нее не было, да и не могло быть.

Так или иначе, он ответил колкостью:

— Полагаю, сможешь, только не думаю, что ты станешь это делать. Жаль, что ты не в силах забыть свое имя и быть самой собой.

— Какой захочу, такой и буду.

Старания быть Джезебел ни к чему хорошему тебя не приведут. Если хочешь знать правду, это имя значит совсем не то, что ты думаешь. Библейская Джезебел, по свидетельствам о ее жизни, была верной и заботливой женой. Насколько известно, у нее не было любовников; она никогда не устраивала шумных оргий и строгого блюла свою мораль.

Джесси сердито посмотрела на него.

— Неправда. О ней говорят «нарумяненная Иезавель». Я знаю, что это значит.

— Может быть, ты и думаешь, что знаешь, но вот послушай. После того, как муж Иезавели, царь Ахав, умер, на престол взошел ее сын Иорам. Один из военачальников его армии, Ииуй, восстал против него и убил его. Затем отправился в Изрель, где жила старая царица-мать Иезавель. Она узнала о его приближении и поняла, что у него могла быть только одна цель — убить ее. Гордая и мужественная, она нарумянила свое лицо и оделась в свои лучшие одежды, чтобы встретить сына, как подобает величественной и непреклонной царице. Он приказал выбросить ее из окна дворца и растоптать. По моим понятиям, она достойно встретила свою смерть. Вот что подразумевают люди, когда говорят о «нарумяненной Джезебел», знают они эту историю или нет.

На следующий вечер Джесси негромко сказала:

— Я читала Библию, Лайдж.

— Что? — В первый момент Бейли никак не мог сообразить, о чем идет речь.

— Те места, где говорится о Джезебел.

— А! Джесси, прости, если я тебя обидел. Я вел себя как мальчишка.

— Нет, нет, — она холодно сбросила его руку со своей талии и опустилась на краешек дивана подальше от него. — Всегда хорошо знать правду. Не хочется попадать в дурацкое положение из-за того, что чего-то не знаешь. Вот я и прочла о ней. Все-таки она была порочной женщиной, Лайдж.

— Ну, то писали ее недруги. Ее мнения о себе мы не знаем.

— Она убивала всех пророков Господа, которые только попадали в ее руки.

— Опять же это говорят ее враги. — Бейли порылся в кармане в поисках жевательной резинки. (Позже он бросил привычку жевать, потому что Джесси сказала, что с его длинным лицом и печальными карими глазами это делает его похожим на старую корову, у которой застрял в горле пучок травы, и она не может проглотить его, но и не хочет выплюнуть.) — А если ты хочешь разобраться в ее поступках, я мог бы привести кое-какие доводы и в ее пользу. Она ценила религию своих предков, живших на той земле задолго до прихода иудеев. У иудеев же был свой бог, и, больше того, они считали, что, кроме него, других богов нет. Они не довольствовались тем, что сами ему поклонялись. Они хотели, чтобы все вокруг поклонялись только ему.

Джезебел была консервативной по натуре. Она оставалась верна старой вере и не желала принимать новую. В конце концов, если в новой вере было больше нравственного содержания, то старая доставляла больше эмоционального удовлетворения. Тот факт, что она убивала священников, просто характеризует ее как дитя своего времени. В те дни это был обычный метод обращения в свою веру. Если ты читала «Третью книгу царств», то должна помнить, что Илия (на сей раз мой тезка) устроил соревнование с восьмьюстами пятьюдесятью пророками Баала, чтобы определить, чьи

молитвы будут услышаны и чей бог ниспошлет огонь с небес. Илия одержал победу и тут же приказал толпе убить восемьсот пятьдесят ваалитов. И народ ему повиновался.

Джесси закусила губу.

— А как насчет виноградника Навуфея, Лайдж? Жил себе этот Навуфей, никого не трогал. Единственная его вина была в том, что он отказался продать царю свой виноградник. Тогда Джезебел устроила так, чтобы люди лжесвидетельствовали против него. Они показали, что Навуфей богохульствовал или что-то в этом роде.

— Его обвинили в том, что он «хулил бога и царя», — подсказал Бейли.

— Да. И его казнили, а после конфисковали его имущество.

— Они поступили несправедливо. Конечно, в наше время, да даже и в среднюю эпоху с Навуфеем обошлись бы не так суроно. Если бы его собственность понадобилась городу, решением суда ему приказали бы убраться, а в случае необходимости выдворили бы насильно, заплатив при этом справедливую, с их точки зрения, сумму в качестве возмещения убытков. У царя Ахава не было такого выхода. И все же решение Джезебел было несправедливым. Единственным оправданием ей может служить то, что Ахав так горевал из-за виноградника, что даже заболел, а она считала, что ее любовь к мужу важнее благосостояния Навуфея. Я еще раз говорю тебе, она была воплощением верной же...

Джесси отпрянула в сторону. Лицо ее пылало от гнева.

— Ты низкий, злой человек!

Он посмотрел на нее в полном недоумении:

— Что я такого сделал? Что с тобой?

Она выскочила из квартиры, не удостоив его ответом, и провела весь вечер и полночи на этажах субэфирного видео, где нетерпеливо переходила с сеанса на сеанс, израсходовав свою двухмесячную квоту, а заодно и квоту мужа.

Когда она вернулась домой, Бейли все еще не спал, но ей уже нечего было сказать ему.

Позже, гораздо позже Бейли пришла мысль, что он вдребезги разбил очень важную часть жизни Джесси. Ее имя значило для нее что-то интригующе порочное. Оно было восхитительным противовесом для ее чопорного, слишком уж приличного прошлого. Оно вносило в ее пресную правильную жизнь привкус безнравственности. И Джесси это обожала.

Но все это рухнуло. Она никогда больше не упоминала своего полного имени ни при Лайдже, ни при своих друзьях, и, как казалось Бейли, она избегала его даже в собственных мыслях. Она стала просто Джесси и начала подписываться этим именем.

Прошло несколько дней, и она снова начала разговаривать с мужем, а примерно через неделю их прежние отношения полностью восстановились. С тех пор они ссорились еще не раз, но так серьезно — никогда.

Лишь однажды их разговор коснулся ее имени, да и то косвенно. Джесси была на восьмом месяце. Она ушла из столовой А-23, где работала помощником диетолога. У нее появилось непривычно много свободного времени, которое она проводила в размышлениях и приготовлениях к рождению ребенка.

Однажды вечером она спросила:

— Что ты думаешь насчет Бентли?

— Извини, дорогая, о чём ты?

Бейли оторвался от стопки бумаг, которую притащил с работы. (Хочешь не хочешь, приходилось брать сверхурочную работу, поскольку вскоре должен был появиться на свет лишний рот, Джесси не работала, а его собственные шансы на продвижение по службе были, как и прежде, не очень-то велики.)

— Я говорю, если родится мальчик. Как ты насчет того, чтобы назвать его Бентли?

Бейли скептически скривил губы.

— Бентли Бейли? Тебе не кажется, что имя и фамилия слишком похожи?

— Не знаю. Мне кажется, в них есть какая-то ритмичность. К тому же, когда малыш вырастет, он всегда сможет выбрать себе второе имя по своему вкусу.

— Ну что ж. Я не против.

— Ты уверен? То есть... Может, ты хотел назвать его Элайджем?

— И прибавлять «младший»? По-моему, это не очень удачная мысль. Он сможет назвать Элайджем своего сына, если захочет.

— Я бы только хотела уточнить... — начала Джесси и замялась.

Помедлив, он поднял голову:

— Что уточнить?

Джесси старательно избегала его взгляда, но голос ее прозвучал довольно уверенно:

— Бентли ведь не библейское имя, верно?

— Нет, — ответил Бейли. — В этом я совершенно уверен.

— Ну вот и хорошо. Хватит с меня библейских имен.

И это было единственным напоминанием об их размолвке вплоть до того самого дня, когда Элайдж Бейли вместе с роботом Дэниелем Оливо возвращался домой, где его ждала жена, с которой он прожил больше восемнадцати лет, и сын Бентли (второе имя все еще не выбрали), которому шел семнадцатый год.

Бейли остановился перед большой двойной дверью, на которой светилась крупная надпись: «Туалетный блок — мужчины». Ниже буквами поменьше было написано: «Подсекторы 1A—1E». Еще ниже, прямо над замочной скважиной находилось объявление, выполненное еще более мелким шрифтом: «В случае утери ключа немедленно звонить 27-101-51».

Какой-то мужчина обогнал их, вставил алюминиевый штырь в замочную скважину и скрылся за дверью, даже не подумав придержать ее для Бейли. Поступи он иначе, Бейли воспринял бы это как серьезное оскорбление. Так уж повелось, что мужчины игнорировали присутствие друг друга как внутри туалетного блока, так и в непосредственной близости от него.

Бейли вспомнил один из наиболее интересных секретов, которыми поделилась с ним Джесси. Оказывается, в женских туалетных блоках дело обстояло совсем по-другому.

Нередко от нее можно было услышать: «Встретились в туалетной с Джозефиной Грили. Она сказала...»

Когда Бейли получили разрешение на подключение небольшой умывальной раковины в своей спальне, общественная жизнь Джесси сильно пострадала. В этом состояла обратная сторона тех благ, которыми они пользовались, продвинувшись по социальной лестнице.

Борясь со своим смущением, Бейли сказал:

— Дэниел, подождите меня здесь, пожалуйста.

— Вы собираетесь мыться? — поинтересовался робот.

Поежившись, Бейли подумал: «Чертов робот! Уж если они напичкали его сведениями о нашей стальной норе, могли бы научить его и манерам. Если он ляпнет подобное кому-нибудь еще, отвечать придется мне».

— Я приму душ. По вечерам здесь бывает много народа. Теряешь много времени. А если я сделаю это сейчас, в нашем распоряжении будет целый вечер.

Лицо Р. Дэниела по-прежнему оставалось невозмутимым.

— Ждать за дверью — это один из ваших обычаев? Бейли смутился еще больше.

— Зачем вам туда заходить без... без всякой надобности?

— О, я вас понял. Да, конечно... И тем не менее, Элайдж, руки у меня тоже пачкаются, я бы хотел помыть их.

Он протянул руки и показал Бейли свои ладони. Они были розовыми, пухлыми, со всеми надлежащими линиями. Они несли на себе отпечаток тончайшей, тщательно выполненной работы и по человеческим меркам были совершенно чистыми.

— Знаете, у нас в квартире есть раковина, — сообщил Бейли как бы между прочим. Снобизм все равно не дойдет до робота.

— Спасибо за любезность. Однако я думаю, будет лучше, если я помою руки здесь. Раз уж мне предстоит жить с вами, землянами, я должен усвоить как можно больше ваших обычаев.

— Ну, тогда входите.

Яркий, веселый интерьер туалетного блока резко отличался от делового утилитаризма большей части Города, но в этот раз Бейли было не до интерьеров.

— Это займет около получаса. Подождите меня, — шепотом сказал Бейли и ушел. Затем вернулся и посоветовал: — Знаете что, ни с кем не говорите и никого не разглядывайте. Ни слова, ни взгляда. Здесь так принято.

Он поспешил оглянуться по сторонам, чтобы удостовериться, что его собственные коротенькие наставления никем не были услышаны и что никто не провожает их изумленным взглядом. К счастью, вестибюль был пуст, да и, в конце концов, это был всего лишь вестибюль.

Сразу почувствовав себя неуютно, Бейли засеменил вперед, мимо общих душевых к личным кабинкам. Уже пять лет прошло с тех пор, как он получил право пользоваться этой роскошью — личной кабинкой, достаточно большой, чтобы вместить душ, небольшой стиральный агрегат и другие необходимые вещи. В ней был даже проектор, который можно было настроить на новые фильмы.

— Дом вне дома, — шутил он, когда только получил ее.

Но теперь Бейли почему-то все чаще спрашивал себя, как бы он перенес возвращение к спартанским условиям общих душевых, если бы у него вдруг отняли привилегию пользоваться отдельной кабинкой.

Нажатием кнопки он включил стиральный агрегат, и гладкое окошечко счетчика загорелось.

Тщательно вымытый, одетый в чистое белье и свежую рубашку и вообще чувствуя себя намного увереннее, Бейли вернулся к терпеливо ожидающему его Р. Дэниелу. Когда они отошли на приличное расстояние от входа в туалетный блок и могли спокойно говорить, Бейли спросил:

— Все в порядке?

— Абсолютно, Элайдж.

...Джесси встретила их в дверях, робко улыбаясь. Бейли чмокнул ее в щеку и пробормотал:

— Джесси, это мой новый напарник, Дэниел Оливо.

Джесси протянула руку, Р. Дэниел подержал ее в своей и отпустил.

Она повернулась к мужу, затем, несмело взглянув на Р. Дэниела, сказала:

— Садитесь, пожалуйста, мистер Оливо. Мне нужно обсудить с мужем кое-какие семейные дела. Это займет не больше минуты. Надеюсь, вы не возражаете?

Она потянула Бейли за рукав, и они перешли в другую комнату. Там она быстро зашептала:

— С тобой все в порядке? Ты не ранен, нет? Я так раз волновалась, когда услышала сообщение по радио.

— Какое сообщение?

— Около часа назад. Передавали о беспорядках в обувном магазине. Сказали, что их предотвратили двое сыщиков. Я знала, что ты идешь домой вместе со своим напарником, а это произошло как раз в нашем подсекторе и как раз в то время, когда ты шел домой, и я подумала, что, может быть, с толпой было не так легко справиться, как передавали, и тебя...

— Джесси, прошу тебя, перестань. Ты же видишь, я цел и невредим.

Джесси с трудом взяла себя в руки, и неуверенно спросила:

— Твой напарник не из твоего отделения, да?

— Нет, — голос Бейли дрогнул. — Он... совершен-но из другого ведомства.

— Как мне с ним себя вести?

— Как с любым другим. Он мой напарник, вот и все.

Он произнес это так неубедительно, что Джесси сразу почувствовала неладное.

— Здесь что-то не так?

— Нет, все в порядке. Ладно, надо идти в гостиную, а то неудобно.

Неожиданно Лайдж Бейли почувствовал, что его квартира не так уж комфорtabельна. С ним это было впервые. Вообще-то он всегда ею гордился. Она состояла из трех комнат, довольно просторных — гостиная, например, была размером пятнадцать на восемнадцать. В каждой из комнат был встроенный шкаф. Рядом с квартирой проходил вентиляционный канал. Иногда от него исходило негромкое урчание, зато он гарантировал первоклассное регулирование температуры и поступление хорошо кондиционированного воздуха. К тому же располагалась квартира не слишком далеко от обоих туалетных блоков, это было очень удобно.

Но существо из другого мира, сидевшее сейчас у него в гостиной, неожиданно заставило его испытать чувство неуверенности: квартира стала казаться тесной и неуютной.

— Лайдж, вы с мистером Оливо ужинали? — спросила Джесси нарочито бодрым голосом.

— Забыл тебя предупредить, Дэниел не будет с нами питаться. А я бы чего-нибудь поел, — быстро откликнулся Бейли.

Слова мужа нисколько не удивили Джесси. При нынешнем жестком контроле за распределением продуктов и небывалом снижении норм их выдачи отказываться от угощения хозяев стало хорошим тоном.

— Надеюсь, мистер Оливо, вы не возражаете, если мы поужинаем. Обычно мы с Лайджем и Бентли ходим в общественную столовую. Это гораздо удобнее, и, знаете, там больший выбор блюд, да и порции больше, честно говоря. Кроме того, у нас с Лайджем есть разрешение трижды в неделю питаться дома (Лайдж на хорошем счету в своем департаменте, поэтому у нас очень неплохой статус), и я подумала, что ради такого случая, если бы вы захотели присоединиться к нам, мы могли бы устроить небольшой праздник, хотя, знаете ли, я лично считаю, что люди, злоупотребляющие своими личными привилегиями, в каком-то смысле антиобщественны.

Р. Дэниел слушал очень терпеливо и внимательно. Незаметно от него Бейли дал Джесси знак замолчать и вслух напомнил:

— Я голоден, дорогая.

— Я не нарушу ваших традиций, миссис Бейли, если буду обращаться к вам по имени?

— Нет, конечно же, нет. — Джесси откинула встроенный в стену стол и подключила разогреватель блюд к розетке, располагающейся в центре крышки стола. — Отбросьте всякие формальности и называйте меня просто Джесси, э-э, Дэниел.

Она кокетливо хихикнула.

Бейли пришел в ярость. Ситуация становилась все более неловкой. Джесси явно принимала Р. Дэниела за человека. Будет чем похвастаться, о чем поболтать в туалетном блоке. Надо признать, черты его застывшего

лица были по-своему привлекательны, и Джесси льстило его внимание. Это и дурак мог заметить.

«Интересно, — подумал Бейли, — какое впечатление производит Джесси на Р. Дэниела?» За восемнадцать лет она мало изменилась, по крайней мере, так казалось Лайджу Бейли. Конечно, она пополнела, и ее фигура утратила былую гибкость. Возле уголков рта появились складки, а щеки слегка отяжелели. Прическа стала более строгой, и волосы блестели уже не так, как прежде.

«Впрочем, — хмуро думал Бейли, — все это ерунда». На Внешних Мирах женщины были так же подтянуты и величественны, как и мужчины. По крайней мере, такими их показывали в книгофильмах. Должно быть, именно к такому типу женщин привык Р. Дэниел.

Но робот, казалось, никак не смущали ни слова Джесси, ни ее внешность, ни то, что она стала называть его по имени. Он спросил:

— Вы уверены, что мне можно вас так называть? Джесси — это уменьшительное имя. Вероятно, так вас зовут только близкие и друзья, а мне следовало бы называть вас полным именем.

Джесси, которая в этот момент разрывала упаковку вечернего пайка, опустила голову и еще усерднее занялась своей работой.

— Зовите меня просто Джесси, — сухо ответила она. — Меня все так зовут. Другого имени у меня нет.

— Очень хорошо, Джесси.

Открылась дверь, и в комнату осторожно вошел подросток. Его глаза сразу же остановились на Р. Дэниеле.

— Пап? — неуверенно произнес мальчик.

— Это мой сын Бентли, — негромко представил его Бейли. — А это мистер Оливо, Бен.

— Твой коллега, да, пап? Здравствуйте, мистер Оливо. — Глаза Бена широко раскрылись и заблестели. — Скажи, папа, что там произошло в обувном магазине? В новостях сообщили...

— Сейчас никаких вопросов, Бен, — резко перебил его Бейли.

У Бентли вытянулось лицо от огорчения, он посмотрел в сторону матери, которая указала ему на стул.

— Ты сделал то, что я тебе велела, Бентли? — спросила Джесси, когда он сел.

Ее руки ласково пробежали по волосам сына. Он был таким же черноволосым, как Бейли, и ростом, видимо, тоже пошел в отца. Но во всем остальном он походил на мать. У Бентли было овальное лицо Джесси, ее светло-карие глаза, ее беззаботный взгляд на жизнь.

— Конечно, мама, — ответил Бентли и подался немного вперед, чтобы заглянуть в двойное блюдо, из которого уже поднимался пряный пар. — Что у нас на ужин? Неужели опять зимотелятина? А, мам?

— Чем тебе не нравится зимотелятина? — Джесси поджала губы. — Будь добр есть то, что тебе дают, и без комментариев.

Было ясно, что на ужин у них действительно зимотелятина.

Бейли занял свое место за столом. Он и сам бы предпочел что-нибудь вместо зимотелятины с ее острым запахом и характерным привкусом, надолго сохраняющимся после нее во рту. Но однажды у них с Джесси уже был разговор на эту тему.

— Ну, я просто не могу, Лайдж, — сказала она как-то. — Я провожу здесь, на этих этажах, целый день и не хочу наживать себе врагов. Здесь прекрасно знают, что я работала помощником диетолога, и, если буду каждую неделю проходить с куском мяса или с цыпленком по этажу, где почти ни у кого нет права питаться дома даже по воскресеньям, подумают, что я злоупотребляю своими знакомствами на кухне. Пойдут разговоры, догадки, сплетни, так что я не смогу и носа высунуть из квартиры, не то что спокойно пройти в туалетный блок. И потом, зимотелятина иprotoовощи действительно очень полезны. Это хорошо сбалансированная, экологически чистая пища, и, между прочим, в них полно витаминов, минеральных солей и вообще всего, что нужно человеку. А цыплят мы сколько угодно можем есть в столовой по вторникам.

Бейли легко уступил. Джесси была права: когда живешь среди людей, самое главное — свести до минимума трения с ними. Убедить Бентли было труднее. На сей раз он воскликнул:

— Мама, а почему бы мне не воспользоваться талоном папы и не поесть в столовой одному? Это займет столько же времени.

Джесси раздраженно покачала головой:

— Ты меня удивляешь, Бентли. Что скажут люди, если увидят тебя в столовой одного? Как будто тебе плохо дома!

— Это никого не касается.

— Не перечь матери, Бентли, — с трудом сдерживаясь, прервал его Бейли.

Бентли уныло пожал плечами.

Неожиданно с другого конца комнаты раздался голос Р. Дэниела:

— Можно мне просмотреть эти книгофильмы, пока вы ужинаете?

— Да, конечно, — сказал Бентли, выскользнув из-за стола. Лицо его мгновенно озарилось интересом. — Это мои книгофильмы. Я взял их в библиотеке по специальному разрешению школы. Я принесу вам мой проектор. Он очень хороший, папа подарил мне его в прошлом году на день рождения. — Он принес Р. Дэниелу аппарат и спросил: — Вы интересуетесь роботами, мистер Оливо?

У Бейли из рук выпала ложка, и он нагнулся за ней.

— Да, Бентли, — ответил Р. Дэниел, — очень.

— Тогда вам понравятся вот эти книгофильмы. Они все о роботах. В школе мне дали задание написать о них сочинение, вот я и пытаюсь во всем разобраться. Тема довольно сложная, — добавил он важно. — Лично я против роботов.

— Бентли, сядь на место, — не выдержал Бейли, — и не надоедай мистеру Оливо.

— Он не мешает мне, Элайдж. Я с удовольствием обсудил бы с тобой эту проблему, Бентли, как-нибудь в другой раз. Сегодня мы с твоим отцом будем очень заняты.

— Спасибо, мистер Оливо.

Бентли сел за стол и, с неприязнью посмотрев в сторону матери, отломил вилкой кусочек рыхлой розовой зимотелятины. Бейли подумал: «Сегодня будем очень заняты...»

И тут с ослепляющей ясностью он вспомнил о своем задании. Он представил лежащего в Космотауне мертвого космонита и осознал, что в течение нескольких часов был настолько поглощен своими собственными проблемами, что совершенно забыл о беспощадной реальности убийства.

Глава 5

АНАЛИЗ УБИЙСТВА

Джесси подошла попрощаться с ними. На ней была вечерняя шляпка и жакет из кератоткани.

— Надеюсь, вы меня извините, мистер Оливо. Я знаю, что вам с Лайджем нужно многое обсудить.

Она открыла дверь и подтолкнула сына вперед.

— Когда ты вернешься, Джесси? — спросил Бейли. Джесси помедлила:

— А когда мне лучше прийти?

— Ну, совсем не обязательно уходить на всю ночь. Может, вернешься в свое обычное время? Где-то около двенадцати?

Он вопросительно посмотрел на Р. Дэниела.

Тот кивнул:

— Сожалею, что приходится выгонять вас из собственного дома.

— Не беспокойтесь об этом, мистер Оливо. Я всегда провожу этот вечер с подругами. Пошли, Бен.

Сладить с подростком было непросто.

— А мне-то зачем уходить? Я не собираюсь им мешать. В самом деле!

— Делай, что тебе говорят.

— Ну, тогда почему мне нельзя пойти с тобой в субэфирник?

— Потому что я иду с подругами, а у тебя есть другие...

Дверь за ними захлопнулась.

И вот настал тот момент, который Бейли все время старался оттянуть. Сначала он говорил себе: «Перво-наперво встретим робота и посмотрим, что он собой

представляет». Потом думал: «Надо привести его домой». А затем: «Сначала поедим».

Но теперь все уловки были позади. Дальше откладывать было некуда. Он наконец вплотную приблизился к вопросу об убийстве, о межзвездных отношениях, о возможном повышении в звании, о возможном провале. Но даже начать разговор он не мог иначе как обратившись за помощью к роботу. Пальцы его бесцельно барабанили по столу, который еще не убрали обратно в нишу.

— Мы можем быть уверены, что нас здесь не подслушивают? — спросил Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на него с удивлением:

— Никто не станет слушать разговоры в чужой квартире.

— У вас не принято подслушивать?

— Это никому и в голову не придет, Дэниел. С тем же успехом вы могли бы предположить, что кто-нибудь... не знаю... что кто-нибудь станет заглядывать в вашу тарелку, когда вы едите.

— Или что кто-нибудь совершил убийство?

— Что?

— Убивать ведь тоже не в ваших обычаях, не так ли, Элайдж?

Бейли почувствовал, что начинает злиться:

— Послушайте, если вы хотите со мной сотрудничать, перестаньте подражать космонитам с их высокомерием. Вам это не идет, Р. Дэниел.

Он не устоял против желания подчеркнуть «Р».

— Извините, если я вас обидел, Элайдж. Я лишь хотел показать, что если человеческие существа способны, явно пренебрегая обычаем, совершить убийство, то они могут нарушить обычай и для меньшего зла, такого, как подслушивание.

— Квартира достаточно хорошо изолирована, — сказал Бейли, все еще хмурясь. — Вы ведь не слышали никаких звуков из соседних квартир? Ну и соседи нас не услышат. И потом, откуда кому знать, что мы собираемся здесь обсуждать?

— Давайте не будем недооценивать противника.

— Давайте лучше перейдем к делу, — пожал плечами Бейли. — У меня информации мало, так что я без

труда могу выложить все свои карты. Мне известно, что некто, по имени Родж Наменну Сартон, гражданин планеты Аврора, проживавший в Космотауне, был убит неизвестным или неизвестными. Насколько я понимаю, у космонитов сложилось мнение, что это событие не случайно. Я прав?

— Вы абсолютно правы, Элайдж.

— Они связывают его с недавними попытками сабо-тировать проект создания на Земле единого робото-человеческого общества по модели Внешних Миров, спон-сором которого являются космониты, и предполагают, что убийство было подготовлено хорошо организован-ной террористической группой.

— Да.

— Хорошо. Тогда начнем с того, является ли это предположение космонитов действительно верным? По-чему убийство не могло быть делом рук какого-нибудь фанатика-одиночки? На Земле многие недовольны ро-ботами, но нет ни одной партии, пропагандирующей такого рода насилие.

— В открытую, возможно, нет.

— Даже у тайной организации, поставившей себе целью разрушение роботов и производящих их фабрик, хватило бы здравого смысла, чтобы понять: самое худ-шее, что они могут сделать, — это убить космонита. Гораздо логичнее предположить, что здесь действовал человек с расстроенной психикой.

— Думаю, что факты свидетельствуют против вер-сии о фанатике, — сказал Р. Дэниел, внимательно вы-слушав Бейли. — Уж очень тщательно была выбрана жертва и время убийства. Такое под силу лишь хорошо организованной группе, способной разработать деталь-ный план операции.

— В таком случае, вам известно гораздо больше, чем мне. Выкладывайте!

— Я не знаю этого выражения, но, кажется, пони-маю, что вы хотели сказать. Думаю, мне придется разъяснить вам подоплеку происшедшего. В Космотауне считают, что у нас с Землей сложились неудовлетво-рительные отношения.

— Это еще мягко сказано... — пробормотал Бейли.

— Мне говорили, что, когда основали Космотаун, почти никто из наших людей не сомневался, что Земля захочет принять и построить единое общество, которое так хорошо себя зарекомендовало на Внешних Мирах. Даже после первых бунтов мы думали, что все дело лишь в том, что ваши люди еще не оправились от первого шока, вызванного новизной происходящего. Однако оказалось, что дело не в том. Несмотря на сотрудничество со Вселенским правительством и администрациями большинства Городов, сопротивление землян не ослабевало, и мы смогли добиться немногого. Естественно, для нашего народа это было делом большой важности.

— Вами, я полагаю, двигал чистый альтруизм.

— Не совсем, — возразил Р. Дэниел. — Хотя с вашей стороны очень любезно приписывать нам благородные побуждения. У нас широко распространено мнение, что здоровая, модернизированная Земля принесет пользу всей Галактике. По крайней мере, это мнение господствует у нас в Космотауне. Должен признать, на Внешних Мирах существуют мощные силы, противостоящие нам.

— Что? Разногласия среди космонитов?

— Конечно. Некоторые думают, что модернизированная Земля будет опасна, что у нее снова появятся империалистические замашки. Эта точка зрения особенно характерна для населения более старых миров, которые находятся ближе к Земле и имеют больше оснований помнить первые века межзвездных путешествий, когда Земля полностью контролировала их как политически, так и экономически.

— Старая песня, — вздохнул Бейли. — Они что, действительно этим обеспокоены? Неужели они все еще бросают в нас камни за то, что произошло тысячу лет назад?

— У людей свой особый, причудливый склад ума. Во многих отношениях их мышление не так логично, как наше, мышление роботов. Ведь их цепи не так хорошо спланированы. Правда, мне говорили, что в этом есть и свои преимущества.

— Вероятно, есть, — сухо заметил Бейли.

— Вам лучше знать. Во всяком случае, постоянные неудачи на Земле способствовали усилиению националистических партий на Внешних Мирах. Они считают, что земляне коренным образом отличаются от космонитов и поэтому не смогут усвоить их образ жизни. По их мнению, если мы силой навяжем роботов землянам, то тем самым выпустим в Галактику дух разрушения. Видите ли, одного они никак не могут забыть: население Земли составляет восемь миллиардов человек, тогда как общая численность населения Внешних Миров не достигает и шести миллиардов. Наши люди в Космотауне, особенно доктор Сартон...

— Он был доктором?

— Доктором социологии. Он специализировался в роботехнике. Это был выдающийся ученый.

— Понятно. Продолжайте.

— Как я сказал, доктор Сартон и другие осознавали, что, если таким настроениям позволить распространяться на Внешних Мирах, подпитывая их нашими неудачами, Космотаун и все, что с ним связано, долго не просуществует. Доктор Сартон понял, что пришло время предпринять решительный шаг к пониманию психологии землян. Легко говорить, что люди Земли консервативны от природы, и повторять избитые фразы о «неизменяемости Земли» и «непостижимости земного склада ума», все это лишь уводит в сторону от решения проблемы.

Доктор Сартон повторял, что это говорит наше невежество и что мы не можем отмахнуться от землян какой-нибудь присказкой или банальностью. Он говорил, что, если космониты хотят переделать Землю, они должны преодолеть изолированность Космотауна и смещаться с землянами. Что они должны жить как земляне, думать как они, быть как они.

— Космониты? Но это же невозможно! — воскликнул Бейли.

— Совершенно верно, — согласился Р. Дэниел. — Несмотря на свои взгляды, даже сам доктор Сартон не смог бы заставить себя войти в какой-нибудь Город, и он это знал. Он не вынес бы его гигантизма и вечных толп народа. Даже если бы его вынудили войти туда под дулом бластера, обстановка так угнетала бы его, что он

никогда не смог бы проникнуть в ваш сокровенный внутренний мир.

— А как насчет их прямо-таки животного страха перед болезнями? — прервал его Бейли. — Не забывайте об этом. Я думаю, из-за одного этого среди них не нашлось бы никого, кто рискнул бы войти в Город.

— И это тоже. Болезни, в земном смысле слова, не известны на Внешних Мирах, а перед неизвестным всегда испытываешь сильный страх. Доктор Сартон хорошо все это понимал и тем не менее настаивал на необходимости ближе узнать землянина и образ его жизни.

— Кажется, он сам себя загнал в тупик.

— Не совсем. Все эти препятствия непреодолимы для космонитов-людей. Космониты-роботы — совсем другое дело.

«Черт, все время забываю, что он робот», — подумал Бейли. Вслух он воскликнул:

— В самом деле?

— Да. Это естественно: мы гибче. По крайней мере, в этом отношении. Нас можно сконструировать специально для адаптации к жизни землян. Если создать роботов, внешне ничем не отличающихся от жителей Земли, возможно, земляне их примут и позволят изучить свою жизнь изнутри.

— И вы...

Бейли вдруг осенило.

— Как раз такой робот, — подтвердил Р. Дэниел. — Доктор Сартон целый год работал над проектированием таких моделей. Я первый из его роботов и пока единственный. К несчастью, мое образование еще не закончено. В результате убийства меня решили использовать раньше намеченного срока.

— Значит, не все космониты-роботы такие, как вы? Другие модели больше похожи на роботов, чем на людей. Так?

— Ну конечно же. Внешний вид зависит от функции робота. Моя функция требует очень близкого сходства с внешностью людей, поэтому у меня такая наружность. Другие роботы отличаются от меня, хотя все они имеют человеческий облик. Они, конечно, больше похожи на людей, чем те угнетающие примитивные модели, кото-

рые я видел в обувном магазине. У вас все работы такие?

— Более или менее, — ответил Бейли. — Вы считаете это неправильным?

— Разумеется. Людям трудно воспринимать грубую пародию на человека как равную себе по интеллекту. Неужели ваши фабрики не могут работать лучше?

— Могут, Дэниел, я в этом уверен. Все дело в том, что мы предпочитаем знать, когда имеем дело с роботом, а когда — с человеком.

Говоря это Бейли смотрел прямо в глаза роботу. Они были блестящими и влажными, как человеческие, но Бейли заметил, что их взгляд неподвижен.

— Надеюсь, что со временем я пойму эту точку зрения.

На мгновение Бейли показалось, что в реплике Р. Дэниела прозвучал сарказм, но он тут же отбросил эту мысль.

— Во всяком случае, — продолжал Р. Дэниел, — доктор Сартон хорошо понимал, что в этом одна из трудностей перехода к *C/Fe*.

— Цэ фэ? Что это такое?

— Химические символы, обозначающие углерод и железо, Элайдж. Углерод — основа человеческой жизни, а железо — основа жизни роботов. Сочетание символов *C/Fe* удобно использовать для обозначения культуры, совмещающей лучшие черты обоих на равной, но параллельной основе.

— Цэ фэ. Вы пишете их через дефис или как?

— Нет, Элайдж, не через дефис. Принятая форма — диагональная линия между двумя этими знаками. Она символизирует слияние двух культур без превосходства одной над другой.

Бейли вдруг поймал себя на том, что слушает с большим интересом. Официальная программа образования на Земле по существу не включала в себя никаких сведений по истории и социологии Внешних Миров после Великого мятежа, в результате которого бывшие колонии Земли стали независимыми. Конечно, популярные романтические книгофильмы создавали свои стереотипы людей с Внешних Миров: заезжий магнат, желчный и эксцентричный; его прелестная наследница, неиз-

менно окодовываемая чарами землянина и сменяющая презрение на любовь; заносчивый и злобный соперник-космонит, вечно остающийся в дураках. Эти фильмы никуда не годились, поскольку противоречили даже самым общеизвестным фактам. Каждый знал, что космониты никогда не входили в Город, а женщины с Внешних Миров вообще не ступали на Землю.

Он не без усилия заставил себя вернуться к предмету разговора.

— Кажется, я понимаю, к чему вы клоните. Ваш доктор Сартон приступил к решению проблемы превращения Земли в общество типа *C/Fe* с другой, новой и многообещающей стороны. Наши консервативные круги, или медиевисты, как они себя называют, встревожились. Они испугались, что Сартон может добиться успеха, и убили его. Именно эта мотивировка предполагает организованный заговор, а не случайную ярость случайного человека. Верно?

— Да. Приблизительно так я бы это и сформулировал, Элайдж.

Бейли задумчиво присвистнул. Он чуть слышно побарабанил своими длинными пальцами и покачал головой.

— Что-то не клеится. Совершенно не клеится.

— Простите, я вас не понимаю.

— Я пытаюсь восстановить картину происшедшего. Землянин идет в Космотаун, подходит к доктору Сартону, убивает его своим бластером и уходит. Я совершенно не могу этого представить. Ведь вход в Космотаун охраняется.

Р. Дэниел кивнул:

— Думаю, можно с уверенностью сказать, что ни один землянин не смог бы пройти через вход незамеченным.

— И что в таком случае остается от вашей версии?

— От нее ничего бы не осталось, если бы вход был единственным путем проникновения из Нью-Йорка в Космотаун.

Бейли задумчиво смотрел на своего помощника:

— Я вас не понимаю. Это единственное место сообщения между ними.

— Прямого сообщения — да. — Р. Дэниел сделал паузу и сказал: — Я вижу, вам все еще не понятно. Так?

— Именно так. Совершенно не понимаю, к чему вы клоните.

— Ну что ж, если вас это не обидит, я попытаюсь объяснить свою мысль. Можно попросить лист бумаги и ручку? Спасибо. Вот смотрите, коллега Элайдж. Я рисую большую окружность и пишу на ней «Нью-Йорк». Теперь я нарисую маленькую соприкасающуюся с ней окружность. Это Космотаун. Стрелкой я указываю то место, где они касаются друг друга. Это — барьер. Ну что, разве вы до сих пор не видите других путей сообщения между городами?

— Конечно, нет. Других путей сообщения не существует.

— В некотором смысле, — сказал робот, — я рад услышать это от вас. Это соответствует тому, что мне говорили об образе мышления землян. Барьер — это единственная прямая связь. Но и Город, и Космотаун со всех сторон открыты незаселенным территориям. У землянина есть возможность покинуть Нью-Йорк через любой из многочисленных выходов и направиться через открытое пространство к Космотауну, где его не остановит ни один барьер.

Бейли не мгновение высунул кончик языка, не в силах справиться с крайним изумлением:

— Через открытое пространство? — наконец выдал он.

— Да.

— Через открытое пространство! В одиночку?

— Почему бы и нет?

— Пешком?

— Несомненно. Обнаружить идущего пешком человека невозможно. Убийство произошло в самом начале рабочего дня, так что переход явно был совершен до рассвета.

— Невозможно! Ни один землянин на это не способен. Выйти из Города? В одиночку?

— Да. В обычной ситуации это было бы невероятно. И мы, космониты, знаем это. Вот почему мы и охраняем

только вход. Даже во время Великого бунта атаковали только барьер. Ни один человек не покинул Город.

— Ну?

— Но сейчас мы столкнулись с необычной ситуацией. Это не слепое нападение толпы, идущей по пути наименьшего сопротивления, а организованный акт небольшой группы, задача которой заключалась в том, чтобы проникнуть в Космотаун в неохраняемом месте. Этим и объясняется, почему землянин смог войти в Космотаун, подкрасться к своей жертве, совершить убийство и спокойно скрыться. Убийца воспользовался нашей беспечностью.

— Это слишком невероятно, — покачал головой Бейли. — Ваши люди пытались как-то проверить эту версию?

— Да. Ваш комиссар полиции как раз находился в это время в Космотауне и едва не стал свидетелем убийства.

— Знаю. Он мне рассказал.

— Это, Элайдж, еще одно доказательство того, что время преступления было точно рассчитано. Ваш комиссар в прошлом сотрудничал с доктором Сартоном, и именно с ним доктор Сартон собирался обсудить первоочередные мероприятия, связанные с внедрением в ваш Город таких роботов, как я. На встрече в то утро должны были рассматриваться вопросы, касающиеся этого проекта. Естественно, убийство помешало осуществлению этих планов или, по крайней мере, отодвинуло его на какое-то время. И то, что это случилось, когда ваш собственный комиссар полиции находился фактически в пределах Космотауна, ставит землян в еще более неловкое положение, впрочем так же, как и нас. Но я хотел сказать о другом, — продолжал Р.Дэниел. — Ваш комиссар побывал на месте преступления, и мы поделились с ним своим предположением о том, что убийца, скорее всего, проник в наш город через открытое пространство. Подобно вам, он воскликнул что-то вроде «невозможно!» или «немыслимо!». Конечно, он был очень встревожен, и, возможно, из-за этого ему трудно было уловить суть дела. Тем не менее мы настаивали на том, чтобы он незамедлительно начал проверку этой версии.

Бейли вспомнил о разбитых очках комиссара и, несмотря на мрачные мысли, улыбнулся краешком рта. Бедняга Джулиус! Еще бы ему не встревожиться! Не мог же Эндерби рассказать о своей беде высокомерным космонитам, для которых любой физический недостаток был отвратителен и являлся характерным признаком генетически не селекционированных землян. По крайней мере, он не мог этого сделать, не уронив достоинства, а комиссару полиции Джулиусу Эндерби престиж был очень дорог. Что ж, бывают случаи, когда землянам необходимо держаться вместе. От Бейли робот никогда не узнает о близорукости Эндерби.

— Один за другим были обследованы все выходы из Нью-Йорка, — продолжал тем временем Р. Дэниел. — Знаете, Элайдж, сколько их оказалось?

Бейли покачал головой, затем рискнул высказать догадку:

— Двадцать?

— Пятьсот два.

— Сколько?

— Сначала их было гораздо больше. Пятьсот два — это те, что еще функционируют. Ваш Город, Элайдж, — олицетворение медленного развития. Когда-то он стоял под открытым небом и люди свободно входили и выходили из него.

— Конечно. Я знаю это.

— Так вот, когда его только закрыли, в нем оставалось еще много выходов. Пятьсот два сохраняются до сих пор. Остальные перестроены или заделаны. Мы, конечно, не включаем в их число пункты доставки и отправки авиагрузов.

— Так что дало обследование выходов?

— Это оказалось безнадежным делом. Они не охраняются. Мы не смогли найти ни одного чиновника, который бы за них отвечал. Кажется, никто даже и не подозревал об их существовании. При желании каждый мог в любое время выйти через любой из них, когда ему вздумается. Его никто никогда бы и не заметил.

— Что-нибудь еще? Оружие, я полагаю, исчезло.

— Разумеется.

— Какие-нибудь улики?

— Ничего. Мы обшарили все вокруг Космотауна. Работы с овощеводческих ферм оказались совершенно никудышными свидетелями. Они мало чем отличаются от обычной автоматизированной техники. А людей там не было.

— Ясно. И что дальше?

— Коли расследование в Космотауне не дает пока никаких результатов, мы продолжим его в Нью-Йорке. Наша задача — выследить все возможные подрывные группы, выявить все организации инакомыслящих...

— Сколько времени вы намерены потратить на все это? — перебил Бейли.

— Как можно меньше и в то же время столько, сколько потребуется.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Бейли, — вам явно не повезло с напарником в расхлебывании всей этой каши.

— Я так не думаю, — возразил Р. Дэниел. — Комиссар очень высоко отзывался о вашей преданности делу и о ваших способностях.

— Очень мило с его стороны, — усмехнулся Бейли и подумал: «Бедняга Джюлиус! Совесть его мучает, вот он и лезет из кожи вон».

— Мы не полагались лишь на его слова, — продолжал Р. Дэниел. — Мы сами навели о вас справки. Вы открыто выражали недовольство по поводу того, что в вашем департаменте начали использовать роботов.

— Да. Вам это не нравится?

— Отнюдь. Ваши взгляды — это, конечно, ваше дело. Но мы были вынуждены очень внимательно изучить ваш психологический портрет. Оказалось, что, несмотря на свою сильную неприязнь к роботам, вы согласились бы сотрудничать с одним из них, если бы увидели в этом свой долг. У вас удивительно высокое чувство ответственности и уважения к законной власти. Это как раз то, что нам нужно. Комиссар Эндерби дал вам верную оценку.

— А лично вас не задевает мое негативное отношение к роботам?

— Если оно не мешает вам работать со мной и помогать мне в выполнении моего долга, какое это имеет значение? — спросил Р. Дэниел.

Бейли почувствовал раздражение.

— Ну что ж. Я испытание прошел, а как насчет вас? Что вас делает сыщиком? — вызывающе спросил он.

— Я не понимаю вас.

— Вы созданы как машина для собирания информации. Как копия человека, фиксирующая факты жизни землян, необходимые космонитам.

— Для начала сыщику было бы неплохо ею быть — машиной для собирания информации, не так ли?

— Для начала — может быть. Но этого совершенно недостаточно.

— Конечно, мои цели были соответствующим образом скорректированы.

— Любопытно было бы узнать об этом поподробнее, Р.Дэниел.

— Было найдено довольно простое решение. В мой банк побудительных мотивов вложили очень сильный импульс: стремление к справедливости.

— К справедливости! — воскликнул Бейли.

Ирония постепенно исчезла с его лица и сменилась выражением искреннего недоверия.

Внезапно Р.Дэниел повернулся и уставился на дверь.

— За дверью кто-то стоит.

Он оказался прав. Дверь отворилась, и вошла Джесси, бледная, с плотно сжатыми губами.

— Джесси?! Что-нибудь случилось? — встревоженно воскликнул Бейли.

Она остановилась и отвела взгляд в сторону.

— Извини. Я должна была... — она замолчала.

— Где Бентли?

— Он переночует в молодежном общежитии.

— Почему? Я вовсе не просил тебя об этом.

— Ты сказал, что твой напарник останется у нас на ночь, и я подумала, что ему понадобится комната Бентли.

— В этом не было никакой необходимости, — вмешался Р.Дэниел.

Джесси подняла взгляд на Р.Дэниела и серьезно посмотрела на него.

Опустив голову, Бейли стал внимательно разглядывать кончики своих пальцев. При мысли о том, что сейчас могло произойти и чего он не мог предотвратить, он почувствовал внезапную слабость. Наступившая ти-

шина зазвенела в ушах, а затем издалека, словно сквозь несколько слоев пластика, до него донеслись слова жены:

— Мне кажется, вы — робот, Дэниел.

И Р. Дэниел ответил спокойным, как всегда, голосом:

— Да, я — робот.

Глава 6

ШЕПОТ В СПАЛЬНЕ

На самых верхних этажах наиболее престижных секторов Города находятся естественные солярии. Их кварцевые стены с раздвигающимися металлическими экранами пропускают солнечные лучи, одновременно преграждая доступ воздуху извне. Именно там загорают жены и дочери отцов Города. Именно там каждый вечер происходит чудо — спускается ночь.

В остальной же части Города (включая солярии, где миллионы простых смертных по строгому графику представляют свои бока под искусственное излучение дуговых ламп) разделение суток на день и ночь — понятие довольно условное.

Трудовая жизнь Города вполне могла бы вестись непрерывно — и «днем», и «ночью», в три восьмичасовых или четыре шестичасовых смены. Ничего не стоило бы поддерживать постоянное дневное освещение, продолжая работу до бесконечности. Время от времени сторонники гражданских реформ выдвигали эту идею, приводя в качестве аргумента интересы развития экономики.

Но не было случая, чтобы подобное предложение нашло поддержку.

И так во имя интересов этой экономики человечество пожертвовало всем прежним укладом жизни. Землянам пришлось потесниться, забыть об уединении и даже поступиться личной свободой. Правда, весь этот уклад возник вместе с цивилизацией и просуществовал не более десятка тысячелетий.

Совсем другое дело — привычка спать в ночное время суток. Ей столько же лет, сколько самому человеку — около миллиона. Отказаться от нее не так-то просто. Хотя землянам и не видно наступление вечера, но, как только на Город спускаются сумерки, свет в их квартирах начинает гаснуть и жизнь в Городе замирает. Пусть на крытых улицах Города невозможно отличить полдень от полночи, человечество руководствуется безмолвными указаниями часовой стрелки.

Пустеют экспресс-линии, затихает шум на улицах, тают толпы спешащих по гигантским переходам людей. Город Нью-Йорк покоится в невидимой тени Земли, и население его спит.

Элайджу Бейли не спалось. Он лежал в постели, в комнате было темно, но заснуть никак не удавалось. Рядом, скрытая темнотой, лежала Джесси, ни единым движением не выдавая свое присутствие.

За стеной сидел? стоял? лежал? (хотелось бы Бейли знать!) Р. Дэниел Оливо.

— Джесси! — позвал Бейли шепотом. Затем еще раз: — Джесси!

— Ну что еще?

— Джесси, не заставляй меня переживать еще больше.

— Ты мог бы предупредить меня.

— Да не мог. Я собирался, но не знал как. Помилуй, Джесси...

— Тсс!

Бейли понизил голос до едва слышного шепота:

— Как ты догадалась? Скажи мне?

Джесси повернулась к нему. Сквозь темноту Бейли почувствовал на себе ее взгляд.

— Лайдж, — ее голос был едва различим, — он может услышать нас? Этот механизм?

— Нет, если говорить шепотом.

— Откуда ты знаешь? Может быть, его уши улавливают самые тихие звуки. Роботы космонитов способны на все.

Бейли знал это. Сторонники внедрения роботехники без конца воспевали на разные лады чудесные свойства роботов, производимых космонитами: их прочность, способность ощутить то, что недоступно человеку, готов-

ность взять на себя сотню новых функций, осчастливив таким образом человечество. Лично он считал, что подобная пропаганда давала обратный результат. За превосходство над собой земляне начинали ненавидеть роботов еще больше.

— Только не Р. Дэниел, — шепотом ответил он. — Его специально сконструировали по типу человека. Им нужно было, чтобы его принимали за человеческое существо, поэтому он наверняка обладает лишь теми чувствами, что и мы.

— Откуда ты знаешь?

— Если бы он обладал сверхчувствительностью, возникла бы слишком большая опасность, что он случайно выдаст себя. Он мог бы совершить нечто выходящее за рамки человеческих возможностей, узнать слишком много.

— Что ж, может быть.

Снова наступила тишина. Переждав минуту, Бейли сделал вторую попытку:

— Джесси, если ты позволишь оставить все как есть до тех пор, пока... пока... Послушай, дорогая, несправедливо так сердиться.

— Сердиться? Ну надо же быть таким глупым, Лайдж. Я вовсе не сержусь. Я боюсь. Боюсь до смерти.

Она всхлипнула и уткнулась в ворот его пижамы. Какое-то время они лежали, тесно прильнув друг к другу, и растущее было в Бейли чувство обиды исчезло без следа, уступив место неподдельной тревоге.

— Но почему, Джесси? Беспокоиться совершенно не о чем. Он не опасен. Клянусь тебе.

— Лайдж, а ты не можешь как-нибудь отделаться от него?

— Ты сама знаешь, что не могу. Это ведь задание департамента. Разве можно?

— Какое задание, Лайдж? Расскажи мне.

— Ну, Джесси, ты меня удивляешь.

В темноте он на ощупь отыскал ее щеку и погладил ее. Щека была мокрой. Рукавом пижамы он осторожно вытер ее слезы.

— Ну послушай, — сказал он ласково, — не будь ребенком.

— Попроси их, чтобы это задание, в чем бы оно ни заключалось, поручили кому-нибудь другому. Пожалуйста!

Голос Лайджа зазвучал жестче.

— Джесси, ты не первый год замужем за полицейским, и пора бы тебе знать, что задание есть задание.

— Но почему выполнять его должен именно ты?

— Джюлиус Эндерби...

Бейли почувствовал, как Джесси мгновенно напряглась.

— Я так и знала. Почему бы тебе не сказать этому самому Джюлиусу Эндерби, что грязную работу хотя бы раз мог бы выполнить кто-то другой. Ты позволяешь взваливать на себя слишком много, Лайдж, и это просто...

— Ну, успокойся, успокойся, — утешал ее Бейли.

Джесси умолкла, борясь с душившими ее слезами. «Ей никогда не понять», — подумал он.

Джюлиус Эндерби был причиной их постоянных споров еще со временем их помолвки. В Городском административном колледже Эндерби учился на два класса старше Бейли. Они дружили. Когда Бейли прошел серию профориентационных тестов и невроанализ, попав в результате на службу в полицию, оказалось, что Эндерби и здесь опередил его: к тому времени его успели назначить в сыскной отдел.

Бейли все время шел по пути, уже пройденному Эндерби, но с годами дистанция между ними увеличивалась. В принципе винить в этом было некого. Способностей и профессионализма Бейли было не занимать, но ему недоставало тех качеств, которыми Эндерби обладал сполна. Эндерби идеально подходил к роли чиновника. Он был прирожденным руководителем и чувствовал себя в бюрократическом аппарате как рыба в воде.

Комиссар вовсе не отличался большим умом, и Бейли знал это. У него были свои причуды, взять хотя бы это показное увлечение медиевизмом. Но он со всеми поддерживал ровные отношения, не позволял себе наносить обиды окружающим; он принимал приказы с готовностью, а отдавал их, умело сочетая мягкость и требовательность. Он сумел наладить отношения даже с космонитами. Пожалуй, с ними он вел себя даже через чур подобострастно (сам Бейли не выдержал бы и

подня в общении с ними, в этом он был уверен, хотя ему ни разу еще не доводилось лично сталкиваться с ними), но космониты ему доверяли, и это делало его чрезвычайно полезным для Города.

Вот так и получилось, что на административной службе, где умение ладить с людьми значило больше, чем профессионализм, Эндерби быстро продвинулся и занимал уже должность комиссара, в то время как Бейли никак не мог выбраться из класса С-5. К такой расстановке сил Бейли относился спокойно, без обид, хотя, как всякого нормального человека, она его не очень-то радовала. В свою очередь, Эндерби не забывал об их юношеской дружбе и старался делать для Бейли все, что мог, как будто таким своеобразным способом хотел компенсировать свой собственный успех.

Взять хотя бы задание провести расследование вместе с Р. Дэниелом. Оно было сложным и неприятным, но, без сомнения, сулило значительное повышение. А ведь комиссар мог дать такой шанс и кому-нибудь другому. Его просьба об услуге во время их утреннего разговора весьма прозрачно намекала на это.

Джесси смотрела на их взаимоотношения иначе. В подобных случаях она говорила: «Это все твой дурацкий индекс лояльности. Мне уже надоело слушать, как все вокруг восхищаются твоим чувством долга. Ты хотя бы изредка думай о себе. Что-то незаметно, чтобы там, наверху, часто вспоминали о своей собственной лояльности».

Ожидая, пока Джесси успокоится, Бейли неподвижно лежал в постели, не помышляя о сне. Ему нужно было подумать. Нужно было проверить свои подозрения. В его голове мелькали, преследуя друг друга, различные мелочи. Постепенно они складывались в некую общую картину.

Бейли почувствовал, как Джесси приподнялась.

— Лайдж! — Ее губы были у самого его уха.

— Что?

— А может, тебе уйти в отставку?

— Ты с ума сошла.

— Нет, в самом деле? — неожиданно в ее голосе появились умоляющие нотки. — Так ты сможешь отде-

латься от этого ужасного робота. Просто пойди и скажи Эндерби, что с тебя хватит.

— Я не могу уйти в отставку, бросив на полпути важное дело, — ответил Бейли холодно. — И вообще, я не могу всякий раз посыпать все к чертям только потому, что мне этого хочется. Подобные выходки оканчиваются деклассификацией.

— Даже если так. Ты сможешь начать все сначала. У тебя получится, Лайдж. В полиции есть десятки должностей, на которые тебя возьмут с радостью.

— В департамент не принимают деклассифицированных. После деклассификации я смогу заниматься только физическим трудом, и ты, между прочим, тоже. Бентли лишится наследственных привилегий. Господи, Джесси, ты даже не представляешь, что это значит.

— Я читала об этом, Лайдж. Меня это не путает, — пробормотала она.

— Ты с ума сошла! Ты просто сошла с ума!

Бейли затрясло. В его памяти мелькнул знакомый образ отца, до самой смерти влакившего жалкое существование.

Джесси тяжело вздохнула.

Бейли без сожаления прогнал от себя мысли о жене. В отчаянии он вновь принял восстановливать картину убийства.

— Джесси, — сухо сказал он, — ты должна рассказать мне. Как ты узнала, что Дэниел — робот? Что натолкнуло тебя на эту мысль?

— Знаешь... — начала было Джесси, но замялась.

Уже в третий раз она пыталась все объяснить, и в третий раз что-то заставляло ее замолчать.

Он сжал ее руку, побуждая ее продолжать.

— Прошу тебя, Джесси. Чего ты боишься?

— Лайдж, я просто догадалась, что он робот.

— Ты не могла догадаться, Джесси, в нем не было ничего такого, — возразил Бейли. — Ведь ты не думала, что он робот, когда уходила, скажи честно?

— Не-ет, но потом...

— Ну же, Джесси. Как ты узнала?

— Просто... Понимаешь, Лайдж, об этом говорили девчонки в туалетном блоке. Ты ведь знаешь их. Болтают обо всем на свете.

«Ох уж эти женщины!» — подумал Бейли.

— В общем, — продолжила Джесси, — молва уже, наверное, разнеслась по всему Городу.

— По всему Городу?

Бейли мгновенно охватило ликование. Вот и еще одна недостающая деталь!

— Во всяком случае, по их словам выходило так. Они рассказывали, что по Городу шатается робот космонитов. Будто бы он совсем не отличается от человека и будет работать в городской полиции. Они даже меня в шутку спрашивали, мол, не знает ли твой Лайдж что-нибудь о нем? Но я только рассмеялась и сказала им, чтоб не говорили чепухи.

Потом мы пошли в субэфирник, и я стала думать о твоем новом напарнике. Помнишь, ты приносил домой фотографии, которые сделал в Космотауне Джулиус Эндерби? Ты хотел показать мне, как выглядят космониты. Так вот, мне пришла в голову мысль, что твой напарник выглядит точно так же. Меня вдруг осенило, что он очень похож на космонитов, и я сказала себе: «Боже мой, его, должно быть, узнали в обувном магазине, а он с Лайджем...» — тут я сослалась на головную боль и побежала домой...

— Постой, постой, Джесси. Успокойся. Чего ты боишься? Ведь сам Дэниел тебя не пугает. Ты нашла в себе силы встретиться с ним, когда вернулась домой. Ты прекрасно выдержала эту встречу. Поэтому...

Остановившись на полуслове, Бейли рывком сел на кровати. Его широко раскрытые глаза тщетно пытались разглядеть что-то в темноте. Джесси зашевелилась. Бейли протянул руку к ее лицу и зажал ей рот. Пытаясь освободиться, Джесси напряглась всем телом и ухватила его за запястье. Но он лишь еще сильнее прижал руку к ее лицу.

Через минуту, так же неожиданно он отпустил ее. Она всхлипнула.

— Прости, Джесси. Я прислушался, — хрипло проговорил Бейли, вылезая из-под одеяла, затем осторожно надел легкие шлепанцы из пластикового утеплителя.

— Куда ты, Лайдж? Не оставляй меня.

— Не волнуйся. Я только подойду к двери.

В темноте слышалось его едва различимое шарканье. Стараясь ступить как можно тише, Бейли обошел кровать, приоткрыл дверь в гостиную и застыл прислушиваясь. Было так тихо, что Бейли различал легкое дыхание Джесси, доносившееся с кровати. Он слышал, как глухо пульсировала кровь у него в ушах.

Рука Бейли тихонечко потянулась в приоткрытую дверь к тому месту на стене, которое он мог отыскать и с закрытыми глазами. Его пальцы нащупали выключатель верхнего света. Он слегка надавил на кнопку, и с потолка полился тусклый свет, настолько тусклый, что нижняя половина гостиной осталась в полумраке.

Однако и при таком освещении он разглядел все, что было нужно. Дверь в квартиру была заперта, и в гостиной было пусто.

Он отпустил кнопку выключателя и направился к кровати.

Бейли присел на краешек в задумчивости. Теперь все встало на свои места. Версия была выстроена.

— Ради бога, Лайдж, что случилось?

— Ничего. Все в порядке. Его там нет.

— Кого нет, робота? Ты хочешь сказать, он ушел? Насовсем?

— Нет, нет. Он еще вернется... А пока его нет, ответь на мой вопрос.

— Какой?

— Чего ты боишься?

Джесси молчала. Но Бейли не собирался отступать.

— Ты сказала, что боишься до смерти.

— Его.

— Нет, не его, мы это уже выяснили. С ним ты вела себя вполне естественно. И потом, ты прекрасно знаешь, что робот не может нанести вред человеку.

— Я думала, — заговорила Джесси медленно, — если узнают, что он робот, могут начаться беспорядки. Нас могут убить.

— Но за что нас убивать?

— Тебе же известно: когда толпа беснуется, все может произойти.

— Но ведь никто не знает, где находится робот, разве не так?

— Это легко узнать.

— Значит, ты боишься именно этого — беспорядков?
— Понимаешь...

— Тсс! — Он прижал Джесси к подушке и придвижился к самому ее уху. — Он вернулся. А теперь слушай и не говори ни слова. Все в порядке. Утром он уйдет и больше уже не вернется. Ничего не будет, никаких беспорядков.

Говоря это, он ощущал огромное облегчение. Он почувствовал, что сможет наконец-то заснуть.

Мысленно он повторил еще раз: «Ниаких беспорядков, ничего. И никакой деклассификации».

Уже погружаясь в сон, про себя подумал: «И даже никакого расследования. Ничего подобного. Разгадка найдена».

И он заснул.

Глава 7

ПОЕЗДКА В КОСМОТАУН

Kомиссар полиции с необыкновенной тщательностью протер свои очки и водрузил их на переносицу.

«Неплохой финт, — заметил себе Бейли. — Дает время подумать и, в отличие от раскуривания трубы, ничего не стоит».

При мысли о табаке он невольно вытащил трубку и те скучные запасы низкосортного курева, которые у него еще оставались.

Табак был одним из тех немногих предметов роскоши, которые пока еще выращивали на Земле, но все шло к тому, что скоро и от него должны были остаться лишь одни воспоминания. За всю свою жизнь Бейли не помнил такого случая, чтобы цена на табак понизилась. Она всегда ползла вверх, а нормы его выдачи постоянно сокращались.

Поправив очки, Эндерби нашупал на конце своего стола переключатель, щелкнул им, и на мгновение дверь его кабинета стала прозрачной изнутри.

— Кстати, где он сейчас?

— Он попросил разрешения осмотреть департамент, и я позволил Джеку Тобину выступить в роли гида.

Бейли закурил трубку и потуже затянул ее дымопоглощатель. Как большинство некурящих, комиссар не выносил табачного дыма.

— Надеюсь, вы не сказали ему, что Дэниел — робот?

— Конечно, нет.

Что-то держало комиссара в полном напряжении. Его пальцы бесцельно теребили автоматический календарь, стоявший на столе.

— Как дела? — спросил он, не глядя на Бейли.
— Средней паршивости.
— Очень жаль.
— Вы могли бы предупредить меня, что он — точная копия человека, — с упреком сказал Бейли.

Комиссар, казалось, сильно удивился:

— Разве я не предупреждал? — Затем с внезапной вспышкой раздражительности воскликнул: — Могли бы и сами догадаться, черт возьми! Разве я просил бы вас поселить его у себя, если бы он выглядел, как Р. Сэмми?

— Все это так, комиссар, но в отличие от вас я никогда раньше не видел таких роботов. Я даже не думал, что такое возможно. Просто жаль, что вы не сказали об этом, вот и все.

— Вы правы, Лайдж. Извините. Мне следовало предупредить вас. Просто эта работа, вообще все так действует мне на нервы, что я часто набрасываюсь на людей без всякой причины. Он — я имею в виду эту штуку, Дэниела, — робот нового типа. Он все еще находится в стадии эксперимента.

— Он так мне сам и объяснил.

— Да? Что ж, тогда и дело с концом.

Бейли внутренне напрягся. Дальше откладывать не было смысла. Он стиснул трубку зубами и сказал как бы между прочим:

— Р. Дэниел организовал для меня поездку в Космотаун.

— В Космотаун? — насторожился Эндерби.

— Да. Такой шаг подсказывает логика, комиссар. Я хотел бы осмотреть место преступления, задать кое-какие вопросы.

— Мне не нравится эта идея, Лайдж. — Комиссар решительно покачал головой. — Мы обыскали там все вокруг. Сомневаюсь, что вы узнаете что-нибудь новенькое. И потом... это вам не земляне. К ним нужен тонкий подход. А у вас в этом нет никакого опыта. — Он провел своей пухлой рукой по лбу и добавил с неожиданной горячностью: — Ненавижу их.

— Черт возьми, комиссар, — в голосе Бейли послышались нотки враждебности, — робот был у нас, и я должен побывать у них. Достаточно неприятно делить с роботом переднее место, но оказаться на заднем у меня нет ни малейшего желания. Конечно, если вы считаете, что я не способен вести расследование...

— Дело не в том, Лайдж. Вы тут ни при чем, все дело в космонитах. Вы не знаете, какие они.

Бейли нахмурился еще больше.

— Ну что ж. Тогда, комиссар, может быть, вы поедете с нами?

Он машинально скрестил два пальца левой руки, лежавшей у него на колене.

Глаза комиссара широко раскрылись.

— Нет, Лайдж. Я не поеду туда. И не просите. — Бейли почувствовал, что он с радостью взял бы свои слова обратно, но было поздно. Взяв себя в руки, комиссар жалко улыбнулся: — Понимаете, много работы здесь. Накопилось за несколько дней.

Бейли задумчиво наблюдал за ним.

— Тогда вот что. Может, вам присоединиться к нам позже с помощью трехмерника? Совсем ненадолго. Если мне вдруг понадобится помощь.

— Хорошо. Думаю, это я сделать смогу, — ответил комиссар нехотя.

— Вот и отлично. — Бейли взглянул на стенные часы, кивнул и поднялся. — Я буду поддерживать с вами связь.

Выходя из кабинета, Бейли на долю секунды задержался в дверях и оглянулся. Он заметил, как голова комиссара начала клониться к рукам, лежавшим на столе. Сыщик мог бы поклясться, что услышал всхлипывание. «Боже мой, да он в полном смятении!» — подумал Лайдж.

В общей комнате Бейли остановился и присел на угол ближайшего стола, не обращая внимания на сидевшего за ним сотрудника. Тот поднял голову, пробормотал приветствие и вернулся к своей работе.

Бейли отстегнул от трубки дымоглушитель и продул его. Затем опрокинул саму трубку над встроенной в стол маленькой вакуумной пепельницей, и она поглотила пудрообразный белый пепел. Он с сожалением по-

смотрел на опустевшую трубку и, снова насадив на нее глушитель, убрал ее в карман. Еще одна трубка табака исчезла навсегда!

Он еще раз прокрутил в голове разговор с комиссаром. С одной стороны, реакция Эндерби не удивила его. Он ожидал встретить сопротивление любой попытке войти в Космотаун, предпринятой с его стороны. Он достаточно часто слышал, как комиссар разглагольствовал о трудностях работы с космонитами, о том, как опасно позволять вести переговоры неопытным лицам, даже если предмет этих переговоров — сущий пустяк.

Однако Бейли не ожидал, что комиссар уступит так легко. Он предполагал, что Эндерби, по крайней мере, будет настаивать на совместной поездке. В сравнении с важностью этого расследования все другие дела просто теряли смысл.

А Бейли как раз и не хотел, чтобы Эндерби ехал вместе с ним. Ему нужно было именно то, чего он и добился. По его замыслу комиссар должен был присутствовать на переговорах в виде объемного образа — так, чтобы он наблюдал происходящее с безопасного расстояния.

Безопасность — вот что самое главное. Бейли нужен был свидетель, которого нельзя будет тут же устраниить. В этом была хоть какая-то гарантия его личной безопасности.

И комиссар сразу же согласился на его предложение. Бейли вспомнил услышанное напоследок всхлипывание — или ему это только показалось? «Господи, — подумал он, — старине явно не по силам такое дело».

Бейли вздрогнул от раздавшегося у самого его плеча бодрого гнусавого голоса.

— Какого дьявола тебе нужно? — раздраженно спросил он.

На лице Р. Сэмми застыла глупая улыбка.

— Джек велел передать, что Дэниел ждет вас, Лайдж.

— Хорошо. А теперь убирайся отсюда.

Он проводил уходящего робота хмурым взглядом. Ничто так не раздражало Бейли, как постоянное панибратство этой металлической штуковины. После своего первого разговора с Р. Сэмми он пожаловался комиссару, но тот лишь пожал плечами:

— Ничего не поделаешь, Лайдж. Общественность Земли настаивает на том, чтобы роботы конструировались с усиленной дружеской цепью. Вот он и тянется к тебе. Называет тебя самым дружеским именем, какое только знает.

Дружеская цепь! Ни один из существующих роботов ни при каких обстоятельствах не мог повредить человеческому существу. В этом заключался Первый Закон Роботехники: «Роботу запрещается причинять вред человеческому существу как действием, так и бездействием».

Не было ни одного случая, чтобы позитронный мозг построили без этого запрета, заложенного так глубоко в его базовые цепи, что ни одно мыслимое повреждение не могло разрушить его. Так что не было никакой необходимости в дополнительных дружеских цепях.

И все же комиссар был прав. В недоверчивости землян к роботам было что-то иррациональное, вот и приходилось снабжать тех особыми «цепями дружбы», а заодно делать им улыбающиеся лица. Так, по крайней мере, обстояло дело на Земле.

А вот Р. Дэниел никогда не улыбался.

Бейли вздохнул и встал. Следующая, а для него, может быть, и последняя, остановка — Космотаун.

Полицейские, а также некоторые высшие должностные лица все еще могли пользоваться индивидуальным транспортом в коридорах Города и в древних подземных туннелях мотошоссе, куда был закрыт доступ пешеходам. Со стороны членов либеральной партии вечно звучали требования превратить эти мотошоссе в детские площадки, построить на их месте новые торговые центры или расширить за счет них сеть экспресс-линий и местных линий.

Однако соображения безопасности всегда брали верх. В экстремальных ситуациях, будь то сильный пожар, повреждение силовых линий или вентиляторов, или возникновение серьезных беспорядков, должно было существовать средство для быстрой мобилизации городских сил к месту происшествия. Вот тут-то ничто не могло заменить мотошоссе.

До этого Бейли уже приходилось несколько раз пользоваться этой дорогой, но жуткая пустота мотошос-

се всегда утнетала его. Казалось, миллионы миль отделяют его от теплой пульсации жизни Города.

Бейли сидел за пультом управления машины, и перед его глазами, словно пустотелый слепой червь, разворачивался туннель мотошоссе. Время от времени туннель плавно изгибался, и взору Бейли открывались все новые и новые участки дороги. Позади него — он знал это не оборачиваясь — постепенно сокращался и исчезал другой такой же пустотелый и слепой червь. Мотошоссе было хорошо освещено, но в этой безмолвной пустоте освещение казалось бессмысленным.

Р.Дэниел сидел неподвижно, ничем не нарушая тишины. Пустынное мотошоссе производило на него ничуть не большее впечатление, чем переполненная людьми экспресс-дорога.

Еще немного, и под дикий вой сирены они выскочили из туннеля и плавно завернули на узкую автомобильную дорогу городского коридора. В дань уважения к уходящей в прошлое части истории автомобильные дороги все еще добросовестно обозначались вдоль каждого крупного коридора. Кроме полицейских и пожарных машин, а также машин техобслуживания, автомобильного транспорта как такового больше не существовало, и пешеходы пользовались дорогами с безграничной самоуверенностью. В возмущении они поспешно рассыпались перед завывающей машиной Бейли.

Бейли вздохнул свободнее, когда его снова окутал знакомый шум Города, но это была лишь передышка.

Менее чем через двести ярдов они свернули в более тихие коридоры, ведущие к входу в Космотаун.

Их уже ждали. Часовые явно знали Р.Дэниела в лицо и, хотя сами были людьми, кивнули ему без малейшего смущения.

Один из них приблизился к Бейли и отдал ему честь с безупречной, если не сказать холодной, вежливостью. Он был высоким и выглядел очень внушительно, хотя и не был совершенным образцом физического сложения, как Р.Дэниел.

— Будьте добры, сэр, ваше удостоверение личности, — обратился он к Бейли.

Удостоверение было проверено быстро, но тщательно. Бейли обратил внимание, что на руках у часового

были перчатки телесного цвета, а в каждой ноздре — почти незаметные фильтры. Часовой вернул удостоверение и снова отсалютовал.

— Здесь у нас небольшой мужской туалетный блок. Если вы желаете принять душ, мы с удовольствием предоставим его в ваше распоряжение, — сказал часовой и занял свое прежнее место.

Бейли хотел было отказаться, но Р.Дэниел мягко тронул его за рукав:

— Прием душа перед входом в Космотаун — обычна для жителей Города процедура. Я говорю вам это, поскольку знаю, что вы не хотели бы по неведению поставить себя или нас обоих в неловкое положение. Рекомендую вам также сделать все, что найдете нужным в плане гигиены. В Космотауне для этого не будет никаких условий.

— Никаких условий? — переспросил Бейли напряженно. — Но это невозможно.

— Я, конечно, имею в виду, — проговорил Р.Дэниел, — для жителей Города. — На лице Бейли появилось выражение крайнего неодобрения. — Я сожалею об этом, но таков обычай, — добавил Р.Дэниел.

Не проронив ни слова, Бейли вошел в туалетный блок. Он скорее почувствовал, чем увидел, что Р.Дэниел идет за ним.

«Проверяет меня? Хочет удостовериться, что я смою с себя пыль Города?» — спрашивал Бейли себя. Полный негодования, он упивался мыслью о том, какой удар он готовит Космотауну. Ему вдруг показалось не таким уж и важным, что этим он, возможно, направит бластер в свою собственную грудь.

Туалетный блок был небольшим, но в нем имелось все необходимое, а чистота была просто безупречной. В воздухе чувствовался едва уловимый острый запах. На мгновение озадаченный, он стал принюхиваться. «Озон! Они установили здесь ультрафиолетовые излучатели», — догадался Бейли.

Небольшое табло моргнуло несколько раз и залилось ровным светом. Объявление гласило: «Посетитель, пожалуйста, снимите с себя всю одежду, включая обувь, и поместите все в приемник, находящийся внизу».

Бейли не стал протестовать. Он снял пояс с бластером и снова застегнул его на обнаженной талии. Бластер показался тяжелым и неудобным.

Приемник закрылся, и одежда исчезла. Световое табло погасло, но впереди тут же вспыхнуло новое.

Бейли прочитал: «Посетитель, пожалуйста, отправьте естественные потребности и затем воспользуйтесь душем, указанным стрелкой».

Бейли чувствовал себя деталью на конвейере, которую обрабатывают с помощью дистанционно управляемых резцов.

Войдя в маленькую кабинку душа, он первым делом опустил на кобуру бластера влагонепроницаемый клапан и плотно закрепил его.

В кабинке не было ни ручки, ни крючка, на которые можно было бы повесить бластер. Не было видно даже распылителя воды. Пришлось положить оружие подальше от входа в кабинку прямо на пол.

Зажглось еще одно объявление: «Посетитель, пожалуйста, вытяните руки прямо перед собой и встаньте в центральный круг, поставив ноги в указанное положение».

Как только он поместил ноги в небольшие углубления, табло погасло и жалящие пеняющиеся струйки воды ударили в него с потолка, пола и со всех четырех сторон. Он чувствовал, как вода бурлит даже под его ступнями. Это продолжалось целую минуту. От жары и давления воды его кожа стала краснеть. Теплая влажность воздуха затрудняла дыхание. В следующую минуту пошла прохладная вода, ее напор был уже не таким сильным. И наконец, теплый воздух высушил его и освежил.

Бейли подобрал с пола пояс с бластером, и оказалось, что он тоже был сухим и теплым. Он нацепил его, шагнул из кабинки и в тот же миг увидел, как из соседнего душа появился Р. Дэниел. Еще бы! Робот не был жителем Города, но ведь и на нем скопилась городская пыль.

Бейли машинально отвел глаза. Но рассудив, что в Космотауне совсем не обязательно соблюдать обычай Города, он заставил себя еще раз посмотреть в сторону робота. Губы скривились в еле заметной усмешке. Сход-

ство Р. Дэниела с людьми не ограничивалось только лицом и руками. С кропотливой точностью были скопированы все части тела.

Бейли двинулся дальше по коридору туалетного блока и обнаружил свою одежду, аккуратно сложенную и источающую теплый свежий запах.

Еще одно табло гласило: «Посетитель, пожалуйста, оденьтесь и положите руку в указанное отверстие».

Бейли повиновался. Опустив руку на чистую молочно-белую поверхность, он ясно ощутил покалывание в подушечке среднего пальца. Бейли быстро отнял руку и увидел, как из пальца медленно вытекает капля крови. Пока он смотрел на палец, кровь остановилась. Он стряхнул каплю и надавил на палец, но крови больше не было.

Очевидно, они взяли его кровь на анализ. Бейли пронзила тревога. Он был уверен, что врачи департамента проводили ежегодный медосмотр не столь тщательно и, возможно, не на таком высоком уровне, как эти холодные роботоизготовители из открытого космоса. Он вовсе не хотел, чтобы состояние его здоровья подвергалось слишком детальному обследованию.

Бейли казалось, что его ожидание уже слишком затянулось, но наконец табло засветилось снова: «Посетитель, следуйте дальше». Бейли вздохнул с облегчением.

Он направился вперед и шагнул в арку. Прямо перед ним возникли два металлических стержня, преграждая ему путь, и в воздухе высветилась фосфоресцирующая надпись: «Внимание! Посетителю запрещается двигаться дальше».

— Какого черта! — выкрикнул Бейли, забыв от гнева, что он все еще в туалетном блоке.

Рядом раздался голос Р. Дэниела:

— Я думаю, что детекторы обнаружили источник энергии. Бластер у вас с собой, Элайдж?

Бейли круто развернулся. Его лицо побагровело от злости. Только с третьего раза ему удалось прохрипеть:

— Полицейскому положено иметь бластер при себе в любое время суток как на службе, так и вне ее.

Он позволил себе заговорить в полный голос в туалетном блоке впервые с тех пор, как ему исполни-

лось десять лет. Тогда это произошло в присутствии дяди Бориса. Он ударился ногой и невольно вскрикнул. Придя домой, дядя Борис задал ему хороший порки и прочитал ему целую лекцию о необходимости соблюдать правила приличия.

— Ни один посетитель не имеет права входить в Космотаун вооруженным. Это наш обычай, Элайдж. Даже ваш комиссар оставляет свой бластер во время своих посещений.

В другое время Бейли просто повернулся бы и ушел прочь из Космотауна, прочь от этого робота. Сейчас же он был буквально одержим желанием во что бы то ни стало осуществить свой план и таким образом полностью расквитаться с ними.

«Вот тебе и неназойливый медосмотр, заменивший тот более детальный и оскорбительный, что был прежде», — подумалось ему. Теперь он вполне понимал, понимал до боли в сердце то негодование и гнев, что привели к Барьерным бунтам времен его юности.

Чувствуя поднявшуюся в груди ослепляющую злость, Бейли отстегнул пояс с бластером. Р. Дэниел взял его и положил в нишу в стене.

— Чтобы открыть нишу на обратном пути, вам нужно будет вложить большой палец в углубление. Только ваш большой палец сможет открыть ее, — сказал Р. Дэниел.

Бейли чувствовал себя обнаженным, даже более нагим, чем в душевой. Он прошел то место, где недавно путь ему преградили стержни, и наконец покинул туалетный блок.

Он снова оказался в коридоре, но что-то в нем показалось ему странным. Свет, льющийся сверху, был каким-то непривычным. Он ощущал на лице еле уловимое движение воздуха, как будто мимо пролетела птица.

Должно быть, от Р. Дэниела не укрылось его замешательство.

— В сущности, вы сейчас находитесь на открытом воздухе, Элайдж. Он некондиционирован.

Бейли почувствовал легкую слабость. Как могли космониты предъявлять такие жесткие требования к чистоте посетителей из Города и при этом дышать грязным

воздухом открытых полей? Он сжал ноздри, будто этим можно было очистить вдыхаемый воздух.

— Я думаю, вы скоро сами убедитесь, что открытый воздух не вреден для человеческого организма, — сказал Р. Дэниел.

Воздушные потоки раздражающие действовали на лицо Бейли. Они были довольно слабыми, но какими-то неустойчивыми, и это вызывало у него неприятное чувство.

Однако худшее было впереди. Коридор открылся в голубизну безграничного пространства, и они оказались в полосе яркого белого света. Бейли знал, что такое солнечный свет. Как-то по долгу службы он заходил в естественный солярий. Но там самого солнца видно не было; его лучи преломлялись в защитном стеклянном куполе и заливали солярий равномерным сиянием. Здесь же все было открыто.

Он невольно взглянул на солнце и тут же опустил голову, часто моргая ослепленными слезящимися глазами.

В их сторону направлялся какой-то космонит. Внезапно Бейли охватили дурные предчувствия. Р. Дэниел шагнул навстречу приближающемуся человеку и пожал ему руку. Космонит повернулся к Бейли:

— Я доктор Хэн Фастольф. Прошу вас, сэр, следуйте за мной.

Внутри одного из куполов Бейли почувствовал себя уверенней. Он разглядывал все вокруг, удивляясь невероятным размерам комнат и той беспечности, с которой распределялось пространство. К его облегчению, воздух в куполе кондиционировался.

Фастольф сел, скрестив свои длинные ноги, и сказал:

— Я полагаю, вы предпочитаете кондиционированный воздух естественному.

Он держался довольно дружелюбно. Его лоб покрывали мелкие морщинки. Под глазами и подбородком кожа одрябла и слегка отвисла. Волосы его начинали редеть, но никаких признаков седины еще не было заметно. Большие уши оттопыривались, придавая ему забавный и добродушный вид, отчего Бейли окончательно успокоился.

Рано утром перед поездкой Бейли еще раз просмотрел фотографии Космотауна, сделанные Эндерби. Р. Дэ-

ниел только что договорился о встрече в Космотауне, и Бейли еще привыкал к мысли о том, что ему суждено увидеть космонитов живьем. Ему несколько раз доводилось говорить с ними по многомильной несущей волне, но это было совсем не то.

В общем-то, на тех фотографиях космониты были такими же, как герои популярных книгофильмов: высокими, рыжеволосыми, серыеными, с красивыми, но холодными лицами, как Дэниел Оливо, к примеру.

Р. Дэниел называл для Бейли космонитов по именам, и, когда Бейли вдруг указал на одну из фотографий и удивленно спросил: «Это случайно не вы?», робот ответил: «Нет, Элайдж, это мой конструктор, доктор Сартон». При этом на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Создатель сотворил вас по своему образу и подобию? — съязвил Бейли, но ответа на свой вопрос не услышал, да, по правде говоря, и не ожидал услышать. Насколько он знал, Библия на Внешних Мирах была редкостью.

И вот теперь Бейли смотрел на Хэна Фастольфа. Доктор обладал явно нетипичной для космонита внешностью, и это не могло не радовать землянина.

— Угощайтесь, пожалуйста.

Фастольф указал на стол, отделявший его и Р. Дэниела от землянина.

Стол был пуст, если не считать чаши с разноцветными сферическими предметами, которая стояла в центре. Бейли с трудом скрыл недоумение. Он принял ее за укращение стола.

— Это плоды естественной жизнедеятельности растений с Авроры. Советую вам попробовать вот этот. Он называется яблоком и считается приятным на вкус, — сказал Р. Дэниел.

Фастольф улыбнулся:

— Р. Дэниел, конечно, не может знать этого по собственному опыту, но он совершенно прав.

Бейли поднес яблоко ко рту. Оно было красно-зеленым, прохладным на ощупь и распространяло слабый, но приятный запах. Усилием воли он заставил себя откусить кусочек, и от неожиданно терпкой сочной мякоти плода у него заныли зубы. Он осторожно начал жевать.

Конечно, время от времени в рацион жителей Города включали натуральные продукты. Лично он часто ел натуральное мясо и хлеб. Но такая пища обязательно подвергалась предварительной обработке. Ее варили или измельчали, купажировали или комбинировали с другими продуктами. Что касается фруктов, то их давали только в виде пюре или консервов. То, что он держал сейчас в руке, должно быть, попало сюда прямо с грязной почвы планеты.

«Надеюсь, они его, по крайней мере, помыли», — подумал Бейли. Он снова удивился странным представлениям космонитов о чистоте.

— Позвольте мне рассказать о себе подробнее, — начал Фастольф. — Я руковожу расследованием убийства доктора Сартона здесь, в Космотауне, как комиссар Эндерби у вас в Городе. Если могу вам в чем-то помочь, всегда к вашим услугам. Так же как и вы, жители Города, мы заинтересованы в мирном разрешении этого конфликта и предотвращении подобных инцидентов в будущем.

— Благодарю вас, доктор Фастольф. Я высоко ценю ваше отношение, — сказал Бейли и подумал: «Ну, хватит обмениваться любезностями».

Он решительно надкусил сердцевину яблока, и у него во рту оказались твердые маленькие предметы овальной формы. Он поспешил выплюнуть их на пол. Один из них попал бы в ногу Фастольфа, если бы тот быстро не отдернул ее. Бейли покраснел и начал было наклоняться.

— Ничего, ничего, — доброжелательно сказал Фастольф. — Пусть лежат.

Бейли выпрямился и осторожно положил яблоко на стол. Ему не давала покоя мысль, что, как только он уйдет, потерянные маленькие предметы будут найдены и подобраны всасывающим устройством; чашу с фруктами сожгут или выбросят куда-нибудь подальше от Космотауна, а саму комнату обработают вирусцидом.

Он попытался скрыть свое смущение за резкостью:

— Прошу разрешения при помощи объемной видеосвязи подключить к нашему разговору комиссара Эндерби.

Брови Фастольфа взлетели вверх.

— Конечно, если вам это необходимо. Дэниел, соедините нас, пожалуйста.

Бейли застыл в напряженном ожидании, следя за тем, как стоявший в углу комнаты большой блестящий параллелепипед постепенно растворялся, уступая место изображению комиссара Эндерби и части его рабочего стола. При появлении знакомой фигуры комиссара Бейли вздохнул с облегчением; ему захотелось оказаться рядом с ним в безопасности его кабинета или где-нибудь еще, лишь бы только в родном Городе. Пусть даже в самых непривлекательных районах Джерси — среди дрожжевых фабрик.

Теперь, когда у него был свидетель, можно было перейти непосредственно к делу.

— Мне кажется, — решительно начал Бейли, — я проник в тайну, окружающую смерть доктора Сартона.

Краешком глаза Бейли увидел, как Эндерби вскочил со стула, хватая на лету свои соскользнувшие с носа очки. Поскольку голова его при этом оказалась за пределами трехмерного приемника, он, покрасневший и лишенный дара речи, вынужден был сесть снова.

Доктор Фастольф был поражен не меньше, однако он лишь склонил голову набок. Лишь Р. Дэниел оставался невозмутимым.

— Вы хотите сказать, — проговорил Фастольф, — что знаете, кто убийца?

— Нет, — ответил Бейли. — Я хочу сказать, что никакого убийства не было.

— Что? — вскричал Эндерби.

— Одну минуту, комиссар Эндерби, — остановил его Фастольф. Не сводя глаз с Бейли, он удивленно произнес: — Вы хотите сказать, что доктор Сартон жив?!

— Да, сэр, и я думаю, что знаю, где он.

— Где же?

— Вон там, — ответил Бейли и твердо указал на Дэниела Оливо.

Глава 8

СПОР ИЗ-ЗА РОБОТА

Бейли ощущал каждый удар своего сердца. Казалось, время остановилось. На лице Р. Дэниела, как всегда, не отражалось никаких эмоций. Хэн Фастольф был потрясен, но умело скрывал свои чувства.

Однако больше всего Бейли волновала реакция комиссара Джулиуса Эндерби. Трехмерный приемник, из которого на него уставилось лицо Эндерби, не давал четкого изображения. Мешало его постоянное, едва уловимое мелькание и не совсем идеальная разрешающая способность. Из-за этого несовершенства, а также из-за очков комиссара по глазам Эндерби ничего невозможно было прочитать.

«Не пропадай, Джулиус. Ты мне нужен», — подумал Бейли.

Вообще-то он не думал, что Фастольф станет предпринимать что-либо в лихорадочной спешке или позволит эмоциям вылиться наружу. Он когда-то читал, что у космонитов не было религии, но они подменили ее холодным бесстрастным интеллектуализмом, доведенным до высот философии. Он верил этому и на это рассчитывал. Любое свое действие они будут тщательно, не спеша обдумывать и если решатся что-то предпринять, то только на основе здравого смысла, взвесив все «за» и «против».

Если бы он сделал такое заявление, находясь среди них один, он больше никогда не вернулся бы в Город, в этом он был твердо уверен. Холодный разум продиктовал бы им такой выход. Для космонитов их планы значили больше, гораздо больше, чем жизнь жителя

Города. Для Джалиуса Эндерби придумали бы какую-нибудь отговорку. Может быть, предъявили бы комиссару труп его помощника и, покачав головами, стали бы говорить еще об одном ударе, нанесенном заговорщиками-землянами. И комиссар поверил бы. Так уж он был устроен. Если он и ненавидел космонитов, то ненависть эта основывалась на страхе. Он не осмелился бы не поверить им.

Вот почему именно ему Бейли отвел роль свидетеля, более того, свидетеля, находящегося в надежном месте, вне досягаемости космонитов с их тщательно продуманными мерами безопасности.

Раздался прерывающийся голос комиссара:

— Лайдж, вы совершенно не правы. Я сам видел труп доктора Сартона.

— Вы видели обугленные остатки того, что назвали трупом доктора Сартона, — смело возразил Бейли. Он мрачно подумал о недавно разбитых очках комиссара. Неожиданно для космонитов они сыграли им на руку.

— Нет, нет, Лайдж. Я хорошо знал доктора Сартона, и голова у него была не повреждена. Это был он. — Комиссар смущенно прикоснулся к очкам, как будто он тоже вспомнил о своем злоключении, и добавил: — Я осмотрел его внимательно, очень внимательно.

— А что вы скажете о нем? — Бейли снова указал на Р. Дэниела. — Разве он не похож на доктора Сартона?

— Да, так же, как походила бы на него статуя.

— Не так уж трудно придать своему лицу бесстрастное, как у робота, выражение, комиссар. Предположим, вы видели развороченного бластером робота. Вы сказали, что внимательно осмотрели его. Достаточно ли внимательно, чтобы разглядеть, что собой представляла обугленная поверхность вокруг раны — обгоревшую органическую ткань или ее заменитель, скрывающий под собой металлическую конструкцию?

На лице комиссара появилась гримаса отвращения:

— Не делайте из себя посмешище! — воскликнул он. Бейли повернулся к космониту.

— Согласны ли вы провести экстремацию трупа, доктор Фастольф?

Фастольф улыбнулся.

— У меня не было бы никаких возражений, мистер Бейли, но дело в том, что мы не хороним наших умерших. Кремация — повсеместно распространенный у нас обычай.

— Весьма удобный, — пробормотал Бейли.

— Скажите, мистер Бейли, как вы пришли к этому столь неожиданному заключению? — спросил доктор Фастольф.

«Не сдается, — подумал Бейли. — Будет до конца начисто отрицать свою вину». Вслух он сказал:

— Это было довольно просто. Чтобы сымитировать робота, недостаточно надеть на лицо застывшую маску и начать говорить неестественно правильным языком. Ваша беда в том, что вы у себя на Внешних Мирах слишком привыкли к роботам. Вы начали относиться к ним почти так же, как к людям. Вы стали слепы к различиям. На Земле все иначе. Для нас робот — это всего лишь робот. Так вот, во-первых, Дэниел слишком человечен для робота. Когда я впервые встретил его, я подумал, что он — космонит. Мне было довольно трудно перестроиться, когда он сообщил, что он — робот. Да и как же иначе, ведь он на самом деле космонит, а не робот.

— Как я говорил вам, коллега Элайдж, — вмешался Р. Дэниел, нисколько не смущенный тем, что сам был темой обсуждения, — меня сконструировали для того, чтобы я временно мог занять место в человеческом обществе. Сходства с человеком добивались специально.

— Этим занимались настолько серьезно, что тщательно скопировали даже те части тела, которые обычно скрыты под одеждой? Настолько серьезно, что повторили те органы, которые у робота не будут выполнять никакой мыслимой функции?

— Откуда вам это известно? — спросил вдруг Эндерби.

Бейли покраснел:

— Я не мог не заметить в... туалетном блоке.

Было видно, как потрясло это известие комиссара.

— Вы, конечно, понимаете, что сходство должно быть полным, иначе добиться нужного результата невозможно, — нарушил молчание Фастольф. — Полумерами в нашем деле не обойтись.

— Я могу закурить? — резко спросил Бейли.

Три трубки в день — это было немыслимое расточительство, но он словно бы несся в стремительном потоке отчаянного безрассудства и нуждался в успокаивающей затяжке табачного дыма. В конце концов, он бросил вызов космонитам. Он собирался заткнуть им глотки их же ложью.

— Извините, но я бы предпочел, чтобы вы не курили, — ответил Фастольф. Это было «предпочтение», обладавшее силой приказа.

Бейли почувствовал это. Он засунул обратно трубку, которую уже вытащил было в предвосхищении само собой разумеющегося разрешения. «Конечно же, нет, — с горечью подумал он. — Эндерби не предупредил меня, потому что сам не курит, но это же ясно. Одно вытекает из другого. На этих стерильных Внешних Мирах не курят, и не пьют, и вообще не ведают человеческих пороков. Не удивительно, что они признают роботов в своем проклятом — как Р. Дэниел назвал его? — *C/Fe-обществе!* Неудивительно, что Дэниел так хорошо играет роль робота. Если на то пошло, то все они здесь роботы».

— Слишком близкое сходство — лишь одна из многих улик, — продолжал Бейли. — Когда я вел его (тут Бейли пришлось указать на своего напарника. Он не мог заставить себя назвать его ни Р. Дэниелом, ни доктором Сартоном), в моем секторе произошел скандал, едва не переросший в массовые беспорядки. Именно он остановил надвигающуюся беду, и знаете, каким образом? Он наставил бластер на предполагаемых зачинщиков.

— Боже мой! — воскликнул Эндерби. — В протоколе говорится, что это вы...

— Знаю, комиссар, — перебил его Бейли. — Протокол составлялся с моих слов. Мне не хотелось, чтобы в документах значилось, что какой-то робот угрожал бластером людям.

— Нет, нет. Конечно же, вы поступили абсолютно правильно!

Эндерби явно охватил ужас. Он наклонился вперед, чтобы посмотреть на что-то находившееся за пределами объемного экрана. Бейли догадался, что это было. Ко-

миссар смотрел на измеритель энергии, чтобы проверить, не подключился ли кто к передатчику.

— Это еще одно доказательство вашего предположения? — поинтересовался Фастольф.

— Разумеется. Первый Закон Роботехники гласит, что робот не может причинить вреда человеческому существу.

— Но Р. Дэниел и не причинил никому вреда.

— Верно. После он даже заявил, что не выстрелил бы ни при каких обстоятельствах. И все же я никогда не слышал, чтобы робот мог нарушить дух Первого Закона настолько, чтобы угрожать человеку бластером, даже если у него на самом деле не было намерения пустить его в ход.

— Понятно. Вы специалист в области роботехники, мистер Бейли?

— Нет, сэр. Но я прослушал курс общей роботехники и позитронного анализа. Кое в чем я разбираюсь.

— Это хорошо, — заметил Фастольф, — но видите ли, я являюсь специалистом по роботехнике и уверяю вас, что сущность разума робота заключается в абсолютно буквальном толковании мира. Он не признает духа Первого Закона, только его букву. Возможно, у вас на Земле простые модели так перегружены дополнительными к Первому Закону мерами предосторожности, что, вероятно, они совершенно не способны угрожать человеку. Улучшенные модели, такие как Р. Дэниел, — совсем другое дело. Если я правильно понял ситуацию, угроза Р. Дэниела была необходима для предотвращения массовых беспорядков. В таком случае ее целью было предотвратить тот вред, который мог быть причинен человеческим существам. Он подчинялся Первому Закону, а не нарушал его.

Внутри у Бейли все сжалось, но внешне он сохранял напряженное спокойствие.

«Нелегко мне придется», — подумал Бейли, но он не собирался уступать космониту.

— Вы можете опровергать каждый довод по отдельности, но все вместе они сводятся к одному. Прошлой ночью во время обсуждения так называемого убийства этот мнимый робот заявил, что его будто бы превратили в сыщика посредством введения в его позитронные

цепи нового импульса. Импульса — какого бы вы думали? — к справедливости!

— Я подтверждаю это, — откликнулся Фастольф. — Это было сделано три дня назад под моим собственным руководством.

— Импульс к справедливости? Справедливость, доктор Фастольф, это абстрактное понятие. Только человек может использовать этот термин.

— Если вы определяете «справедливость» таким образом, что это абстракция, если вы говорите, что это есть исполнение каждым человеком своего долга, то я признаю правоту вашего довода, мистер Бейли. Знания, которыми мы обладаем в настоящее время, не позволяют нам вкладывать в позитронный мозг абстракции в человеческом понимании этого слова.

— Значит, вы признаете это — как специалист по роботехнике?

— Безусловно. Вопрос в том, что Р. Дэниел понимает под словом «справедливость».

— Из нашего с ним разговора мне было ясно, что он понимал под ним то же, что вы и я, любой другой человек. То, что никакой робот понять не в состоянии.

— Почему бы вам, мистер Бейли, не попросить его дать свое определение этому термину?

Уверенность Бейли слегка пошатнулась. Он повернулся к Р. Дэниелу:

— Ну?

— Да, Элайдж!

— Как вы определяете понятие справедливости?

— Справедливость, Элайдж, это то, что существует, когда обеспечивается соблюдение всех законов.

Фастольф кивнул.

— Неплохое определение для робота, мистер Бейли. А? Вот это-то стремление следить за тем, чтобы все законы неукоснительно соблюдались, и было заложено в Р. Дэниела. Справедливость для него — понятие очень конкретное, поскольку оно основывается на соблюдении законов. Точных недвусмысленных законов, которые, в свою очередь, конкретно определяются. Ничего абстрактного здесь нет. Исходя из абстрактных представлений морального порядка, человек может считать

некоторые законы плохими, а их осуществление — несправедливым. Что вы на это скажете, Р. Дэниел?

— Несправедливый закон, — ровным голосом проговорил робот, — это логическая несообразность.

— Для робота это так и есть, мистер Бейли. Так что, как видите, не следует смешивать понятие справедливости, которое существует у Р. Дэниела, и свое собственное.

Бейли резко повернулся к Р. Дэниелу.

— Вчера ночью вы выходили из моей квартиры.

— Да, выходил. Если это потревожило ваш сон, прошу меня извинить, — ответил Р. Дэниел.

— Куда вы ходили?

— В мужской туалетный блок.

Бейли был ошеломлен. Он не сомневался, что так оно на самом деле и было, но никак не ожидал получить такой ответ от Р. Дэниела. Его уверенность поколебалась, и все же он твердо решил держаться избранного пути. Комиссар пристально наблюдал за происходившим, его защищенные линзами очки глаза перебегали с одного собеседника на другого. Теперь Бейли просто не мог пойти на попятную, какие бы софизмы они ни пускали в ход против него. Он должен был твердо отстаивать свою точку зрения.

— После того как мы добрались до моего сектора, — начал он, — Р. Дэниел настоял на том, чтобы войти со мной в туалетный блок. Предлог его был неубедительным. Ночью он снова ходил туда, в чем только что признался. Если бы он был человеком, я бы сказал, что в этом нет ничего противоестественного. Это очевидно. Однако, если считать его роботом, эти посещения туалетной становятся бессмысленными. Возможен лишь один единственный вывод — это человек.

Фастольф кивнул. Казалось, ничто не могло выбить его из колеи.

— Это чрезвычайно интересно. А что если мы спросим самого Дэниела, зачем он ходил в туалетный блок прошлой ночью?

Комиссар Эндерби подался вперед:

— Прошу вас, доктор Фастольф, — пробормотал он, — да разве можно...

— Не стоит беспокоиться, комиссар, — сказал Фастольф. Его тонкие губы скривились в подобие улыбки. — Я уверен, что ответ Дэниела не оскорбит ни ваших чувств, ни чувств мистера Бейли. Мы слушаем вас, Дэниел!

— Вчера вечером, — начал Р. Дэниел, — жена Элайджа, Джесси, ушла из дома в дружеском расположении ко мне. Совершенно ясно, что у нее не было никаких оснований не считать меня человеком. Однако вернулась она, уже зная, что я робот. Вывод напрашивается сам собой: она получила эти сведения за пределами квартиры. Из этого следовало, что наш с Элайджем разговор был подслушан. Другого объяснения тому, что секрет моего истинного происхождения стал широко известен, не было. Элайдж сказал мне, что у их квартир хорошая звукоизоляция. Мы говорили негромко. Значит, обычное подслушивание отпадает. В то же время известно, что Элайдж — полицейский. Если в Городе существует подпольная группа, достаточно хорошо организованная, чтобы подготовить убийство доктора Сартона, то вполне возможно, что они знают и о том, что расследование убийства поручено Элайджу. Тогда опять-таки возможно и даже вероятно, что его квартира подвергается лучевому прослушиванию.

После того как Элайдж и Джесси легли спать, я, как мог, обыскал квартиру, но так и не сумел обнаружить никакого передатчика. Это осложнило дело. Можно обойтись и без передатчика, если использовать направленный сдвоенный луч, но для этого необходимо довольно сложное оборудование.

Анализ сложившейся ситуации привел меня к следующему заключению. Единственное место, где житель Города может делать почти все, что угодно, не опасаясь вмешательства посторонних, это туалетный блок. Он может даже установить там лучевой подслушиватель. Земляне так оберегают свою интимность при посещении туалетной, что никто и не взглянул бы в его сторону. Секционный блок располагается довольно близко от квартиры Элайджа, так что фактор расстояния роли не играет. Могла быть использована портативная модель. Я пошел в туалетный блок, чтобы обследовать его.

— И что вы обнаружили? — перебил его Бейли.

— Ничего, Элайдж. Никаких следов дилучевого аппарата.

— Ну, как, по-вашему, мистер Бейли, это звучит убедительно? — обратился к нему Фастольф.

Но теперь от неуверенности Бейли не осталось и следа.

— Звучит-то, может быть, и убедительно, да только правды здесь ни на грош. Чего он не знает, так это того, что жена рассказала мне, где ей сообщили об этом и, главное, когда. Она узнала, что он робот, вскоре после того, как вышла из дома. Заметьте, слухи об этом ходили по Городу уже несколько часов. Значит, известие о том, что он — робот, вовсе не было результатом подслушивания нашего вечернего разговора.

— Тем не менее, — заметил Фастольф, — я полагаю, что причины его вчерашнего посещения туалетной мы выяснили.

— Зато в объяснении нуждаются другие обстоятельства, — разгоряченно возразил Бейли. — Где, когда и как произошла утечка информации? Каким образом по Городу разнеслась новость о том, что в Нью-Йорке находится робот-космонит? Насколько мне известно, об этом знали только двое землян — комиссар Эндерби и я, но мы держали это в секрете. Комиссар, кто-нибудь еще в департаменте был в курсе дела?

— Нет, — встревоженно ответил комиссар. — Даже мэра я не поставил в известность. Только мы и доктор Фастольф.

— И он, — добавил Бейли, указывая на Р. Дэниела.

— Я? — переспросил тот.

— А почему бы и нет?

— Но я все время был с вами, Элайдж.

— Нет, не все время! — свирепо выкрикнул Бейли. — Перед тем как идти домой, я посетил туалетный блок и пробыл там с полчаса, если не больше. И в течение всего этого времени вы были вне моего поля зрения. Именно тогда вы и связались со своими людьми в Городе.

— С какими людьми? — спросил Фастольф.

— С какими людьми? — эхом отозвался комиссар Эндерби.

Бейли поднялся со своего стула и повернулся к объемному экрану.

— Комиссар, прошу вас выслушать меня внимательно. Если что-то не будет сходиться, вы меня поправите. Нам сообщают об убийстве, и по любопытному стечению обстоятельств оно происходит как раз в тот момент, когда вы прибываете в Космотаун на встречу с жертвой преступления. Вам показывают какое-то тело, выдавая его за труп человека. Однако после этого от тела быстро избавляются и, следовательно, его более детальный осмотр невозможен.

Космониты утверждают, что убийство совершил землянин, хотя навесить такое обвинение можно, лишь предположив, что кто-то из людей вышел из Города в одиночку, да еще ночью, и пересек открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. Вы и сами прекрасно понимаете, как невероятно это звучит.

Затем они посыпают в Город своего фальшивого робота; фактически, навязывают его нам. Первое, что делает этот робот в Городе, — он угрожает толпе людей бластером. После этого он пускает слух, что в Городе находится робот-космонит. Обратите внимание, насколько точен этот слух. Джесси говорила мне, что стало известно даже то, что робот сотрудничает с полицией. А это значит, что вскоре все узнают, что бластер был именно в руках робота. Может быть, даже в эту минуту по дрожжевым фабрикам и гидропоническим заводам Лонг-Айленда распространяется слух о роботе-убийце, свободно разгуливающем по городу.

— Это невозможно! Невозможно! — простонал Эндерби.

— Нет, возможно. Именно это и происходит, комиссар. Неужели вы не понимаете? В Городе действительно существует заговор, но руководят им из Космотауна. Чем больше на Земле осложнится обстановка, — тем лучше для них. Тогда корабли космонитов обрушатся на наши Города и оккупируют их.

— Двадцать пять лет назад у нас уже был предлог для этого, — мягко возразил Фастольф.

— Тогда вы не были готовы. Зато теперь — другое дело.

Сердце Бейли готово было выскочить из груди.

— Вы нам приписываете слишком сложную интригу, мистер Бейли. Если бы мы хотели оккупировать Землю, мы могли бы сделать это намного проще.

— Сомневаюсь, доктор Фастольф. Ваш так называемый робот проговорился, что на Внешних Мирах общественное мнение, касающееся Земли, отнюдь не едино. В тот раз, я думаю, он говорил правду. Может быть, открытая оккупация пришлась бы не по вкусу вашим народам. Поэтому вам и необходимо происшествие. Нешуточное происшествие, такое, чтобы всех потрясло.

— Вроде убийства, верно? Вы на это намекаете? В таком случае, это убийство пришлось бы инсценировать. Надеюсь, вы не станете утверждать, что мы способны убить кого-нибудь из своих людей ради того, чтобы имитировать происшествие.

— Вы построили робота, похожего на доктора Сарттона, разворотили его бластером, а останки показали комиссару Эндерби.

— И затем, — подхватил доктор Фастольф, — используя Р. Дэниела в качестве доктора Сарттона для ложного убийства, мы выдали доктора Сарттона за Р. Дэниела и привлекли его к ложному расследованию.

— Именно так. Я заявляю вам это в присутствии свидетеля, который вы данный момент находитесь вне пределов вашей досягаемости и которого вы не сможете устраниТЬ. Этот свидетель является достаточно важной персоной, чтобы его словам поверила администрация Города и сам Вашингтон. Теперь мы знаем ваши намерения и будем готовы дать вам отпор. При необходимости наше правительство напрямую свяжется с вашими людьми и раскроет им глаза на то, что здесь в действительности происходит. Я не думаю, что они снисходительно отнесутся к такого рода межзвездному насилию.

Фастольф покачал головой.

— Прошу вас, мистер Бейли. Будьте благоразумны. Вы вообразили себе невероятное, в самом деле. Давайте теперь предположим, лишь допустим, что Р. Дэниел на самом деле робот. Разве из этого не следует, что тело, которое видел комиссар Эндерби, было действительно телом доктора Сарттона? Едва ли разумно было

бы предполагать, что в качестве трупа мы использовали остатки какого-то другого робота. Комиссар Эндерби видел Р. Дэниела в процессе сборки и может подтвердить, что другого такого робота не существует.

— Если на то пошло, — упрямо проговорил Бейли, — комиссар не специалист по роботехнике. У вас могли быть десятки таких роботов.

— Давайте не будем уклоняться от темы, мистер Бейли. Что если Р. Дэниел действительно Р. Дэниел? Разве не рухнут тогда все ваши логические построения? Будут ли у вас еще основания верить в этот выдуманный вами совершенно мелодраматичный и неправдоподобный межзвездный заговор?

— Если он робот! Я утверждаю, что это человек.

— И все-таки вы исследовали эту проблему не до конца, мистер Бейли. Чтобы отличить робота, даже очень похожего на человека, от живого человеческого существа, нет необходимости делать очень шаткие выводы из того, что он сказал или сделал. Вы, например, пытались воткнуть в Р. Дэниела иголку?

— Что?

Бейли раскрыл рот от неожиданности.

— Это очень простой способ проверки. Есть и другие, хотя, возможно, не такие простые. Его кожа и волосы выглядят как настоящие, но вы когда-нибудь пробовали рассмотреть их через соответствующий увеличитель? И опять же со стороны кажется, что он дышит, но замечали ли вы, что его дыхание нерегулярно, что могут пройти минуты, прежде чем он снова сделает вдох. Вы вполне могли бы собрать выдыхаемый им воздух и измерить содержание в нем двуокиси углерода. Могли бы попытаться взять на пробу его кровь. Могли бы попробовать нащупать его пульс на запястье или определить, бьется ли сердце под его рубашкой. Вы понимаете, что я хочу сказать, мистер Бейли?

Бейли охватила тревога.

— Это все слова. Я не позволю провести себя. Я мог бы попытаться проделать все это, но неужели вы думаете, что ваш мнимый робот позволил бы мне поднести к нему шприц или стетоскоп или микроскоп?

— О да. Я вас понимаю, — сказал Фастольф и дал Р. Дэниелу какой-то знак.

Р. Дэниел прикоснулся к правой манжете, и весь рукав его рубашки разлезся по диамагнитному шву. Под ним обнажилась гладкая мускулистая рука, по виду ничем не отличающаяся от человеческой. Она была покрыта короткими рыжеватыми волосками, совсем как у человека.

— Ну и что? — не сдавался Бейли.

Р. Дэниел ущипнул подушечку среднего пальца правой руки большим и указательным пальцами левой. Бейли не заметил в точности, какие манипуляции последовали за этим. Но, подобно ткани рукава, распавшейся надвое после того, как было прервано диамагнитное поле шва, теперь распалась надвое сама рука.

Под тонким слоем имитирующего кожу материала обнажились нержавеющие детали тусклого серо-голубого цвета — стержни, провода, шарниры.

— Не хотите ли более детально ознакомиться с принципом действия Дэниела, мистер Бейли? — вежливо спросил доктор Фастольф.

Бейли едва расслышал вопрос из-за звона в ушах и пронзительного истерического смеха, который вдруг начал сотрясать комиссара.

Глава 9

РАЗЪЯСНЕНИЕ КОСМОНИТА

Bремя шло, звон становился все громче, пока наконец не заполнил все вокруг, вытеснив смех. Комната и все, что в ней было, — все поплыло перед глазами Бейли, стало нереальным, как и чувство времени.

Наконец он пришел в себя, обнаружив, что сидит на том же месте. С момента, когда его сознание отключилось, явно прошло уже некоторое время. Изображение комиссара исчезло, экран объемного видеоприемника опять стал матово-молочным. Р. Дэниел сидел рядом с Бейли, массируя его обнаженное предплечье. Прямо под кожей Бейли заметил небольшое темное пятнышко от инъекции. На его глазах оно медленно исчезло, растворившись под кожей.

Он окончательно пришел в себя.

— Вам лучше, коллега Элайдж? — спросил Р. Дэниел.

Бейли действительно стало лучше. Он потянул руку, и робот отпустил ее. Опустил рукав и оглянулся вокруг. Доктор Фастольф сидел на прежнем месте, на его губах играла слабая улыбка, делавшая черты его невзрачного лица более привлекательными.

— Я потерял сознание? — спросил Бейли.

— Что-то в этом роде, — ответил доктор Фастольф. — Боюсь, вы испытали сильное потрясение.

В сознании Бейли живо воскресла сцена с роботом. Он схватил Р. Дэниела за руку и, засучив, насколько смог, рукав его рубашки, оголил запястье. На ощупь рука робота казалась мягкой, но под верхним слоем чувствовалось что-то более твердое, чем кость.

Р.Дэниел не пытался высвободить свою руку из цепких рук сыщика. Бейли пристально разглядывал ее, ощупывая кожу вдоль предполагаемой средней линии. Был ли там скрытый шов?

По логике вещей, конечно, должен был быть. Робот, покрытый синтетической кожей и специально сделанный так, чтобы его невозможно было отличить от человека, не мог ремонтироваться обычным способом. Не может быть, чтобы его нагрудная плита держалась на заклепках. Не может быть, чтобы его череп откидывался назад на петлях. Наверняка различные части его механического тела собирались вдоль линии микромагнитных полей. Рука, голова, любая часть тела, должно быть, распадаются надвое при прикосновении к определенному месту и снова смыкаются при повторном прикосновении.

Бейли поднял голову.

— Где комиссар? — пробормотал он.

Внутри у него все горело от стыда.

— Неотложные дела, — ответил доктор Фастольф. — Боюсь, я сам ускорил его исчезновение, заверив, что мы позаботимся о вас.

— Вы прекрасно позаботились обо мне, спасибо, — хмуро отозвался Бейли. — Думаю, наше дело сделано.

Он поднялся, с трудом выпрямив затекшие ноги. Внезапно он почувствовал себя старым. Слишком старым, чтобы начать все сначала. Не нужно было обладать большим воображением, чтобы предвидеть, что сулило ему будущее.

Комиссар будет наполовину напуган, наполовину разъярен. Он будет сидеть перед Бейли, бледный как полотно, каждые пятнадцать секунд снимая очки, чтобы пропустить их. Своим мягким голосом (Джулиус Эндерби почти никогда не кричал) он начнет втолковывать ему, что космониты смертельно оскорблены.

«Нельзя так говорить с космонитами, Лайдж. Они не смирятся с этим. — Бейли отчетливо слышал голос Эндерби, каждый оттенок его интонации. — Я предупреждал вас. Нечего и говорить, сколько вы причинили вреда. Заметьте, я понимаю вас. Понимаю, что вы пытались сделать. Если бы это были земляне, все было бы по-другому. Я бы сказал: «Да. Попробуйте. Рискните.

Выкурите их». Но космониты! Вы могли бы сказать мне, Лайдж. Могли бы посоветоваться. Я-то знаю их. Я знаю их вдоль и поперек».

И что Бейли мог ответить на это? Что как раз Эндерби-то он и не мог ничего сказать. Что проект был необычайно рискованным, а Эндерби подчеркивал огромную опасность как прямого провала, так и удачи, если в ней будет заслуга робота. Что избежать деклассификации можно было, лишь доказав, что вина лежит на самом Космотауне.

Эндерби скажет: «Придется составить об этом рапорт, Лайдж. Возникнут всякого рода последствия. Я знаю космонитов. Они потребуют освободить вас от расследования этого дела, и вас придется отстранить. Вы отдаете себе в этом отчет, не так ли? Я попытаюсь сделать так, чтобы к вам были не слишком строги. Вы можете рассчитывать на это. Я буду защищать вас, насколько смогу, Лайдж».

Бейли знал, что именно так и будет. Комиссар будет защищать его, но только в пределах разумного. Не до такой степени, например, чтобы приводить в ярость и без того рассерженного мэра.

Он хорошо представлял себе голос мэра:

«Черт возьми, Эндерби, что все это значит? Почему не посоветовались со мной? В конце концов, кто управляет городом? Почему позволили роботу войти в Нью-Йорк без разрешения властей? И вообще, какого черта этот Бейли...»

Если дело дойдет до выбора между будущим Бейли и будущим самого комиссара, на что Бейли мог рассчитывать? У него не было никакого права винить Эндерби.

Наименьшим наказанием для него могло быть понижение в звании, но и это было бы достаточно скверно.

Современный Город обеспечивал своим рядовым жителям, в том числе и деклассифицированным, лишь жалкие условия для выживания. Насколько жалкие, Бейли знал слишком хорошо. Лишь наличие определенного общественного статуса давало горожанам некоторые привилегии: более удобное место здесь, лучший кусок мяса там, более короткую очередь где-то еще. Для философски настроенного ума приобретение всех

этих благ могло показаться едва ли заслуживающим какого-либо труда.

И тем не менее, как бы философски ни относился человек к жизни, он не мог без боли расстаться с этими привилегиями, однажды получив их.

Каким ничтожным улучшением удобства квартиры была умывальная раковина, когда тридцать предыдущих лет ты привычно, даже не замечая обременительности этого, ходил в туалетный блок. Как бесполезна она была даже в качестве подтверждения своего статуса, когда выплячивать этот статус считалось верхом бескультуры. И все же отключи сейчас раковину, каким бы унизительным и невыносимым показалось бы каждое лишнее посещение туалетного блока! Каким томительно-притягательным стало бы воспоминание о бритье в спальне! Каким глубоким было бы чувство утраченной роскоши!

Среди современных политических репортеров модно стало неодобрительно отзываться о меркантилизме былых времен, когда основой экономики были деньги. В то время, писали они, велась жесточайшая борьба за существование. Никакое действительно развитое общество не могло сохраниться из-за вечного напряжения борьбы за «зелененькую». (Слову «зелененькая» в обществе давали различные интерпретации, но его значение в целом ни у кого не вызывало сомнения.)

В противоположность тому современный «коллективизм» расхваливали за эффективность и просвещенность.

Может, все это и так. Одни ученые-историки романтизировали прошлое, другие, напротив, высвечивали в нем все самое низменное. Медиевисты же считали, что именно из меркантилизма развились впоследствии такие понятия, как индивидуализм и инициатива.

Эти споры никогда всерьез не интересовали Бейли. Но сейчас он задавал себе болезненный вопрос: «Боролся ли когда-нибудь человек за эту «зелененькую», чем бы она ни была, с большим упорством, чем житель Города за право получать по воскресеньям куриную ножку — настоящую куриную ножку некогда живой птицы?»

«Для меня это не так уж важно, — подумал Бейли. — Но есть еще Джесси и Бен».

Голос доктора Фастольфа прервал его мысли:

— Мистер Бейли, вы меня слышите?

— Да, — кивнул Бейли.

Сколько же времени он простоял, как истукан?

— Садитесь, пожалуйста. Теперь, когда вы все обдумали, вам, вероятно, будет интересно просмотреть ленты, на которых мы засняли место происшествия и некоторые события, последовавшие за преступлением?

— Нет, спасибо. У меня дела в Городе.

— Но ведь дело доктора Сартона имеет первостепенное значение.

— Не для меня. Я полагаю, меня уже отстранили. — Внезапно он вскипал: — Черт, если вы могли доказать, что Р. Дэниел — робот, почему вы не сделали этого сразу? Зачем вам понадобилось устраивать весь этот фарс?

— Дорогой мистер Бейли, мне было очень интересно ознакомиться с вашими умозаключениями. Что касается вашего отстранения от дела, то я сомневаюсь в этом. Перед тем как комиссар покинул нас, я специально попросил его, чтобы вы продолжали заниматься расследованием. Думаю, он окажет содействие.

Бейли нехотя сел и резко спросил:

— Но зачем вам это нужно?

Доктор Фастольф положил ногу на ногу и вздохнул.

— Мистер Бейли, я сталкивался в основном с двумя типами землян: бунтарями и политиками. Ваш комиссар полезен нам, но он увлекается политикой. Он говорит нам то, что мы хотим услышать. Он обхаживает нас. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. И вот сюда приходите вы, смело обвиняете нас в ужасных преступлениях и пытаетесь доказать свою правоту. Я с большим удовольствием наблюдал за вами. И нашел начало обнадеживающим.

— Насколько обнадеживающим? — с усмешкой спросил Бейли.

— В достаточной степени. Вы тот человек, с которым я могу говорить откровенно. Прошлой ночью Р. Дэниел представил мне отчет по закрытому субэфирному каналу. Кое-какая информация о вас меня очень заинтересовала. Например, там был пункт, касающийся подбора книгофильмов в вашей квартире.

— Что же вас заинтересовало?

— Многие из них затрагивают вопросы истории и археологии. Из этого явствует, что вы интересуетесь историей человеческого общества и кое-что знаете о его эволюции.

— Полицейские при желании могут в свое свободное время смотреть книгофильмы.

— Совершенно верно. Я рад, что вы как раз такой полицейский. Это облегчит мою задачу. Прежде всего, — продолжал Фастольф, — я хочу объяснить или, по крайней мере, попытаться объяснить причины замкнутости людей с Внешних Миров. Мы живем здесь, в Космотауне. Мы не входим в Город. Мы вступаем в контакт с вами, землянами, лишь в очень исключительных случаях. Мы дышим открытым воздухом, но делаем это через фильтры. Даже сейчас, когда я сижу здесь, у меня в ноздрях фильтры, а на руках перчатки, и никакая сила не заставит меня подойти к вам ближе, чем необходимо. Как вы думаете почему?

— Какой смысл строить догадки? — ответил Бейли и подумал: «Теперь уж пусть говорит он».

— Если бы вы все же начали строить догадки, как это делают некоторые из ваших людей, то наверняка сказали бы, что причина в том, что мы презираем жителей Земли и не позволим упасть на нас даже их тени, дабы не потерять своего превосходства. Но это не так. Настоящая причина совершенно проста. Медицинский осмотр, которому вас подвергли, так же как и дезинфицирующие процедуры, это не ритуал. Они были продиктованы необходимостью.

— Защиты от болезней?

— Да, защиты от болезней. Мой дорогой мистер Бейли, земляне, колонизировавшие Внешние Миры, оказались на планетах, где совершенно отсутствовали земные бактерии и вирусы. Конечно, на себе они завезли туда некоторые микроорганизмы, но вместе с тем у них было в руках новейшее медицинское и микробиологическое оборудование. Им предстояло покончить лишь с небольшим количеством микроорганизмов при полном отсутствии их промежуточных хозяев-паразитов. Там не было малярийных комаров, не было улиток, распространяющих шистосомиаз. Болезнетворные бактерии

были полностью уничтожены, полезные же продолжали размножаться. Постепенно болезни на Внешних Мирах совершенно исчезли. Время шло, и, естественно, требования, предъявляемые к эмигрантам с Земли, становились все жестче и жестче, поскольку Внешние Мирры все больше и больше опасались проникновения болезней.

— Вы никогда не болели, доктор Фастольф?

— Инфекционной болезнью — никогда, мистер Бейли. Мы все, конечно, подвержены старческим болезням, таким, как атеросклероз, но у меня никогда не было того, что вы бы назвали простудой. Если бы я подхватил такую болезнь, я мог бы умереть от нее. В моем организме не выработано никакой сопротивляемости к ней. Вот в чем наша беда здесь, в Космотауне. Те, кто летит сюда, идут на определенный риск. Земля изобилует болезнями, от которых у нас нет никакой защиты, никакой естественной защиты. Каждый из вас является носителем микробов почти всех известных болезней. Вы даже не подозреваете о них, так как антитела, которые развились в вашем организме за долгие годы эволюции, почти всегда держат их под контролем. В моем организме антител нет. Теперь вы понимаете, почему я держусь от вас подальше? Поверьте мне, мистер Бейли, я не подхожу к вам на более близкое расстояние только из соображений самосохранения.

— Если все, что вы говорите, правда, то почему бы не объяснить это людям Земли? Я имею в виду, сказать им, что это не просто привередливость с вашей стороны, а защита от реальной физической опасности.

Космонит покачал головой:

— Нас мало, мистер Бейли. И нас, пришельцев, и так недолюбливают. Мы сохраняем свою безопасность на основе довольно шаткого престижа, приписываемого нам как существам более высокого порядка. Мы не можем позволить себе потерять этот престиж, признав, что боимся приблизиться к землянину. По крайней мере, до тех пор, пока не наступит большее взаимопонимание между землянами и космонитами.

— При нынешнем положении дел взаимопонимание не наступит. Именно за ваше предполагаемое превосходство мы... они вас ненавидят.

— Да, это настоящая проблема. Не думайте, что мы о ней не знаем.

— Комиссару об этом известно?

— Мы никогда не были с ним столь откровенны, как сейчас с вами. Однако, возможно, он догадывается. Он человек довольно умный.

— Если он догадывался, то мог бы и мне сказать, — задумчиво произнес Бейли.

Фастольф поднял брови.

— Тогда вам и в голову не пришло бы, что Р. Дэниел — человек. Верно?

Бейли слегка пожал плечами, отбрасывая мысль в сторону.

— Знаете, это действительно так, — продолжал Фастольф. — Даже если не принимать во внимание трудностей психологического порядка — ужасное воздействие на нас шума и толп людей, — факт остается фактом: войти в Город для нас равносильно смертному приговору. Вот почему доктор Сартон и начал осуществлять свой проект по созданию человекоподобных роботов. Они проектировались как заменители людей, чтобы войти в Город вместо нас...

— Да. Р. Дэниел говорил мне об этом.

— Вы это не одобряете?

— Послушайте! — воскликнул Бейли. — Раз уж мы говорим так откровенно, позвольте мне задать вам один простой вопрос. Зачем все-таки вы, космониты, пришли на Землю? Почему бы вам не оставить нас в покое?

— Разве вы довольны своей жизнью на Земле? — с неподдельным удивлением в голосе спросил Фастольф.

— Нам жаловаться не на что.

— Да, но сколько вы так протянете? Население Земли постоянно растет. Вам приходится удовлетворять его потребности в калориях ценой все больших и больших усилий. Земля зашла в тупик, мой дорогой.

— Нам жаловаться не на что, — упрямо повторил Бейли.

— До поры до времени. Город, подобный Нью-Йорку, вынужден напрягаться до предела, чтобы снабдить себя водой и освободиться от отходов. Атомные станции работают на уране, который все труднее и труднее доставать даже на других планетах нашей системы, а потребности в нем постоянно возрастают. Каждую секунду жизнь Города зависит от своевременности поставок древесины для дрожжевых фабрик и минеральных солей для гидропонических заводов. Добавьте к этому необходимость поддерживать постоянную циркуляцию воздуха. Да что там говорить, равновесие зависит от многих и многих факторов, и с каждым годом сохранять его будет все труднее. Что произойдет с Нью-Йорком, если система жизнеобеспечения Города даст сбой хотя бы на час?

— Такого никогда не было.

— Что вовсе не является гарантией безопасности на будущее. В примитивные времена поселения людей были почти полностью независимыми. И жили тем урожаем, который выращивался на близлежащих полях. Причинить им вред могли только стихийные бедствия, скажем, наводнение, эпидемия или неурожай. С ростом этих населенных центров и развитием техники появилась возможность бороться с местными бедствиями, опираясь на помочь издалека, что привело к возникновению тесной взаимозависимости между обширными территориями Земли. В среднюю эпоху даже самые крупные города под открытым небом могли прожить на своих запасах, в том числе и неприкосновенных, по меньшей мере, неделю. Когда Нью-Йорк стал Городом в современном понимании этого слова, он мог просуществовать на своих ресурсах один день. А теперь он не сможет продержаться и часа. Бедствие, которое десять тысяч лет назад ощущалось бы как неудобство, тысячу лет назад — как крупная неприятность, сто лет назад — как серьезное осложнение, в настоящее время непременно стало бы роковым.

Бейли беспокойно заерзal на стуле.

— Я и прежде слышал все эти рассуждения. Медиевисты хотят покончить с Городами. Хотят вернуть нас обратно к природе, к натуральной агрокультуре. Но они безумцы; мы не сможем этого сделать. Во-первых, нас

слишком много, а потом, историю невозможно повернуть вспять. Она движется только вперед. Конечно, если бы эмиграция на Внешние Мирры не ограничивалась...

— Вы знаете, почему она должна быть ограниченной.

— Так что же в таком случае делать? К чему переливать из пустого в порожнее?

— Осваивать новые миры. В Галактике сотни миллиардов звезд. Подсчитано, что сто миллионов из них пригодны или могут быть сделаны пригодными для жизни.

— Это несерьезно.

— Почему? — с горячностью возразил доктор Фа-стольф. — Почему это предложение несерьезно? В прошлом земляне осваивали планеты. Более тридцати из пятидесяти Внешних Миров, включая и мою родную Аврору, были колонизированы самими землянами. Разве теперь колонизация невозможна?

— Ну, знаете ли...

— Не можете ответить? Тогда отвечу я. Если теперь это невозможно, то только из-за приверженности землян к стальным Городам. До их возникновения жизнь человечества на Земле не была столь ограничена, это теперь вы не можете оторваться от Земли, чтобы начать все сначала на новой планете! Вы проделывали это уже тридцать раз. А теперь земляне стали такими изнеженными, так зарылись в свои стальные тюрьмы-пещеры, что им уже никогда не выбраться оттуда. Вот вы, мистер Бейли, отказываетесь верить даже тому, что житель Города способен пересечь открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. А уж пересечь космическое пространство на пути к новому миру для вас, должно быть, труднее во сто раз. Урбанизм губит Землю, сэр.

— Даже если и так. Какое вам, космонитам, до этого дела? Это наша проблема, и мы сами ее решим. А если не сможем, что ж, такой будет наша особая дорога в ад, — рассердившись, выпалил Бейли.

— Лучше в ад по своей собственной дороге, чем в рай — по чужой, так, по-вашему? Я понимаю ваши чувства. Не очень-то приятно слушать проповеди чужака. И все-таки поучения со стороны иногда бывают очень кстати. Вот мы бы от них не отказались, ведь и у нас есть свои проблемы, причем аналогичные вашим.

— Перенаселенность? — Бейли криво усмехнулся.
— Аналогичные, но не одинаковые. Наша проблема — в недостатке населения. Как вы думаете, сколько мне лет?

На мгновение землянин задумался и затем, намеренно накинув несколько лет, ответил:

— Лет шестьдесят.

— Вернее было бы сказать, сто шестьдесят.

— Не может быть!

— Если быть точным, то в следующий день рождения мне исполнится сто шестьдесят три года. В этом нет никаких уловок. В качестве единицы измерения я использую стандартный земной год. Если повезет, если буду беречь себя и, самое главное, если не подхвачу на Земле никакой болезни, то смогу прожить еще столько же. Многие жители Авроры доживают до трехсот пятидесяти. И средняя продолжительность жизни постоянно растет.

Бейли посмотрел на Р.Дэниела, который все это время хранил бесстрастное молчание, как будто искал у него подтверждения услышанному.

— Каким образом это стало возможно?

— В малонаселенном обществе полезно сосредоточить усилия на изучении геронтологии, заниматься исследованиями процесса старения. В таком мире, как ваш, удлинение продолжительности жизни имело бы катастрофические последствия. На Авроре же хватает места и для трехсотлетних стариков. И чем длиннее жизнь, тем больше дорожит ею человек... Умри вы сейчас, вы, вероятно, потеряли бы лет сорок своей жизни, а то и меньше. Если бы умереть суждено было мне, я потерял бы более ста пятидесяти лет. Вот почему в нашей цивилизации жизнь каждого человека приобретает наиважнейшее значение. У нас низкая рождаемость, и рост населения строго контролируется. Мы поддерживаем определенное соотношение между количеством роботов и людей так, чтобы обеспечить наилучшие условия существования для каждого человека. Естественно, мы тщательно следим за тем, чтобы умственно и физически неполноценные дети не достигали зрелого возраста.

— Вы хотите сказать, — перебил Бейли, — что их убивают, если они не...

— Если они не соответствуют требованиям. Совершенно безболезненно, уверяю вас. Это шокирует вас, так же как неконтролируемая рождаемость землян повергает в шок нас.

— Наша рождаемость контролируется, доктор Фастольф. Каждой семье позволяют иметь строго определенное количество детей.

Доктор Фастольф терпеливо улыбнулся.

— Определенное количество любых детей, а не здоровых детей. Пусть так, прибавьте к этому огромное количество незаконнорожденных, которые увеличивают и без того высокий рост населения.

— Кто решает, каким детям жить?

— Это довольно сложный вопрос, и на него в двух словах не ответишь. Как-нибудь мы можем поговорить об этом подробнее.

— Ну и в чем же ваша проблема? Кажется, вы довольны своим обществом.

— Оно стабильно. Вот в чем беда. Слишком стабильно.

— Вам не угодишь. Наша цивилизация, по-вашему, вот-вот ввергнется в пучину хаоса, а ваше собственное общество слишком стабильно.

— Стабильность может быть чрезмерной. За два с половиной века ни один из Внешних Миров не колонизировал ни одной планеты. Нет перспектив для этого и в будущем. Наша жизнь на Внешних Мирах слишком длинна и удобна, чтобы ею рисковать.

— Кто знает, может, это и так, доктор Фастольф. Тем не менее, вы ведь прилетели на Землю. Вы рискуете заразиться.

— Да, рисую. Среди нас, мистер Бейли, есть люди, которые считают, что ради прогресса человечества можно расстаться и с жизнью, какой бы долгой она ни была. К сожалению, должен сказать, что так думают очень немногие.

— Ладно. Теперь мы подходим к самому главному. Какую роль в этом играет Космотаун?

— Внедряя роботов на Землю, мы стараемся нарушить равновесие вашей экономики.

— Это ваш способ оказания помощи? — Губы Бейли дрогнули. — Иначе говоря, вы специально создаете растущее число замещенных и деклассифицированных?

— Поверьте, мы делаем это вовсе не из-за своей жестокости или бессердечия. Именно смещенные составят ядро будущих переселенцев на новые миры. Вспомните, вашу древнюю Америку открыли корабли, экипаж которых состоял из преступников, бежавших из тюрем. Разве вы не видите, что в Городе смещенные брошены на произвол судьбы? Им нечего терять, а покинув Землю, они добьются лучшей доли.

— Но пока что у вас ничего не получается.

— Нет, не получается, — печально согласился доктор Фастольф. — Что-то мы делаем не так. Всему виной неприязнь землян к роботам. Хотя эти самые роботы могут сопровождать людей, сгладить первые трудности приспособления к новому миру, сделать колонизацию реально осуществимой.

— А что потом? Новые Внешние Миры?

— Нет. Внешние Миры были основаны еще до того, как на Земле возник культ стальных Городов. Новые же колонии будут построены людьми, у которых есть опыт жизни в закрытых городах и некоторые представления о культуре *C/Fe*. Это будет синтез того и другого, своеобразный гибрид. Если оставить все как есть, земная цивилизация вскоре начнет разваливаться, а чуть позже и Внешние Миры начнут медленно деградировать и в конце концов придут в упадок. В этих условиях новые миры станут нести в себе здоровое начало, сочетающее лучшие черты обеих культур. Под их благотворным влиянием преобразится и наша жизнь.

— Может быть, но все это очень туманно, доктор Фастольф.

— Да, пока это только мечта. Подумайте над этим. — Космонит резко поднялся. — Я провел с вами больше времени, чем намеревался. Кстати, больше, чем предусмотрено нормами безопасности. Извините, но мне придется вас покинуть...

Бейли и Р.Дэниел вышли из купола. Их снова залил солнечный свет, он стал как будто более желтым и падал уже под другим углом.

В Бейли всколыхнулось смутное любопытство: «А что если на какой-нибудь планете солнечный свет выглядит иначе — не такой резкий и слепящий, более приятный?..»

На другой планете? Этот неказистый космонит с торчащими ушами вбил ему в голову странные фантазии. Интересно, пришлось ли в свое время врачам с Авроры осматривать ребенка по имени Фастольф, чтобы решить, можно ли ему позволить расти дальше? Разве не был он слишком уродлив? И входили ли вообще в их критерии внешние данные? Когда некрасивость переходит в уродство и какие изъяны...

Но тут они вошли в первую дверь, ведущую к туалетному блоку, солнечный свет исчез, и оставаться в прежнем расположении духа стало труднее. Бейли в раздражении тряхнул головой. «Все это просто смешно. Вынудить землян эмигрировать, строить новое общество! Это же чушь. Что задумали эти космониты на самом деле?»

Он думал об этом и не находил ответа.

Их машина медленно ехала по проезжей части туннеля. Все вокруг возвращало ему чувство реальности. Его бластер приятным теплым грузом лежал у него на бедре. Такое же приятное и теплое чувство вызвал в нем шумный, полный жизни Город.

В тот момент, когда они въезжали на его террииторию, Бейли ощущил странный, едва уловимый запах.

«Оказывается, город пахнет», — с удивлением заметил Бейли.

Он подумал о двадцати миллионах человеческих существ, набившихся за стальные стены гигантской пещеры, и впервые в жизни его ноздри, промытые наружным воздухом, ощутили их запах. «Будет ли на других мирах иначе? Меньше людей и больше воздуха... чище?» — подумал Бейли.

Но вокруг грохотал вечерний Город, запах ослабел и исчез, и ему стало немного стыдно за себя. Он медленно нажал на рычаг управления и увеличил подачу лучевой энергии. Машина стала резко набирать скорость, въезжая в пустоту мотошоссе.

— Дэниел, — позвал Бейли.

— Да, Элайдж?

— Зачем доктор Фастольф мне все это рассказывал?

— Мне кажется, Элайдж, он хотел показать вам важность этого расследования. Наша задача — не просто раскрыть преступление, мы должны спасти Космостаун, а вместе с ним и будущее человеческой расы.

— Думаю, было бы лучше, если бы он позволил мне осмотреть место преступления и допросить людей, обнаруживших тело.

— Сомневаюсь, что вам удалось бы добавить что-нибудь к тем фактам, которыми мы уже располагаем. Мы очень тщательно все обследовали.

— В самом деле? У вас же ничего нет. Ни единой улики. Ни одного подозреваемого.

— Нет, вы правы. Ответ нужно искать в Городе. Хотя, если быть точным, мы подозревали одно лицо.

— Вот как! И вы до сих пор молчали!

— Я же не думал, что это необходимо, Элайдж. Вы ведь наверняка и сами понимаете, что лишь один человек мог сразу попасть под подозрение.

— Кто? Черт возьми, кто же?

— Тот единственный землянин, кто оказался на месте преступления. Комиссар Джулиус Эндерби.

Глава 10

РАБОЧИЙ ДЕНЬ СЫЩИКА

Полицейский автомобиль резко свернул в сторону и остановился у безликой бетонной стены мотошоссе. Мотор заглох, наступила мертвая непроницаемая тишина.

Бейли повернулся к сидевшему рядом роботу и неестественно спокойным голосом спросил:

— Что вы сказали?

Бейли ждал ответа, но время, казалось, остановилось. Издалека послышался унылыйibriрующий звук; нарастая, он достиг своего пика и постепенно затих. Наверное, это была еще одна полицейская машина, прокладывающая себе путь к неизвестной цели где-то за милю от них. А может быть, это пожарники спешили на встречу с огнем.

Неожиданно для самого себя Бейли подумал: «Найдется ли хоть один человек в Городе, который знает все ходы-выходы мотошоссе, петляющего в недрах Города?»

Не было такого времени дня или ночи, когда вся сеть мотошоссе пустовала, и все же в ней наверняка были такие участки, куда годами не ступала нога человека. Внезапно с уничтожающей ясностью он вспомнил кино-рассказ, который видел еще в юности.

Действие там происходило на мотошоссе Лондона, и начинался рассказ с ничего не предвещавшего убийства. Убийца рассчитывал отсидеться в заранее подготовленном укрытии на одной из развилок мотошоссе, в пыли которой за сотню лет отпечатались следы лишь

его ботинок. В той заброшенной норе он в полной безопасности мог бы дождаться окончания розысков.

Но он ошибся поворотом и в безмолвной пустыне извилистых коридоров дал богохульственную клятву, что назло всем святым все-таки найдет свое убежище. С тех пор он все время сворачивал не туда. Он бродил по нескончаемому лабиринту от сектора Брайтон на Ла-Манше до Норвича и от Ковентри до Кентербери. Он пробирался из конца в конец огромного лондонского подземелья, раскинувшегося по всей юго-восточной оконечности Старой Англии. Его одежда превратилась в лохмотья, а от башмаков остались одни подметки, силы его были на исходе, но никогда не покидали его совсем. Он устал, очень устал, но остановиться не мог. Он мог только идти и идти вперед, никогда не находя нужный поворот.

Иногда он слышал звук проезжающих мимо машин, но тот всегда доносился из соседнего коридора, и как бы быстро он туда ни бросался (а к тому времени он уже рад был бы сдаться властям), коридоры всегда оказывались пустыми. Иногда далеко впереди он видел выход, ведущий к жизни и дыханию Города, но сколько бы он ни пытался приблизиться к нему, выход мерцал все дальше и дальше, пока за очередным поворотом не исчезал совсем.

Время от времени лондонцы, проезжавшие по мотошоссе по своим делам, видели расплывчатую фигуру человека, который молча, с трудом переставляя ноги, направлялся в их сторону, подняв в мольбе полупрозрачную руку. Рот его открывался, губы шевелились, но с них не слетало ни звука. Приближаясь, фигура начинала расплываться и исчезала.

Это был один из тех рассказов, которые, несмотря на свои невысокие литературные достоинства, стали частью фольклора. А выражение «блуждающий лондонец» стало известно всему миру.

В глубинах Нью-Йорка Бейли вспомнил этот рассказ, и ему стало не по себе.

— Нас могут подслушать, — заговорил Р. Дэниел, и его голос подхватило слабое эхо.

— Здесь? Это абсолютно исключено. Ну, так что там насчет комиссара?

— Он был на месте преступления, Элайдж. Он — житель Города. Его, естественно, подозревали.

— Он и сейчас под подозрением?

— Нет. Его невиновность была быстро установлена. Прежде всего, у него не было бластера. И не могло быть. Он вошел в Космотаун обычным путем, в этом нет сомнения. А как вам известно, при входе в Космотаун положено оставлять свое оружие.

— Кстати, оружие убийцы нашли?

— Нет, Элайдж. Были проверены все бластеры в Космотауне, но ни один из них не стрелял в течение нескольких недель. Проверка радиационных камер не оставляет в этом никаких сомнений.

— В таком случае, тот, кто совершил убийство, кем бы он ни был, либо спрятал оружие так хорошо, что...

— Оно не могло быть спрятано в Космотауне. Мы очень тщательно все обыскали, — сказал Р. Дэниел.

— Я пытаюсь рассмотреть все возможности, — нетерпеливо прервал его Бейли. — Либо бластер был спрятан, либо убийца унес его с собой.

— Именно так.

— И если вы допускаете лишь вторую возможность, тогда комиссар чист.

— Да. В качестве дополнительной меры предосторожности его подвергли цереброанализу.

— Какому анализу?

— Под цереброанализом я подразумеваю расшифровку электромагнитных полей живых мозговых клеток.

— А-а... — протянул Бейли, хотя объяснение Р. Дэниела не внесло никакой ясности. — И что это вам дает?

— Мы получаем информацию о темпераменте и эмоциональном складе данного человека. Что касается комиссара Эндерби, анализ показал, что он не способен на убийство доктора Сартона. Совершенно не способен.

— Верно, — согласился Бейли. — Он человек совсем другого склада. Это я мог бы вам сказать и без цереброанализа.

— Лучше иметь объективную информацию. Естественно, все жители Космотауна также согласились на цереброанализ.

— И, конечно, оказалось, что все они не способны на убийство?

— Вне всяких сомнений. Вот почему мы считаем, что убийца — один из жителей Города.

— Ну что ж, тогда все, что нам нужно, это провести все население Города перед вашим проницательным прибором.

— Это было бы неразумно, Элайдж. В Городе, возможно, нашлись бы миллионы способных по своему темпераменту на убийство.

— Миллионы, — проворчал Бейли, вспоминая о тех далеких днях, когда толпы землян кляли на чем свет стоит «грязных космонитов», и о грозной толпе, собравшейся у обувного магазина накануне вечером.

Бедняга Джгулиус. Подозреваемый! Бейли и сейчас мог слышать голос комиссара, описывающего картину, представшую перед ним после того, как обнаружили труп.

«Это было чудовищно, просто чудовищно!» Неудивительно, что в потрясении и испуге он разбил свои очки. Неудивительно, что он не хотел возвращаться в Космостаун. «Ненавижу их», — выдавил он тогда сквозь зубы.

Бедный Джгулиус! Человек, умеющий обращаться с космонитами. Человек, чья наибольшая заслуга перед Городом заключалась в его способности ладить с ними. Интересно, насколько это помогло его продвижению по службе?

Неудивительно, что комиссар поручил расследование Бейли. Старина Бейли, преданный, умеющий держать язык за зубами. Однокашник по колледжу! Он не будет поднимать шум, если узнает об этом маленьком инциденте с очками. Бейли стало интересно, как проводился цереброанализ. Он представил огромные электроды, пантографы, деловито вычерчивающие кривые; то и дело щелкающие при смене положения автоматические устройства.

Бедняга Джгулиус. Уж если он пребывал в таком неописуемом смятении (на что были все основания), то ему наверняка уже виделся конец его стремительной карьеры в лице мэра, читающего его вынужденное заявление об отставке.

Полицейская машина вползла на нижние этажи здания городского муниципалитета.

Была уже половина третьего, когда Бейли снова занял свое место за своим рабочим столом. Комиссара на месте не оказалось. Р. Сэмми, как всегда скаливший зубы, не знал, где он.

Бейли провел некоторое время в раздумьях. Он забыл о том, что еще не обедал.

В пятнадцать двадцать к его столу подошел Р. Сэмми и сообщил:

— Комиссар у себя, Лайдж.

— Спасибо, — поблагодарил Бейли.

Голос Р. Сэмми впервые не вызвал в нем раздражения. В конце концов, Р. Сэмми в каком-то роде приходился родственником Р. Дэниелу, а Р. Дэниел явно не был существом или, вернее, вещью, которая могла вызывать раздражение. «Интересно, — подумал Бейли, — как все будет на новой планете, где люди и роботы вместе начнут строить новое общество?» Эта мысль уже не вызывала в нем внутреннего неприятия.

Когда Бейли вошел в кабинет комиссара, тот пересматривал какие-то документы, время от времени прерываясь, чтобы сделать пометку.

— Ну и дали же вы маху в Космотауне! — сказал он.

Бейли живо представил себе недавно пережитое. Словесную дуэль с Фастольфом...

Его длинное лицо еще больше вытянулось от досады.

— Да, я виноват, комиссар.

Эндерби оторвался от бумаг. Его глаза пристально смотрели на Бейли сквозь очки. Казалось, в тот момент он впервые за последние тридцать часов выглядел самим собой.

— Ничего страшного. Кажется, Фастольф воспринял все спокойно, так что забудем об этом. Эти космониты просто непредсказуемы. Вам повезло, Лайдж, хоть вы этого и не заслуживаете. В следующий раз обсудите все со мной, прежде чем разыгрывать из себя супермена-одиночку из субэфирных фильмов.

Бейли кивнул. Тяжелый груз свалился с его плеч. Он попытался вывести космонитов на чистую воду, но из

этого ничего не вышло. Пусть так. Бейли немного удивило, что он так легко воспринял свою неудачу, но что было, то было.

— Послушайте, комиссар, — сказал он. — Мне нужна квартира на двоих — для меня и Р. Дэниела. Сегодня я не собираюсь вести его к себе домой.

— Что все это значит?

— Стало известно, что он робот. Помните? Может быть, ничего и не случится, но, если начнутся беспорядки, я не хочу, чтобы пострадала моя семья.

— Чепуха, Лайдж. Я навел справки. Никаких таких слухов в Городе нет.

— Но Джесси откуда-то узнала, комиссар.

— Ну, нет никаких организованных слухов. Ничего опасного. Я занимался проверкой с тех пор, как отключился от дома Фастольфа. Как раз поэтому я и ушел. Нужно было оперативно выявить источник слухов. Вот у меня отчеты. Можете убедиться сами. Вот сообщение Дорис Джиллид. Она обошла женские туалетные блоки в разных районах Города. Ты знаешь Дорис. Это компетентная девушка. Так вот, она ничего не обнаружила. Нигде ничего.

— Тогда как же слухи дошли до Джесси, комиссар?

— Это можно объяснить. Р. Дэниел выставил себя напоказ в обувном магазине. Кстати, Лайдж, он действительно вытащил бластер или вы несколько преувеличивали?

— Он действительно его вытащил и направил на толпу.

Комиссар покачал головой.

— Ну что ж. Кто-то узнал его. Я имею в виду, узнал в нем робота.

— Погодите! — возмущенно откликнулся Бейли. — В нем невозможно узнать робота.

— Отчего же?

— Вы смогли? Я — нет.

— Это ничего не доказывает. Мы не специалисты. А что если в толпе был какой-нибудь роботехник с вестчестерских фабрик? Профессионал. Человек, посвятивший всю свою жизнь созданию роботов. Он замечает в Р. Дэниеле что-то необычное. Может быть, в том, как тот говорит или ведет себя. Он начинает размышлять

над этим. Может быть, делится со своей женой. Та рассказывает об этом своим подругам. И на этом все заканчивается. Предположение слишком невероятно. Люди не верят этому. Но прежде чем исчезнуть, слух дошел до Джесси.

— Может быть, — с сомнением произнес Бейли. — Но все-таки как насчет холостяцкой комнаты на двоих?

Комиссар пожал плечами и поднял трубку селекторной связи. Через некоторое время он сказал:

— Секция Q-2. Все, что они могут предложить. Не очень хороший район.

— Сойдет.

— Кстати, где сейчас Р. Дэниел?

— Он в нашей картотеке. Пытается собрать информацию о медиевистских агитаторах.

— Боже правый, их же миллионы.

— Знаю, но это доставляет ему удовольствие.

Уже дойдя до двери, Бейли неожиданно обернулся и спросил:

— Комиссар, доктор Сартон когда-нибудь говорил с вами о программе Космотауна? Я имею в виду, о внедрении культуры *C/Fe*?

— Какой культуры?

— О внедрении роботов.

— Кажется, да.

Тон комиссара не выражал никакого интереса.

— Он когда-нибудь разъяснял вам цели Космотауна?

— О, улучшение здоровья, повышение уровня жизни. Обычная болтовня, ничего особенного. Да, я соглашался с ним. Кивал головой и все такое. Что мне оставалось делать? Просто приходится подыгрывать им и надеяться, что в своих понятиях они не выйдут за пределы разумного. Может быть, когда-нибудь...

Бейли ждал, но комиссар так и не сказал, что могло произойти «может быть, когда-нибудь».

— Он говорил об эмиграции? — не отставал Бейли.

— Об эмиграции? Никогда. Запустить землянина во Внешний Мир — все равно что найти алмазный астероид в кольцах Сатурна.

— Я имел в виду эмиграцию на новые миры.

Но на этот вопрос комиссар ответил взглядом, полным неподдельного скептицизма. Бейли на мгновение задумался и затем с неожиданной прямотой выпалил:

— Комиссар, что такое цереброанализ? Когда-нибудь слышали о нем?

На круглом лице комиссара не отобразилось и тени замешательства. Продолжая спокойно смотреть на Бейли, он ровным голосом сказал:

— Нет. А что это такое?

— Да нет, ничего. Просто где-то услышал.

Бейли вышел из кабинета.

Сидя за своим столом, он снова погрузился в размышления. Комиссар, конечно, не был настолько хорошим актером. Ну что же, в таком случае...

В шестнадцать ноль-пять Бейли позвонил Джесси и предупредил ее, что не будет ночевать дома сегодня и, возможно, еще несколько дней. Освободиться от нее после этого оказалось не так-то просто.

— Что-нибудь случилось, Лайдж? Тебе грозит опасность?

— В жизни полицейского всегда есть место определенной опасности, — объяснил он как можно беспечнее.

Это ее не удовлетворило.

— Где ты будешь ночевать?

На этот вопрос он отвечать не стал.

— Если будет одиноко, — посоветовал он, — переночуй у своей матери. — Он поспешил положил трубку, вряд ли стоило продолжать разговор.

В шестнадцать двадцать он позвонил в Вашингтон. Потребовалось довольно много времени, чтобы найти нужного ему человека, и почти столько же времени, чтобы убедить его на следующий день вылететь в Нью-Йорк. К шестнадцати сорока ему это удалось.

В шестнадцать пятьдесят пять из кабинета вышел комиссар и неуверенно улыбнулся Бейли, проходя мимо. Дневная смена повалила к выходу. Те немногочисленные сотрудники, которые работали здесь вечером и ночью, приветствовали Бейли с различной степенью удивления в голосе. К его столу приблизился Р. Дэниел со стопкой бумаг в руках.

— Что это? — спросил Бейли.

— Списки тех, кто может входить в организацию медиевистов.

— И сколько их оказалось?

— Более миллиона, — ответил Р. Дэниел. — У меня здесь только часть.

— И вы надеетесь проверить их всех, Дэниел?

— Разумеется, это было бы непрактично, Элайдж.

— Видите ли, Дэниел, почти все земляне в некоторой степени медиевисты. Комиссар, Джесси и я сам. Посмотрите на комиссара с его (он чуть было не сказал «очками», но вовремя вспомнил, что земляне должны держаться вместе и что лицо комиссара нужно защищать как в прямом, так и в переносном смысле), с его украшениями на глазах, — несладко закончил он.

— Да, — сказал Р. Дэниел, — я обратил на него внимание, но думал, что с моей стороны было бы неделикатно спрашивать о нем. На других жителях Города я не видел таких украшений.

— Это очень старомодная вещь.

— Она служит каким-нибудь практическим целям?

Оставив этот вопрос без ответа, Бейли резко сменил тему.

— Каким образом вы составляли этот список?

— С помощью машины. Нужно только настроить ее на определенный тип правонарушения, а она сделает все остальное. Одной я дал задание проверить все случаи мелкого хулиганства, связанные с роботами, за последние двадцать пять лет. Другая машина просмотрела все городские газеты за тот же период в поисках имен тех, кто высказывался против роботов или жителей Внешних Миров. Просто удивительно, как много можно сделать за три часа! Машина даже вычеркнула из списка имена тех, кого уже нет в живых.

— Вас это удивляет? Ведь у вас на Внешних Мирах тоже есть компьютеры.

— Конечно, причем самые разнообразные. Весьма совершенные. И все же нет таких огромных и сложных, как здесь. Не забывайте, что население даже самого большого из Внешних Миров едва достигает численности проживающих в Нью-Йорке, поэтому у нас нет необходимости в сверхсложных машинах.

— Вы когда-нибудь бывали на Авроре? — поинтересовался Бейли.

— Нет, — ответил Р.Дэниел. — Меня собрали здесь, на Земле.

— Тогда откуда же вы знаете, какие на Внешних Мирах компьютеры?

— Очень просто, коллега Элайдж. Моя электронная память содержит все те знания, которыми обладал доктор Сартон. Можете не сомневаться, что в ней много фактического материала, касающегося Внешних Миров.

— Ясно. Дэниел, вы можете есть?

— Я работаю на ядерной энергии. Я думал, вы это знаете.

— Прекрасно знаю. Я не спрашиваю, нужно ли вам есть. Я спросил, можете ли вы есть. Сможете ли вы положить пищу в рот, пережевать ее и проглотить? Думаю, без этого вряд ли можно сойти за человека.

— Я понял вас. Да, я могу выполнять механические операции жевания и глотания. Моя вместимость, конечно, довольно ограничена, и рано или поздно мне надо удалять непереваренный материал из того, что вы могли бы назвать моим желудком.

— Отлично. Вы сможете его срыгнуть, или что там вы делаете, вечером, когда приедем домой. Дело в том, что я проголодался. Я пропустил обед — ну и черт с ним! — в общем, я хочу, чтобы вы были рядом, пока я ем. Но если вы будете сидеть в столовой просто так, на вас сразу же обратят внимание. Потому я и спросил, можете ли вы сделать вид, что едите. Ну, идемте!

Столовые всех секторов Города были одинаковые. Более того, по делам службы Бейли довелось побывать в Вашингтоне, Торонто, Лос-Анджелесе, Лондоне и Будапеште, и там столовые были точно такими же. Возможно, в среднюю эпоху, когда языки отличались друг от друга так же, как национальные блюда, было иначе. Ныне всюду были одни и те же дрожжевые продукты: от Шанхая до Ташкента и от Виннипега до Буэнос-Айреса; что касается английского языка, то он уже мало чем напоминал язык Шекспира или Черчилля и давно превратился в своеобразную мешанину, кото-

рой пользовались на всех континентах и даже, с некоторыми изменениями, на Внешних Мирах.

Однако, помимо языка и меню, были и более глубокие сходства, делавшие все столовые мира одинаковыми. Это тот особенный запах, не поддающийся определению, но свойственный только столовым. Это три потока медленно ползущей очереди, которые сливались в дверях, а затем снова разветвлялись налево, направо и в центр. Это гул от движения и разговоров множества людей и грохот пластмассовой посуды. Это длинные столы, блеск полированной отделки «под дерево», отражение света на стекле и воздух, пропитанный паром.

Бейли медленно двигался вперед вместе со всей очередью (как ни распределяли часы принятия пищи, каждый раз приходилось ждать в очереди минут десять, а то и больше) и неожиданно с любопытством спросил:

— Вы умеете улыбаться?

— Что вы сказали, Элайдж? — переспросил Р. Дэниел, невозмутимо взирающий на окружающее.

— Мне просто интересно, Дэниел, умеете ли вы улыбаться, — невольно понизив голос до шепота, сказал Бейли.

Р. Дэниел улыбнулся. Улыбка получилась очень странная. Губы робота быстро растянулись, изогнувшись кверху, и в их уголках образовались складки. Улыбался, однако, только рот. Остальная часть лица не изменила своего выражения.

Бейли покачал головой.

— Довольно, Дэниел. Вам лучше не улыбаться.

Они подошли к входу. Один за другим люди опускали свои жетоны в соответствующую прорезь автоматического контролера. Щелк-щелк-щелк...

Однажды кто-то подсчитал, что четко работающая столовая могла пропустить двести человек в минуту, и это при том, что талон каждого тщательно проверялся, чтобы не допустить посторонних посетителей, а также избежать путаницы с графиком посещения столовой и распределения порций. Подсчитали также и то, какой длины должна быть очередь для максимально эффективной работы столовой и сколько времени тратилось на особое обслуживание.

Поэтому шагнуть к окошечку, за которым сидела дежурная, и сунуть ей спецпропуск, тем самым прервав равномерное щелканье автомата, как это сделали Бейли и Р. Дэниел, означало нарушить налаженный ритм работы столовой, что для ее работников было равносильно настоящему бедствию.

Джесси, знавшая как ассистент диетолога все тонкости работы столовой, как-то объясняла Бейли, что происходило в таких случаях.

— Все тогда идет кувырком, — рассказывала она. — Приходится заново рассчитывать количество порций, производить переучет продуктов. При этом не обойтись без дополнительной проверки. Нужно сверить регистрационные карточки со всеми столовыми других секторов, чтобы не слишком нарушить баланс. Понимаешь? Баланс составляется каждую неделю, и, если что-то не сходится и у тебя перерасход, вину всегда взваливают на тебя. Никому и в голову не придет обвинить городские власти, хотя они раздают спецталоны направо и налево. Еще бы! А когда приходится объявлять, что выбор блюд временно ограничивается, очередь тут же поднимает страшный шум. И всегда виноваты те, кто стоит за стойкой...

Джесси обрисовала картину в мельчайших подробностях, так что Бейли прекрасно понимал тот холодный ненавидящий взгляд, которым одарила его из-за окошечка дежурная. Она поспешила сделать несколько записей: адрес, род занятий, причина перемены места питания («служебная командировка» — причина раздражающая, но неопровергимая). Затем уверенными движениями пальцев она сложила регистрационную карточку с данными Бейли и опустила ее в прорезь компьютера. Тот подхватил ее, проглотил ее содержание и переварил информацию.

Дежурная повернулась к Р. Дэниелу. Бейли решил, что пора сказать ей о самом худшем.

— Мой друг не из Нью-Йорка.

Вот теперь она была совершенно вне себя от ярости.

— Город проживания, пожалуйста.

Бейли снова ответил за Р. Дэниела:

— Все данные имеются в департаменте полиции. Обойдемся без подробностей. У нас официальное задание.

Женщина резко подвинула к себе пачку карточек и привычным нажатием двух пальцев правой руки заполнила нужные строчки электронным кодом.

— Как долго вы будете здесь питаться?

— Впредь до дальнейших распоряжений, — ответил Бейли.

— Приложите пальцы вот здесь, — сказала она, развернув бланк.

Бейли охватила тревога, когда к бумаге прижались ровные, с блестящими ногтями, пальцы Р. Дэниела. «Надеюсь, они не забыли снабдить его отпечатками пальцев», — подумал он.

Женщина забрала бланк и отправила его в нутро всеядной машины, стоявшей рядом. Машина назад ничего не отрыгнула, и Бейли облегченно вздохнул.

Дежурная выдала им маленькие жетоны ярко-красного цвета, что означало «временный», и предупредила:

— Свободного выбора блюд нет. У нас перерасход продуктов. Занимайте места за столом *ДФ*.

Они направились к столу *ДФ*.

— У меня такое впечатление, будто большинство из вас постоянно питается в подобных столовых, — заметил Р. Дэниел.

— Да. Конечно, довольно неприятно есть в чужой столовой. Вокруг ни одного знакомого. Совсем другое дело, когда находишься в столовой своего сектора. У тебя постоянное место. Ты в кругу своей семьи, своих друзей. Время принятия пищи оставляет одно из самых ярких впечатлений дня, особенно когда ты молод.

Бейли улыбнулся мимолетным воспоминаниям.

Стол *ДФ* был явно предназначен для временных клиентов. Сидевшие за ним молчали, смущенно уткнувшись в свои тарелки. Время от времени они украдкой бросали завистливые взгляды на смеющиеся компании за соседними столиками.

«Ни у кого не бывает так тяжело на душе, как у человека, обедающего не в своем секторе, — подумал Бейли. — Как там говорится в старой пословице? В гостях хорошо, а в родной столовой лучше. Дома даже

еда кажется вкуснее, сколько бы ни клялись химики, что она абсолютно не отличается от той, что подают в Иоганнесбурге».

Бейли сел на табурет, рядом уселся Р. Дэниел.

— Свободного выбора нет, — пробурчал Бейли, пробежав по столу пальцами. — Что ж, делать нечего, поверните переключатель вон там и ждите.

Прошло две минуты. Диск в крышке стола отодвинулся в сторону, и из образовавшегося отверстия поднялось блюдо с едой.

— Картофельное пюре, сок из зимотелятины и компот из абрикосов. Ну что ж, неплохо, — сказал Бейли.

В углублении перед низкой переборкой, идущей по центру стола, появились вилки и два кусочка дрожжевого хлеба.

— Если хотите, можете взять мою порцию, — негромко предложил Р. Дэниел.

На мгновение Бейли окаменел. Но затем вспомнил, с кем имеет дело, и пробормотал:

— Это неприлично. Давайте ешьте.

Бейли принял усердно работать вилкой, но ел без удовольствия, чувствуя постоянное напряжение. Время от времени он осторожно поглядывал на Р. Дэниела. Робот пережевывал пищу точно рассчитанными движениями челюстей. Слишком рассчитанными. И это выглядело не совсем естественно.

Странно! Теперь, когда Бейли знал, что Р. Дэниел действительно не человек, он стал замечать все мелочи, выдающие в нем робота. Например, когда Р. Дэниел глотал, его адамово яблоко оставалось неподвижным.

Но он уже не придавал этому особого значения. Может, он начал привыкать к неживому существу? Допустим, что люди начнут освоение нового мира (с тех пор как доктор Фастольф заронил в нем эту мысль, он постоянно возвращался к ней); допустим, покинуть Землю должен будет, ну например, Бентли; сможет ли он спокойно работать и жить рядом с роботами? А почему бы и нет? Космониты ведь могут.

— Элайдж, прилично ли смотреть на человека, когда он ест? — прервал его мысли Р. Дэниел.

— Конечно, нет, особенно если глязеть на него в упор. Это подсказывает простой здравый смысл, не так

ли? Человек имеет право на уединение. Дружеская беседа за столом — это вполне нормально, но нельзя же при этом заглядывать человеку прямо в рот.

— Ясно. Но тогда почему я насчитал восемь человек, которые внимательно, очень внимательно наблюдают за нами?

Бейли положил вилку и огляделся вокруг будто в поисках солераздатчика.

— Я не заметил ничего необычного, — сказал он, впрочем без особой уверенности в голосе. Для него сотни обедающих были лишь огромной, совершенно безликой массой. Когда же Р. Дэниел повернулся и посмотрел на него своими неподвижными карими глазами, у Бейли закралось подозрение, что он видел не глаза, а сканирующие устройства — анализаторы изображения, способные с фотографической точностью в доли секунды зафиксировать окружающее.

— Но я абсолютно в этом уверен, — спокойно возразил Р. Дэниел.

— Ну и что ж? Что из этого? Да, они плохо воспитаны, но что это доказывает?

— Не знаю, Элайдж, но может ли быть совпадением, что шестеро из них были вчера в толпе у обувного магазина?

Глава 11

БЕГСТВО ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Бейли судорожно сжал вилку.

— Вы уверены? — машинально спросил он и, еще не успев договорить до конца, понял неуместность своего вопроса: никто не спрашивает компьютер, уверен ли он в своем ответе, даже если этот компьютер с руками и ногами.

— Абсолютно!

— Они близко?

— Не очень. Они в разных местах зала.

— Понятно.

Бейли снова принялся за еду, механически работая вилкой. Он нахмурился и лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию.

Что если вчерашний инцидент был организован группой фанатических противников роботов, а не был стихийным возмущением людей, как это показалось поначалу? Среди подстрекателей вполне могли быть люди, которые специально изучали роботов именно из чувства ненависти к ним. Один из них мог распознать в Р. Дэниеле робота. Кстати, комиссар предполагал нечто подобное. Черт возьми, этот человек обладает поразительной глубиной мысли!

Вырисовывалась стройная картина. Вчера они не смогли воспользоваться моментом и выступить организованно, но наверняка готовили новые провокации. Раз им удалось распознать такого робота, как Дэниел, они с таким же успехом могли догадаться, что Бейли — полицейский. А уж если офицер полиции находится в необычном обществе человекоподобного робота, зна-

чит, он выполняет какое-то особое задание. Теперь, задним числом, Бейли нетрудно было все это осмыслить.

Из этого следовало, что наблюдатели у городского муниципалитета (а может быть, и в самом муниципалитете) быстро выследили Бейли, Р. Дэниела или их обоих. Неудивительно, что они сумели сделать это за сутки. Они обнаружили бы его и раньше, не провели он столько времени в Космотауне и на мотошоссе.

Р. Дэниел покончил со своим обедом. Он спокойно сидел и ждал, положив свои безупречные руки на край стола.

— Может, нам лучше начать как-то действовать? — спросил он наконец.

— Здесь, в столовой, мы в безопасности, — ответил Бейли, — и вообще, предоставьте это мне. Пожалуйста.

Бейли осторожно обвел глазами столовую, и ему показалось, будто он видит ее в первый раз.

Люди! Тысячи людей! Сколько человек вмешала в себя средняя столовая? Однажды он где-то видел цифру. Кажется, две тысячи двести. А эта столовая была больше средней.

Что если в воздухе взорвется крик: «Робот!»? Что если он пронесется среди тысяч, как... как...

Он не находил слов для сравнения, но это и не имело значения. Такого не случится.

Стихийные беспорядки могли вспыхнуть где угодно: в столовых, в коридорах или в подъемниках. В столовых даже скорее всего. Там люди вели себя чуть раскованней, чем где бы то ни было, и довольно любого пустяка, чтобы эта раскованность переросла в нечто более серьезное.

Совсем другое дело — беспорядки организованные. В огромной столовой, забитой до отказа людьми, сами зачинщики оказались бы в ловушке. Начнись в зале заваруха с метанием тарелок и крушением столов, выбраться оттуда было бы очень непросто. Наверняка погибли бы сотни людей, и сами подстрекатели вполне могли попасть в их число.

Нет, безопасней устроить мятеж на улицах Города, в каком-нибудь сравнительно узком переходе. В ограниченном пространстве паника и истерия будут распространяться медленно, и у заговорщиков хватит времени, чтобы быстро, по заранее намеченному плану, исчез-

нуть в боковом переходе или незаметно вскочить на межсекторный эскалатор и там раствориться среди пассажиров.

Бейли понял, что попал в западню. Наверняка у этих восьмерых есть сообщники, поджидающие снаружи. Они будут неотступно следовать за Бейли и Р. Дэниелом и, улучив момент, подожгут запал.

— Почему бы их не арестовать? — спросил Р. Дэниел.

— Это лишь приблизит начало беспорядков. Вы знаете их в лицо, так ведь? Не забудете?

— Я не способен забывать.

— Значит, мы сцепаем их в другой раз. А сейчас мы будем прорываться сквозь их сети. Повторяйте в точности все мои действия.

Он встал, осторожно перевернул свою тарелку вверх дном и поставил ее в центр диска, из-под которого она поднялась. Затем положил вилку в предназначеннное для нее углубление. Глядя на Бейли, Р. Дэниел сделал то же самое. Тарелки и столовые принадлежности тотчас исчезли.

— Они тоже поднимаются, — предупредил Р. Дэниел.

— Хорошо. Думаю, они не станут подходить к нам слишком близко. По крайней мере, здесь.

Напарники стали в очередь, продвигавшуюся к выходу, где слышалось ритуальное пощелкивание автоматов. Каждый щелчок означал, что израсходован еще один обеденный пакет. У выхода Бейли оглянулся и еще раз обвел глазами гудящий зал, утопающий в облачках поднимающегося с тарелок пара. Он вдруг в мельчайших подробностях вспомнил, как они с Беном ходили в городской зоопарк. Это было шесть или семь лет назад, нет, восемь. Бену тогда только исполнилось восемь лет. (Боже! Как бежит время!)

Бен попал в зоопарк впервые и поэтому был в восторге. Немудрено, ведь он никогда раньше не видел живую кошку или собаку. И потом, там ко всему прочему был павильон с настоящими птицами! Даже сам Бейли, видевший его уже раз десять, не мог оставаться равнодушным к этому зрелищу.

Когда впервые наблюдаешь, как эти крошечные со-здания проносятся по воздуху, возникает какое-то по-трясающее, ни с чем не сравнимое чувство. Было как раз время кормления воробьев, и работник зоопарка разбрасывал в длинные кормушки дробленый овес. (Люди уже привыкли к дрожжевым заменителям, но по-своему консервативные животные и птицы требовали натуральных продуктов.)

Воробы слетались со всех сторон, и казалось, им не будет конца. С громким чириканьем, от которого закла-дывало уши, они плотно, крыло к крылу, рассаживаясь вдоль кормушки...

Так вот оно что! Вот какая картина всплыла в памяти Бейли, когда он оглянулся, выходя из столовой: воробы у кормушки. Эта мысль вызвала у Бейли отвращение. «Господи! — подумал он. — Должен же быть какой-то иной путь!»

Но какой? Чем был плох тот, что избрали они? Прежде такие вопросы никогда не волновали его.

— Готовы, Дэниел? — коротко спросил он.

— Я готов, Элайдж.

Они вышли из столовой. Теперь их спасение было целиком в руках Бейли.

Трудно найти подростка, который не знал бы игру под названием «догонялки по полосам». Ее правила разнятся от Города к Городу, но суть остается неизмен-ной. А потому любой мальчишка из Сан-Франциско может без труда присоединиться к игре сверстников в Каире.

Смысл ее состоит в том, чтобы из пункта *А* попасть в пункт *Б* через систему скоростного сообщения Город-да. Причем ведущий должен сделать это таким образом, чтобы оторваться от как можно большего числа догоня-ющих.

Ведущий, прибывающий к пункту назначения в оди-ночестве, получает признание сверстников за сноровку, так же как и догоняющий, которого не удалось «сбро-сить с хвоста».

Обычно игра проводится во время вечерних часов пик, когда возросший поток людей, едущих с работы домой, делает ее более опасной и сложной. Ведущий начинает игру, устремляясь вперед по ускоряющимся полосам. Чтобы сбить с толку догоняющих, он использует всевозможные хитрости: остается стоять на одной полосе как можно дольше и затем внезапно перепрыгивает на какую-нибудь полосу, идущую в другом направлении. Или быстро пробегает по нескольким полосам и потом снова выжидает на одной из них.

Беда тому догоняющему, который по невнимательности ошибается полосой. Если он недостаточно ловок, то, прежде чем осознает свою ошибку, безнадежно отстанет или, наоборот, унесется далеко вперед от ведущего. Находчивый ведущий сделает такой промах неисправимым, помчавшись в соответствующем направлении.

Еще один прием, придуманный для того чтобы усложнить задачу игроков раз в десять, заключается в том, чтобы в ходе игры попытаться пересечь местные линии или даже экспресс-дорогу. Считается дурным тоном как полностью избегать их, так и слишком долго на них задерживаться.

Взрослым трудно понять притягательность этой игры, особенно тем, кто никогда не играл в нее в детстве. С игроками, то и дело налетающими на кого-нибудь из окружающих пассажиров, не очень-то церемонятся. Их суроно преследует полиция, наказывают родители. Их обсуждают в школах, предупреждают об опасности по субэфирному видео. Не проходит и года, чтобы во время пробега не погибло пять-шесть подростков, не говоря уже о десятках получившихувечья и о множестве «невинно» пострадавших, кому в ходе игры был нанесен тот или иной ущерб.

Но, несмотря ни на что, ватаги подростков продолжают носиться по полосам; игру невозможно искоренить. Чем больше опасность, тем желаннее для игроков та самая ценная из всех наград — уважение в глазах сверстников. Заслуживший ее счастливчик имеет все основания расхаживать с важным видом, а уж тот, кто добьется славы непобедимого ведущего, и вовсе становится важной персоной.

Элайдж Бейли, например, даже сейчас с удовольствием вспоминал, как и он когда-то бегал по полосам. Как-то он вел группу в двадцать человек от сектора Конкорс к границам Квинза через три экспресс-дороги. После двух часов неутомимого упорного бега он оторвался от самых проворных преследователей и в одиночестве прибыл к месту назначения. Об этом пробеге говорили не один месяц.

Конечно, теперь уже силы были не те: не так давно ему стукнуло сорок. И хотя больше двадцати лет он не бегал, некоторые хитрости помнил до сих пор. Он потерял быструю ловкость, зато приобрел нечто другое. Он стал полицейским. Лишь сотрудник полиции, за плечами которого многолетний опыт работы, мог знать Город так же хорошо, как он, знать, где начинается и кончается почти каждый закованный в металл переулок.

Бейли живо, но не слишком быстро двинулся прочь от столовой. Каждую секунду он ждал, что сзади вот-вот раздастся крик: «Робот, робот!» Эти первые минуты были самыми опасными. Он считал каждый шаг, пока не почувствовал под ногами первую ускоряющуюся полосу.

На мгновение он остановился, и Р. Дэниел ровной походкой подошел к нему вплотную.

— Они идут за нами, Дэниел? — шепотом спросил Бейли.

— Да. Они приближаются.

— Это ненадолго, — уверенно проговорил Бейли.

Он обвел глазами полосы, тянувшиеся по обеим сторонам от него. По мере удаления от того места, где стояли они с Р. Дэниелом, полосы слева постепенно увеличивали скорость своего движения: самые дальние из них мчали свой живой, человеческий груз быстрее всех.

Почти каждый день своей жизни Бейли по нескольку раз приходилось ощущать под ногами движение полос, но теперь впервые за последние семь тысяч дней он слегка напружиши ноги, согнув их в коленях, перед тем как рвануться вперед. Совсем как в прежние времена, его охватило волнение. Его дыхание участилось. Бейли уже почти забыл, как однажды поймал игравшего

в эту игру Бена. Тогда он прочитал ему бесконечно длинную нотацию и пригрозил отдать его под надзор полиции.

Легко, проворно, со скоростью, превышающей в два раза безопасную, он двинулся по ускоряющимся полосам. Чтобы удержать равновесие, ему приходилось сильно наклоняться вперед. Мимо с гулом проносилась местная линия. На мгновение показалось, будто Бейли собирается вскочить на нее, но он вдруг стал отходить все назад и назад, лавируя среди пассажиров, толпы которых становились тем плотнее, чем медленнее двигались полосы.

Он остановился и дал себе передышку на полосе, движущейся со скоростью всего лишь пятнадцать миль в час.

— Сколько их осталось, Дэниел?

— Только один, Элайдж.

Робот стоял рядом, спокойный, нисколько не запыхавшийся.

— Должно быть, в свое время он тоже был неплохим бегуном, но и ему долго не продержаться.

Полный уверенности в своих силах, он вспомнил полуза забытое ощущение детских лет. Оно состояло частично из чувства погружения в мистический ритуал, к которому допускались только посвященные, частично из чисто физического ощущения ветра, бьющего прямо в лицо и развеивающего волосы, частично из смутного ощущения опасности.

— Сейчас мы ему покажем то, что называется боковой уверткой, — тихо сказал Бейли Р. Дэниелу.

Размашистым шагом он двинулся вдоль полосы, почти без усилий лавируя среди других пассажиров. Не сбавляя скорости, он шел, все время придерживаясь самого края полосы, пока равномерное движение его головы в толпе не стало оказывать какое-то гипнотическое воздействие, на что все и было рассчитано.

И тут, не сбиваясь с шага, Бейли переместился на два дюйма в сторону и оказался на соседней полосе. Удерживая равновесие, он до боли напряг мышцы ног. Не останавливаясь, он рванул сквозь плотную стену пассажиров и мгновение спустя был уже на сорокапятимильной полосе.

— Ну, что там, Дэниел?

— Он не отстает, — последовал спокойный ответ.

Губы Бейли судорожно сжались. Делать было нечего. Оставалось только использовать скоростные платформы, а это требовало очень хорошей координации движений, возможно, более четкой, чем та, что еще у него сохранялась.

Бейли быстро осмотрелся. В каком точно месте они находились? Мимо промелькнула улица *B-22*. Наскоро прикинув маршрут, он двинулся дальше, легко преодолел оставшиеся полосы ускорения и с размаху вскочил на платформу местной линии.

Безразличные лица пассажиров, утомленных однообразной дорогой, искалились от негодования, когда Бейли и Р. Дэниел протиснулись под перилами.

— Эй, потише! — взвизгнула какая-то дама, хватаясь за свою шляпку.

— Простите, — извинился Бейли задыхаясь.

Он с трудом пробился сквозь строй стоящих пассажиров и, изогнувшись, спрыгнул с платформы на соседнюю полосу. В самый последний момент какой-то оттиснутый им пассажир в сердцах сильно ударил его в спину. Он потерял равновесие. Отчаянно пытаясь удержаться на ногах, он с трудом перешагнул на соседнюю полосу. От резкой перемены скорости он сначала упал на колени, а затем повалился на бок. В это мгновение он с ужасающей ясностью представил себе, что следует дальше: вот на него налетают идущие следом пешеходы, они сбивают с ног других, образуется людская пробка, и в этой страшной неразберихе не миновать переломанных рук и ног...

Но тут он почувствовал, как его подхватила рука Дэниела. Робот, обладающий сверхчеловеческой силой, без труда поставил его на ноги.

— Спасибо, — выдохнул Бейли.

На большее не было времени.

Он сорвался с места и по замедляющимся полосам помчался дальше. По его хитроумному плану нужно было спуститься к *V*-образной экспресс-линии точно в том месте, где пересекались две ее ветки. Не снижая скорости, он снова пересек ускоряющиеся полосы, добрался до экспресса и перебрался через него.

- Он все еще с нами, Дэниел?
- Никого не видно, Элайдж.
- Хорошо. Но какой бы из вас получился бегун по полосам, Дэниел! Так, давайте-ка сюда.

Не останавливаясь, они ринулись дальше, к следующей межсекторной линии, а оттуда — по грохочущим замедляющимся полосам вниз, к большим, внушительного вида воротам. Навстречу им поднялся охранник.

Бейли помахал у него перед носом своим удостоверением:

- Мы здесь по делу.
- Они прошли внутрь.
- Силовая станция, — отрывисто бросил Бейли. — Здесь наши следы окончательно затеряются.

Бейли и прежде бывал на силовых станциях, в том числе — на этой. И тем не менее всякий раз его охватывало какое-то тревожное чувство благоговейного трепета. Это чувство усиливалось от преследовавшей его мысли о том, что некогда его отец руководил подобным предприятием. До тех пор пока...

Вокруг стоял гул гигантских генераторов, скрытых в центральной шахте станции, в воздухе чувствовался легкий запах озона, безмолвные красные линии сурово предупреждали, что за обозначенные ими пределы за-прещалось входить без защитной одежды.

Где-то на станции (Бейли точно не знал где) каждый день расходовался примерно фунт ядерного топлива. Время от времени радиоактивные продукты распада, так называемый «горячий пепел», под давлением воздуха выносились по свинцовым трубам в отдаленные каверны, располагавшиеся в десяти милях от берега океана на глубине в полмили от его дна. Иногда Бейли задавал себе вопрос: «Что произойдет, когда каверны заполнятся?»

— Держитесь подальше от красных линий, — предупредил он Р. Дэниела неожиданно резким тоном. Затем опомнился и добавил сконфуженно: — Хотя, вероятно, для вас это не имеет значения.

— Это связано с радиоактивностью? — спросил Р. Дэниел.

— Да.

— В таком случае, это как раз имеет для меня значение. Гамма-излучение уничтожает тонкое равновесие позитронного мозга. Оно повредило бы мне быстрее, чем вам.

— Вы хотите сказать, оно убило бы вас?

— Мне потребовался бы новый позитронный мозг. А поскольку невозможно создать два абсолютно одинаковых мозга, то я стал бы совершенно другой личностью. Тот Дэниел, с которым вы сейчас говорите, был бы, так сказать, мертв.

Бейли с сомнением посмотрел на своего напарника.

— Я об этом и не догадывался... Нам сюда.

— На этом стараются не заострять внимания. Космонит желает убедить землян в полезности таких, как я, а не в наших слабостях.

— Тогда зачем говорить мне?

Р. Дэниел посмотрел прямо в глаза своему компаньону.

— Вы мой партнер, Элайдж. Вам нужно знать все мои слабости и недостатки.

Бейли кашлянул. Ему больше нечего было сказать по этому поводу.

— На выход сюда, — сказал он немного погодя. — Отсюда четверть мили до нашей квартиры.

Это была мрачная квартира низшего разряда. Одна маленькая комната с двумя кроватями. Два складных стула и стенной шкаф. Встроенный экран субэфирного видео без всяких ручек управления и регулировки, принудительно работающий определенное время суток. Никакого умывальника, даже отключенного, никакого кухонного оборудования, даже для того чтобы вскипятить воду. Лишь в углу уродливая труба мусоропровода, постоянно издававшая неприятные звуки.

Бейли поежился.

— Ну вот и наши хоромы. Думаю, как-нибудь продержимся.

Р. Дэниел подошел к мусоропроводу. От едва заметного прикосновения его рубашка разошлась по шву, обнажив мускулистую на вид грудь, покрытую гладкой кожей.

— Что вы делаете? — удивился Бейли.

— Решил избавиться от съеденной пищи. Если оставить ее там, она начнет разлагаться и я буду вызывать отвращение.

Р. Дэниел осторожно нащупал двумя пальцами какую-то точку под одним из сосков и особым образом нажал на нее. Его грудная клетка распахнулась по вертикали. Он засунул руку внутрь и вытащил из хаотического нагромождения поблескивающих металлических деталей слегка раздувшийся мешочек. Бейли следил за роботом с чувством, близким к ужасу. Открыв мешочек, Р. Дэниел постоял в нерешительности и сказал:

— Продукты абсолютно чистые. Я не выделяю слюну и не жую. Понимаете, их засосало через пищевод воздухом. Их можно есть.

— Хорошо, хорошо, — мягко ответил Бейли. — Я не голоден. Выбрасывайте, и дело с концом.

Судя по всему, пищевой мешочек Р. Дэниела был сделан из фтористоуглеродного пластика. По крайней мере, пища к нему не прилипала. Она легко выходила из мешочка и постепенно исчезала в мусоропроводе.

«Еще и хорошие продукты перевели», — подумал Бейли.

Он сел на кровать и стащил с себя рубашку.

— Завтра предлагаю выйти пораньше.

— Есть причина?

— Нашим друзьям пока неизвестно местонахождение этой квартиры. По крайней мере, я надеюсь, что неизвестно. Чем раньше мы уйдем, тем в большей безопасности будем. А в муниципалитете первым делом нам нужно будет решить, стоит ли продолжать наше сотрудничество.

— Вы думаете, не стоит?

Бейли пожал плечами и угрюмо сказал:

— Мы не можем так рисковать каждый день.

— Но мне кажется...

Р. Дэниела прервала алая вспышка дверного сигнала.

Бейли бесшумно вскочил с кровати и достал бластер. Сигнальный огонек вспыхнул еще раз.

Держа большой палец на спусковой кнопке бластера, он тихо подошел к двери и поворотом специальной рукоятки включил дверное окошко одностороннего видения. Обзорное окошко было не очень удобным. Слиш-

ком маленькое, оно давало искаженное изображение. Но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы Бейли различил за дверью своего сына Бентли.

Бейли действовал быстро. Он рывком отворил дверь, грубо схватил мальчугана за руку, не дав ему посигнаг-
лить в третий раз, и затащил его в комнату.

Едва справляясь с дыханием, Бен смотрел недоумен-
но, прислонившись к стене, куда его отбросила рука отца. Выражение испуга очень медленно сходило с его лица. Он потер запястье.

— Пап! — обиженно проговорил он. — Можно бы-
ло и не хватать меня так.

Бейли пристально вглядывался в обзорное окошко вновь запертой двери. Коридор в поле его зрения был пуст.

— Бен, ты кого-нибудь там видел, снаружи?

— Нет. Я просто пришел узнать, все ли у тебя в порядке.

— С какой стати у меня должно быть что-то не в порядке?

— Не знаю. Это все мама. Она плакала и все такое. Сказала, что, если я не пойду, она пойдет сама, и тогда неизвестно, что может случиться. Она прямо-таки за-
ставила меня пойти, папа.

— Как ты нашел меня? — нетерпеливо прервал его Бейли. — Разве мама знала, где я?

— Нет, не знала. Я позвонил тебе на работу.

— И тебе сказали?!

Горячность отца испугала Бена.

— Конечно. А разве они не должны были?

Бейли и Р. Дэниел переглянулись. Бейли тяжело под-
нялся и спросил:

— Где сейчас мама, Бен? Дома?

— Нет, мы ходили ужинать к бабушке, и мама осталась у нее. Сейчас мне надо вернуться туда. Если, конечно, у тебя все в порядке.

— Ты останешься здесь. Дэниел, вы не заметили, где на нашем этаже находится переговорная трубка?

— Заметил. Вы собираетесь выйти из комнаты, чтобы воспользоваться ею?

— Так надо. Я должен позвонить Джесси.

— Позвольте заметить, что было бы разумно поручить это Бентли. Это связано с риском, а он представляет меньшую ценность.

Бейли ошарашенно посмотрел на робота.

— Да как вы...

«Боже, из-за чего я начинаю сердиться!» — подумал он и продолжил более спокойно:

— Вы не понимаете, Дэниел. Среди людей не принято посыпать своих сыновей туда, где может быть опасно, даже если сделать это было бы разумнее всего.

— Опасно! — воскликнул Бен от ужаса и восторга одновременно. — Что происходит, пап? Ну скажи...

— Ничего, Бен. И перестань совать нос в чужие дела. Понятно? Готовься ко сну. Чтобы был в постели, когда я вернусь. Слышишь?

— Ну ладно. Можешь на меня положиться. Я никому не скажу.

— Все, в кровать.

— О Господи!

Стоя у переговорной трубки, Бейли откинул полу пиджака так, чтобы бластер был у него под рукой. Он назвал свой личный номер и стал ждать, пока компьютер, установленный в пятнадцати милях от него, проверит, имеет ли он разрешение звонить. Ждать пришлось не очень долго, поскольку у сыщиков не было лимита на количество служебных звонков. Он назвал номер квартиры тещи.

Небольшой экран у основания аппарата засветился, и в нем появилось ее лицо.

— Мама, — сказал он как можно тише, — позовите Джесси.

Джесси, видимо, ждала его. Она сразу же появилась на экране. Взглянув на ее лицо, Бейли на всякий случай сделал изображение темнее.

— Не волнуйся, Джесси. Бен уже здесь. Так в чем все-таки дело? — Он водил глазами из стороны в сторону, держа под наблюдением коридор.

— С тобой все в порядке? Ты вне опасности?

— Со мной все в порядке. Ты же видишь. Перестань, пожалуйста.

— Ох, Лайдж, я так беспокоилась.

— О чём? — строго спросил он.

— Ты знаешь. Этот твой друг...

— Что мой друг?

— Вчера ночью я говорила тебе. Быть беде.

— Чепуха. Я оставляю Бена у себя, а ты ложись спать. До свидания, дорогая.

Он прервал связь и дважды глубоко вздохнул, прежде чем отправиться обратно. От дурных предчувствий и страха его лицо стало серым.

Когда Бейли вернулся, Бен стоял посреди комнаты. Одна из его контактных линз аккуратно лежала в маленькой чашке. Другая все еще находилась у него на зрачке.

— Черт возьми, пап, неужели в комнате нет ни капли воды? Мистер Оливо говорит, что мне нельзя идти в туалетный блок.

— Он прав. Нельзя. Вставь эту штуку обратно, Бен. Ничего страшного, не произойдет, если ты одну ночь поспишь с ними.

— Ладно. — Бен снова вставил линзу, убрал свою чашку и залез в постель. — Ну и матрас!

Бейли повернулся к Р. Дэниелу.

— Надеюсь, вы ничего не будете иметь против, если вам придется провести ночь сидя?

— Конечно, нет. Кстати, меня заинтересовали стеклышки, которые Бентли носит на глазах. У всех землян есть такие?

— Нет. Только у некоторых, — рассеянно ответил Бейли. — Я, например, их не ношу.

— А с какой целью их надевают?

Бейли был слишком поглощен собственными тревожными мыслями, чтобы отвечать.

Свет погас.

Бейли не мог заснуть. Он смутно слышал, как дыхание Бентли стало глубоким и ровным, а затем перешло в спокойное посапывание. Он повернулся и скорее ощущил, чем увидел, как Р. Дэниел сидит в полной неподвижности, глядя на дверь.

Затем Лайдж заснул, и ему приснился сон.

Ему снилось, что Джесси падает в реактор атомной станции и этому падению не было конца. Пронзительно крича, она протягивала к нему руки, но он лишь оторопело стоял у красной ограничительной линии не в силах переступить через нее и смотрел, как кувыркается в падении ее искаженная фигура, становясь все меньше и меньше, пока не превратилась в точку.

Во сне он только смотрел на нее и ничего не мог поделать, ибо знал, что это он сам столкнул ее.

Глава 12

КОНСУЛЬТАЦИЯ У СПЕЦИАЛИСТА

Э лайдж Бейли устало кивнул комиссару Джулису Эндерби, когда тот вошел в офис.

Комиссар посмотрел на часы и проворчал:

— Только не говорите мне, что вы провели здесь всю ночь!

— Я и не собираюсь этого говорить.

Комиссар понизил голос:

— Как прошла ночь? Были какие-нибудь неприятности? — Бейли покачал головой. — Я подумал, — продолжал комиссар, — что, пожалуй, преуменьшал возможность возникновения беспорядков. И если что-нибудь...

— Ради Бога, комиссар, — сухо сказал Бейли, — если бы что-нибудь случилось, я бы вам сказал. Не было абсолютно никаких неприятностей.

— Хорошо. — Комиссар двинулся дальше, к двери своего кабинета, за которой его ждало недоступное другим уединение, символ его высокого поста.

Бейли посмотрел вслед боссу и подумал: «Он-то, должно быть, хорошо выспался».

Бейли склонился к рапорту, в котором пытался описать свои действия за два последних дня, не упоминая, однако, о том, что произошло на самом деле. Но слова, которые он выстукивал одним пальцем, сливались и плясали у него перед глазами. Он не сразу заметил, что возле его стола кто-то стоит.

Бейли поднял голову.

— Чего тебе?

Это был Р. Сэмми. «Личный лакей Джулиуса, — подумал Бейли. — Выгодно быть комиссаром».

— Комиссар хочет видеть вас, Лайдж. Говорит, немедленно.

С лица Р. Сэмми не сходила бессмысленная улыбка.

— Он только что видел меня. Скажи ему, я зайду позже, — отмахнулся Бейли.

— Он говорит, немедленно, — повторил Р. Сэмми.

— Ладно, ладно, уходи.

Робот попятился, повторяя:

— Комиссар хочет видеть вас немедленно, Лайдж. Говорит, немедленно.

— О черт, — процедил Бейли сквозь зубы. — Иду, иду.

Он поднялся из-за стола и направился к кабинету Эндерби. Робот замолчал.

— Смилуйтесь, комиссар, — начал Бейли, едва переступив порог. — Ну не посыпайте за мной эту хренью!

Но комиссар сказал только:

— Садитесь, Лайдж, садитесь.

Бейли сел и уставился на него. Может быть, он был несправедлив к старине Джулиусу. Может быть, тот все-таки не спал. Вид у него был довольно измученный.

Комиссар барабанил по лежавшему перед ним листку бумаги.

— У меня здесь есть запись, что вы звонили некоему доктору Джерриджелу в Вашингтон по закрытому каналу лучевой связи.

— Верно, комиссар.

— Записи вашего разговора, естественно, нет, поскольку вы пользовались закрытым каналом. Что все это значит?

— Мне нужна дополнительная информация.

— Если не ошибаюсь, он специалист по роботехнике, не так ли?

— Верно.

Комиссар выпятил нижнюю губу и неожиданно стал похож на обиженного ребенка.

— Но зачем вам это? Что за информация вам еще нужна?

— Я и сам не знаю, комиссар. Просто у меня такое чувство, что в подобном деле сведения о роботах могли бы пригодиться.

Тут Бейли замолчал. Не было желания вдаваться в подробности.

— Я бы не стал этого делать, Лайдж. Не стал бы. Мне кажется, это неразумно.

— Почему вы против, комиссар?

— Чем меньше людей знают обо всем этом, тем лучше.

— Я не буду посвящать его во все детали. Это естественно.

— И все-таки, по-моему, это неразумно.

Слова комиссара окончательно вывели Бейли из себя.

— Вы что, приказываете мне не встречаться с ним?

— Нет, нет, поступайте, как считаете нужным. Вести расследование поручено вам. Только...

— Только что?

Комиссар покачал головой.

— Ничего... А где этот... Вы знаете, кого я имею в виду.

Бейли знал.

— Р. Дэниел все еще в картотеке.

Комиссар выдержал длинную паузу, затем сказал:

— Мы не многое достигли, знаете ли.

— Пока мы еще ничего не достигли. Но все может измениться.

— Ну вот и отлично, — произнес комиссар, но по его виду нельзя было сказать, что он действительно так думал.

Когда Бейли вернулся, у его стола стоял Р. Дэниел.

— Ну, а у вас что нового? — угрюмо спросил Бейли.

— Я завершил свой первый, довольно беглый осмотр картотеки, Элайдж, и установил личности двоих из тех, кто вчера пытался нас выследить и кто, кроме того, участвовал в инциденте у обувного магазина.

— Давайте посмотрим.

Р. Дэниел положил перед Бейли крошечные, размером с почтовую марку карточки. Их испещряли маленькие точки, служившие кодом. Робот достал также переносный дешифратор и вставил одну из карточек в соответствующую прорезь. Электропроводные свойст-

ва точек отличались от электропроводности самой карточки. Поэтому, проходя через карточку, электрическое поле специфическим образом деформировалось, и в ответ на эти изменения небольшой экран дешифратора заполнялся словами. Если бы не код, эти слова заняли бы несколько стандартных листов бумаги. Но прочесть их без специального дешифратора было бы невозможно.

Бейли бесстрастно читал предложенный ему материал. Первым был Фрэнсис Клаусарр; тридцати трех лет, арестован два года назад, причина ареста — подстрекательство к беспорядкам, служащий компании «Нью-Йорк Йист», домашний адрес, происхождение, цвет волос, глаз, особые приметы, образование, послужной список, психоаналитическая характеристика, описание физического состояния, дополнительные сведения и, наконец, порядковый номер трехмерного снимка в архиве фотоснимков преступников.

— Фотографию проверили?

— Да, Элайдж.

Вторым был Пол Герхард. Бейли просмотрел данные о нем и сказал:

— Все это бесполезно.

— Я уверен, что это не может быть бесполезно. Если существует организация землян, способных на преступление, которое мы расследуем, то эти двое наверняка ее члены. Разве это не очевидно? И разве в таком случае не следует их допросить?

— Мы ничего от них не добьемся.

— Они оба были и у обувного магазина, и в столовой. Они не могут отрицать этого.

— В том, что они были там, нет преступления. Кроме того, они могут отрицать это. Просто скажут, что их там не было, и все. Нет ничего проще. Как мы сможем доказать, что они лгут?

— Я их видел.

— Это не доказательство, — рассердился Бейли. — Ни один суд, если до него когда-нибудь и дойдет, не поверит, что вы можете запомнить два лица в миллионной толпе.

— Но я действительно могу.

— Конечно. Вот и скажите им, кто вы на самом деле. Как только вы это сделаете, вы больше не свидетель. Ни один суд на Земле не будет иметь дела с таким, как вы.

— Выходит, вы передумали?

— О чём вы?

— Вчера в столовой вы сказали, что нет нужды их арестовывать. Вы сказали, что, если я запомню их лица, мы сможем арестовать их в любое время.

— Ну, я недостаточно хорошо взвесил ситуацию, — объяснил Бейли. — Что-то на меня нашло, какое-то умопомрачение. Это невозможно.

— Даже учитывая их психологию? Они ведь не будут знать, что у нас нет доказательств их соучастия в заговоре.

— Слушайте, — Бейли начал терять терпение. — Через полчаса я жду доктора Джерриджела из Вашингтона. Ничего, если вам придется подождать, пока я с ним поговорю? Не возражаете?

— Я подожду, — ответил Р. Дэниел.

Энтони Джерриджел оказался педантичным и очень вежливым человеком среднего роста, совсем не похожим на одного из самых эрудированных специалистов по роботехнике на Земле. Он опоздал почти на двадцать минут и очень долго извинялся по этому поводу. Побледневший от напряженного ожидания, Бейли не очень вежливо отмахнулся от его извинений. Он проверил, выполнена ли его заявка на конференц-зал Д, еще раз повторил, чтобы их ни при каких обстоятельствах не беспокоили в течение часа, и повел доктора Джерриджела и Р. Дэниела сначала вниз по коридору, затем наверх по трапу, а оттуда — к двери, ведущей в один из залов, защищенных от лучевого прослушивания.

Прежде чем сесть, Бейли достал пульсометр и тщательно проверил изоляцию стен, вслушиваясь в легкое гудение прибора. Малейшее изменение в звучании пульсометра означало бы нарушение изоляционной оболочки. Затем он направил прибор на потолок, пол и — с особой тщательностью — на дверь. Повреждения изоляции не было.

Доктор Джерриджел слегка улыбнулся. Он произвел впечатление человека, никогда не улыбающегося больше, чем слегка. Одет он был с такой аккуратностью, что можно было с уверенностью сказать; на этот счет у него определенно имелся пунктик. Его седые волосы были тщательно зачесаны назад, а румяное лицо, казалось, было только что вымыто. Он сидел, чопорно выпрямив спину, как будто еще в детстве от постоянных материнских напоминаний о необходимости сохранять хорошую осанку его позвоночник навсегда окаменел.

— Все это выглядит довольно устрашающее, — сказал он Бейли.

— Дело очень важное, доктор. Мне нужна такая информация о роботах, которую, возможно, можете дать только вы. Разумеется, все, о чем мы будем говорить здесь, совершенно секретно, и власти Нью-Йорка надеются, что, покинув это помещение, вы обо всем забудете.

Бейли взглянул на свои часы. Полуулыбка сразу слетела с лица роботехника.

— Позвольте мне объяснить, почему я опоздал. — Допущенная им непунктуальность явно не давала ему покоя. — Я решил не лететь на самолете. Я подвержен воздушной болезни.

— Очень жаль, — сказал Бейли. Он убрал пульсометр, предварительно убедившись в его исправности, и сел.

— Или, вернее, не воздушной болезни, просто меня охватывает нервозность. Легкая агорафобия. Ничего особенного, но все-таки. Поэтому я добирался на экспрессах.

Внезапно Бейли почувствовал острый интерес:

— Агорафобия?

— В моих устах это прозвучало серьезнее, чем есть на самом деле, — поспешил сказать роботехник. — Это просто чувство, которое появляется только в самолете. Вы когда-нибудь летали самолетами, мистер Бейли?

— Несколько раз.

— Значит, вы должны знать, о чем я говорю. Это ощущение того, что тебя окружает пустота, что ты

отделен от нее металлической обшивкой всего лишь в дюйм толщиной. Очень неприятное чувство.

— Итак, вы ехали на экспрессе?

— Да.

— Весь путь от Вашингтона до Нью-Йорка?

— О, я проделывал этот путь и раньше. С тех пор как построили туннель Балтимора—Филадельфия, это не составляет труда.

Так оно и было. Сам Бейли никогда не ездил таким образом, но прекрасно знал, что в принципе это возможно. За последние два столетия Вашингтон, Балтимора, Филадельфия и Нью-Йорк так разрослись, что почти соприкасались друг с другом. Эту часть побережья часто полуофициально называли Районом Четырех Городов, и среди их жителей было немало тех, кто выступал за их административное объединение и образование одного Супергорода. Сам Бейли эту идею не поддерживал. Один громадный Нью-Йорк и то уже с трудом поддавался централизованному управлению. Чуть более крупный Город с населением свыше пятидесяти миллионов сломался бы под тяжестью собственного веса.

— Вся беда в том, — продолжал доктор Джерриджел, — что я не успел сделать пересадку в секторе Честер, в Филадельфии, и из-за этого потерял время. А потом еще пришлось ждать, пока мне выдадут временный ордер на комнату. В общем, все это кончилось тем, что я опоздал.

— Не беспокойтесь об этом, доктор. Все, что вы рассказали, весьма интересно. Учитывая вашу неприязнь к самолетам, что бы вы сказали по поводу прогулки пешком за пределы Города?

— С какой целью? — спросил он с удивлением и тревогой.

— Это всего лишь риторический вопрос. Я не предлагаю вам совершить это в действительности. Мне хотелось бы знать, какое впечатление произведет на вас сама эта идея.

— Крайне неприятное.

— Предположим, вы должны были бы выйти из Города ночью и преодолеть пешком с полмили или больше по открытому пространству.

— Думаю, я... я вряд ли поддался бы на уговоры.

— Как бы ни была велика необходимость?

— Если бы от этого зависела моя жизнь или жизни моих близких, я мог бы попытаться... — Он смутился. — Могу я узнать цель этих вопросов, мистер Бейли?

— Я объясню. Было совершено серьезное преступление, убийство, которое вызывает глубокое беспокойство. Я не имею права посвящать вас в детали. Однако существует предположение, что убийца, для того чтобы совершить преступление, сделал как раз то, о чем мы сейчас говорили: ночью в одиночку пересек открытое пространство. Мне хотелось бы знать, что за человек мог пойти на это.

— Лично я таких не знаю, — пожал плечами доктор Джерриджел. — То, что не я, так это точно. Конечно, среди миллионов людей нашлось бы, я думаю, несколько безумцев.

— Но вы не сказали бы, что подобный поступок для человека в порядке вещей?

— Конечно, нет.

— Иначе говоря, если есть какая-нибудь другая версия преступления, другая приемлемая версия, то ее следует рассмотреть.

Доктор Джерриджел, казалось, растерялся еще больше, но по-прежнему сидел очень прямо, положив свои ухоженные руки на колени.

— У вас есть другая версия? — спросил он.

— Да. Мне кажется, что робот, например, мог бы без труда пересечь открытое пространство.

— Боже мой, сэр! — вскочил доктор Джерриджел.

— В чем дело?

— Вы что же, хотите сказать, что преступление мог совершить робот?

— Почему бы и нет?

— Убийство? Человеческого существа?

— Да. Пожалуйста, сядьте доктор.

Роботехник повиновался.

— Мистер Бейли, речь идет о двух поступках: о переходе через открытое пространство и об убийстве. Человек легко мог совершить последнее, но с трудом решился бы на первое. И напротив, робот без труда проделает первое, но никогда не сможет совершить

второе. Если вы собираетесь заменить маловероятную версию невероятной, то...

— Невероятной — слишком сильно сказано, доктор.
— Вы слышали о Первом Законе Роботехники, мистер Бейли?

— Конечно. Я даже могу процитировать его: работу запрещается причинять вред человеческому существу как действием, так и бездействием. — Пристально глядя прямо в глаза роботехнику, Бейли продолжил: — Почему нельзя построить робота без Первого Закона? Что в нем такого священного?

Доктор Джерриджел в растерянности посмотрел на Бейли, затем усмехнулся:

— Ну, мистер Бейли...
— Так что же, каков ваш ответ?
— Если вы имеете хоть какое-то представление о роботехнике, мистер Бейли, то должны знать, какую гигантскую работу нужно проделать математикам и электронщикам, чтобы создать позитронный мозг.

— Я это понимаю, — сказал Бейли.
Он хорошо помнил, как однажды по долгу службы ему пришлось посетить завод по производству роботов. Он видел заводскую книгофильмотеку. Она состояла из длинных книгофильмов, каждый из которых содержал математический анализ какого-нибудь одного типа позитронного мозга. Несмотря на сжатость изложения, в среднем требовалось более часа, чтобы просмотреть один такой фильм. И хотя каждый мозг изготавливали в соответствии со строго заданными неизменными техническими параметрами, невозможно было отыскать ни одной пары одинаковых мозговых систем. Это, как понял Бейли, являлось следствием действия принципа неопределенностей Гейзенberга. Поэтому каждый фильм снабжался приложениями, включающими возможные варианты. Да, эта работа была не из легких. Бейли и не собирался этого отрицать.

— Ну что ж, — продолжал Джерриджел, — тогда вы понимаете и то, что разработка позитронного мозга нового типа, даже если она затрагивает незначительные усовершенствования, дело не одной ночи. Обычно на нее уходит почти год работы всего научного персонала завода средних масштабов. Но и их усилий было бы

недостаточно, не будь у них на вооружении стандартизированной теории базовых цепей, которая служит основанием для дальнейших разработок. Эта фундаментальная теория включает в себя Три Закона Роботехники: Первый Закон, который вы только что процитировали; Второй Закон, который гласит: «Робот должен подчиняться приказам человека, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону», и Третий Закон: «Робот должен защищать себя от уничтожения, если таковая защита не противоречит Первому и Второму Законам». Понимаете?

Р. Дэниел, по всей видимости, очень внимательно следивший за ходом разговора, нарушил молчание:

— Извините меня, Элайдж, но я бы хотел удостовериться, правильно ли я понимаю мысль доктора Джерриджела. Вы хотите сказать, сэр, что любая попытка построить робота, чей позитронный мозг не сориентирован на эти Три Закона, потребовала бы создания новой фундаментальной теории, а это, в свою очередь, заняло бы несколько лет.

Лицо роботехника просияло.

— Это именно то, что я имею в виду, мистер...

Бейли немного помедлил, затем осторожно представил Р. Дэниела:

— Это Дэниел Оливо, доктор Джерриджел.

— Добрый день, мистер Оливо. — Доктор Джерриджел пожал руку Р. Дэниела и заговорил снова: — Я думаю, разработка теории позитронного мозга, в котором основные положения Трех Законов были бы отвергнуты, и создание на ее основе роботов, подобных современным моделям, потребовали бы лет пятьдесят.

— И этим никто никогда не занимался? — спросил Бейли. — Мы строим роботов уже несколько тысяч лет. Неужели за все это время ни у кого не нашлось пятидесяти лет?

— Время, конечно, было, — ответил роботехник, — но вряд ли такая работа могла кого-нибудь привлечь.

— Мне трудно в это поверить. Любопытство заставит человека пойти на что угодно.

— Но оно не заставило его пойти на создание подобного робота. У человеческой расы, мистер Бейли, сильно развит комплекс Франкенштейна.

— Какой комплекс?

— Это известный термин, взятый из древнего романа, описывающего робота, который набросился на своего создателя. Сам я его не читал. Но это к делу не относится. Я хочу сказать, что без Первого Закона роботов просто не производят.

— И даже не существует теории, на основе которой таких роботов могли бы построить?

— Насколько я знаю, нет, а мои познания, — он застенчиво улыбнулся, — довольно обширны.

— А робот, созданный с учетом Первого Закона, не мог бы убить человека?

— Никогда. Если только это не произошло по чистой случайности или не было необходимо для спасения жизни двоих или более человек. И в том и в другом случае всплеск позитронного напряжения полностью разрушил бы мозг, так что восстановить его уже было бы невозможно.

— Хорошо, — сказал Бейли. — Все это относится к роботам, производимым на Земле. Верно?

— Да, конечно.

— А как насчет Внешних Миров?

Теперь доктор Джерриджел выглядел гораздо менее уверенными.

— К сожалению, мистер Бейли, мои знания не позволяют мне утверждать наверняка, но я уверен, что, если бы где-то был создан такой мозг или, по крайней мере, построена его математическая модель, мы бы узнали об этом.

— Вот как! Хорошо, тогда позвольте мне высказать еще одну мысль. Надеюсь, вы не возражаете, доктор Джерриджел?

— Нет, вовсе нет. — Доктор Джерриджел беспомощно посмотрел вначале на Бейли, затем на Р. Дэниела. — В конце концов, раз это так важно, как вы утверждаете, я рад сделать все, что в моих силах.

— Спасибо, доктор. У меня такой вопрос: почему роботы человекоподобны? Я всю свою жизнь принимал это как должное, но теперь вдруг подумал: «А почему роботы именно такие? Почему у робота непременно должна быть голова и четыре конечности? Почему он должен походить на человека?»

— Вы хотите узнать, почему его нельзя построить в соответствии с выполняемыми им функциями, как другие машины?

— Верно, — подтвердил Бейли. — Почему?

Доктор Джерриджел улыбнулся краешком губ.

— Честное слово, мистер Бейли, вы родились слишком поздно. Ранняя литература по роботехнике пестрит дискуссиями как раз по этому поводу. Вокруг этого вопроса велись в свое время ожесточенные полемические баталии. Если вы хотите ознакомиться с достоверным описанием того спора между функционалистами и антифункционалистами, я могу порекомендовать вам «Историю роботехники» Ганфорда. Математики там — минимум. Думаю, вам было бы интересно.

— Я разыщу ее, — терпеливо пообещал Бейли. — А пока не могли бы вы вкратце рассказать мне о результатах этого спора?

— Решение было принято на основе экономических соображений. Вот послушайте, мистер Бейли, если бы вы были фермером, стали бы вы покупать трактор с позитронным мозгом, жатку, борону, доильный аппарат, автомобиль и так далее — все с позитронным мозгом? Или приобрели бы обычную технику и одного позитронного робота, который мог бы на ней работать? Причем хочу вас предупредить, что второй вариант в пятьдесят, а то и в сто раз дешевле.

— Но почему ему надо непременно походить на человека?

— Потому что человеческая фигура — самая совершенная и универсальная из всех форм, существующих в природе. Мы не ограничены какой-либо определенной узкой деятельностью, как животные, мистер Бейли. Я не говорю сейчас о нашей нервной системе и о некоторых других второстепенных признаках. Если вам нужна конструкция, способная выполнять огромное количество самых различных операций, причем выполнять одинаково хорошо, самое лучшее, что вы можете сделать, это скопировать человеческую фигуру. И потом, абсолютно вся наша техника спроектирована с расчетом на то, чтобы ею пользовался человек. Например, рычаги управления автомобиля сделаны так, что манипулировать ими легче всего человеческой кистью

и ступней определенного размера и формы, которые прикреплены к телу с помощью конечностей определенной длины с суставами определенного типа. Даже такие простые предметы, как столы и стулья или ножи и вилки, создаются с учетом формы и размеров человеческого тела и приспособлены к способу его функционирования. Легче придать роботам человеческую форму, чем радикально изменять саму систему предметов, которыми мы пользуемся.

— Понятно. В этом есть своя логика. Теперь, доктор, я хочу вас спросить: правда ли, что роботехники Внешних Миров производят роботов, которые гораздо больше похожи на людей, чем наши?

— Полагаю, что это так.

— А могли бы они создать робота, которого в обычных условиях невозможно было бы отличить от человека?

Доктор Джерриджел поднял брови и задумался.

— Мне кажется, могли бы, мистер Бейли. Правда, это было бы ужасно дорого. Сомневаюсь, чтобы затраты окупились.

— Как вы думаете, — без устали продолжал Бейли, — могли бы они построить такого робота, который ввел бы в заблуждение даже вас, заставив принять его за человека?

Роботехник недоверчиво хмыкнул.

— О мой дорогой мистер Бейли, я сомневаюсь. Честное слово. Робота выдает не только его внеш... — Доктор Джерриджел осекся не договорив. Он медленно повернулся к Р. Дэниелу, и его румяное лицо стало белым как полотно. — Не может быть, — прошептал он. — Не может быть... — Он протянул руку и робко коснулся щеки Р. Дэниела. Тот спокойно смотрел на роботехника, не пытаясь отклониться. — Боже мой! — воскликнул доктор Джерриджел. Казалось, он вот-вот расплачется. — Вы действительно робот?

— Вам понадобилось немало времени, чтобы понять это, — сухо заметил Бейли.

— Я никак не ожидал. Никогда не видел такого робота. Он создан на Внешних Мирах?

— Да, — ответил Бейли.

— Теперь все понятно. То, как он держит себя. Его манера говорить. Это не идеальная имитация человека, мистер Бейли.

— Тем не менее, довольно неплохая, правда?

— О, поразительная! Сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось распознать его по виду. Я очень благодарен вам за то, что вы свели меня с ним. Можно мне осмотреть его?

Роботехник в нетерпении вскочил со стула.

Бейли жестом остановил его:

— Прошу вас, доктор. Одну минуту. Сначала давайте-ка выясним все, что касается убийства.

— Так, значит, оно не выдумано? — Доктор Джерриджел не пытался скрыть свое глубокое разочарование. — А я уж подумал было, что это всего лишь уловка, что вы хотели отвлечь мое внимание и посмотреть, как долго удастся водить меня за нос...

— Это не уловка, доктор Джерриджел. Теперь скажите мне, при создании вот такого человекоподобного робота, который в дальнейшем будет выдавать себя за настоящего человека, разве не следует сконструировать его мозг так, чтобы он по своим свойствам был как можно ближе к человеческому?

— Разумеется, следует.

— Очень хорошо. А могло случиться так, что подобный мозг построили без Первого Закона? Допустим, его упустили случайно. Вы говорите, что теории такого мозга не существует. Но как раз это и позволяет предположить, что конструкторы могли создать его без Первого Закона. Они просто не знали, чего им следует опасаться.

Доктор Джерриджел энергично замотал головой.

— Нет. Нет. Это невозможно.

— Вы уверены? Мы, конечно, можем проверить Второй Закон. Дэниел, дайте мне свой бластер.

Бейли не сводил глаз с робота. Свой собственный бластер он крепко сжимал рукой.

— Пожалуйста, Элайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел и протянул ему бластер рукояткой вперед.

— Сыщик ни при каких обстоятельствах не должен расставаться со своим бластером, но у робота выбора нет, он должен подчиняться человеку, — сказал Бейли.

— Кроме тех случаев, мистер Бейли, — проговорил доктор Джерриджел, — когда подчиняться значит нарушить Первый Закон.

— Знаете ли вы, доктор, что Дэниел направил свой бластер на группу невооруженных людей и угрожал тем, что откроет огонь?

— Но я не выстрелил, — вмешался Р. Дэниел.

— Еще бы. Но угроза уже сама по себе — действие для робота необычное, не так ли, доктор?

Доктор Джерриджел прикусил губу.

— Чтобы судить об этом, мне нужно знать точные обстоятельства. Но звучит это действительно необычно.

— Тогда подумайте вот над этим. Р. Дэниел во время убийства был на месте преступления, и если вы отбросите возможность того, что некий землянин пересек открытое пространство, унося оружие с собой, то получается, что Дэниел и только Дэниел из всех присутствовавших мог спрятать оружие.

— Спрятать оружие? — изумился доктор Джерриджел.

— Позвольте мне объяснить. Бластер, которым совершили убийство, не найден. Место преступления было тщательно обследовано, но его так и не обнаружили. Не мог же он раствориться в воздухе. Существует только одно место, где его могли спрятать, только одно место, куда никто и не подумал заглянуть.

— Какое место, Элайдж? — спросил Р. Дэниел.

Бейли вынул свой бластер и твердо направил его в сторону Р. Дэниела.

— Ваш пищевой мешок, — сказал он. — Да-да, ваш пищевой мешок, Дэниел!

Глава 13

ПРОВЕРКА РОБОТА

- Э

то не так, — спокойно возразил Р. Дэниел.

— Да? Позволим решить это доктору Джерриджелу. Доктор Джерриджел?

— Мистер Бейли? — Взгляд роботехника, пугливо метавшийся между сыщиком и роботом во время их разговора, остановился на Лайдже.

— Я пригласил вас сюда для авторитетного анализа этого робота. Могу предоставить в ваше распоряжение лаборатории городского бюро стандартов. Если вам понадобится оборудование, которого у них нет, я вам его достану. Мне нужен быстрый и определенный ответ, и плевать на расходы и хлопоты.

Бейли поднялся. Он говорил довольно спокойно, но внутри у него все кипело. Если бы он только мог схватить Джерриджела за горло и выдавить из него необходимые доказательства, он послал бы к чертям все эти научные изыскания.

— Ну так что же, доктор Джерриджел?

Доктор Джерриджел нервно улыбнулся и сказал:

— Мой дорогой мистер Бейли, лаборатория мне не нужна.

— Почему? — спросил Бейли, предчувствуя какого-то подвоха.

Мускулы его напряглись, по телу пробежала дрожь.

— Проверить наличие Первого Закона нетрудно. Мне никогда не приходилось заниматься этим, как вы сами понимаете, но это достаточно просто.

Бейли набрал полные легкие воздуха и медленно выдохнул.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду? Вы хотите сказать, что можете проверить его прямо здесь?

— Да, конечно. Послушайте, мистер Бейли, я приведу вам одну аналогию. Если бы я, например, был врачом и мне нужно было узнать содержание сахара в крови пациента, мне бы понадобилась лаборатория. Для определения интенсивности основного обмена, проверки функций головного мозга или исследования генов на наследственное заболевание мне понадобилось бы сложное оборудование. С другой стороны, чтобы узнать, зрячий ли пациент, я сделал бы простое движение рукой перед его глазами, а чтобы сказать, мертв он или нет, мне было бы достаточно прощупать его пульс... Я подвожу к тому, что чем важнее и фундаментальнее то свойство, которое подвергается проверке, тем проще требуемое оборудование. То же самое относится и к роботам. Первый Закон — это закон фундаментальный. Он определяет все. Если он отсутствует, то во многих случаях робот будет вести себя явно не так, как положено.

Во время своего объяснения доктор Джерриджел достал плоский черный предмет, который, развернувшись, превратился в маленький книгоскоп, и вставил в него видавшую виды катушку. Затем он вытащил секундомер и несколько белых пластиковых полосок, которые, состыковавшись, образовали что-то похожее на логарифмическую линейку с тремя шкалами, двигающимися независимо по отношению друг к другу. Нанесенные на нее обозначения были Бейли совершенно непонятны.

Доктор Джерриджел похлопал по своему книгоскопу и слегка улыбнулся, как будто перспектива небольшой научной работы в полевых условиях воодушевляла его.

— Это мой справочник по роботехнике. Я всегда ношу его с собой. Он стал частью моей одежды, — сказал он и застенчиво хмыкнул.

Он прижал к окуляру книгоскопа и стал осторожно настраивать свой аппарат. Книгоскоп застрекотал и смолк, опять застрекотал и опять смолк.

— Встроенный алфавитный указатель, — с гордостью сообщил роботехник. Он говорил, не отрываясь от

прибора, и от этого голос *его* звучал приглушенно. — Я сам его сделал. Экономит массу времени. Впрочем, сейчас не это главное. Давайте посмотрим. Мм... подвиньте, пожалуйста, ваш стул поближе ко мне, Дэниел.

Р. Дэниел подвинулся. Все это время он спокойно и внимательно наблюдал за приготовлениями роботехника.

Бейли держал его под прицелом.

То, что последовало дальше, обескуражило и разочаровало его. Доктор Джерриджел начал задавать какие-то странные вопросы и производить действия, в которых, казалось, не было никакого смысла. Иногда он прерывался, чтобы посмотреть на свою логарифмическую линейку или в окуляр книгоскопа.

Он спрашивал, например:

— У меня двое детей с разницей в возрасте пять лет и младший ребенок — девочка; какого пола старший ребенок?

Р. Дэниел ответил («Еще бы ему не ответить», — подумал Бейли): «Основываясь на данной информации, это невозможно определить».

В ответ на это доктор Джерриджел лишь взглянул на свой секундомер, а затем отвел правую руку как можно дальше в сторону и попросил:

— Прикоснитесь, пожалуйста, к кончику моего среднего пальца кончиком третьего пальца вашей левой руки.

Дэниел сделал это легко и быстро.

Минут через пятнадцать, не больше, доктор Джерриджел закончил проверку. Он в последний раз молча подсчитал что-то на своей логарифмической линейке и быстро разобрал ее. Затем убрал секундомер и сложил книгоскоп, предварительно достав из него «Справочник».

— И это все? — спросил Бейли нахмурясь.

— Все.

— Но это же смешно. Вы не задали ни одного вопроса, касающегося Первого Закона.

— О дорогой мистер Бейли, разве вы станете отрицать, что врач, ударяя по вашему колену резиновым молоточком так, что оно подпрыгивает, получает таким образом сведения о состоянии вашей нервной системы? Разве вы удивляетесь тому, что он может сделать вывод о вашей возможной склонности к употреблению опре-

деленных алкалоидов, когда внимательно осматривает ваши глаза, наблюдая за реакцией радужной оболочки на свет?

— Итак, каково же ваше решение? — спросил Бейли.

— Дэниел снабжен Первым Законом в полном объеме!

Роботехник резко кивнул головой, как бы в подтверждение своих слов.

— Не может быть, — хрипло проговорил Бейли.

Он и представить себе не мог, что доктор Джерриджел способен выпрямиться в кресле еще больше, чем обычно.

Глаза доктора сузились и взгляд их стал жестким.

— Уж не собираетесь ли вы учить меня роботехнике?

— Я вовсе не подвергаю сомнению вашу компетентность, — проговорил Бейли, умоляюще вскинув руку, — но разве вы не можете ошибаться? Вы сами сказали, что никто ничего не знает о теории роботов, не оснащенных Первым Законом. Слепой может читать, используя шрифт Брайля или звуковой аппарат. Предположим, вы не знаете, что шрифт Брайля или звукозапись существует. Разве не могли бы вы со всей уверенностью в своей правоте заявить, что у человека есть глаза, потому что тот знает содержание определенного книго фильма?

— Да-да. — К роботехнику вернулось его прежнее добродушие. — Я понимаю вашу мысль. И все же, если позволите продолжить вашу аналогию, слепой не мог бы читать при помощи своих глаз, а как раз это я и проверил. Речь сейчас не о том, на что способен или не способен робот, у которого отсутствует Первый Закон. Поверьте мне, нет никакого сомнения, что Р. Дэниел этим законом снабжен.

— Не мог ли он фальсифицировать свои ответы? — спросил Бейли.

Он словно утопающий, хватался за соломинку.

— Конечно, нет. В этом и состоит разница между роботом и человеком. Человеческий мозг, да и мозг любого млекопитающего, невозможно полностью проанализировать ни одним из известных ныне математических методов. Поэтому наверняка предугадать его реакцию невозможно. Мозг же робота полностью под-

дается анализу, в противном случае его не могли бы построить. Мы знаем точно, какой должна быть реакция на данное стимулирующее воздействие. Ни один робот не способен фальсифицировать ответы. То, что вы называете фальсификацией, просто не существует в пределах умственного горизонта робота.

— Тогда давайте обратимся к реальным фактам. Р. Дэниел действительно направил бластер на толпу людей. Я это видел. Я сам присутствовал при этом. Даже если он не стрелял, разве действие Первого Закона не должно было вызвать у него нечто вроде нервного потрясения? Этого, как вы знаете, не произошло. Впоследствии он вел себя абсолютно正常но.

Роботехник в растерянности потер подбородок:

— Это действительно странно.
— Ничуть, — внезапно вмешался Р. Дэниел. — Коллега Элайдж, посмотрите, пожалуйста, взятый у меня бластер.

Бейли взглянул на бластер, который держал в левой руке.

— Откройте патронник, — настаивал Р. Дэниел. — Проверьте его.

Бейли взвесил все «за» и «против», затем медленно положил собственный бластер на стол рядом с собой и быстрым движением открыл бластер робота.

— Он пуст, — озадаченно проговорил он.

— В нем нет заряда, — подтвердил Р. Дэниел. — Если вы присмотритесь повнимательнее, то увидите, что там его никогда и не было. В этом бластере нет запала, его нельзя применить по назначению.

— Вы угрожали толпе незаряженным бластером? — воскликнул Бейли.

— Бластер был мне необходим, чтобы выполнять роль сыщика, — объяснил Р. Дэниел. — Однако, имея настоящий заряженный бластер, я мог бы случайно причинить вред человеку, что, конечно же, немыслимо. Я как-то пытался объяснить вам это, но вы были чем-то раздражены и не пожелали меня выслушать.

Бейли уныло посмотрел на недействующий бластер, который все еще держал в руке, и тихо сказал:

— По-моему, на этом можно поставить точку. Благодарю вас за помощь, доктор Джерриджел.

Бейли послал за завтраком, но, когда его принесли (кекс с дрожжевыми орехами и нелепого вида кусочек жареного цыпленка на крекере), он только и мог, что бессмысленно уставиться на него. Мысли вихрем носились в его голове. На его длинном лице застыло выражение глубокого уныния.

Он словно бы жил в нереальном мире, в жестоком, перевернутом вверх дном мире.

Каким образом все это произошло? События последних дней разворачивались перед ним словно в бесконечном, кошмарном сне, начиная с того момента, когда он вошел в кабинет Джулиуса Эндерби и внезапно оказался по горло в кошмаре убийства и проблем роботехники.

Господи! А прошло всего лишь пятьдесят часов.

Он упорно искал решение в Космотауне. Дважды обвинял в убийстве Р. Дэниела, один раз как замаскированного человека, другой раз как несомненного робота. И оба раза от его обвинений не осталось камня на камне.

Теперь ему снова нужно все начинать сначала. Его вынуждали обратить наконец свои мысли к Городу, а со вчерашнего вечера он никак не мог решиться на это. В его сознание ломились одни и те же нескончаемые вопросы, но он не хотел их слышать, просто не мог. Иначе пришлось бы искать на них ответы, а он... О Боже, как боялся он этих ответов!

— Лайдж! Лайдж!

Чья-то рука грубо тряслася Бейли за плечо.

— В чем дело, Фил? — спросил он, приходя в себя.

Филип Норрис, сыщик класса С-5 сел, положил руки на колени и наклонился вперед, заглядывая в лицо Бейли.

— Что с тобой? Перешел на наркотики? Ты сидел совершенно неподвижно, с открытыми глазами. Мне даже показалось, что ты мертв.

Он приглаживал свои редеющие светло-русые волосы, с жадностью поглядывая близко поставленными глазами на остывающий завтрак Бейли.

— Цыпленок! — воскликнул он. — Все идет к тому, что скоро без рецепта врача его и не получишь.

— Угощайся, — рассеянно проговорил Бейли.

Приличия взяли верх, и Норрис сказал:

— Вообще-то я через минуту иду в столовую. Так что оставь его себе. Слушай, чем это вы там занимаетесь, ты и шеф?

— О чём ты?

Норрис пытался напустить на себя безразличный вид, но его выдавали руки, не находившие себе покоя.

— Давай-давай, выкладывай. Ты прекрасно знаешь, о чём речь. С тех пор как он вернулся, ты от него не выходишь. В чём дело? Предвидится повышение?

Бейли нахмурился. При упоминании о внутренних интригах отделения к нему начало возвращаться чувство реальности. У Норриса был приблизительно такой же стаж, как у Бейли, и он, естественно, очень ревниво следил за любыми проявлениями предпочтения, оказываемого Бейли со стороны руководства.

— Да какое повышение! Можешь мне поверить. Ничего подобного. Абсолютно ничего. А если тебе нужен комиссар, так ради Бога, забирай его! Я бы отдался от него с удовольствием.

— Пойми меня правильно, — сказал Норрис. — Мне все равно, повысят тебя или нет. Просто если ты имеешь какое-то влияние на комиссара, может, помог бы парнишке?

— Какому парнишке?

На этот вопрос не нужно было отвечать. Винсент Барретт, тот самый юноша, которого уволили, чтобы освободить место для Р. Сэмми, шаркающей походкой приближался к ним, покинув свой укромный уголок, где скромненько сидел до сих пор. Он смущенно вертел в руках свою кепку, и на его скуластом лице появилось что-то вроде улыбки.

— Здравствуйте, мистер Бейли.

— А, привет, Винс. Как дела?

— Не очень, мистер Бейли.

Он тоскливо оглядывался по сторонам. «Конченый человек, — подумал Бейли, — наполовину мертвец... Деклассифицированный».

Внезапно на него накатило раздражение. «Ну что ему от меня-то нужно?» — подумал он, едва сдерживаясь, чтобы не высказать свою мысль вслух.

— Мне очень жаль, малыш.

Что еще он мог сказать?

— Я все думаю... может, что-нибудь подвернется.

Норрис подвинулся ближе и зашептал Бейли на ухо:

— Кто-то должен положить этому конец. Сейчас они собираются уволить Чен-лоу.

— Что?

— Ты разве не слышал?

— Нет. Черт побери, он же С-3. У него за плечами десять лет службы.

— То-то и оно. Но его работу может выполнять машина с ногами. Кто следующий?

Молодой Винс Барретт не прислушивался к шепоту. Он был полностью погружен в свои собственные мысли.

— Мистер Бейли? — позвал он.

— Да, Винс?

— Знаете, что говорят? Говорят, Лайрен Миллейн, субэфирная танцовщица, на самом деле — робот.

— Глупости.

— Вы думаете? Говорят, уже научились делать роботов, которые выглядят как люди; их кожа вроде сделана из специального пластика.

Бейли с чувством вины подумал о Р. Дэниеле и не нашелся, что ответить. Он покачал головой.

— Как вы думаете, — спросил юноша, — никто не станет возражать, если я пройдусь по отделу? У меня поднимается настроение, когда я попадаю в привычную обстановку.

— Нет, конечно, малыш.

Барретт отправился бродить по офису. Бейли с Норрисом посмотрели ему вслед.

— Похоже, медиевисты правы, — заметил Норрис.

— В смысле, назад к Земле? Ты это имеешь в виду, Фил?

— Нет. Я о роботах. «Назад к Земле». Ха! У Земли-старушки безграничные возможности. Нам не нужны роботы, вот и все.

— Восемь миллиардов людей, а запасы урана на пре-деле! Что здесь безграничного? — пробормотал Бейли.

— Что с того, если уран и закончится? Будем его импортировать. Или откроем другие ядерные процессы. Остановить развитие человечества невозможно, Лайдж. Нужно быть оптимистом и верить в старый добрый

человеческий разум. Наш главный резерв — изобретательность, а ее запасы не иссякнут никогда.

От возбуждения он даже привстал.

— Начнем с того, что мы можем использовать солнечную энергию, а ее хватит на миллиарды лет. Можем построить космические станции, аккумулирующие энергию в орбите Меркурия. На Землю энергию будем переправлять направленным лучом.

Бейли слышал об этом проекте. Ученые-теоретики носились с этой идеей уже, по меньшей мере, лет сто пятьдесят. Реализация этого проекта наталкивалась на неразрешимую проблему: сфокусировать луч так, чтобы он мог пройти пятьдесят миллионов миль и не рассеялся в пустоте. Бейли напомнил об этом Филю.

— Когда возникнет такая необходимость, с этим справятся. Будь спокоен, — возразил Норрис.

Бейли представил себе, какой стала бы жизнь на Земле, обладай она неисчерпаемыми запасами энергии. Не нужно было бы сдерживать рост населения. Укрупнялись бы фабрики, интенсивнее использовалась бы гидропоника. Энергия — вот единственное, без чего нельзя было обойтись. Полезные ископаемые вполне можно было бы ввозить с необитаемых планет. Если когда-нибудь возникли бы проблемы с водой, ее можно было бы доставлять с лун Юпитера. Черт возьми, можно было бы заморозить океаны и вывести их ледяные массы на орбиту, по которой они кружили бы вокруг Земли как маленькие ледяные луны. Они находились бы в космосе, всегда под рукой, в то время как их ложа увеличили бы площадь суши, и появилось бы больше земли для сельского хозяйства, больше места для людей. Даже содержание углерода и кислорода в атмосфере Земли можно было бы сохранить и увеличить за счет метановой атмосферы Титана и замерзшего кислорода Умбриеля.

Население Земли могло бы достичь триллиона, а то и двух. Почему бы и нет? Было время, когда сегодняшние восемь миллиардов казались невероятной цифрой. Было время, когда население всего лишь в один миллиард и то считалось немыслимым. Всегда, в каждом поколении, начиная со средней эпохи, находились про-

роки малтузианского толка, и всегда оказывалось, что они ошибались.

А что бы сказал на это Фастольф? Мир с населением в триллион? Конечно, возможен! Но он зависел бы от импортируемого воздуха и воды, не говоря уже об энергии, идущей от сложных накопителей, расположенных за пятьдесят миллионов миль от Земли. Какой невероятно шаткой была бы такая структура. Земля постоянно висела бы на волоске от полной катастрофы при малейшем повреждении любого звена в этом охватывающем всю Солнечную систему механизме.

— Я лично думаю, что было бы легче отправить с Земли часть избыточного населения, — сказал Бейли.

Это был скорее ответ на ту картину, которую он нарисовал в своем воображении, чем на то, что говорил Норрис.

— Да кто нас примет? — с горькой усмешкой откликнулся Норрис.

— Любая необитаемая планета.

Норрис поднялся, похлопал Бейли по плечу.

— Лайдж, ешь своего цыпленка и поправляйся. Должно быть, ты все-таки принимал наркотики, — сказал он и ушел посмеиваясь.

Бейли посмотрел ему вслед, и лицо его искривилось невеселой гримасой: Норрис растрюбрит новость повсюду, и пройдут недели, прежде чем хохмачи их отдела (а они были в каждом офисе) оставят его в покое. Хорошо хоть, что Норрис отвлекся от своей излюбленной темы, и ему не пришлось говорить о молодом Винсе, о роботах и о деклассификации.

Он вздохнул и воткнул вилку в уже остывшего жесткого цыпленка...

Дождавшись, когда Бейли расправился с последним куском кекса, Р. Дэниел поднялся из-за своего стола, выделенного ему еще утром, и подошел к своему партнеру.

Бейли с тревогой посмотрел на робота: «Ну, что?»

— Комиссара нет, и неизвестно, когда он появится. Я сказал Р. Сэмми, что мы собираемся воспользоваться кабинетом комиссара и что, кроме комиссара, он никого не должен туда впускать.

— Зачем нам кабинет комиссара?

Приличия взяли верх, и Норрис сказал:

— Вообще-то я через минуту иду в столовую. Так что оставь его себе. Слушай, чем это вы там занимаетесь, ты и шеф?

— О чём ты?

Норрис пытался напустить на себя безразличный вид, но его выдавали руки, не находившие себе покоя.

— Давай-давай, выкладывай. Ты прекрасно знаешь, о чём речь. С тех пор как он вернулся, ты от него не выходишь. В чём дело? Предвидится повышение?

Бейли нахмурился. При упоминании о внутренних интригах отделения к нему начало возвращаться чувство реальности. У Норриса был приблизительно такой же стаж, как у Бейли, и он, естественно, очень ревниво следил за любыми проявлениями предпочтения, оказываемого Бейли со стороны руководства.

— Да какое повышение! Можешь мне поверить. Ничего подобного. Абсолютно ничего. А если тебе нужен комиссар, так ради Бога, забирай его! Я бы отдался от него с удовольствием.

— Пойми меня правильно, — сказал Норрис. — Мне все равно, повысят тебя или нет. Просто если ты имеешь какое-то влияние на комиссара, может, помог бы парнишке?

— Какому парнишке?

На этот вопрос не нужно было отвечать. Винсент Барретт, тот самый юноша, которого уволили, чтобы освободить место для Р. Сэмми, шаркающей походкой приближался к ним, покинув свой укромный уголок, где скромненько сидел до сих пор. Он смущенно вертел в руках свою кепку, и на его скуластом лице появилось что-то вроде улыбки.

— Здравствуйте, мистер Бейли.

— А, привет, Винс. Как дела?

— Не очень, мистер Бейли.

Он тоскливо оглядывался по сторонам. «Конченый человек, — подумал Бейли, — наполовину мертвец... Деклассифицированный».

Внезапно на него накатило раздражение. «Ну что ему от меня-то нужно?» — подумал он, едва сдерживаясь, чтобы не высказать свою мысль вслух.

— Мне очень жаль, малыш.

Что еще он мог сказать?

— Я все думаю... может, что-нибудь подвернется.

Норрис подвинулся ближе и зашептал Бейли на ухо:

— Кто-то должен положить этому конец. Сейчас они собираются уволить Чен-лоу.

— Что?

— Ты разве не слышал?

— Нет. Черт побери, он же С-3. У него за плечами десять лет службы.

— То-то и оно. Но его работу может выполнять машина с ногами. Кто следующий?

Молодой Винс Барретт не прислушивался к шепоту. Он был полностью погружен в свои собственные мысли.

— Мистер Бейли? — позвал он.

— Да, Винс?

— Знаете, что говорят? Говорят, Лайрен Миллейн, субэфирная танцовщица, на самом деле — робот.

— Глупости.

— Вы думаете? Говорят, уже научились делать роботов, которые выглядят как люди; их кожа вроде сделана из специального пластика.

Бейли с чувством вины подумал о Р. Дэниеле и не нашелся, что ответить. Он покачал головой.

— Как вы думаете, — спросил юноша, — никто не станет возражать, если я пройдусь по отделу? У меня поднимается настроение, когда я попадаю в привычную обстановку.

— Нет, конечно, малыш.

Барретт отправился бродить по офису. Бейли с Норрисом посмотрели ему вслед.

— Похоже, медиевисты правы, — заметил Норрис.

— В смысле, назад к Земле? Ты это имеешь в виду, Фил?

— Нет. Я о роботах. «Назад к Земле». Ха! У Земли-старушки безграничные возможности. Нам не нужны роботы, вот и все.

— Восемь миллиардов людей, а запасы урана на пре-деле! Что здесь безграничного? — пробормотал Бейли.

— Что с того, если уран и закончится? Будем его импортировать. Или откроем другие ядерные процессы. Остановить развитие человечества невозможно, Лайдж. Нужно быть оптимистом и верить в старый добрый

человеческий разум. Наш главный резерв — изобретательность, а ее запасы не иссякнут никогда.

От возбуждения он даже привстал.

— Начнем с того, что мы можем использовать солнечную энергию, а ее хватит на миллиарды лет. Можем построить космические станции, аккумулирующие энергию в орбите Меркурия. На Землю энергию будем переправлять направленным лучом.

Бейли слышал об этом проекте. Ученые-теоретики носились с этой идеей уже, по меньшей мере, лет сто пятьдесят. Реализация этого проекта наталкивалась на неразрешимую проблему: сфокусировать луч так, чтобы он мог пройти пятьдесят миллионов миль и не рассеялся в пустоте. Бейли напомнил об этом Филу.

— Когда возникнет такая необходимость, с этим справятся. Будь спокоен, — возразил Норрис.

Бейли представил себе, какой стала бы жизнь на Земле, обладай она неисчерпаемыми запасами энергии. Не нужно было бы сдерживать рост населения. Укрупнялись бы фабрики, интенсивнее использовалась бы гидропоника. Энергия — вот единственное, без чего нельзя было обойтись. Полезные ископаемые вполне можно было бы ввозить с необитаемых планет. Если когда-нибудь возникли бы проблемы с водой, ее можно было бы доставлять с лун Юпитера. Черт возьми, можно было бы заморозить океаны и вывести их ледяные массы на орбиту, по которой они кружили бы вокруг Земли как маленькие ледяные луны. Они находились бы в космосе, всегда под рукой, в то время как их ложа увеличили бы площадь суши, и появилось бы больше земли для сельского хозяйства, больше места для людей. Даже содержание углерода и кислорода в атмосфере Земли можно было бы сохранить и увеличить за счет метановой атмосферы Титана и замерзшего кислорода Умбриеля.

Население Земли могло бы достичь триллиона, а то и двух. Почему бы и нет? Было время, когда сегодняшние восемь миллиардов казались невероятной цифрой. Было время, когда население всего лишь в один миллиард и то считалось немыслимым. Всегда, в каждом поколении, начиная со средней эпохи, находились про-

роки малтузианского толка, и всегда оказывалось, что они ошибались.

А что бы сказал на это Фастольф? Мир с населением в триллион? Конечно, возможен! Но он зависел бы от импортируемого воздуха и воды, не говоря уже об энергии, идущей от сложных накопителей, расположенных за пятьдесят миллионов миль от Земли. Какой невероятно шаткой была бы такая структура. Земля постоянно висела бы на волоске от полной катастрофы при малейшем повреждении любого звена в этом охватывающем всю Солнечную систему механизме.

— Я лично думаю, что было бы легче отправить с Земли часть избыточного населения, — сказал Бейли.

Это был скорее ответ на ту картину, которую он нарисовал в своем воображении, чем на то, что говорил Норрис.

— Да кто нас примет? — с горькой усмешкой откликнулся Норрис.

— Любая необитаемая планета.

Норрис поднялся, похлопал Бейли по плечу.

— Лайдж, ешь своего цыпленка и поправляйся. Должно быть, ты все-таки принимал наркотики, — сказал он и ушел посмеиваясь.

Бейли посмотрел ему вслед, и лицо его искривилось невеселой гримасой: Норрис растрюбрит новость повсюду, и пройдут недели, прежде чем хохмачи их отдела (а они были в каждом офисе) оставят его в покое. Хорошо хоть, что Норрис отвлекся от своей излюбленной темы, и ему не пришлось говорить о молодом Винсе, о роботах и о деклассификации.

Он вздохнул и воткнул вилку в уже остывшего жесткого цыпленка...

Дождавшись, когда Бейли расправился с последним куском кекса, Р. Дэниел поднялся из-за своего стола, выделенного ему еще утром, и подошел к своему партнеру.

Бейли с тревогой посмотрел на робота: «Ну, что?»

— Комиссара нет, и неизвестно, когда он появится. Я сказал Р. Сэмми, что мы собираемся воспользоваться кабинетом комиссара и что, кроме комиссара, он никого не должен туда впускать.

— Зачем нам кабинет комиссара?

— Там нас никто не услышит. Вы ведь не станете отрицать, что нам нужно обдумать следующий шаг. Полагаю, вы не собираетесь прекратить расследование?

Именно этого Бейли желал больше всего на свете, но сказать об этом прямо, естественно, не мог. Он встал и направился в кабинет Эндерби.

Как только они вошли, Бейли сказал:

— Ну, Дэниел, что вы хотели сказать?

— Коллега Элайдж, со вчерашнего вечера вы сам не свой. В вашем психоизлучении произошли определенные изменения.

В голове Бейли мелькнула ужасная мысль.

— Вы телепат? — воскликнул он.

В более спокойном состоянии он не воспринял бы такую возможность всерьез.

— Нет. Конечно, нет, — ответил Р. Дэниел.

Паника, охватившая Бейли, немного улеглась.

— Тогда что вы, черт возьми, подразумеваете, говоря о моем психоизлучении?

— Это лишь выражение. Я использую его, чтобы описать то чувство, которое вы от меня скрываете.

— Какое чувство?

— Это трудно объяснить, Элайдж. Вы, вероятно, помните, что первоначально меня создавали для того, чтобы помочь нашим людям в Космотауне изучить человеческую психологию.

— Да, знаю. Вас приспособили к сыскной работе, просто-напросто снабдив цепью стремления к справедливости. — В голосе Бейли звучал явный сарказм. Он и не пытался его скрыть.

— Совершенно верно, Элайдж. Но мой первоначальный замысел остается, по сути, неизменным. Меня строили для цереброанализа.

— Для анализа биотоков мозга?

— Вот именно. Этот анализ можно проводить на расстоянии, без электродных контактов, если существует соответствующий приемник. Мой мозг является таким приемником. Разве этот метод не применяется на Земле?

О подобных методах Бейли ничего не знал. Он проигнорировал вопрос и осторожно спросил:

— Что вы узнаете при анализе биотоков мозга?

— Не мысли, Элайдж. Я получаю некоторое представление о душевном состоянии человека и прежде всего о его темпераменте, подсознательных мотивах и взглядах. Например, именно я сумел установить, что комиссар Эндерби не был способен прикончить человека при сложившихся во время убийства обстоятельствах.

— И его исключили из подозреваемых на основании ваших выводов?

— Да. Они вполне могли положиться на меня. В этом отношении я очень точная машина.

Еще одна мысль поразила Бейли.

— Погодите! Так комиссар Эндерби не знал, что его подвергают цереброанализу?

— Не было никакой необходимости задевать его чувства.

— Выходит, вы просто стояли рядом и смотрели на него. Никакого оборудования. Никаких электродов. Ни самопишущих устройств, ни графиков.

— Конечно, нет. Я обхожусь без вспомогательных механизмов.

От раздражения и досады Бейли прикусил нижнюю губу. Он лишился той единственной зацепки, той лазейки, которая еще давала надежду на то, что ему все-таки удастся уличить в преступлении Космотаун и таким образом нанести космонитам решающий удар.

Р. Дэниел утверждал, что комиссара подвергли цереброанализу, а час спустя при упоминании об этом сам комиссар даже не понял, о чем идет речь, и не было никаких оснований сомневаться в его искренности. Однако совершенно очевидно, что человек которого подозревали в убийстве и подвергли проверке посредством снятия энцефалограммы, не мог не запомнить эту громоздкую процедуру, все эти электроды и графики, и уж, конечно, получил бы полное представление о том, что такое цереброанализ. Но теперь это противоречие исчезло без следа. Комиссара подвергли цереброанализу, но он об этом и не подозревал. Значит, Р. Дэниел сказал правду, и комиссар тоже.

— Ну а что ваш цереброанализ говорит обо мне? — спросил он довольно резко.

— Вы встревожены.

— Да уж, великое открытие. Еще бы мне не тревожиться.

— Точнее, ваша тревога вызвана столкновением ваших внутренних побуждений. С одной стороны, ваша преданность принципам своей профессии побуждает вас серьезно заняться заговором землян, которые преследовали нас вчера вечером. Другое, не менее сильное побуждение толкает вас в обратном направлении. Вот что мне удалось прочитать в биотоках ваших мозговых клеток.

— Моих мозговых клеток, ну и ну! — разгоряченно воскликнул Бейли. — Послушайте, я скажу вам, почему нет смысла в раскрытии вашего так называемого заговора. Он не имеет никакого отношения к убийству. Должен признаться, раньше я думал иначе. Вчера в столовой мне показалось, что нам грозит опасность. Но что произошло дальше? Они вышли вслед за нами, быстро отстали на полосах, и на этом все закончилось. Хорошо организованные, отчаянные люди действовали бы иначе... Мой собственный сын без труда узнал, где мы находимся. Он просто позвонил в департамент. Ему даже не пришлось называть себя. Наши дорогие заговорщики могли бы сделать то же самое, если бы хотели справиться с нами.

— Думаете, они этого не хотят?

— Конечно, нет. Если бы они хотели устроить беспорядки, то воспользовались бы ситуацией у обувного магазина, а вместо этого они послушно отступили перед одним-единственным человеком с бластером в руках. Перед роботом, который не способен был выстрелить, что они, должно быть, поняли, как только распознали, кто вы на самом деле. Все они медиевисты. Безобидные чудаки. Вы могли этого не знать, но я-то дал маху! И ведь мог же сообразить, да из-за всей этой заварухи на меня нашла какая-то... сентиментальная дурость. Поверьте мне, я знаю, что за люди становятся медиевистами: мягкие, мечтательные. Жизнь здесь слишком трудна для них, и они с головой уходят в идеальный мир прошлого, который они сами выдумали. Если бы вы могли подвергнуть цереброанализу все это движение, как вы делаете такое с отдельными людьми, то обнару-

жили бы, что они способны на убийство не больше, чем сам Джекулиус Эндерби.

— Я не могу поверить вам на слово, — медленно произнес Р. Дэниел.

— Что вы хотите сказать?

— Вы слишком быстро изменили свою точку зрения. К тому же ваши слова расходятся с вашими действиями. Вы назначили встречу с доктором Джерриджелом за несколько часов до того, как мы пошли в столовую. Тогда вы еще не знали ни о каком пищевом мешке и не могли подозревать меня в убийстве. Зачем же вы все-таки ему звонили?

— Я подозревал вас даже тогда.

— А прошлой ночью вы разговаривали во сне.

Глаза Бейли расширились.

— Что я говорил?

— Вы несколько раз повторяли одно лишь слово — Джесси. Полагаю, это относилось к вашей жене.

Бейли облегченно вздохнул.

— Мне приснился кошмар, — сказал он неуверенно. — Знаете, что это такое?

— По личному опыту я этого, конечно, не знаю. Согласно определению, которое дает словарь, это дурное сновидение.

— А вы знаете, что такое сновидение?

— Опять же только по словарю. Это иллюзия реальности, возникающая при временном отключении сознания, которое вы называете сном.

— Хорошо. Согласен. Иллюзия так иллюзия. Хотя иногда эта иллюзия может казаться чертовски реальной. Так вот, мне снилось, что моя жена в опасности. Я звал ее. В таких случаях это часто происходит. Можете мне поверить.

— Охотно вам верю. Но в связи с этим у меня возникает одна мысль. Как Джесси узнала, что я робот? Лоб Бейли покрылся испариной.

— Давайте не будем начинать все сначала. Слухи. О...

— Извините, что перебиваю, коллега Элайдж, но никаких слухов не было. Иначе бы уже сегодня волнение охватило весь Город. Я просмотрел сообщения, поступающие в департамент: обстановка в Городе спо-

койная. Никаких слухов не существует. Так откуда же узнала ваша жена?

— На что вы намекаете, черт вас возьми? Думаете, моя жена — один из членов...

— Да, Элайдж.

Бейли судорожно сжал руки.

— Все это вздор! И давайте больше не будем говорить на эту тему.

— Это на вас не похоже, Элайдж. Выполняя свой долг, вы дважды обвиняли меня в убийстве.

— И вы решили таким образом свести со мной счеты?

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать. Я, безусловно, одобряю вашу готовность подозревать меня. Вы имели на это основания. Они были ошибочными, но вполне могли оказаться и правильными. Сейчас имеются не менее веские основания подозревать вашу жену.

— Что за чушь вы несете! О Господи! Да ведь Джесси не способна обидеть даже своего злейшего врага. Она не смогла бы и шага ступить за пределы Города. Она никогда... Да будь вы живым человеком, я бы...

— Я просто говорю, что она участник заговора и что ее следует допросить.

— В жизни своей вы этого не дождитесь! Что бы вы ни называли своей жизнью. А теперь послушайте меня. Медиевисты не собираются с нами расправляться. Это не в их характере. Они просто хотят выжить вас из Города. Это вне всяких сомнений. И для этого они применяют что-то вроде психологической атаки. Они пытаются отравить жизнь вам, а заодно и мне, раз я с вами. Они легко могли узнать, что Джесси — моя жена, ну а дальше — этот ход напрашивается сам собой — поступили таким образом, чтобы до нее дошла нужная информация. Она, как и все люди, не любит роботов. И они прекрасно понимали, что Джесси будет против моего сотрудничества с роботом, особенно если намекнуть, что это опасно. И представьте, их план сработал. Она всю ночь умоляла меня отказаться от этого дела и как-нибудь выдворить вас из Города.

— Вероятно, — сказал Р.Дэниел, — у вас очень сильное желание оградить свою жену от допроса. Ду-

маю, вы сами не верите в те аргументы, которые только что привели.

— Да кто вы такой, чтобы мне указывать? — Бейли не помнил себя от бешенства. — Вы не сыщик. Вы машина цереброанализа, вроде тех электроэнцефалографов, которые стоят у нас в лаборатории. Пусть у вас есть и руки, и ноги, и голова, пусть вы умеете говорить, но вы всего-навсего машина. Думаете, если в вас вставили какую-то паршивую цепь, то вы уже сыщик? Не тут-то было! Так что помалкивайте и предоставьте мне все решать.

— Я думаю, будет лучше, если вы станете говоритьтише, Элайдж, — спокойно сказал робот. — Пусть, по вашему, я не детектив, мне бы все-таки хотелось обратить ваше внимание на одну маленькую деталь.

— И слушать ничего не хочу.

— И все же прошу меня выслушать. Если я не прав, вы так и скажете, и никому от этого вреда не будет. Дело вот в чем. Прошлой ночью вы вышли из нашей комнаты, чтобы позвонить Джесси. Я предложил, чтобы вместо вас пошел ваш сын. Вы мне сказали, что у землян не принято посыпать своих детей туда, где опасно. Распространяется ли этот обычай на матерей?

— Конечно, — начал Бейли и осекся.

— Вы понимаете, что я хочу сказать, — заметил Р. Дэниел. — Если бы Джесси беспокоилась о вашей безопасности и хотела предупредить вас, она бы сделала это сама, не подвергая риску жизнь собственного сына. Тот факт, что она все-таки послала Бентли, может означать лишь одно: она чувствовала, что он будет в безопасности, тогда как сама она — нет. Если бы заговор состоял из людей, не знакомых Джесси, она бы не опасалась за себя или, по крайней мере, у нее не было бы оснований для опасений. С другой стороны, как участница заговора, она знала, она наверняка знала, Элайдж, что за ней будут следить и узнают ее, в то время как Бентли мог проскочить незамеченным.

— Постойте, — с болью в сердце произнес Бейли, — все это красивые рассуждения, но...

На столе комиссара бешено замигал сигнальный огонь. Р. Дэниел ждал, что Бейли ответит, но тот лишь беспомощно уставился на сигнал. Робот включил связь сам.

— В чем дело?

Послышался невнятный голос Р. Сэмми.

— Здесь находится леди, которая желает видеть Лайджа. Я сказал ей, что он занят, но она не хочет уходить. Она говорит, что ее зовут Джесси.

— Впустите ее, — спокойно сказал Р. Дэниел.

Его бесстрастные карие глаза встретились с полным панического ужаса взглядом Бейли.

Глава 14

ВЛАСТЬ ИМЕНИ

Ошарашенный, Бейли стоял не двигаясь, словно в столбняке, когда к нему, вся в слезах, подбежала Джесси и крепко прижалась, обхватив его за плечи.

Его побелевшие губы беззвучно произнесли:

— Бентли?

Она посмотрела на него и затрясла головой, волосы ее при этом разлетелись в разные стороны.

— С ним все в порядке.

— Что же тогда?

Уткнувшись головой в грудь мужа, она произнесла тихим, едва слышным голосом:

— Я не могу так больше, Лайдж. Не могу. Я не могу ни спать, ни есть. Я должна все рассказать тебе.

— Не говори ничего! — в отчаянии воскликнул Бейли. — Ради Бога, Джесси, не сейчас.

— Я должна... Что я наделала?.. Это ужасно! О Лайдж!..

Ее слова утонули в рыданиях.

— Мы не одни, Джесси, — безнадежно сказал Бейли.

Она подняла голову и посмотрела на Р. Дэниела, видимо, не узнавая его. Скорее всего, из-за слез, которые потоком лились из ее глаз, она вообще вместо робота видела лишь бесформенное расплывчатое пятно.

— Добрый день, Джесси, — тихо сказал Р. Дэниел.

— Это тот... тот робот? — прерывающимся голосом спросила Джесси.

Она быстро провела по глазам тыльной стороной ладони и освободилась от обнимавшей ее руки мужа.

Несколько раз глубоко вздохнула, и на мгновение на ее губах появилась дрожащая улыбка.

— Это вы, правда?

— Да, Джесси.

— Вы не против того, чтобы вас называли роботом?

— Нет, Джесси. Ведь я действительно робот.

— А я не против того, чтобы меня называли дурой, идиоткой и... агентом, ведущим подрывную деятельность, потому что я действительно...

— Джесси! — простонал Бейли.

— Не надо, Лайдж, — сказала она, — раз он твой партнер, пусть знает. Я больше не могу с этим жить. Я столько пережила со вчерашнего дня. Мне все равно, пусть меня даже посадят в тюрьму. Сошлют на самые низшие уровни и заставят жить на сырых дрожжах и воде. Мне все равно... Ты не позволишь им, правда, Лайдж? Ты не дашь меня в обиду? Я так... так боюсь...

Бейли поглаживал ее по плечу, ожидая, пока она справится со слезами.

— Она не совсем здорова, — обратился он к Р. Дэниелу. — Ее надо увезти отсюда. Сколько сейчас времени?

— Четырнадцать сорок пять, — ответил робот, не глядя на часы.

— Комиссар может вернуться в любую минуту. Слушайте, возьмите дежурную машину, мы поговорим обо всем на мотошоссе по дороге домой.

Джесси резко вскинула голову.

— На мотошоссе? О нет, Лайдж.

Самым успокаивающим тоном, на какой только был способен, Бейли сказал:

— Прошу тебя, Джесси, не будь суеверна. Мы не можем ехать по экспресс-дороге, когда ты в таком состоянии. Будь умницей, успокойся, а то мы не сможем пройти даже через общую комнату. Я принесу тебе воды.

Джесси вытерла лицо влажным от слез носовым платком и печально пролепетала:

— О, что стало с моим макияжем...

— Не стоит беспокоиться насчет макияжа, — сказал Бейли. — Дэниел, как там насчет дежурной машины?

— Она уже ждет нас, коллега Элайдж.

— Пойдем, Джесси.

— Подожди. Подожди минутку, Лайдж. Мне нужно что-нибудь сделать со своим лицом.

— Сейчас это не имеет значения.

Но она отступила назад.

— Пожалуйста. Я не могу пройти через общую комнату в таком виде... Это займет буквально секунду.

Человек и робот стояли в ожидании: человек — судорожно сжимая кулаки, робот — бесстрастно.

Джесси начала рыться в своей сумочке в поисках необходимых принадлежностей. (Как-то Бейли торжественно заявил, что если существует на свете хоть одна вещь, которая не поддалась техническим усовершенствованиям и осталась такой, какой была еще в среднюю эпоху, так это дамская сумочка. Безуспешной оказалась даже попытка заменить металлическую застежку на магнитные затворы.) Джесси извлекла из сумочки маленькое зеркальце и косметический набор в серебряной оправе, который Бейли подарил ей на день рождения три года назад.

В этом наборе было несколько распылителей, и Джесси использовала каждый по очереди. Содержимое всех распылителей, кроме самого последнего, было невидимым для глаз. Она пользовалась ими с таким изяществом и ловкостью, которые присущи только женщинам и сохраняются в них наперекор всем обстоятельствам.

Сначала Джесси наложила на лицо ровный слой основы; ее кожа стала матовой и гладкой, с легким золотистым оттенком, который — она знала это по многолетнему опыту — больше всего подходил к естественному цвету ее волос и глаз. Затем налет загара на лоб и подбородок, легкое прикосновение румян на щеки — вверх по скулам, к вискам, — и тонкие штрихи голубизны на верхние веки и вдоль мочек ушей. Наконец, ровный слой кармина, наложенный на губы, то единственное видимое облачко нежно-розового цвета, которое влажно поблескивало в воздухе, но при соприкосновении с губами сразу же высохло и приняло ярко-красный цвет.

— Ну вот, — быстрыми движениями пригладив волосы, сказала Джесси с видом глубокого удовлетворения. — Думаю, так сойдет.

Вся процедура заняла больше чем обещанную секунду, но длилась менее половины минуты. Однако Бейли показалось, что прошла целая вечность.

Едва Джесси убрала свою косметику, как Бейли подтолкнул ее к двери.

— Идем, — раздраженно сказал он...

Их окутала жуткая, глубокая тишина мотошоссе.

— Так что, Джесси? — начал Бейли. Выражение отрешенности, застывшее на лице Джесси, с тех пор как они покинули кабинет комиссара, начало улетучиваться. Она беспомощно смотрела то на мужа, то на Дэниела, не в силах произнести ни слова. — Не молчи, Джесси. Прошу тебя. Ты совершила преступление? Настоящее преступление? — спросил Бейли.

— Преступление? — Она неуверенно покачала головой.

— Возьми себя в руки. Не надо истерик. Говори только «да» или «нет». Джесси, ты... — Он заколебался. — Убила кого-нибудь?

На лице Джесси мгновенно отразилось глубокое возмущение.

— Ты с ума сошел, Лайдж Бейли!

— Да или нет, Джесси?

— Нет, конечно же, нет.

У него отлегло от сердца.

— Ты что-нибудь украла? Подделала данные о рационах? Оскорбила кого-нибудь? Что-нибудь испортила? Говори же, Джесси.

— Я ничего не сделала... ничего особенного. То есть ничего такого, о чем ты думаешь. — Она оглянулась. — Лайдж, нам обязательно оставаться здесь, под землей?

— Мы не тронемся с места до тех пор, пока все не выясним. Итак, начинай с самого начала. Ты пришла что-то сказать нам?

Он посмотрел поверх склоненной головы Джесси и встретился со взглядом Р. Дэниела.

Джесси заговорила тихим голосом, и чем дальше она рассказывала, тем уверенней он звучал.

— Это все они, медиевисты, ты-то их знаешь, Лайдж. От них с их болтовней просто прохода нет. Так было,

еще когда я работала ассистентом диетолога. Помнишь Элизабет Торнбоу? Она была медиевисткой и постоянно твердила, что все наши беды от стальных Городов и что до их возникновения все было прекрасно... Я все спрашивала, откуда у нее такая уверенность, что все было именно так, особенно после того, как мы познакомились с тобой, Лайдж (помнишь наши разговоры?), и тогда она начинала приводить цитаты из этих роликов-фильмов, которые вечно ходят по рукам. Знаешь, типа «Позора Городов». Этого... как его... не помню его фамилии.

— Огринского, — рассеянно проговорил Бейли.

— Да, только большинство из них намного хуже. А когда я вышла за тебя замуж, она стала просто язвой. Сказала мне: «Полагаю, теперь, когда ты вышла замуж за полицейского, ты станешь настоящей городской дамой!» После этого мы почти не разговаривали, а потом я перестала работать, на этом все и закончилось. Чего она мне только не рассказывала! И все, наверное, для того, чтобы меня поразить или выставить себя в романтическом свете. Понимаешь, она была старой девой, так и не вышла замуж до конца своих дней. Многие из медиевистов — обыкновенные неудачники. Помнишь, ты как-то сказал, Лайдж, что люди иногда принимают свои недостатки за недостатки общества и хотят переделать Города, потому что не знают, как исправить самих себя.

Бейли помнил свои слова, но теперь они казались ему пустыми и не заслуживающими внимания.

— Говори по существу, Джесси, — мягко сказал он.

— В общем, — продолжала она, — Лиззи все повторяла, что настанет день, и людям нужно будет объединиться. По ее словам, во всем были виноваты космониты, потому что они хотели, чтобы Земля оставалась слабой и деградировала. Это было одно из ее любимых словечек — деградировать. Бывало, она брала меню, которое я готовила на следующую неделю, фыркала и говорила: «Деградируем, деградируем». Джеймс Майерс иногда копировала ее на кухне, так мы просто умирали со смеху. Она говорила — это я уже про Элизабет, — что когда-нибудь мы покончим с Городами и вернемся к земле, а заодно сведем счеты с

космонитами, которые стараются навсегда привязать нас к Городам, навязывая нам роботов. Только она никогда не называла их роботами. Она говорила «бездушные монстры», прошу извинить меня, Дэниел.

— Я не знаю значения прилагательного, которое вы употребили, — сказал робот, — тем не менее принимаю ваше извинение. Пожалуйста, продолжайте.

Бейли заерзal на месте. С Джесси всегда было так... Она подходила к сути своими собственными окольными путями, и никакие чрезвычайные обстоятельства не могли заставить ее рассказывать по-другому.

— Элизабет всегда старалась говорить так, как будто в этом движении, кроме нее, участвовала масса народа. Она, бывало, начнет: «На последнем собрании...», а затем смолкнет и смотрит на меня, наполовину гордая, наполовину напуганная, словно хочет, чтобы я начала ее расспрашивать о собрании — вот уж тогда она бы поважничала! — да боится, как бы я не навлекла на нее беду. Конечно, я никогда не спрашивала. Не хотела доставлять ей такого удовольствия... Ну вот, а после того как я вышла за тебя замуж, Лайдж, все это прекратилось, пока...

Джесси замолчала.

— Продолжай, Джесси, — попросил Бейли.

— Лайдж, ты помнишь, как мы поссорились? Ну, из-за Джезебел?

— Ну, так что же? — Бейли не сразу понял, что речь идет о полном имени самой Джесси, а не о какой-то другой женщине. Он повернулся к Р.Дэниелу и объяснил, как бы оправдываясь: — Полное имя Джесси — Джезебел. Оно не нравится ей, и она им не пользуется.

Р.Дэниел сдержанно кивнул, а Бейли подумал: «Вот дьявол, что я из-за него-то переживаю».

— Наш спор не давал мне покоя, Лайдж, — продолжала Джесси, — просто не выходил у меня из головы. Наверное, это глупо, но я все думала и думала о том, что ты сказал. То есть о том, что Джезебел была просто консервативна и что она боролась за обычай своих предков против тех странных обычаев, которые принесли с собой чужаки. В конце концов, я тоже была Джезебел, и я всегда...

Она пыталась подобрать подходящие слова, и Бейли пришел ей на помощь:

— Отождествляла себя с ней.

— Да, — сказала она, но тут же покачала головой и отвела взгляд в сторону. — Не в прямом смысле. Пытаясь подражать тому, что, как я думала, в ней было. Ну, ты знаешь... Я такой не была.

— Я знаю это, Джесси. Не глупи.

— Но все-таки я много размышляла о ней и постепенно начала думать, что сейчас многое происходит такого, о чем не ведали прежде. Ну например, у нас, землян, есть старинные обычаи, и вот пришли космониты со своими нравами и стали насаждать всякие новшества, нарушив тем самым весь уклад нашей размеренной, несуетной жизни. Может быть, медиевисты все же правы. Может, нам действительно следовало бы почаще обращаться к нашим добрым традициям... И вот я пошла на свою старую работу и нашла Элизабет.

— Так. И что же было дальше?

— Она сказала, что не понимает, о чем я говорю, и что к тому же я — жена полицейского. Я ответила, что это не имеет к делу никакого отношения, и в конце концов она согласилась кое с кем поговорить. И где-то через месяц она подошла ко мне и сказала, что все в порядке... Я вступила в их организацию и с тех пор ходила на все собрания.

Бейли с грустью посмотрел на нее:

— А почему ты ничего мне не сказала?

Голос Джесси задрожал:

— Я очень сожалею, Лайдж.

— Ну, сожалей не сожалей, этим делу не поможешь. Расскажи лучше о собраниях. Прежде всего, где они проходили?

Им овладело ощущение отстраненности. От оцепенения все чувства, казалось, онемели. То, во что он изо всех сил старался не верить, оказалось правдой — голой, не вызывающей никаких сомнений правдой. В каком-то смысле Бейли даже почувствовал облегчение от того, что теперь не было неопределенности.

— Здесь, — ответила Джесси.

— Здесь? Прямо на этом месте, на мотошоссе?

— Да, на мотошоссе. Вот почему мне не хотелось сюда ехать. Правда, для встреч лучшего места было не придумать. Мы собирались...

— Сколько вас было?

— Я не могу сказать точно. Человек шестьдесят-семьдесят. Это было что-то типа местной ячейки. Мы приносили складные стулья, легкую закуску и прохладительные напитки. Кто-нибудь произносил речь, обычно о том, как прекрасна была жизнь в старые времена и как однажды мы разделяемся с монстрами, то есть с роботами, а заодно и с космонитами. Честно говоря, речи были скучноваты, потому что каждый раз в них говорилось одно и то же. Мы просто-напросто пережидали, когда они закончатся. Мы давали торжественные клятвы, и у нас были тайные знаки, которыми мы могли приветствовать друг друга в повседневной жизни.

— И вас никогда не прерывали? Ни полицейские, ни пожарные машины мимо не проезжали?

— Нет, никогда.

— Так уж это невероятно, Элайдж? — вмешался Р. Дэниел.

— Может быть, и нет, — задумчиво ответил Бейли. — Есть ответвления, которые практически никогда не используются. Вот только определить, где они, не так-то просто. И это все, чем вы занимались на собраниях, Джесси? Произносили речи да играли в конспирацию?

— Почти что все. И еще иногда пели песни. И наконец, закусывали сандвичами, пили сок.

— В таком случае, чего ты разнервничалась? — спросил Бейли, едва сдерживаясь.

Джесси заморгала глазами.

— Пожалуйста, ответь на мой вопрос, — с железной настойчивостью проговорил Бейли. — Если все было так безобидно, то почему ты пребываешь в такой панике эти полтора дня?

— Я думала, они что-нибудь сделают с тобой, Лайдж. Ради Бога, почему ты не хочешь меня понять? Я же тебе все объяснила.

— Нет, пока мало объяснила. Ты сообщила мне об участии в безобидных тайных посиделках. Теперь скажи, члены вашей организации когда-нибудь органи-

зовывали открытые демонстрации? Они когда-нибудь уничтожали роботов? Устраивали массовые беспорядки? Убивали людей?

— Никогда! Лайдж, я бы в жизни не сделала ничего подобного! Я бы сразу порвала с ними, попытайся они совершил такое.

— Но тогда почему же ты утверждаешь, что совершила нечто ужасное? Почему ты думаешь, что тебя посадят в тюрьму?

— Ну, в общем, они часто говорили, что когда-нибудь начнут давить на правительство. Предполагалось, что мы выступим организованно, прекратим работу и начнутся массовые забастовки. Правительство будет вынуждено наложить запрет на использование роботов, и космонитам придется убраться вовсю. Я думала, это были просто разговоры, а тут тебе дали это задание и нового напарника. И потом я услышала, как они говорили: «Теперь начнутся настоящие действия», и еще: «На их примере мы покажем, на что способны, и немедленно положим конец этому вторжению роботов». Они говорили это прямо в туалетном блоке, не зная, что речь идет о тебе. Но я поняла это сразу же.

Ее голос прервался.

— Ну успокойся, Джесси, — сказал Бейли смягчившись. — Все это пустяки. Одни разговоры. Сама видишь: с нами ничего не случилось.

— Я так... так боялась. Я думала, что тоже в этом замешана. Если бы начались убийства и погромы, могли бы убить тебя и Бентли, и я была бы виновата в этом, потому что принимала участие в заговоре. А раз так, меня посадили бы в тюрьму.

Бейли дал ей выплакаться. Он обнял ее за плечи и, плотно сжав губы, посмотрел на Р. Дэниела, который ответил ему невозмутимым взглядом.

— Теперь, Джесси, подумай хорошенъко и скажи, кто возглавлял вашу группу? — спросил Бейли.

Джесси немного успокоилась и осторожно прикладывала мокрый носовой платок к уголкам глаз.

— Всем руководил Джозеф Клемин, но на самом деле он ничего из себя не представлял. Он не выше пяти футов четырех дюймов и, по-видимому, дома у жены под каблуком. Мне кажется, он нисколечко не опасен.

Вы ведь не станете арестовывать его, верно, Лайдж?
Только потому, что я сказала?

Вид у нее был встревоженно-виноватый.

— Я пока никого еще не арестовываю. От кого Клемин получал инструкции?

— Не знаю.

— На собраниях бывали какие-нибудь незнакомые тебе люди? Ты понимаешь, о чем я: какие-нибудь важные шишки из центрального штаба?

— Иногда приходили какие-то люди, произносили речи. Это было не очень часто, может быть, раза два в год.

— Можешь назвать их имена?

— Нет. Их всегда представляли как «один из нас» или «товарищ с Джексон Хайтс» или еще откуда-нибудь.

— Ясно. Дэниел!

— Да, Элайдж.

— Опишите людей, которых вы взяли на заметку.

Посмотрим, сможет ли Джесси кого-нибудь узнать.

Р. Дэниел стал с методической точностью описывать каждого по порядку.

Джесси слушала его с выражением смятения и испуга на лице, и по мере того как количество данных увеличивалось, все энергичнее качала головой.

— Это бесполезно. Бесполезно! — вскрикнула она наконец. — Как я могу их всех помнить? Не помню я, как они выглядели! Совершенно... — Она не договорила и задумалась. — Вы сказали, работа одного из них была связана с дрожжевым производством?

— Фрэнсис Клаусарр, — сказал Р. Дэниел, — служащий нью-йоркской дрожжевой фабрики.

— Ну, видите ли, как-то выступал один человек, а я случайно оказалась в первом ряду и постоянно ощущала слабый, едва уловимый запах сырых дрожжей. Вы знаете, что я хочу сказать. Я помню это только потому, что в тот день неважно себя чувствовала, и от этого запаха меня все время тошило. Пришлось даже встать и пройти в задние ряды. Я, конечно, не могла объяснить, что случилось. Было так неудобно. Может быть, это и есть тот человек, о котором вы говорите. В конце концов, когда постоянно работаешь с дрожжами, их запах пропитывает одежду насквозь.

Она поморщилась.

— Ты не помнишь, как он выглядел? — спросил Бейли.

— Нет, — решительно ответила Джесси.

— Ну что ж, ладно. Слушай, Джесси, сейчас я отвезу тебя к твоей матери. Бентли останется с тобой. Никуда из сектора не выходите. Бен пусть пока в школу не ходит. Я договорюсь, чтобы еду вам присыпали прямо на квартиру и чтобы все подступы к дому были под наблюдением полиции.

— А как же ты? — Голос Джесси дрожал.

— Со мной ничего не случится.

— И сколько все это будет продолжаться?

— Не знаю. Может, день-два.

Он сам чувствовал, как неубедительно прозвучали его слова.

Они снова были на мотошоссе, Бейли и Р. Дэниел, теперь уже одни. Лицо Бейли было темнее тучи от нахлынувших на него мыслей.

— Очевидно, — проговорил он, — мы имеем дело с двухуровневой организацией. Во-первых, существует нижний уровень, не имеющий какой-либо определенной программы и созданный лишь для обеспечения массовой поддержки возможного переворота. Второй уровень — немногочисленная верхушка. На ее поисках мы и должны сосредоточить свои усилия. Марионеточные группы, о которых рассказывала Джесси, можно не принимать во внимание.

— Звучит все это логично, — сказал Р. Дэниел, — если принять на веру рассказ Джесси.

— Я полагаю, — сухо сказал Бейли, — что рассказ Джесси можно считать абсолютно искренним.

— Вероятно. В ее мозговых импульсах нет ничего, что бы указывало на патологическую склонность ко лжи.

Бейли бросил на робота оскорбленный взгляд.

— Этого еще не хватало! И нам не следует упоминать ее имя в отчетах. Вы меня поняли?

— Как пожелаете, коллега Элайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел, — но наш отчет в таком случае не будет ни полным, ни точным.

— Что ж, может быть и так, но никому от этого хуже не будет. Она добровольно пришла к нам сообщить то, что знала. Если мы сошлемся на нее, полиция возьмет ее на заметку, а я этого не хочу.

— В таком случае, я согласен при условии, чтобы мы выяснили все окончательно.

— Что касается ее, то договорились. Ручаюсь.

— Не могли бы вы тогда объяснить, почему слово **Джезебел**, простое звучание этого слова, привело к тому, что она отказалась от старых убеждений и приняла новые? Мотивация представляется не совсем ясной.

Они медленно ехали по пустому извилистому мотошоссе.

— Это трудно объяснить. Джезебел — редкое имя. Когда-то его носила женщина с очень плохой репутацией. Моя жена оценила это по-своему. Это имя придавало ей косвенное чувство порочности и как бы вознаграждало ту добропорядочную жизнь, которую она всегда вела.

— Зачем законопослушной женщине чувствовать себя блудницей?

Бейли едва сдержал улыбку.

— Женщины есть женщины, Дэниел. Как бы то ни было, я совершил большую глупость. В момент сильного раздражения я начал доказывать, что библейская Джезебел вовсе не была большой грешницей, и уж, во всяком случае, была хорошей женой. Никогда себе этого не прощу. Оказалось, — продолжал он, — что тем самым я нанес Джесси глубокую душевную рану. Я разрушил нечто, чему не было замены. Очевидно, то, что случилось после, было вызвано ее желанием каким-то образом отомстить мне. Думаю, именно поэтому она и занялась деятельностью, которую, она знала, я бы не одобрил. Я бы не сказал, что это желание было осознанным.

— Разве желание может быть неосознанным? Нет ли здесь противоречия в терминах?

Бейли пристально посмотрел на робота и понял, что нет смысла объяснять ему, что такое подсознательное мышление. Вместо этого он сказал:

— К тому же на мысли и чувства человека огромное влияние оказывает Библия.

— Что такое Библия?

На мгновение Бейли сильно удивился, а затем удивился собственному удивлению. Насколько он знал, философией космонитов был механистический индивидуализм, а Р. Дэниел мог знать только то, что знали они — не больше.

— Это книга, которую почти половина населения Земли почитает как священную, — коротко ответил Бейли.

— Я не понимаю значения прилагательного, которое вы употребили.

— Это значит, что она высоко почитается. Различные ее части при правильном истолковании содержат кодекс поведения. Многие люди считают, что, следуя им, человечество может достичь всеобщего счастья.

Р. Дэниел, казалось, задумался над словами Бейли.

— Этот кодекс включен в ваши законы?

— Боюсь, что нет. Его нельзя вменить в обязанность силой закона. Каждый человек должен руководствоваться им добровольно, из внутреннего стремления поступать именно так. Кодекс в определенном смысле выше любого закона.

— Выше закона? В этом нет противоречия в терминах?

Лицо Бейли скривилось в усмешке.

— Может, рассказать вам что-нибудь из Библии? Наверное, вам это будет интересно?

— Да, пожалуйста.

Бейли сбросил скорость, и машина остановилась. Несколько секунд он сидел с закрытыми глазами, вспоминая текст. Конечно, лучше было бы прочесть отрывок на звучном среднеанглийском языке, который использовался в Библии эпохи средних веков, но для Р. Дэниела среднеанглийский прозвучал бы как бессмысленная тарабарщина. Бейли начал, почти небрежно произнося слова из Библии в модернизированной обработке, так, словно рассказывал повесть о современной жизни, а не историю из незапамятного прошлого человечества:

— Иисус пошел на гору Елеонскую, а на рассвете вернулся в храм. Весь народ шел к нему, и он сел и стал

учить их. Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии и, поставив ее перед ним, сказали ему: «Учитель! Эта женщина замечена в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедовал нам побивать таких преступниц камнями. Что ты скажешь?»

Они говорили это, надеясь заманить его в ловушку, чтобы найти основания для его обвинения. Но Иисус, низко наклонившись, писал пальцем на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали его спрашивать, он, поднявшись, сказал им: «Кто из вас без греха, первым брось в нее камень».

И, опять наклонившись, стал писать на земле. Они же, услышав это и будучи обличены совестью, стали уходить один за другим, начиная со старшего до последнего, и остался один Иисус с женщиной, стоящей перед ним. Иисус, поднявшись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: «Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?»

Она отвечала: «Никто, Господи».

Иисус сказал ей: «И я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши».

Р. Дэниел, слушавший с большим вниманием, спросил:

— Что такое прелюбодеяние?

— Неважно. Это преступление, наказанием за которое в то время было избиение камнями; то есть в виновного бросали камни до тех пор, пока он не умирал.

— И женщина была виновной?

— Да, была.

— Тогда почему же ее не побили камнями?

— После слов Иисуса никто из обвинителей не смог этого сделать. Эта притча призвана показать, что существует нечто выше справедливости, стремление к которой в вас заложили. Существует человеческое побуждение, известное как милосердие; человеческий поступок, называемый прощением.

— Я не знаком с этими словами, коллега Элайдж.

— Знаю, — пробормотал Бейли, — знаю.

Он резко завел мотор, машина рванула с места и понеслась вперед с такой скоростью, что его вдавило в спинку сиденья.

— Куда мы едем? — спросил Р. Дэниел.

— В Йист-таун, — ответил Бейли, — вытряхивать правду из Фрэнсиса Клаусарра, заговорщика.

— Каким образом вы это сделаете, Элайдж?

— Это сделаю не я, а вы, Дэниел. Причем очень просто.

Они помчались вперед.

Глава 15

АРЕСТ ЗАГОВОРЩИКА

Бейли чувствовал едва уловимый специфический запах Йист-тауна, который становился все сильнее, заполняя собой все вокруг. Для Бейли этот запах не был неприятным, как для Джесси, например. Ему он, пожалуй, даже нравился. Он пробуждал приятные воспоминания.

Каждый раз, когда Бейли слышал запах сырых дрожжей, чувственное восприятие каким-то неведомым образом отбрасывало его на три десятилетия назад. Он снова был десятилетним мальчуганом, навещавшим дядю Бориса, который работал на дрожжевой фабрике. У дяди Бориса всегда было припасено немного дрожжевых сладостей: маленькие печеньица, разные конфеты, напоминавшие по вкусу шоколадные, со сладкой жидкостью внутри, пирожные в виде фигурок кошек и собак. Несмотря на свой возраст, он понимал, что дядя Борис не имел права их раздавать, и всегда съедал свое угощение потихоньку, сидя в углу спиной ко всем. Он быстро запихивал сладости в рот, боясь как бы его не застали за этим занятием.

От этого они казались еще вкуснее.

Бедный дядя Борис! Он погиб от несчастного случая. Лайджу никогда не рассказывали подробностей, и он горько плакал, так как думал, что дядю Бориса арестовали за воровство дрожжевых продуктов. Он боялся, что и его самого арестуют и накажут. Много лет спустя Бейли осторожно заглянул в полицейскую картотеку и узнал правду. Дядя Борис попал под гусеницы транспор-

тера. Таким трагичным оказался конец у этого романтического мифа.

Но все же при малейшем запахе сырых дрожжей в его сознании тотчас, пусть на один миг, всплывали детские воспоминания.

Йист-таун — Дрожжевой город... Официально в Нью-Йорке не было района с таким названием. Оно не встречалось ни в одном из городских справочников, ни на одной официальной карте. То, что в народе называли Йист-тауном, в департаменте связи числилось как округа Нью-Арк, Нью-Брансуик и Трентон. Эта часть Города представляла собой широкую полосу, пересекавшую то, что в среднюю эпоху было штатом Нью-Джерси. За исключением нескольких жилых секторов — в основном в центре Нью-Арка и Трентона — все это пространство было занято многоуровневыми фабриками, где росли и размножались сотни разновидностей дрожжевых культур.

На дрожжевых фабриках работала пятая часть всего населения Города. Столько же народу трудилось в смежных отраслях. Горы древесины и сырой целлюлозы, которые доставлялись из непроходимых лесов Аллеганов, бесчисленное множество цистерн с кислотой, необходимой для переработки сырья в глюкозу; тысячи тонн селитры и фосфатов — важнейших для процесса добавок; огромное количество контейнеров с органическими веществами из химических лабораторий — все это требовалось для того, чтобы получить только один продукт — дрожжи, как можно больше дрожжей.

Без них шесть из восьми миллиардов людей, живущих на Земле, через год погибло бы от голода.

Бейли похолодел от этой мысли. Такая возможность существовала и три дня назад, но тогда подобная мысль просто не пришла бы ему в голову.

Машина с ревом выскочила из туннеля мотошоссе на окраины Нью-Арка. На малонаселенных улицах, зажатых с обеих сторон невыразительными блоками дрожжевых фабрик, не пришлось даже сбрасывать скорость.

— Который час, Дэниел? — спросил Бейли.

— Шестнадцать часов пять минут, — ответил робот.

— Значит, если он работает в дневную смену, мы застанем его на месте.

Бейли поставил машину в нише для выгрузки сырья и выключил двигатель.

— Так это и есть фабрика «Нью-Йорк Йист», Элайдж? — спросил робот.

— Ее часть.

Они вошли в коридор, по обеим сторонам которого тянулись служебные помещения. В том месте, где коридор сворачивал, их встретила расплывшаяся в улыбке секретарша.

— Кого вы желаете видеть? — спросила она.

Бейли достал свое удостоверение.

— Полиция. У вас в «Нью-Йорк Йист» работает некий Фрэнсис Клаусарр?

— Сейчас проверю.

Девушка была явно обеспокоена.

Она нажала кнопку селектора, под которой значилось «Отдел кадров», и ее губы едва заметно зашевелились, но при этом не было слышно ни звука.

Бейли уже доводилось видеть, как работают ларингофоны, превращавшие слабые колебания гортани в слова.

— Говорите, пожалуйста, вслух. Я бы хотел вас слышать, — попросил Бейли.

Теперь ее слова можно было разобрать, но сыщик услышал лишь «...он говорит, что из полиции, сэр».

К ним подошел хорошо одетый смуглый человек с тонкими усами и небольшой лысиной. Он улыбнулся, показав ослепительно белые зубы, и представился:

— Я Прескотт из отдела кадров. Чем могу быть полезен, инспектор?

Бейли холодно посмотрел на Прескотта, и улыбка на его лице потеряла свою естественность. Прескотт сказал:

— Я просто не хотел бы волновать рабочих. Они болезненно реагируют на все, что касается полиции.

— Что ж делать! Клаусарр сейчас на своем рабочем месте?

— Да, инспектор.

— В таком случае дайте нам указку. И если он уйдет прежде, чем мы туда доберемся, нам придется разговаривать с вами в другом месте.

Лицо Прескотта побледнело. Он пролепетал:

— Сейчас я принесу вам указку, инспектор.

Указка-гид была настроена на отделение СГ, секции 2. Что это значило в фабричной терминологии, Бейли не знал. Ему и не нужно было это знать. Указка представляла собой компактный аппарат, который легко помещался на ладони. Ее кончик слегка нагревался при совмещении с заданным направлением и быстро охлаждался, если ее поворачивали в какую-нибудь другую сторону. При приближении к конечной цели он становился все теплее и теплее.

Для новичка указка с ее едва уловимыми тепловыми колебаниями была почти бесполезна, но мало кто из жителей Города не умел с ней обращаться. Одной из самых любимых игр детства многих поколений была игра в прятки в коридорах школьного яруса с использованием игрушечных указок-гидов. («Горячо или нет, дай, указка, ответ», «Хоть куда забредешь — гида не прорвешь».)

За свою жизнь Бейли уже сотни раз с помощью указки-года находил дорогу в лабиринтах громадных зданий, так что с гидом в руке он свободно следовал по кратчайшему пути в нужном направлении, как будто перед ним была схема расположения помещений.

Когда через десять минут он шагнул в просторную, ярко освещенную комнату, кончик указки-года был почти раскаленным.

— Фрэнсис Клаусарр здесь? — спросил Бейли у ближайшего к двери рабочего.

Тот мотнул головой, и Бейли двинулся в указанном направлении. Несмотря на включенные вентиляторы, от гула которых в помещении стоял постоянный шум, в нос бил резкий запах дрожжей.

Один из рабочих на другом конце комнаты поднялся и стал снимать фартук. Он был среднего роста, довольно молодой, но с глубокими морщинами на лице и начидающими седеть волосами. Он медленно вытирая свои огромные, узловатые руки селлексовым полотенцем.

— Фрэнсис Клаусарр — это я, — сказал он.

Бейли бросил взгляд на Р. Дэниела. Робот кивнул.

— О'кей, — сказал Бейли. — Найдется здесь место, где мы могли бы поговорить?

— Может, и найдется, — медленно проговорил Клаусарр, — но у меня почти закончилась смена. Как насчет завтра?

— До завтра ждать слишком долго. Давайте-ка поговорим сейчас.

Бейли показал ему свое удостоверение.

Спокойно продолжая вытирая руки, Клаусарр ходно сказал:

— Не знаю, как у вас в полиции, но мы здесь едим строго по графику. Мой ужин с семнадцати ноль-ноль до семнадцати сорока пяти. И появляться в столовой в другое время бесполезно.

— Не беспокойтесь. Я позабочусь о том, чтобы ваш ужин принесли сюда.

— Ну-ну, — невесело проговорил Клаусарр. — Прямо как аристократу или полицейскому класса С. А дальше что? Может, вы еще и отдельную ванну мне предложите?

— Отвечайте на вопросы, Клаусарр, а остроты приберегите для своей подружки. Так где мы можем поговорить?

— Если хотите, можно воспользоваться весовой, а уж устроит она вас или нет — это ваше дело. Мне-то с вами говорить не о чем.

Бейли подтолкнул Клаусарра к весовой. Это была квадратная стерильно-белая комната со своей собственной и гораздо лучшей, чем в соседнем зале, вентиляцией. На столах вдоль стен в стеклянных футлярах стояли чувствительные электронные весы, управляемые электромагнитными полями. В дни учебы в колледже Бейли пользовался более дешевыми моделями. Он узнал одни весы, которые позволяли взвесить всего лишь миллиард атомов.

— Думаю, здесь нам никто не помешает, — сказал Клаусарр.

Бейли неопределенно хмыкнул в ответ и повернулся к Дэниелу.

— Пожалуйста, выйдите и организуйте, чтобы сюда прислали еду. И если вам нетрудно, подождите за дверью, пока ее не принесут.

Он проводил Дэниела взглядом и обратился к Клаусарру.

— Вы химик?

— С вашего позволения, я зимолог.

— А какая между ними разница?

Клаусарр высокомерно посмотрел на Бейли.

— Химик — это всего лишь размешиватель бурды, повелитель вонючих колб. В отличие от него, зимолог — человек, благодаря которому живут несколько миллиардов людей. Я специалист по дрожжевым культурам.

— Понятно, — сказал Бейли.

Но Клаусарр и не думал останавливаться:

— Эта лаборатория обслуживает всю компанию «Нью-Йорк Йист». Мы не останавливаемся ни на день, ни, черт побери, на час, чтобы обеспечить ее всевозможными дрожжевыми штаммами. Мы исследуем и регулируем их питательные свойства. Мы следим за их размножением. Мы изменяем их генетику, создаем новые штаммы, уничтожаем неудачные, выделяем нужные нам свойства и снова скрещиваем их. Когда пару лет назад жители Нью-Йорка стали получать клубнику в межсезонье, это, мой дорогой, была не клубника. То была особая ароматизированная дрожжевая культура с повышенным содержанием сахара, которой придали естественную клубничную окраску, — *Saccharomyces olei Benedictae*. Ее вырастили здесь, в этой комнате. Двадцать лет назад она была всего лишь чахлым, ни к чему не пригодным штаммом с противным привкусом сала. Этот привкус сохраняется до сих пор, но жирность продукта возросла с пятнадцати до восьмидесяти семи. Если сегодня вы пользовались экспресс-дорогой, знайте, что она смазана именно *S. O. Benedictae*, штамм АГ-7 которой был выведен здесь, в этой комнате. Так что не называйте меня химиком, я зимолог.

Бейли невольно отступил перед яростным всплеском профессиональной гордости зимолога.

Опомнившись, он резко спросил:

— Где вы находились вчера между восемнадцатью и двадцатью часами вечера?

Клаусарр пожал плечами:

— Прогуливался. Я люблю немножко побродить после ужина.

— Вы заходили в гости к друзьям? Может быть, были в субэфирнике?

— Нет. Просто гулял.

Бейли плотно сжал губы. При посещении субэфирника в абонементе Клаусарра обязательно сделали бы отметку, что нетрудно было проверить. Проведи он вечер в гостях, ему пришлось бы назвать имена друзей и вместе с ними пройти очную ставку.

— Значит, вас никто не видел.

— Не знаю, может быть, кто-то и видел. По крайней мере, мне об этом неизвестно.

— А что вы можете сказать о предыдущем вечере?

— То же самое.

— Значит, у вас нет алиби?

— Если бы я совершил какое-то преступление, инспектор, я бы о нем позаботился. Зачем мне алиби?

Бейли не ответил. Он заглянул в свой блокнот.

— Однажды вы уже привлекались к суду. По обвинению в подстрекательстве к беспорядкам.

— Ну и что с того? Один из этих роботов, протискиваясь мимо, толкнул меня, и я подставил ему подножку. Это, по-вашему, подстрекательство к беспорядкам?

— Суд решил, что это именно так. Вас признали виновным и наложили штраф.

— На этом дело закончено, не так ли? Или вы хотите оштрафовать меня еще раз?

— Два дня назад у обувного магазина в Бронксе чуть не начались волнения. Вас там видели.

— Кто видел?

— Это было как раз в те часы, когда вы обычно ходите на ужин. Вы ужинали позавчера вечером?

Клаусарр заколебался, затем покачал головой:

— Расстройство желудка. Это все из-за дрожжей. Такое бывает даже у старых работников.

— Вчера вечером чуть было не вспыхнул бунт в Уильямсбурге, вас видели и там.

— Кто?

— Вы отрицаете, что присутствовали в обоих местах?

— Вы не сообщили мне ничего, что я мог бы отрицать. Где точно все это случилось и кто говорит, что видел меня?

Бейли невозмутимо наблюдал за зимологом.

— Я думаю, вы прекрасно знаете, о чем идет речь. И думаю, что вы играете не последнюю роль в подпольной медиевистской организации.

— Я не могу запретить вам думать, инспектор, но предположение — это не доказательство, как вам, вероятно, известно, — усмехнулся Клаусарр.

— Может быть, — сказал Бейли с каменным выражением лица. — И все же я смогу вытянуть кое-что из вас прямо сейчас.

Бейли подошел к двери и отворил ее. Рядом неподвижно стоял Р. Дэниел.

— Ужин Клаусарра прибыл? — обратился Бейли к роботу.

— Его уже несут, Элайдж.

— Занесите его, пожалуйста, когда он прибудет. — Мгновение спустя Р. Дэниел вошел в комнату, держа в руках металлический поднос с углублениями. — Поставьте его перед мистером Клаусарром, Дэниел.

Бейли сел на один из стоявших около окна табуретов и, закинув ногу на ногу, стал слегка пошевеливать кончиком ботинка. Он заметил, как Клаусарр, напрягшись, тихонько отодвинулся, когда Р. Дэниел подошел, чтобы поставить поднос на краешек ближайшего к зимологу стола.

— Мистер Клаусарр, — сказал Бейли, — я хочу представить вам моего партнера, Дэниела Оливо.

Дэниел протянул руку и произнес:

— Здравствуйте, Фрэнсис.

Клаусарр не проронил ни звука. Он даже не двинулся, чтобы пожать руку Дэниелу. Робот продолжал стоять с вытянутой рукой, лицо зимолога начала заливать краска.

— С вашей стороны это невежливо, мистер Клаусарр. Или ваша гордость настолько велика, что не позволяет вам пожать руку полицейскому? — тихо произнес Бейли.

— Если вы ничего не имеете против, я бы поел, — пробормотал Клаусарр.

Он достал из кармана складной нож, извлек из него вилку и сел, уткнувшись в тарелку.

— Дэниел, мне кажется, наш друг обиделся на ваше холодное отношение. Вы ведь на него не сердитесь, верно?

— Ничуть, Элайдж, — ответил Р. Дэниел.

— В таком случае докажите, что вы не держите на него зла. Обнимите его за плечи.

— С удовольствием, — сказал Р. Дэниел и шагнул вперед.

Клаусарр положил вилку.

— В чем дело? Что здесь происходит?

Не обращая внимания на слова Клаусарра, Р. Дэниел протянул к нему руку.

Клаусарр резко отпрянул, со всего размаха отбросив руку Р. Дэниела в сторону.

— Черт возьми, не прикасайся ко мне!

Он резко вскочил и отпрыгнул в сторону, задев при этом поднос с едой, который с грохотом упал на пол.

Во взгляде Бейли появилась жесткость. Он коротко кивнул Р. Дэниелу, и тот опять начал невозмутимо на-двигаться на отступавшего зимолога. Бейли преградил путь к двери.

— Не подпускайте ко мне эту хреновину! — завопил Клаусарр.

— Что вы себе позволяете? — хладнокровно проговорил Бейли. — Этот человек — мой напарник.

— Как бы не так, это робот, будь он проклят! — пронзительно выкрикнул Клаусарр.

— Отойдите от него, Дэниел, — тут же приказал Бейли.

Р. Дэниел шагнул назад и молча стал у двери позади Бейли.

Сжав кулаки, возбужденный Клаусарр повернулся к Бейли.

— Ну что ж, умник, — сказал Бейли, — с чего вы взяли, что Дэниел — робот?

— Это только дураку не видно!

— Предоставьте решать это специалистам. А пока, я думаю, вам придется проехать с нами. Необходимо выяснить, как вы узнали, что Дэниел — робот. И многое другое, мистер, многое другое. Дэниел, пойдите свяжитесь с комиссаром. Сейчас он должен быть дома. Попросите его приехать в управление. Скажите, что у

меня есть парень, которому не терпится, чтобы его допросили.

Р. Дэниел вышел из комнаты.

— Что вами движет, Клаусарр? — обратился к зимологу Бейли.

— Я требую адвоката.

— Вы получите его. А пока, может быть, расскажете, что вы, медиевисты, проповедуете?

Клаусарр отвернулся, храня решительное молчание.

— Иосафат, приятель, мы знаем все о вас и вашей организации. Я не блефую. Просто мне действительно интересно. Чего вы, медиевисты, хотите?

— Вернуться назад к земле, — ответил Клаусарр сдавленным голосом. — Все очень просто, не так ли?

— Это просто сказать, но не так-то просто сделать. Как земля сможет прокормить восемь миллиардов человек?

— Разве я сказал, что люди должны возвратиться к земле немедленно? Или за год? Или за сто лет? Это должно происходить шаг за шагом, господин полицейский. Неважно, сколько времени на это уйдет, но давайте хотя бы начнем выползать из этих пещер, в которых мы живем. Давайте выберемся на свежий воздух.

— А вам самому доводилось бывать на свежем воздухе?

Клаусарр поежился.

— Что я, со мной покончено. Но ведь дети еще не испорчены. Они появляются на свет каждый день. Хоть их-то выпустите наружу, Бога ради! Пусть хоть они узнают, что такое простор, чистый воздух и солнце. А если потребуется, можно постепенно сократить население.

— Другими словами, назад, к недостижимому прошлому. — Бейли и сам не знал, чего вдруг он начал спорить: его охватило какое-то лихорадочное возбуждение. — Назад к семечку, к яйцу, к утробе? А почему бы не начать двигаться вперед? Не надо сокращать население Земли. Лучше выводить его на другие планеты. Возвращайтесь к земле, но к земле на других планетах. Осваивайте их!

Клаусарр засмеялся резким, неприятным смехом.

— И создавайте свои новые Внешние Миры! Новых космонитов!

— Вовсе нет. Внешние Миры основали земляне, не знаяшие, что такое стальные Города, земляне, которые были индивидуалистами и материалистами. Позже эти качества были доведены до нездоровой крайности. Теперь же осваивать новые миры стали бы люди, воспитанные совсем в другом обществе, где, напротив, будет господствовать коллективизм. И вот эти-то традиции, перенесенные на новую почву, могли бы привести к появлению новой, совершенно необычной цивилизации, не похожей ни на древнюю Землю, ни на Внешние Миры. Что-то новое, более приемлемое.

Он сознавал, что, как попутай повторяет мысли доктора Фастольфа, но слова текли так, словно он сам думал об этом годами.

— Ерунда! Осваивать дикие, пустынные миры, когда у нас есть наш собственный? Какой дурак на это согласится?

— Многие согласятся. И они вовсе не будут дураками. Им помогут роботы.

— Нет! — с жаром воскликнул Клаусарр. — Никогда! Никаких роботов!

— Почему бы и нет, Боже праведный? Мне они тоже не нравятся, но не биться же насмерть из-за каких-то предрассудков! Что уж такого страшного в роботах? Если хотите знать мое мнение, всему виной наш комплекс неполноценности. Все мы чувствуем себя ниже космонитов и страдаем от этого. А чтобы как-то это компенсировать, нам необходимо хоть кого-то в чем-то превосходить, и потому нас просто убивает, что мы не можем почувствовать себя хотя бы выше роботов. Нам кажется, что они лучше нас, только это не так. Вот в чем ирония, черт возьми! — Бейли разгорячился. — Возьмите этого Дэниела, с которым я провел больше двух дней. Он выше меня ростом, сильнее, красивее. В общем, он выглядит как космонит. Память его лучше, он больше меня знает. Ему не нужно спать или есть. Его не беспокоят ни болезни, ни паника, ни любовь, ни чувство вины. Но он всего лишь машина. Я могу сделать с ним все, что захочу. Как с этими микроВесами. Если я по **ним** ударю, они не дадут мне сдачи.

Вот так же и Дэниел. Я могу приказать ему выстрелить в самого себя из бластера, и он это сделает.

Мы никогда не сможем построить робота, который мог хотя бы сравниться с человеком в главном, не говоря уже о том, чтобы превзойти его. Невозможно наделить робота чувством прекрасного, сознанием нравственных и религиозных ценностей. Мы ни на йоту не сможем поднять позитронный мозг выше уровня совершенного практицизма.

Ничего подобного мы не сможем, черт побери, не сможем, пока не поймем, как работают наши собственные мозги, пока существуют непонятные для науки явления.

Что такое красота, искусство, любовь, доброта, Бог? Мы вечно балансируем на грани неизведенного, пытаемся понять то, что недоступно пониманию. Именно это и делает нас людьми.

Мозг робота ограничен, иначе его невозможно построить. Он должен быть рассчитан до последнего десятичного знака так, чтобы иметь предел. Господи, чего вы боитесь? Робот может выглядеть как Дэниел, он может быть красивым как Бог, и все же человеческого в нем будет не больше, чем в бесформенном куске дерева. Неужели вы этого не понимаете?

Клаусарр несколько раз пытался что-то сказать, но всякий раз его слова тонули в потоке красноречия Бейли. Теперь, когда Бейли в изнеможении замолчал, зимолог негромко пробормотал:

— Полицейский, а туда же, в философы. Что вы можете знать?

В комнату вошел Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на него и нахмурился отчасти от того, что в душе у него еще все кипело, отчасти из-за накатившего вдруг нового раздражения.

— Где вы были так долго? — спросил он.

— Я разыскивал комиссара Эндерби, Элайдж. Оказалось, что он все еще в департаменте.

Бейли посмотрел на часы.

— В такое время? Почему?

— Там сейчас полная неразбериха. В полицейском департаменте был обнаружен труп.

— Не может быть! Ради Бога, говорите — чей?

— Посыльного, Р. Сэмми.

Бейли перевел дыхание. Пристально глядя на робота, он со злостью сказал:

— Мне показалось, вы сказали «труп».

Р. Дэниел тут же поправился:

— Робот с полностью деактивированным мозгом, если вам так больше нравится.

Клаусарр неожиданно засмеялся. Бейли повернулся к нему и хрипло проговорил:

— Ни слова об этом! Вы меня поняли?

При этом он неторопливо достал бластер. Клаусарр тут же замолчал.

— Ну и что из этого? У Р. Сэмми перегорел предохранитель. Что здесь такого?

— Комиссар Эндерби говорил уклончиво, Элайдж, и хотя прямо он этого не сказал, у меня сложилось впечатление, что комиссар считает, что кто-то умышленно деактивировал мозг Р. Сэмми.

И так как Бейли продолжал хранить молчание, Р. Дэниел серьезно добавил:

— Или, если вы предпочитаете это слово, убил его.

Глава 16

МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бейли убрал бластер, но руку продолжал незаметно держать на рукоятке.

— Пойдете впереди нас, Клаусарр. Семнадцатая улица, выход *Б*, — приказал он.

— Так и не поел, — пожаловался Клаусарр.

— Сами виноваты! — нетерпеливо воскликнул Бейли. — Не надо было опрокидывать еду на пол.

— Но мне положен ужин.

— Поужинаете в тюрьме. А если и останетесь без еды, с голоду не умрете. Ну, пошли!

Пробираясь по лабиринтам «Нью-Йорк Йист», все трое молчали. Впереди с каменным выражением лица шел Клаусарр, за ним следовал Бейли, Р. Дэниел замыкал шествие.

После того как Бейли и Р. Дэниел отмтились у секретарши, а Клаусарр оформил отпускной листок и попросил, чтобы прибрали в весовой, они вышли наружу и уже подходили к машине, как вдруг Клаусарр неожиданно остановился:

— Минуточку.

Он повернулся к Р. Дэниелу, и не успел Бейли и глазом моргнуть, как Клаусарр шагнул вперед и наотмашь ударил робота по щеке.

— Какого дьявола! — закричал Бейли, оттаскивая Клаусарра.

Зимолог не оказывал никакого сопротивления.

— Все в порядке. Я поеду. Просто хотелось убедиться самому.

Он насмешливо улыбался.

Р. Дэниел, сумевший частично увернуться от пощечины, спокойно смотрел на Клаусарра. На его щеке не было заметно ни покраснения, ни какого-либо другого следа от удара.

— С вашей стороны это было небезопасно, Фрэнсис. Если бы я не отклонился, вы легко могли бы повредить себе руку. Во всяком случае, я сожалею, что причинил вам боль.

Клаусарр засмеялся.

— Садитесь в машину, Клаусарр. И вы тоже, Дэниел. На заднее сиденье рядом с ним. И смотрите, чтобы он не двигался. Пусть даже для этого придется сломать ему руку. Это приказ.

— А как насчет Первого Закона? — насмешливо спросил Клаусарр.

— Я думаю, Дэниел достаточно силен и ловок, чтобы вовремя остановить вас, не причинив вам вреда. Впрочем, если бы при этом он и сломал вам руку, а то и обе, это только пошло бы вам на пользу.

Бейли занял место за рулем, и машина стала набирать скорость. Легкий ветер растрепал волосы Бейли и Клаусарра и совершенно не тронул аккуратную прическу Р. Дэниела.

— Мистер Клаусарр, вы боитесь роботов потому, что они могут заменить вас на работе и вы останетесь не у дел? — тихо спросил зимолог Р. Дэниел.

Бейли не мог повернуться, чтобы посмотреть на лицо Клаусарра, но был твердо уверен, что на нем застыло выражение крайнего омерзения и что Клаусарр сидел в напряженной позе, отодвинувшись от Р. Дэниела как можно дальше.

— И я, и мои дети, да и не только мои, — послышался голос Клаусарра.

— Но ведь можно найти выход, — сказал робот. — Если бы ваши дети, например, согласились пройти курс обучения для того, чтобы в дальнейшем эмигрировать...

— И вы о том же, — перебил Клаусарр. — Полицейский только что говорил об эмиграции. Работы не плохо его обучили. Может быть, он тоже робот?

— Ну хватит, ты! — прорычал Бейли.

Р. Дэниел монотонно сказал:

— Школа подготовки к эмиграции гарантировала бы вам безопасность, квалификацию и работу. Если вы действительно обеспокоены судьбой своих детей, здесь есть над чем подумать.

— Никогда ничего не приму ни от робота, ни от космонита, ни от обученных вами гиен из правительства.

На этом разговор оборвался. Их поглотило безмолвие мотошоссе, нарушающее лишь мягким урчанием мотора да шелестом шин по мостовой.

Прибыв в департамент, Бейли выписал ордер на арест Клаусарра и передал задержанного в надеждающие руки. После этого они с Р. Дэниелом зашли в мотосpirальный лифт, чтобы подняться в Главное полицейское управление.

Р. Дэниел не выразил никакого удивления по поводу того, что они не воспользовались подъемником, да Бейли этого и не ожидал. Он уже начал привыкать к странному сочетанию в нем ума и покорности и старался поменьше обращать внимания на робота. Чтобы быстро преодолеть вертикальный отрезок между уровнями, на которых располагались камеры предварительного заключения и Главное управление, логично было бы воспользоваться скоростным подъемником. Длинный эскалатор, который назывался мотоспиралью, обычно использовали для коротких, не более чем на два-три уровня, подъемов и спусков. Чиновники самых различных рангов входили и сходили, не задерживаясь на мотоспирали и минуты. Лишь Бейли и Р. Дэниел продолжали медленно и неуклонно подниматься вверх.

Бейли чувствовал, что ему нужно было время. Этот маневр давал ему в лучшем случае несолько минут, но наверху, в Главном управлении, его ждала еще одна проблема, и он хотел дать себе передышку. Как бы медленно ни ползла мотоспираль, Бейли казалось, что она движется слишком быстро.

— Насколько я понимаю, мы пока не будем допрашивать Клаусарра, — нарушил молчание Р. Дэниел.

— Куда он денется! Сначала нужно узнать, в чем там дело с Р. Сэмми, — раздраженно ответил Бейли и негромко добавил, больше самому себе, чем Р. Дэниелу: — Вряд ли это случайное совпадение. Здесь должна быть какая-то связь...

— Жаль. Мозговые импульсы Клаусарра... — начал Р. Дэниел.

— А что там с ними?

— Они странным образом изменились. Что произошло между вами в весовой комнате, пока я отсутствовал?

— Я всего-навсего прочитал ему проповедь. Пересказал ему Евангелие от святого Фастольфа, — рассеянно ответил Бейли.

— Я не понимаю вас, Элайдж.

Бейли вздохнул.

— Видите ли, я попытался объяснить, что Земля вполне могла бы воспользоваться роботами и послать излишек своего населения на другие планеты. Я попытался выбить из его головы весь этот медиевистский вздор. Бог знает зачем. Никогда не замечал в себе миссионерских замашек. Короче говоря, на том дело и кончилось.

— Понятно. Что ж, это кое-что проясняет. Скажите, Элайдж, что вы говорили ему о роботах?

— Вам это в самом деле интересно? Я сказал ему, что роботы — это просто машины. Это уже было Евангелие от святого Джериджела. По-моему, существует бесконечное множество евангелий.

— Вы случайно не говорили ему, что робота можно ударить, не опасаясь ответного удара, как любой другой предмет?

— Да, говорил, если только это не боксерская груша. Но как вы догадались?

Бейли с любопытством посмотрел на робота.

— Об этом свидетельствуют изменения в его мозговых импульсах, — ответил Р. Дэниел. — Теперь не трудно объяснить, чем была вызвана его попытка ударить меня по лицу, когда мы вышли с фабрики. Должно быть, он думал над тем, что вы ему сказали, и таким образом проверил на практике ваше утверждение, а заодно дал выход своей агрессивности, удовлетворил свое желание унизить меня. Иметь такие побудительные мотивы и, если учесть к тому же дельтаобразные колебания в его... — Он надолго замолчал и затем сказал: — Да, это весьма интересно, и, мне кажется, теперь я смогу сформировать из этих данных логическое целое.

Они приближались к уровню, на котором находилось управление.

— Который час? — спросил Бейли.

«Черт, я ведь мог посмотреть на свои часы, и это было бы гораздо быстрее», — раздраженно подумал он.

Тем не менее он знал, почему обратился к роботу. Им двигали чувства, близкие к тем, что испытывал Клаусарр, когда ударил Р. Дэниела. Отдавая пустяковый приказ, который тот обязан был выполнить, он тем самым подчеркивал, что Р. Дэниел — не более чем робот, в то время как он, Бейли, живой человек. «Все мы одинаковы», — подумал Бейли.

— Двадцать десять, — ответил Р. Дэниел.

Они сошли с мотоспирали, и несколько секунд Бейли испытывал то странное чувство, которое возникает всякий раз, когда приспособливаешься к неподвижному полу после долгих минут непрерывного движения.

— А ведь у меня еще и крошки во рту не было, черт бы побрал эту работу! — воскликнул Бейли.

Бейли услышал и одновременно увидел комиссара Эндерби через открытую дверь его кабинета. Общая комната была пуста, словно по ней пронесся смерч, и голос Эндерби, словно усиленный гулким эхом, раздавался в ней. Без очков его круглое лицо казалось голым и беспомощным. Он держал их в руке, вытирая свой гладкий лоб тонкой бумажной салфеткой.

Он заметил Бейли, когда тот был еще у двери, и воскликнул громким, раздраженным тенором:

— Боже милостивый, Бейли, где, черт возьми, вы пропадали?

Бейли пропустил замечание мимо ушей и спросил:

— Что происходит? Где вечерняя смена? — И только тогда обнаружил, что в кабинете комиссара находится еще один человек. — Доктор Джерриджел! — невольно воскликнул он.

В ответ на это неловкое приветствие седовласый роботехник коротко кивнул:

— Рад снова видеть вас, мистер Бейли.

Комиссар надел очки и пристально посмотрел сквозь них на Бейли.

— Все сотрудники внизу, на допросе. Дают показания. Я чуть с ума не сошел, пытаясь вас разыскать. Оно выглядело довольно странным, это ваше отсутствие.

— Мое отсутствие?

Бейли был вне себя от возмущения.

— Как и отсутствие любого другого. Это дело рук нашего сотрудника, и всем нам это чертовски дорого обойдется. Какая ужасная неприятность! Какая ужасная, отвратительная неприятность!

Эндерби вскинул руки, словно взывая к небесам, и тут его взгляд упал на Р. Дэниела.

«Впервые ты смотришь работу прямо в лицо. Смотри хорошенько, Джюлиус!» — мысленно приказал Бейли с сарказмом.

— Ему тоже придется дать показания, — сказал комиссар, понизив голос. — Даже мне пришлось это сделать. Мне!

Бейли встряхнул головой, как бы приходя в себя.

— Послушайте, комиссар, почему вы так уверены, что Р. Сэмми не вышел из строя сам по себе? Почему вы считаете, что его уничтожили умышленно?

Комиссар тяжело опустился на стул.

— Спросите у него, — сказал он и указал на доктора Джерриджела.

Доктор Джерриджел откашлялся.

— Не знаю, с чего и начать, мистер Бейли. Судя по выражению вашего лица, вы удивились, увидев меня здесь.

— Немного, — признался Бейли.

— Видите ли, мне незачем было торопиться назад в Вашингтон; к тому же в Нью-Йорке я бываю достаточно редко, поэтому мне захотелось остаться здесь еще на некоторое время. И самое главное, меня не покидала мысль о том, что с моей стороны было бы просто преступлением покинуть Город, не сделав хотя бы еще одной попытки получить разрешение на осмотр вашего потрясающего робота. Кстати (ему просто не терпелось добраться до Дэниела), я вижу, он с вами.

Бейли беспокойно заерзal на стуле.

— Это совершенно исключено.

На лице роботехника отразилось разочарование.

— Естественно, не сейчас. Но, может быть, позже? — На лице Бейли не дрогнул ни один мускул. — Я звонил вам, — продолжал доктор Джерриджел, — но вас не было на месте, и никто не знал, где вас можно найти. Я обратился к комиссару, и он предложил мне прийти в Главное управление и подождать вас здесь.

— Я подумал, что это может быть весьма важно. Я знал, что вы хотели его видеть, — поспешил вставил комиссар.

— Благодарю, — кивнул Бейли.

— К несчастью, — продолжал Джерриджел, — моя указка-гид оказалась не совсем исправной, а может быть, из-за своего волнения я неверно оценил ее температуру. Так или иначе, я ошибся поворотом и оказался в небольшой комнате...

— На одном из складов фотоматериалов, Лайдж, — снова перебил комиссар.

— Да, — подтвердил доктор Джерриджел, — и там, на полу, распластавшись во весь рост, лежал робот. После беглого осмотра мне стало совершенно ясно, что он необратимо деактивирован. Так сказать, мертв. Не составляло особого труда определить также и причину деактивации.

— И какова же она? — насторожился Бейли.

— В правой руке робота, — продолжал доктор Джерриджел, — был зажат блестящий продолговатый предмет около двух дюймов в длину и полдюйма в ширину со слюдяным окошечком на конце. Этой рукой робот касался своей головы, как будто это прикосновение было его последним действием. Предмет, зажатый в его руке, оказался не чем иным, как альфа-излучателем. Полагаю, вы знаете, что это такое?

Бейли кивнул. Это он знал без всяких словарей и справочников. Еще на лабораторных занятиях по физике ему не раз приходилось пользоваться этим прибором. У него был корпус из свинцового сплава с узким каналом посередине, в основании которого находилось некоторое количество соли плутония. С другого конца канал закрывался слюдяным экраном, пропускающим альфа-частицы. Именно сквозь него шел наружу поток **жесткого излучения**.

Альфа-излучатель широко использовался для самых разнообразных целей, но отнюдь не предназначался для уничтожения роботов.

— Насколько я понимаю, он приложил его к голове слюдяным концом, — сказал Бейли.

— Да, и тут же последовала немедленная дезориентация всех путей его позитронного мозга. Мгновенная смерть, так сказать.

Бейли повернулся к бледному комиссару.

— Ошибки быть не может? Это действительно был альфа-излучатель?

Комиссар кивнул, выпятив свои полные губы.

— Ошибка абсолютна исключена. Счетчики среагировали на него с десяти футов. Фотопленка в комнате оказалась засвеченной.

Он помолчал немного, как будто обдумывал сказанное еще раз, затем резко сказал:

— Доктор Джерриджел, боюсь, вам придется на день-два задержаться в Городе, пока мы не запишем ваши показания на струнную пленку. Я распоряжусь, чтобы вас проводили в отдельную комнату. Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы вас охраняли?

— Вы думаете, в этом есть необходимость? — боязливо спросил доктор Джерриджел.

— Так безопаснее.

Доктор Джерриджел пожал всем руки, в том числе и Р. Дэниела, и вышел.

Комиссар тяжело вздохнул:

— Здесь замешан кто-то из своих, Лайдж. Это беспокоит меня больше всего. Посторонний не явился бы в департамент лишь для того, чтобы прикончить робота. Их хватает и снаружи, да там и безопаснее. И потом, это должен быть человек, имеющий доступ к альфа-излучателям. Они просто так на дороге не валяются.

Неожиданно взволнованные слова комиссара перекрыл спокойный, ровный голос Р. Дэниела:

— Но каковы мотивы этого убийства?

Комиссар посмотрел на Р. Дэниела с явной неприязнью и отвернулся.

— Мы тоже люди. Думаю, полицейские любят роботов не больше, чем все остальные. Р. Сэмми не стало, и,

может быть, у кого-то на душе стало легче. Помните, Лайдж, как сильно он раздражал вас?

— Вряд ли это может служить поводом для убийства, — возразил Р. Дэниел.

— Конечно, нет, — решительно подтвердил Бейли.

— Это не убийство, — заявил комиссар. — Это порча имущества. Давайте называть вещи своими именами, в соответствии с нашим законодательством. Вся загвоздка лишь в том, что это преступление было совершено в департаменте. В любом другом месте на это не обратили бы никакого внимания. Никакого. А теперь может разразиться невероятный скандал. Лайдж!

— Да?

— Когда вы видели Р. Сэмми в последний раз?

— Р. Дэниел разговаривал с Р. Сэмми после обеда. Это было где-то около тринадцати тридцати. Он договаривался насчет использования вашего кабинета, комиссар.

— Моего кабинета? Зачем?

— Мне нужно было обсудить наедине с Р. Дэниелом некоторые детали, касающиеся нашего расследования. Вас на месте не было, так что мы решили воспользоваться вашим кабинетом.

— Ясно.

На лице комиссара отразилось сомнение, но он не стал заострять на этом внимание.

— Значит, вы сами его не видели?

— Нет, но я слышал его голос где-то час спустя.

— Вы уверены, что это был он?

— Абсолютно.

— Это было около четырнадцати тридцати?

— Или немного раньше.

Комиссар в задумчивости закусил нижнюю губу.

— Что ж, одно мне стало ясно.

— В самом деле?

— Да. Этот мальчишка, Винсент Барретт, был сегодня здесь. Вы знали об этом?

— Да, но, комиссар, он не смог бы сделать ничего подобного.

Комиссар поднял глаза на Бейли.

— А почему бы и нет? Р. Сэмми отнял у него работу. Я вполне понимаю его чувства. Он наверняка считает, что с ним поступили несправедливо. Наверняка хотел

как-нибудь отомстить. Как и любой другой на его месте. Но дело в том, что он покинул здание в четырнадцать часов, а вы слышали голос Р. Сэмми в четырнадцать тридцать. Конечно, он мог передать Р. Сэмми альфа-излучатель раньше и приказать, чтобы тот применил его через час, но в таком случае встает вопрос: где он мог достать альфа-излучатель? Вот это настоящая головоломка! Давайте-ка вернемся к Р. Сэмми. Что он сказал вам, когда в четырнадцать тридцать вы услышали его голос?

Какое-то мгновение Бейли колебался, затем осторожно сказал:

- Не помню. Вскоре после этого мы ушли.
- Куда вы направились?
- В Иист-таун. Кстати, я бы хотел поговорить с вами об этом.
- Потом, потом... — Комиссар потер подбородок. — Как выясняется, сегодня здесь была Джесси. Видите ли, мы устанавливали личности всех сегодняшних посетителей, и я случайно увидел ее имя.
- Да, она заходила сюда, — холодно ответил Бейли.
- Зачем?
- Семейные проблемы.
- Ей тоже придется дать показания. Это чистая формальность.
- Я понимаю, комиссар. Между прочим, как насчет альфа-излучателя? Установили, откуда он?
- О да. Он с одной из силовых станций.
- Как они объясняют его пропажу?
- Не имеют ни малейшего представления. Послушайте, Лайдж, кроме того, что вам придется дать показания, это происшествие не имеет к вам лично никакого отношения. Занимайтесь своим делом. Только и всего... Занимайтесь своим расследованием.
- Разрешите мне дать свои показания попозже, комиссар? Дело в том, что я умираю от голода, — сказал Бейли.

Комиссар Эндерби пристально посмотрел на Бейли сквозь очки.

- Непременно поешьте. Только, пожалуйста, не выходите из управления. А ваш напарник прав, Лайдж (он, казалось, избегал прямого обращения и даже упо-

минания имени робота). Мотив — вот что нам нужно найти. Мотив...

Внезапно Бейли почувствовал, как похолодело у него внутри. Как будто что-то вне его, что-то совершен-но чуждое ему подхватило события сегодняшнего дня, и вчера~~ш~~шнего, и позавчерашнего и стало жонглировать ими. Отдельные факты снова стали увязываться между собой, и снова стала вырисовываться некая картина.

— С какой силовой станции этот альфа-излучатель, комиссар?

— С Уильямсбургской, а что?

— Нет-нет, ничего...

Последнее, что Бейли услышал, выходя из кабинета вместе с Дэниелом, шедшим за ним по пятам, было бормотание комиссара:

— Да, мотив, мотив...

Бейли сидел за своим скромным ужином в маленьком, редко использовавшемся буфете департамента. Он поглощал фаршированные помидоры с салатом, не замечая, что ест, и, даже когда от ужина уже ничего не осталось, его вилка некоторое время бесцельно скользила по гладкой поверхности картонной тарелки, машинально ища то, чего там уже не было. Наконец он пришел в себя и, негромко чертыхнувшись, положил вилку на стол.

— Дэниел! — позвал он робота.

Р. Дэниел все это время сидел за соседним столиком, словно хотел оставить своего явно озабоченного партнера в покое или же нуждался в уединении сам. В любом случае, Бейли это нисколько не интересовало.

Дэниел поднялся, подошел к столику Бейли и сел рядом.

— Да, коллега Элайдж?

— Дэниел, мне нужна ваша помощь, — сказал Бейли, глядя прямо перед собой.

— Какая?

— Меня и Джесси будут допрашивать. Это несомненно. Позвольте мне отвечать на вопросы так, как я сочту нужным. Вы меня поняли?

— Конечно, я вас отлично понял. И все-таки, если мне зададут прямой вопрос, я смогу сказать только правду.

— Если вам зададут прямой вопрос, тогда совсем другое дело. Единственное, о чем я прошу, чтобы вы не проявили собственной инициативы. Вы ведь можете это сделать?

— Думаю, что могу, Элайдж, если только не окажется, что молчанием я причиняю вред человеческому существу.

— Если вы вмешаетесь в разговор, то вы причините вред мне. Это уж точно.

— Я не совсем понимаю вашу точку зрения, коллега Элайдж. Наверняка дело Р. Сэмми не имеет к вам никакого отношения.

— В самом деле? Все упирается в мотив преступления, не так ли? Вы сами спрашивали о мотиве. О том же говорил комиссар. Если на то пошло, я сам задаюсь этим вопросом. Зачем кому-то понадобилось убивать Р. Сэмми? Заметьте, речь не о том, кто мог иметь желание расправиться с роботом вообще. Практически, любой землянин мог решиться на это. Вопрос в том, кому нужно было уничтожить именно Р. Сэмми. Винсенту Барретту? Возможно, но комиссар сказал, что парень не мог бы достать альфа-излучатель, и босс прав. Надо искать в другом месте, и получается так, что еще у одного человека такой мотив есть. Его невозможно не заметить. Он очевиден. Он просто кричит о себе.

— Кто этот человек, Элайдж?

И Бейли едва слышно ответил:

— Я, Дэниел.

Бесстрастное лицо Р. Дэниела ничуть не изменило своего выражения даже после такого заявления. Он лишь слегка покачал головой.

— Вы не согласны, — продолжал Бейли. — Сегодня сюда приходила моя жена. Они уже об этом знают. И комиссар этим весьма заинтересовался. Не будь он моим другом, он так быстро бы не отстал. Теперь они узнают, почему она приходила. В этом можно не сомневаться. Она участвовала в заговоре, глупом и безобидном, но все-таки заговоре. Не стоит и говорить, что значит для полицейского иметь жену, которая замешана в подобных делах. Поэтому было бы явно в моих интересах позаботиться о том, чтобы замять это дело... Так, кто знал об этом? Естественно, мы с вами, Джесси

и... Р. Сэмми. Он видел, что она **была** на грани истерики. А уж когда он передал ей наше распоряжение никого в кабинет не пускать, она, вероятно, совсем потеряла контроль над собой. Вы видели, в каком она была состоянии.

— Вряд ли она сказала ему что-нибудь компрометирующее вас.

— Может быть, и так. Но я пытаюсь восстановить события так, как это будут делать они. Скажут, что она проговорилась. В этом заключается мой мотив. Я убил его, чтобы он не поднял шума.

— Они так не подумают.

— Именно так они и подумают. Убийство организовали специально для того, чтобы бросить подозрение на меня. Зачем, например, было использовать альфа-излучатель? Ведь это довольно рискованно. Его трудно достать, зато легко установить, где его взяли. Я думаю, именно поэтому им и воспользовались. Убийца даже приказал Р. Сэмми отправиться в фотохранилище и прикончить себя там. Совершенно ясно, для чего это было сделано. Чтобы орудие убийства не вызывало никаких сомнений. Даже если бы все оказались настолько несведущими, чтобы тут же не узнать альфа-излучатель, кто-нибудь непременно обнаружил бы, что фотопленка засвечена.

— Но какое отношение все это имеет к вам, Элайдж?

Бейли скованно усмехнулся, но было видно, что ему совсем не до смеха.

— Самое прямое. Альф излучатель был взят на Уильямсбургской силовой станции. Вчера мы с вами проходили через эту станцию. Нас видели, и это легко выплынет наружу. Посещение станции дает мне возможность завладеть орудием преступления. И может статься, что мы были последними, кто видел Р. Сэмми в живых, за исключением настоящего убийцы, конечно.

— Я был с вами на силовой станции и могу засвидетельствовать, что у вас не было возможности украсть альфа-излучатель.

— Спасибо, — печально сказал Бейли. — Но вы — робот, и ваши показания не будут иметь силы.

— Комиссар — ваш друг. Он прислушается к моим словам.

— Комиссар держится за свою работу, а от меня у него одни неприятности. У меня есть лишь один **выход** из всей этой истории.

— Да?

— Я спрашиваю себя: «Зачем меня пытаются впутать в это дело?» Очевидно, чтобы избавиться от меня. Но почему? Опять же очевидно: потому что я для кого-то опасен. Все мои усилия приводят к тому, что я становлюсь предельно опасным для тех, кто убил доктора Сартона. Возможно, это медиевисты или, по крайней мере, какая-то их группировка. Члены этой группировки как раз и могли знать, что я побывал на силовой станции; вполне возможно, что хотя бы один из них все-таки проследил меня до станции, несмотря на то что вам и казалось, будто мы оторвались от преследования.

Итак, выход заключается в том, чтобы найти **убийцу** доктора Сартона, тем самым я найду того или тех, кто пытается убрать меня с пути. Если я все как следует продумаю, если я разгадаю эту загадку, если только я смогу раскрыть это дело, я спасен. И Джесси тоже. Я бы не вынес, если б она... Но у меня мало времени. — Его кулак судорожно сжимался и разжимался. — у меня чертовски мало времени.

С неожиданной вспышкой надежды Бейли посмотрел на точеное лицо Р. Дэниела. Чем бы ни было это создание, оно сильное и верное, свободное от всякого эгоизма. Чего еще требовать от друга? А Бейли сейчас нужен преданный друг, и ему абсолютно все равно, что вместо сердца у этого друга какой-то механизм.

— К сожалению, Элайдж, я не ожидал, что **все** так получится, — сказал робот, качая головой; на его лице при этом не было и тени сожаления, что было естественно. — Возможно, я действовал вам в ущерб. Мне очень жаль, но это необходимо для общего блага.

— Что за общее благо? — запинаясь спросил Бейли.

— Я связался с доктором Фастольфом.

— О Господи! Когда?

— Пока вы ели.

Бейли стиснул зубы.

— Ну? — выдавил он из себя. — Что случилось?

— Вам придется доказывать свою невиновность в убийстве Р. Сэмми каким-нибудь другим способом, не продолжая расследования убийства моего конструктора, доктора Сартона. На основании представленной мной информации наши люди в Космотауне решили сегодня прекратить расследование и начать подготовку к ~~сворачиванию~~ Космотауна и эвакуации с Земли.

Глава 17

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЕКТА

Бейли безучастно посмотрел на свои часы. Через два часа с четвертью наступит полночь. Сегодня он встал, когда не было еще и шести, и вот уже два с половиной дня, как он находился в постоянном напряжении. Его охватило смутное ощущение нереальности всего происходящего.

Он достал свою трубку и небольшой кисет, в котором еще оставались драгоценные крупицы табака, и, с трудом сдерживая дрожь в голосе, спросил:

— Что все это значит, Дэниел?

— Вы не понимаете? Разве это не ясно?

— Я не понимаю, — терпеливо проговорил Бейли. — Мне не ясно.

— Мы находимся здесь, под «мы» я имею в виду жителей Космотауна, для того, чтобы разбить оболочку, окружающую Землю, и вовлечь землян в процесс освоения новых планет.

— Это я знаю. Пожалуйста, не вдавайтесь в подробности.

— Без них не обойтись, поскольку то, что я хочу сказать, очень важно. Если мы и стремились наказать убийцу доктора Сартона, то, как вы сами понимаете, не потому, что надеялись тем самым вернуть доктора Сартона к жизни, а лишь по той причине, что неудача в расследовании усилила бы позиции тех наших политиков, которые выступают против идеи Космотауна.

— А теперь, — с неожиданной ожесточенностью проговорил Бейли, — вы вдруг по собственной воле собираетесь отправиться восвояси. Но почему? Ради

всего святого, почему? Разгадка дела Сартона близка. Она очень близка, иначе они не лезли бы из кожи вон, чтобы расправиться со мной. Я чувствую, что в моих руках есть все необходимые факты. Ответ должен быть где-то здесь, — он неистово постучал по виску костяшками пальцев. — Какая-нибудь одна фраза, одно слово — и разгадка найдена!

Он крепко зажмурил глаза, будто надеялся, что непроницаемая пелена, сквозь которую он пробирался на ощупь вот уже третьи сутки, наконец развеется и все прояснится. Но этого не произошло. Этого не произошло!

Бейли глубоко вздохнул. Ему стало неловко за себя. Расхныкался перед холодной бесчувственной машиной, которая только и могла, что молча плятиться на него.

— Ладно, не обращайте внимания, — хрипло сказал он. — Так почему все-таки космониты уходят?

— Наш проект завершен. Мы убеждены, что Земля начнет колонизацию.

— Выходит, вы превратились в оптимистов?

Сыщик сделал первую успокаивающую затяжку и почувствовал, что постепенно начинает овладевать собой.

— Да. Мы, жители Космотауна, уже долгое время пытаемся изменить Землю, меняя ее экономику. Мы пытались внедрить здесь свою собственную *C/Fe*-культуру. Правительство вашей планеты, а также правительства различных Городов сотрудничали с нами, подчиняясь необходимости. И все же за эти двадцать пять лет мы ничего не сумели добиться. Чем больше мы прилагали усилий, тем сильнее становилось движение медиевистов.

— Все это мне известно, — заметил Бейли и тут же подумал: «Бесполезно. Он все равно будет рассказывать все по порядку. Его не остановишь. Вот чертова машина!»

Тем временем Р. Дэниел продолжал:

— Именно доктор Сартон первым предложил коренным образом изменить нашу тактику и создал новую теорию, по которой мы должны были найти среди населения Земли людей, желавших того же, что и мы, или способных увлечься нашими идеями. Всячески поддерживая их, мы могли бы добиться того, что новое

движение разрасталось бы изнутри, а не насаждалось извне. Главная трудность заключалась в том, чтобы отыскать таких людей. Вы сами, Элайдж, стали объектом интересного эксперимента.

— Я? Я? Как так? — удивился Бейли.

— Мы были рады, что комиссар порекомендовал именно вас. Судя по вашему психическому профилю, мы поняли, что вы подходящий субъект. Цереброанализ, которому я вас подверг при нашей первой встрече, подтвердил наше суждение. Вы человек практического склада ума, Элайдж. Вы не предаетесь ностальгическим мечтаниям о прошлом Земли, хотя и проявляете к нему здоровый интерес. С другой стороны, вас не мазовешь слепым сторонником современной городской культуры. Мы думаем, что люди, подобные вам, могли бы снова повести землян к звездам. В этом и заключается одна из причин того, что доктор Фастольф хотел встретиться с вами вчера утром.

Надо сказать, ваша практичность доведена до крайности. Вы отказываетесь понимать, что фанатическое служение идеалу, даже ошибочному идеалу, может заставить человека совершать поступки, на которые в обычных условиях он абсолютно не способен. Например, пересечь ночью открытое пространство, чтобы уничтожить того, кто, по его мнению, является злейшим врагом его дела. Поэтому мы не были слишком удивлены, когда вы так упорно и дерзко пытались доказать фальсификацию убийства. В каком-то смысле это подтвердило, что вы как раз тот человек, который и нужен для нашего эксперимента.

— Какого эксперимента, черт возьми?

Бейли стукнул кулаком по столу.

— Эксперимента, цель которого заключалась в том, чтобы убедить вас, будто колонизация разрешит проблемы Земли.

— Что ж, должен признаться, вы убедили меня.

— Да, но под воздействием соответствующего наркотика.

Зубы Бейли разжались, и он на лету поймал выпавшую изо рта трубку. Перед ним снова возникла сцена в куполе Фастольфа. Вот он с трудом приходит в себя от шока, вызванного тем, что Р.Дэниел оказался в

конце концов роботом; вот гладкие пальцы Р. Дэниела оттягивают кожу на его руке; вот темным пятном пропадает сквозь его кожу и затем исчезает гипокапсула.

— Что было в гипокапсule? — спросил он прерывающимся голосом.

— Ничего старшного, Элайдж. Слабый наркотик, предназначенный лишь для усиления восприимчивости вашего мозга.

— Потому-то я и принимал на веру все, что мне говорили. Так получается?

— Не совсем. Вы отказывались верить тому, что было чуждо образу вашего мышления. В сущности, результаты эксперимента оказались разочаровывающими. Доктор Фастольф надеялся, что вы станете фанатичным сторонником нашей идеи. Вместо этого вы выражали лишь отдаленное одобрение, не больше. Мешал ваш практичный ум. Это заставило нас прийти к выводу, что единственная наша надежда — это романтически настроенные люди, но, к сожалению, почти все романтики участвуют в медиевистском движении или симпатизируют ему.

Бейли почувствовал невольную гордость за себя, он радовался своему упрямству и был счастлив, что разочаровал их. Пусть экспериментируют на ком-нибудь другом.

Он не без злорадства усмехнулся:

— И вот теперь вы отступились и решили отправиться восьмояси?

— Нет, это не так. Я только что сказал, что мы убеждены в том, что Земля начнет колонизацию. И именно вы вселили в нас эту уверенность.

— Я? Каким образом?

— Вы говорили с Фрэнсисом Клаусарром о преимуществах колонизации. Насколько я могу судить, вы говорили с увлечением. Эксперимент над вами помог добиться хотя бы этого. И церебральные характеристики Клаусарра изменились. Очень незначительно, конечно, но изменились.

— Вы хотите сказать, что я убедил его в своей правоте? Не верю.

— Нет, убежденность так легко не приходит. Но церебральные изменения определенно показали, что ум медиевистов открыт для такого убеждения. Затем я сам

провел еще один эксперимент. Когда мы возвращались из Йист-тауна, я пытался по его церебральным изменениям догадаться о том, что между вами произошло, и подал ему идею о школе для эмигрантов в качестве способа обеспечения будущего его детей. Он отверг эту мысль, но и на этот раз его ментальное поле изменилось, и мне стало совершенно ясно, что я избрал правильный метод убеждения. — Немного помолчав, Дэниел заговорил снова: — То, что вы называете медиевизмом, есть не что иное, как стремление к новому. Оно обращено к Земле; это естественно: она близко, и у нее есть великое прошлое. Нечто подобное представляет собой и видение новых миров, и оно легко может увлечь романтически настроенную натуру. Возьмите Клаусарра, для которого оказалось достаточно всего лишь одной беседы с вами.

Так что, как видите, космониты, сами не зная того, уже достигли успеха. Скорее всего, землян раздражают не наши идеи, а мы сами. Из-за нас романтические настроения на Земле оформились в идеологию медиевизма, а сами романтики объединились в организацию. В конце концов, именно медиевисты хотят разрушить установившиеся традиции, а не городские власти, больше всех заинтересованные в сохранении существующего порядка. Если мы сейчас свернем Космотаун, то больше не будем раздражать медиевистов своим затянувшимся присутствием, и они не успеют окончательно замкнуться на своих идеях на Земле, и только на Земле. Мы оставим после себя несколько подобных мне роботов, которые вместе с сочувствующими землянами, такими, как вы, смогут создать школы для тех, кто отправится осваивать новые миры, и медиевист со временем отвернется от Земли. Ему понадобятся роботы, и он либо получит их от нас, либо построит свои собственные. Он создаст культуру *C/Fe* по своему собственному вкусу. — Для Р. Дэниела это была необычно длинная речь. Видимо, он и сам это понял, так как после очередной паузы сказал: — Я говорю вам все это, чтобы объяснить, почему необходимо сделать то, что может повредить лично вам.

Бейли с горечью подумал: «Робот не должен причинять вреда человеку, если только не сможет доказать, что в конечном счете он делает это ему во благо».

— Минутку. Позвольте мне высказать одно практическое соображение. Вот вы вернетесь в ваши Миры и заявите, что землянин убил космонита и остался ненаказанным. Внешние Миры потребуют от Земли компенсацию. Хочу вас предупредить: возникнут крупные неприятности, ибо Земля больше не намерена сносить подобное обращение.

— Я уверен, что этого не случится, Элайдж. Те представители Внешних Миров, кто наиболее заинтересован в предъявлении претензий Земле, в не меньшей степени заинтересованы в том, чтобы положить конец Космотауну. Мы легко можем предложить последнее в обмен на отказ от первого. Во всяком случае, это мы и собираемся сделать. Земля будет оставлена в покое.

И тут Бейли прорвало. Он заговорил охрипшим от внезапно охватившего его отчаяния голосом.

— А что будет со мной? Комиссар немедленно прекратит расследование убийства доктора Сартона, если этого захочет Космотаун. Но расследование по делу Р. Сэмми обязательно будет продолжено, поскольку речь идет о коррупции внутри департамента. Тот, кто все это устроил, в любой момент появится в департаменте с кучей улиks против меня. Я это знаю. Все было подстроено нарочно. Меня деклассифицируют, Дэниел. А что будет с Джесси? Ее заклеймят как преступницу. И еще Бентли...

— Не думайте, Элайдж, — перебил его Р. Дэниел, — что я не понимаю, в каком положении вы оказались. Но во имя блага всего человечества приходится мириться с личными невзгодами. У доктора Сартона остались жена, двое детей, родители, многочисленные друзья. Все они скорбят о его смерти и будут опечалены тем, что его убийца остался ненаказанным.

— В таком случае почему не остаться и не найти его?

— В этом больше нет необходимости.

— Тогда признайтесь, что все расследование с самого начала было лишь предлогом для изучения нас в экстремальных условиях, — с горечью сказал Бейли. —

Вам всегда было наплевать на то, кто убил доктора Сартона.

— Нам бы хотелось узнать, — холодно возразил Р. Дэниел, — но мы никогда не сомневались насчет того, что важнее: отдельный человек или человечество. Продолжение расследования в настоящее время привело бы к нарушению создавшегося положения дел, которое мы находим удовлетворительным. Мы не можем предугадать, какой вред могли бы причинить наши действия.

— Вы хотите сказать, что убийцей может оказаться какой-нибудь выдающийся медиевист, а в данный момент космониты не хотят делать ничего, что может вызвать враждебность со стороны их новых друзей?

— Я бы так не сказал, но в ваших словах есть доля правды.

— Куда подевалась ваша цепь справедливости, Дэниел? Разве это справедливость?

— Существуют различные степени справедливости, Элайдж. Когда меньшая не совместима с большей, она должна уступить.

Казалось, будто ум Бейли кружил вокруг непробиваемой логики позитронного мозга Р. Дэниела, стараясь найти в нем хоть одну лазейку, хоть какое-нибудь слабое место.

— А разве вам самому не любопытно, Дэниел? Вы назвали себя детективом. Знаете ли вы, что это такое? Понимаете ли вы, что расследование — это больше чем просто работа? Это вызов. Столкновение твоего разума с разумом преступника. Борьба интеллектов. Разве вы можете покинуть поле сражения и признать себя побежденным?

— Конечно, если продолжение не служит стоящей цели.

— И вам не будет жалко? Не будет интересно? Разве у вас не возникнет чувство разочарования? Неудовлетворенного любопытства?

С самого начала у Бейли еще была небольшая надежда, что ему удастся уговорить робота, но пока он говорил, она совсем ослабла. Слово «любопытство», произнесенное им второй раз, вызвало в памяти его собственные слова, сказанные Фрэнсису Клаусарру че-

тыре часа назад. Тогда он достаточно хорошо знал те качества, которые отличают человека от машины. И любопытство, конечно же, было одним из них. Любому полугорамесчному котенку знакомо это чувство, но разве может быть любопытной машина, пусть даже очень похожая на человека?

Р. Дэниел эхом отозвался на мысли Бейли:

— Что вы подразумеваете под любопытством?

Бейли постарался представить это понятие в наилучшем свете:

— Любопытством мы называем желание расширить свои знания.

— Во мне существует такое желание, когда расширение знаний необходимо для выполнения полученной задачи.

— Да, — с сарказмом проговорил Бейли, — когда, например, вы расспрашиваете о контактных линзах Бентли, чтобы побольше разузнать о своеобразных нравах землян.

— Именно, — подтвердил Р. Дэниел, совершенно не почувствовав сарказма в словах Бейли. — Однако бесцельное расширение знаний, что, я думаю, вы в действительности подразумеваете под словом «любопытство», является лишь проявлением неэффективности. А я сконструирован так, чтобы избегать неэффективных действий.

Вот тут-то к Элайджу Бейли и пришла та одна долгожданная фраза, которой ему так недоставало. Окутывавшая его непроницаемая пелена задрожала и рассеялась, и постепенно все начало проясняться.

Пока Р. Дэниел говорил, рот Бейли открылся, да так и остался в этом положении. У него не могла сразу же сложиться полная, ясная картина всего происшедшего. Так не бывает. Где-то глубоко в своем подсознании он восстанавливал ее, восстанавливал тщательно, не упуская ни одной детали, но все время наталкивался на одно-единственное противоречие. Одно противоречие, которое не обойдешь и от которого не отмахнешься. Пока оно существовало, выстроенная им версия оставалась похороненной под его мыслями, не досягаемой для его сознательного анализа.

Но вот последняя недостающая деталь стала на свое место; противоречие исчезло: разгадка наконец найдена.

Наступившее просветление, казалось, придало Бейли новые силы. По крайней мере, он неожиданно понял, в чем должна заключаться слабость Р. Дэниела, слабость любой думающей машины. Он с надеждой подумал: «Эта штуковина должна понимать все буквально».

— Значит, проект космонитов завершается сегодня, а с ним прекращается и расследование убийства доктора Сартона. Верно? — спросил Бейли.

— Таково решение наших людей в Космотауне, — спокойно согласился Р. Дэниел.

— Но сегодняшний день еще не закончился. — Бейли посмотрел на часы. — До полуночи еще полтора часа.

Р. Дэниел ничего на это не ответил. Казалось, он над чем-то задумался.

— Значит, до полуночи проект остается в силе, — заторопился Бейли. — Вы мой напарник, и расследование продолжается. — В спешке он говорил так, будто отбивал телеграмму. — Давайте действовать как прежде. Позвольте мне работать. Вашим это не повредит. Это им только поможет. Даю слово. Если, по-вашему, я начну делать что-то не то, остановите меня. Я прошу лишь полтора часа.

— Все, что вы сказали, верно, — ответил наконец робот. — Сегодняшний день еще не закончился. Я не подумал об этом, коллега Элайдж.

Итак, Бейли снова стал «коллегой Элайджем». Он усмехнулся и спросил:

— Когда я был в Космотауне, доктор Фастольф, кажется, упомянул о фильме, заснятом на месте преступления?

— Да, упомянул, — подтвердил Р. Дэниел.

— Вы можете достать копию?

— Да, коллега Элайдж.

— Я имею в виду, сейчас. Немедленно!

— Через десять минут, если я смогу воспользоваться передатчиком департамента.

Меньше чем через десять минут, Бейли пристально разглядывал маленький алюминиевый кубик, который держал в дрожащих руках. Внутри его в определенном

атомарном рисунке отпечатались слабые сигналы, переданные из Космотауна.

И в этот момент в дверях появился комиссар Джюлиус Эндерби. Он увидел Бейли, и выражение беспокойства на его круглом лице уступило место крайнему негодованию.

— Послушайте, Лайдж, вы тратите на еду черт знает сколько времени.

— Я ужасно устал, комиссар. Прошу прощения, если я задержал вас.

— Я бы ничего не имел против, но... Лучше пройдемте в мой кабинет.

Бейли бросил быстрый взгляд на Р. Дэниела, но тот отвернулся. Все вместе они вышли из буфета.

Джулиус Эндерби тяжелой поступью ходил взад-вперед перед своим столом. Бейли, сам едва сохранявший внешнее спокойствие, наблюдал за ним, время от времени поглядывая на часы. Было двадцать два часа сорок пять минут.

Комиссар сдвинул очки на лоб и потер глаза, оставив вокруг них красные пятна. Затем опустил очки и, быстро моргая, уставился из-под них на Бейли.

— Лайдж, — внезапно сказал он, — когда вы были на Уильямсбургской силовой станции в последний раз?

— Вчера, после того как ушел из департамента. Примерно в шесть вечера или немного позднее.

Комиссар покачал головой.

— Почему вы не сообщили об этом?

— Я как раз собирался это сделать. Я ведь еще не давал официальных показаний.

— Что вы там делали?

— Просто проходил через станцию по пути к нашему временному жилью.

Комиссар резко остановился перед Бейли.

— Не говорите ерунды, Лайдж. Никто не станет проходить через силовую станцию, просто чтобы сократить путь домой.

Бейли пожал плечами. Не было смысла заводить разговор о том, как их преследовали медиевисты и как они бежали по полосам. Во всяком случае, не сейчас.

— Если вы пытаетесь намекнуть, что у меня была возможность взять альфа-излучатель, которым уничто-

жили Р. Сэмми, то я хочу напомнить вам, что со мной был Дэниел и он подтвердит, что я прошел через станцию не останавливаясь и что у меня не было никакого альфа-излучателя, когда я оттуда вышел.

Комиссар медленно опустился на стул. Он не смотрел в сторону Р. Дэниела и не пытался заговорить с ним. Он положил свои белые пухлые руки на стол прямо перед собой и стал рассматривать их с выражением крайнего страдания на лице.

— У меня нет слов, Лайдж. Я просто не знаю, что и подумать. Ведь ваш... ваш напарник не может подтвердить ваше алиби. Его показания не имеют силы.

— И все-таки я отрицаю, что взял альфа-излучатель.

Пальцы комиссара переплелись между собой и снова расплелись.

— Лайдж, зачем сюда сегодня приходила Джесси?

— Вы уже спрашивали об этом, комиссар. Ответ тот же. Семейные проблемы.

— У меня есть показания Фрэнсиса Клаусарра, Лайдж.

— Какие?

— Он утверждает, что Джезебел Бейли является членом общества медиевистов, цель которого — насилиственное свержение правительства.

— Вы уверены, что речь идет о Джесси? В Городе много женщин по фамилии Бейли.

— Но не по имени Джезебел.

— Он назвал ее этим именем?

— Он сказал «Джезебел». Я сам это слышал, Лайдж. Я присутствовал при этом.

— Ладно. Пусть Джесси и была членом этого безобидного общества ненормальных. Она лишь посещала собрания и теперь ужасно раскаивается.

— Кассационная коллегия посмотрит на это иначе, Лайдж.

— Вы хотите сказать, что меня отстранит от работы и будут содержать под стражей по подозрению в уничтожении государственной собственности в виде Р. Сэмми?

— Надеюсь, что нет, Лайдж, но выглядит все ужасно скверно. Все знают, что вы недолюбливали Р. Сэмми. Сегодня с ним разговаривала ваша жена, и это видели. Она была в слезах, и наши сотрудники слышали неко-

торые ее реплики. Сами по себе они были безобидны, но ведь нетрудно понять, что за ними стоит, Лайдж. У вас могло возникнуть чувство, что оставлять такого свидетеля опасно. К тому же у вас была возможность достать орудие преступления...

— Если бы я хотел уничтожить все свидетельства против Джесси, — перебил его Бейли, — разве я привел бы сюда Фрэнсиса Клаусарра? Кажется, он знает о ней гораздо больше, чем мог бы знать Р. Сэмми. И еще. Я проходил по силовой станции за восемнадцать часов до того, как Р. Сэмми говорил с Джесси. Разве я мог знать заранее, что мне придется его уничтожить альфа-излучателем?

— Неплохие доводы, — заметил комиссар. — Я сделаю все, что смогу. Мне очень жаль, Лайдж.

— Да? Вы действительно верите, что это моих рук дело, комиссар?

Эндерби медленно произнес:

— Откровенно говоря, я не знаю, что и думать, Лайдж.

— В таком случае я скажу вам, что думать. Комиссар, все это тщательно подготовленная провокация против меня.

— Погодите, Лайдж, — холодно сказал комиссар. — Не бейте вслепую. С такой линией защиты вы ни от кого не дождитесь сочувствия. Слишком много негодяев использовали этот прием.

— А я и не нуждаюсь в сочувствии. Я просто говорю правду. Меня пытаются вывести из игры, чтобы помешать раскрыть убийство доктора Сартона. К сожалению, мой приятель-прокурор слишком поздно спохватился.

— Что?

Бейли посмотрел на часы. Было двадцать три ноль-ноль.

— Я знаю, кто пытается убрать меня с пути. Я знаю, как был убит доктор Сартон и кто это сделал, и у меня есть один час, чтобы рассказать вам об этом, поймать преступника и закончить расследование.

Глава 18

ОКОНЧАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Kомиссар Эндерби сощурил глаза и пристально посмотрел на Бейли.

— Что вы собираетесь делать? Вчера утром у Фасольфа вы уже пытались продемонстрировать нечто подобное. Пожалуйста, не повторяйтесь.

— Знаю, — кивнул Бейли. — В тот раз я ошибся. «Потом ошибся еще раз», — со злостью подумал он. — Но не теперь, уж на сей раз...» Посудите сами, комиссар, — продолжал он. — Допустим, что улики против меня подстроены. Попробуйте принять эту версию и посмотрите, куда она вас приведет. Спросите себя, кто мог это сделать. Очевидно, только тот, кто знал, что вчера вечером я был на Уильямсбургской станции.

— Хорошо. Кто это может быть?

— Из столовой за мной по пятам шла группа медиков. Мне показалось, что я сумел оторваться от них, но, судя по всему, один из них все-таки видел, как я прошел через станцию. Сделал я это, как вы сами понимаете, с единственной целью — окончательно запутать следы.

Комиссар задумался.

— Клаусарр? Он был с ними?

Бейли кивнул.

— Хорошо. Мы допросим его. Если ему что-то известно, мы вытянем из него признание. Что еще я могу сделать для вас, Лайдж?

— Погодите. Еще рано закругляться. Вы понимаете мою мысль?

— Что ж, давайте посмотрим, насколько я вас понял. — Комиссар снова сжал руку. — Клаусарр видел, как вы входили на силовую станцию в Уильямсбурге. Или, возможно, ему сообщил об этом кто-то из его группы. Он решил использовать этот факт, чтобы добиться вашего отстранения от расследования. Вы это имели в виду?

— Примерно.

— Хорошо, — оживился комиссар. — Естественно, он знал, что ваша жена — член его организации, и поэтому понимал, что вы сделаете все возможное, чтобы это не всплыло. Он думал, что вы скорее уйдете в отставку, чем станете опровергать косвенные улики против себя. Кстати, Лайдж, как насчет отставки? То есть, если дело действительно примет плохой оборот... Мы могли бы не поднимать шума...

— Ни за что на свете, комиссар...

Эндерби пожал плечами.

— Ну что ж. Так где я остановился? Ах да, итак, он достает альфа-излучатель — вероятно, через члена своей организации, работающего на станции, — а с помощью другого соучастника устраивает расправу над Р. Сэмми. — Эндерби слегка побарабанил по столу. — Ничего не выходит, Лайдж.

— Но почему?

— Слишком неестественно. Слишком много сообщников. И между прочим, он имеет железное алиби на ту ночь и утром, когда произошло убийство в Космотауне. Мы почти сразу же навели об этом справки. Правда, я был единственным, кто знал цель установления его местонахождения в то время.

— Я не говорил, что убийца — Клаусарр. Это ваше предположение, комиссар, — заметил Бейли. — Им мог быть любой медиевист. Клаусарр — лишь один из тех, кого узнал Р. Дэниел. Я даже не думаю, что он играет очень уж важную роль в организации. Хотя одна деталь мне кажется странной.

— Какая? — насторожился комиссар.

— Он заявил, что Джесси — член организации. Как вы думаете, он что, помнит всех членов организации поголовно?

— Не знаю. Во всяком случае, Джесси он знает. Может быть, он запомнил ее, потому что она жена полицейского.

— Так вы говорите, он сразу сознался и заявил, что Джезебел Бейли является членом организации. Так и сказал? Джезебел Бейли?

Эндерби кивнул:

— Я еще раз повторяю, я лично слышал его слова.

— Вот ведь какая странная штука, комиссар. Джесси отказалась от своего полного имени еще до того, как появился на свет Бентли. С тех пор она ни разу его не использовала. Это я знаю точно. Так же точно я знаю и то, что она вступила в организацию медиевистов много позже этого. В таком случае как же мог Клаусарр назвать ее Джезебел?

Комиссар покраснел и торопливо сказал:

— А, ну если все дело в этом, то, возможно, он сказал «Джесси». Я просто машинально записал ее полным именем. Да, действительно, я уверен, что он сказал «Джесси».

— До сих пор вы были абсолютно уверены, что он сказал «Джезебел». Я спрашивал вас несколько раз.

Комиссар повысил голос:

— Уж не хотите ли вы сказать, что я лгу?

— Я просто задаю себе вопрос: что если Клаусарр вообще ничего не говорил? Что если вы все это сочинили сами? Вы знакомы с Джесси уже лет двадцать, и уж кто-то, а вы-то знаете, что ее полное имя — Джезебел.

— Да вы с ума сошли, приятель!

— Неужели? Где вы были сегодня после обеда? Вас не было в департаменте, по крайней мере, часа два.

— Это что, допрос?

— Я могу ответить за вас. Вы были на Уильямсбургской силовой станции.

Комиссар вскочил от негодования. Его лоб покрылся испариной, на щеках проступили белые пятна.

— Что, черт возьми, вы здесь городите?

— Разве я не прав?

— Бейли, вы отстранены от работы. Сдайте мне свое удостоверение.

— Не сейчас. Сначала выслушайте меня.

— И ме подумаю. Вы виновны. Виновны, черт вас возьми, и еще смеете устраивать здесь этот дешевый спектакль, пытаешься приписать мне какие-то козни, которые я якобы строил против вас. — Его возмущенный голос сорвался на визгливой ноте, и, задыхаясь, он едва сумел выдавить из себя: — Считайте, что вы уже арестованы.

— Ничего подобного, — с трудом сдерживаясь, сказал **Бейли**. — Во всяком случае, пока. Я держу вас на прицеле, комиссар. Мне остается только нажать курок. И не вздумайте выкинуть какой-нибудь фортель, иначе я за себя не ручаюсь. Я выскажу вам все, что думаю, а потом можете делать со мной что хотите.

Широко раскрытыми глазами **Джулиус Эндерби** уставился на зловещее дуло направленного на него бластера. Заикаясь, он пробормотал:

— За это, **Бейли**, двадцать пять лет в самых нижних тюремных ярусах Города.

Неожиданно к **Бейли** подошел **Р. Дэниел** и, крепко сжав его запястье, опустил руку с бластером вниз.

— Я не могу позволить этого, коллега **Элайдж**, — спокойно сказал он. — Вы не должны причинять вред комиссару.

Впервые с тех пор как **Р. Дэниел** вошел в Город, комиссар обратился прямо к нему:

— Эй, держи его! Первый Закон!

— Я не причиню ему никакого вреда, **Дэниел**, — быстро заговорил **Бейли**, — если вы не дадите ему меня арестовать. Вы обещали, что поможете мне выяснить все до конца. У меня есть еще сорок пять минут.

Не отпуская руку **Бейли**, **Р. Дэниел** сказал:

— Комиссар, я думаю, **Элайджу** следует позволить высказаться. В данный момент я поддерживаю связь с доктором **Фастольфом**...

— Не может быть! Каким образом? — не помня себя, воскликнул комиссар.

— В меня встроен автономный субэфирный блок, — ответил **Р. Дэниел**.

Комиссар во все глаза уставился на робота.

— Я поддерживаю связь с доктором **Фастольфом**, — продолжал **Р. Дэниел** как ни в чем не бывало, — и, если вы откажетесь выслушать **Элайджа**, это произве-

дет неблагоприятное впечатление. Возможно, будут сделаны дискредитирующие вас выводы.

Совершенно лишенный дара речи, комиссар плюхнулся на свой стул.

— Я утверждаю, комиссар, — начал Бейли, — что сегодня вы побывали на Уильямсбургской силовой станции, взяли там альфа-излучатель и передали его Р. Сэмми. Вы намеренно выбрали Уильямсбургскую станцию, чтобы бросить подозрение на меня. Вы даже воспользовались звонком доктора Джерриджела, чтобы пригласить его в департамент, и специально дали ему неправильно настроенную указку-гид, чтобы он оказался в фотохранилище и обнаружил остатки Р. Сэмми. Вы рассчитывали на то, что он безошибочно установит причину гибели робота. — Бейли убрал бластер. — Если вы все еще хотите меня арестовать, давайте арестовывайте, но космонитов вряд ли устроит такой ответ на мое обвинение.

— Мотив, — едва слышно выдохнул Эндерби. Его очки запотели, и он снял их. Без очков он снова выглядел на редкость неуверенным и беспомощным. — Какой у меня мог быть мотив?

— Тем самым вы навлекли на меня неприятности, не так ли? А это сделало невозможным дальнейшее расследование убийства доктора Сартона, разве нет? И кроме всего прочего, Р. Сэмми слишком много знал.

— О Боже, о чём?

— О том, как пять с половиной дней назад было совершено убийство космонита. И убили доктора Сартона именно вы, комиссар.

Тут в разговор вступил Р. Дэниел. Эндерби лишь лихорадочно взъерошил волосы и замотал головой.

— Коллега Элайдж, — сказал робот, — боюсь, что ваша версия совершенно неприемлема. Как вам известно, комиссар Эндерби не способен убить доктора Сартона.

— Тогда послушайте... Эндерби именно меня утоваривал взяться за это дело, хотя у нас много сыщиков выше меня по званию. Он сделал это по нескольким причинам. Во-первых, мы дружили еще в колледже, и он рассчитывал на то, что мне никогда и в голову не придет, что старый приятель и всеми уважаемый началь-

ник может оказаться преступником. Он, видите ли, рассчитывал на мою всем известную преданность. Вторых, он знал, что Джесси входит в подпольную организацию, и, если бы я начал докапываться до истины, он вполне мог использовать этот факт, чтобы вывести меня из игры или шантажом добиться моего молчания. Да он не очень-то и беспокоился, что я сумею разгадать его тайну. С самого начала он приложил все усилия, чтобы возбудить во мне недоверие к вам, Р. Дэниел, и устроил так, чтобы мы действовали наперекор друг другу. Он знал о том, что мой отец был когда-то деклассифицирован, и легко мог предвидеть мою реакцию. Как видите, убийце выгодно возглавлять расследование совершенного им убийства.

К комиссару вернулся дар речи.

— Откуда я мог знать о Джесси? — пролепетал он тихим голосом и, повернувшись к работе, добавил: — Если вы передаете все это в Космотаун, скажите им, что это ложь! Сплошная ложь!..

Не дослушав его до конца, Бейли громко заговорил снова, постепенно понижая голос, пока не перешел на неестественно спокойный тон.

— Вы, конечно же, должны были знать о Джесси. Вы сами медиевист и являетесь членом той же организации. Эти ваши старомодные очки! Ваши окна! Совершенно очевидно, что и по своему характеру вы склонны к медиевизму. Но у меня есть и более серьезные доказательства... Откуда Джесси узнала, что Дэниел — робот? Эта мысль все время ставила меня в тупик. Теперь мы знаем, что она получила эти сведения через свою организацию, но это лишь еще дальше уводит от ответа на поставленный вопрос. Как узнали об этом медиевисты? Вы, комиссар, отмахнулись от этой проблемы, предположив, что в Дэниеле узнали робота во время инцидента в обувном магазине. Мне не очень-то верилось в это. Я просто не мог этого понять. Ведь когда сам я увидел Р. Дэниела в первый раз, я принял его за человека, а с моими глазами все в порядке.

Вчера я попросил доктора Джерриджела прилететь в Нью-Йорк. Уже после нашего телефонного разговора выяснилось, что мне нужна его консультация по целому ряду вопросов, но в тот момент, когда я звонил ему,

моей единственной целью было пригласить его и пе- смотреть, сможет ли он без моей помощи распознать в Р. Дэниеле робота.

Он не смог, комиссар! Я представил ему Дэниела, он пожал ему руку, мы все вместе какое-то время беседо- вали, и только после того, как разговор зашел о челове- коподобных роботах, его осенило. А ведь это был не кто-нибудь, а доктор Джерриджел, крупнейший специ- алист по роботам на Земле. Неужели и после этого вы станете утверждать, что какие-то медиевисты оказа- лись более догадливыми, чем он, да еще в той сумятице, которая царила у магазина. Как могли они быть настоль- ко уверенными в своей догадке, что подняли на ноги всю организацию?

Теперь ясно, что медиевисты с самого начала знали, что Дэниел — робот. Инцидент у обувного магазина был устроен специально, чтобы показать Р. Дэниелу, а через него и Космотауну, размах антироботовых на- строений в Городе. Он нужен был для того, чтобы запутать все дело, отвести подозрение от отдельных лиц и направить его на население в целом.

Итак, от кого же они с самого начала могли узнать правду о Р. Дэниеле? Не от меня. Одно время я думал, что это — дело рук самого Дэниела, но такая версия отпала. Кроме меня, единственным землянином, знав- шим истинное происхождение Р. Дэниела, были вы, комиссар.

— В наш департамент могли проникнуть шпионы! — с неожиданным пылом воскликнул комиссар. — Меди- евисты могли подослать их сколько угодно. Ваша жена тоже наверняка шпионила. И если вы считаете возмож- ным подозревать меня, то почему бы не заподозрить и других сотрудников?

На лице Бейли появилась недобрая усмешка.

— Давайте оставим в покое таинственных шпионов, пока не увидим, куда приведет нас прямое решение. Я утверждаю, что вы не только вероятный, но и фактиче- ский осведомитель.

Теперь, оглядываясь назад, комиссар, любопытно проследить, как менялось ваше настроение в зависи- мости от того, насколько я приближался к разгадке или, напротив, удалялся от нее. Сначала вы просто нервни-

чили. Вчера утром, когда я собирался посетить КосмоТаун и не хотел говорить вам зачем, вы потеряли всякий контроль над собой. Вы думали, что я раскусил вас, комиссар? Что вам устраивают ловушку, чтобы передать вас в руки космонитов? Вы сказали, что ненавидите их. Вы едва сдерживали слезы. Какое-то время я думал, что причиной этого было воспоминание о том унижении, которому вы подверглись в КосмоТауне, когда подозрение пало на вас. Но потом Дэниел сообщил мне, что с вами обошлись очень деликатно и ваши чувства задеты не были. Вы и не знали, что вас подозревают. Паника вас охватила от страха, а не от причиненного вам унижения.

Затем, когда я изложил свою абсолютно ошибочную версию и вы увидели, как далек, как невероятно далек я был от истины, уверенность вновь вернулась к вам. Вы даже стали спорить со мной, защищать космонитов. Вы даже на некоторое время совершенно овладели собой, стали уверены в себе. Тогда меня удивило, что вы так легко простили мои ложные обвинения против космонитов, хотя сами перед этим постоянно твердили об их обидчивости, чтобы я, не дай Бог, не задел их чувств. Вы просто упивались моей ошибкой.

Потом я позвонил доктору Джерриджелу и отказался сказать вам зачем. Тогда самообладание снова изменило вам, потому что вы боялись...

Р. Дэниел вдруг поднял руку:

— Коллега Элайдж!

Бейли посмотрел на часы: восемнадцать минут до полуночи.

— В чем дело? — спросил он.

— Его могла тревожить мысль о том, что раскроются его связи с медиевистами, если, конечно, допустить, что они действительно существовали. Однако нет ничего, что связывало бы его с убийством. Он просто не мог иметь к нему никакого отношения.

— Вы глубоко ошибаетесь, Дэниел, — возразил Бейли. — Он не знал, зачем мне нужен был доктор Джерриджел, но вполне мог предположить — для получения сведений о роботах. Вот это как раз и испугало комиссара, поскольку робот имеет непосредственное

отношение к его более тяжкому преступлению. Разве не так, комиссар?

Эндерби замотал головой:

— Когда все это закончится... — с трудом выдавил он, но замолк, не в силах продолжать.

— Каким же образом было совершено убийство? — едва сдерживая ярость, воскликнул Бейли. — С помощью *C/Fe*, черт возьми! Да, *C/Fe*! Я использую ваш термин, Дэниел. Вы так много говорите о преимуществах культуры *C/Fe* и все же не смогли догадаться, что именно ее принцип житель Земли использовал (пусть временно) в своих интересах. Позвольте мне в нескольких чертах обрисовать, как все происходило.

Несложно представить себе робота, пересекающего открытое пространство. Даже ночью. Даже в одиночку. Комиссар передал бластер Р. Сэмми и сказал ему, куда и когда идти. Сам он вошел в Космотаун как положено, не минуя туалетный блок, где и оставил свой собственный бластер. Он получил оружие от Р. Сэмми, убил доктора Сартона, возвратил бластер роботу, и тот благополучно доставил его в Нью-Йорк. А сегодня он уничтожил Р. Сэмми, так как тот знал слишком много.

Этим все объясняется. Присутствие комиссара, пропажа орудия убийства. И нет необходимости предполагать невероятное: что какой-то житель Нью-Йорка сумел преодолеть целую милю под открытым небом, да еще ночью.

Внимательно выслушав монолог Бейли, Р. Дэниел спокойно сказал:

— Вы выстроили линию поведения комиссара, казалось бы, логично, но ваш рассказ ничего не объясняет. Я уже говорил вам, что церебральные характеристики комиссара таковы, что он не способен совершить умышленное убийство. Я не знаю, каким словом можно определить его психологическое состояние: трусость, совесть или сострадание. Я знаком со словарным толкованием этих слов, но мне трудно судить самому. Во всяком случае, комиссар никого не убивал.

— Спасибо, — пробормотал Эндерби. Его голос снова приобрел силу и уверенность. — Не знаю, каковы ваши побуждения, Бейли, и почему вы пытаетесь рас-

правиться со мной таким образом, но я доберусь до истины...

— Погодите, — перебил его Бейли. — Я еще не закончил. У меня есть вот это. — Он с шумом швырнулся на стол Эндерби алюминиевый кубик, надеясь, что от его слов по-прежнему исходит уверенность, которой в глубине души он уже не ощущал. Вот уже полчаса он пытался скрыть от самого себя одно незначительное обстоятельство; он не знал, что было на пленке. Он вел рискованную игру, но больше ему ничего не оставалось.

Эндерби отшатнулся от маленького предмета.

— Что это?

— Это не бомба, — насмешливо ответил Бейли. — Всего лишь обычный микропроектор.

— Вот как? И что вы собираетесь с его помощью доказать?

— Сейчас увидите.

Он нашупал ногтем одну из прорезей в кубике. Угол кабинета тотчас же стал невидимым, а затем на его месте высветилось объемное изображение чего-то непонятного. Картина занимала все пространство от пола до потолка и уходила за стены кабинета. Ее заливал непривычный для жителей Города сероватый свет.

«Должно быть, это и есть рассвет, о котором они столько говорят», — подумал Бейли со смешанным чувством отвращения и любопытства.

Сцена изображала комнату в куполообразном жилище доктора Сартона. В ее центре был виден труп космонита — ужасные развороченные останки.

Глаза Эндерби готовы были выскочить из орбит.

— Я знаю, что комиссар по натуре не убийца, — заговорил Бейли. — Мне не нужно об этом напоминать, Дэниел. Если бы я вовремя обратил внимание на одну деталь, то преступление давно было бы раскрыто. В сущности, я нашел разгадку лишь час назад, когда разговор зашел о контактных линзах Бентли. И тут меня осенило, комиссар. Мне пришла в голову мысль, что разгадка кроется в вашей близорукости, в ваших очках. Я полагаю, на Внешних Мирах люди не страдают близорукостью, в противном случае они могли бы раскрыть убийство сразу же. Когда вы разбили свои очки, комиссар?

— При чем тут это? — насторожился комиссар.

— Когда мы в первый раз говорили об этом деле, вы мне сказали, что разбили очки в Космотауне. Я подумал, что вы разбили их в смятении, услышав о совершенном убийстве, но вы сами никогда этого не уточняли, так что для такого предположения у меня не было никаких оснований. На самом же деле, если вы шли в Космотаун, замышляя преступление, вы уже были достаточно взволнованы и могли уронить и разбить очки еще до убийства. Разве не так и разве не случилось этого в действительности?

— Я не пойму, к чему вы клоните, коллега Элайдж.

«Мне остается быть коллегой еще десять минут, — промелькнуло у Бейли. — Быстрее! Говорить быстрее! И думать быстрее!»

Он продолжал говорить и одновременно манипулировал изображением жилища Сартона. Охваченный волнением, он неловко пытался его увеличить, с трудом двигая непослушными пальцами. Медленно, рывками труп приближался к ним, увеличиваясь на глазах. Бейли казалось, что он чувствует зловоние обгоревшей плоти.

Голова, плечи и полруки трупа были неестественно вывернуты и соединялись с нижней половиной тела, обгоревшим куском того, что было когда-то позвоночником, из которого торчали обугленные ребра. Бейли искоса взглянул на комиссара. Эндерби сидел с закрытыми глазами. Видимо, ему было плохо. Бейли тоже мутило, но он должен был смотреть. Двигая рычажками проектора, он медленно перемещал объемное изображение, квадрат за квадратом осматривая пространство вокруг трупа. В какой-то момент его палец соскользнул с рычажка, и неожиданно изображение покачнулось и увеличилось настолько, что пол и труп превратились в беспорядочную расплывчатую массу — разрешающей способности проектора для такого увеличения не хватало. Бейли уменьшил изображение и отвел луч проектора от трупа.

Он все еще продолжал говорить. Иначе было нельзя. Дать себе передышку он мог, лишь обнаружив необходимые вещественные доказательства. В случае неудачи грош цена была всем его словам. Сердце его бешено колотилось, в висках стучала кровь.

Он говорил:

— Комиссар не способен на преднамеренное убийство. Верно! На преднамеренное. Но любой человек может убить случайно. Комиссар вошел в Космотаун не для того, чтобы убить доктора Сартона. Он хотел уничтожить вас, Дэниел, вас! Говорит ли его цереброанализ о том, что он не способен уничтожить машину? Это ведь не убийство, а просто диверсия.

Он медиевист, убежденный медиевист. Он работал с доктором Сартоном и знал, с какой целью вас создавали, Дэниел. Он боялся, что космонитам удастся воплотить свои планы в жизнь и что со временем землян отлучат от Земли. Поэтому он решил уничтожить вас, Дэниел. На сегодняшний день вы — единственный в своем роде робот, а потому, покончив с вами и продемонстрировав тем самым размах и решимость медиевистского движения на Земле, он рассчитывал спутать планы космонитов. Он знал, насколько сильным было на Внешних Мирах стремление положить конец проекту «Космотаун». Доктор Сартон, вероятно, обсуждал с ним эту проблему. И Эндерби надеялся, что уничтожение робота станет последней каплей, которая переполнит чашу. Думаю, что решение совершил убийство, пусть даже робота, далось ему нелегко. Он с радостью поручил бы это Р. Сэмми. Но вы так похожи на человека, что такой примитивный робот, как Р. Сэмми, не сумел бы понять, в чем разница. Первый Закон помешал бы ему выполнить приказ комиссара. С другой стороны, не будь он единственным землянином, который имел свободный доступ в Космотаун, комиссар наверняка передоверил бы убийство кому-нибудь из людей.

Насколько я понимаю, план комиссара заключался в следующем. Признаюсь, это лишь мои предположения, но думаю, они не далеки от истины. Он договорился о встрече с доктором Сартоном, но умышленно пришел гораздо раньше, точнее — на рассвете. Думаю, доктор Сартон обычно в это время спал, а вы, Дэниел, естественно, бодрствовали. Кстати, я исхожу из того, что вы жили вместе с доктором Сартоном. ·

— Вы совершенно правы, коллега Элайдж, — кивнул робот.

— Тогда я продолжу. Вы, Дэниел, должны были открыть комиссару дверь и получить заряд бластера в грудь или в голову. Итак, с вами покончено. Комиссар быстро уходит по пустынным предрассветным улицам Космотауна к тому месту, где его ждет Р. Сэмми, отдает ему бластер и затем не спеша возвращается к дому доктора Сартона. При необходимости он сам «обнаружит» тело, хотя он предпочел бы, чтобы это сделал кто-нибудь другой. В случае, если возникнут вопросы по поводу его раннего прибытия, он всегда может оправдаться тем, что пришел сообщить доктору Сартону о нападении на Космотаун, которое, по слухам, готовят медиевисты, и предложить ему принять тайные меры предосторожности во избежание открытого столкновения космонитов с землянами. Мертвый робот лишь придаст вес его словам.

Если бы вам сказали, комиссар, что между вашим входом в Космотаун и прибытием к куполу Сартона прошел довольно длительный отрезок времени, вы могли бы объяснить это, ну например, тем, что заметили, как кто-то крадется по улицам, направляясь к открытому пространству, и вам пришлось какое-то время преследовать его. К тому же такое объяснение пустило бы космонитов по ложному следу. Что касается Р. Сэмми, никто не обратил бы на него внимания. Мало ли роботов работает на близлежащих овощеводческих фермах. Так насколько я близок к истине, комиссар?

Эндерби всего передернуло.

— Я не...

— Конечно, — перебил его Бейли, — вы не убивали Р. Дэниела. Вот он здесь, перед вами, и за все то время, что он пробыл в Городе, вы ни разу не смогли заставить себя посмотреть ему прямо в лицо или обратиться к нему по имени. Посмотрите же на него сейчас, комиссар!

Эндерби не мог этого сделать. Трясущимися руками он закрыл лицо.

Проектор чуть было не выпал из дрожащих рук Бейли: он нашел то, что искал.

Теперь в центре изображения находился главный вход в дом доктора Сартона. Дверь была открыта, точнее, задвинута в стену, и проектор крупным планом

показывал металлические пазы, по которым она скользила. Внутри их что-то поблескивало. Вот оно! Ну, конечно! Ошибиться было невозможно.

— Все произошло так, — продолжал Бейли. — Вы уже подошли к дому и вот тогда-то уронили свои очки. Должно быть, вы нервничали, а когда вы в таком состоянии, я сам не раз это видел, то обычно снимаете свои очки и начинаете их протирать. Вы и тогда поступили точно так же. Но руки у вас дрожали, и вы выронили очки, а может быть, и наступили на них. Во всяком случае, они разбились, и как раз в этот момент дверь отодвинулась и перед вами предстала фигура, похожая на Р. Дэниела.

Вы разрядили в него свой бластер, подобрали осколки очков и побежали прочь. Труп обнаружили они, а не вы. Потом разыскали вас, и тут-то вы поняли, что убили не Р. Дэниела, а доктора Сартона, который, как оказалось, вставал по утрам очень рано. К несчастью, доктор Сартон придал Р. Дэниелу свой облик, а вы без очков не заметили разницы. И если вы хотите получить вещественные доказательства, они здесь!

Изображение дома доктора Сартона дрогнуло: Бейли осторожно опустил проектор на стол, крепко держа его обеими руками.

Лицо комиссара Эндерби исказилось от ужаса, лицо Бейли — от напряжения. Дэниел, как всегда, оставался бесстрастным.

— Видите вон тот блеск в пазах двери? — Бейли протянул руку к изображению. — Что это было, Дэниел?

— Два маленьких кусочка стекла, — хладнокровно ответил робот. — Они ни о чем нам не говорили.

— Сейчас вы все поймете. Это частички вогнутых линз. Определите их оптические характеристики и сравните их с характеристиками очков, которые Эндерби носит сейчас. Не вздумайте их разбить, комиссар!

Он бросился к комиссару, выхватил из его рук очки и, тяжело дыша, протянул их Р. Дэниелу.

— Думаю, это достаточно убедительное доказательство того, что он побывал у дома Сартона раньше, чем все предполагали.

— У меня не осталось никаких сомнений, — сказал Р. Дэниел. — Теперь я вижу, что цереброанализ комиссара совершенно сбил меня с толку. Поздравляю вас, коллега Элайдж!

На часах Бейли было двадцать четыре ноль-ноль. Начинался новый день.

Комиссар медленно опустил голову на руки. Его слова тонули в глухих рыданиях.

— Это была ошибка. Ошибка! У меня и в мыслях не было убивать его.

Неожиданно он соскользнул со стула и, скorchившись, застыл на полу.

Р. Дэниел подскочил к комиссару.

— Вы причинили ему вред, Элайдж. Это очень плохо.

— Он жив, не так ли?

— Да. Но потерял сознание.

— Очухается. Думаю, для него это было слишком большой нагрузкой. Но иначе никак нельзя, Дэниел, никак. У меня были одни лишь предположения, ни одного доказательства, а их суду не представишь. Пришлось постепенно, шаг за шагом загонять его в угол в надежде на то, что в какой-то момент он сломается. И он сломался, Дэниел. Вы ведь слышали его признание?

— Да.

— Ну так вот, я обещал, что все это пойдет на пользу проекту Космотауна, поэтому... Погодите-ка, он приходит в себя.

Комиссар застонал. Веки его дрогнули, он открыл глаза и молча уставился на склонившиеся над ним фигуры.

— Комиссар, вы слышите меня? — спросил Бейли. Эндерби вяло кивнул. — Хорошо. Так вот, цель космонитов не в том, чтобы привлечь вас к суду. Их замыслы гораздо обширнее. Если вы будете сотрудничать с ними...

— Что? Что? — в глазах комиссара промелькнула надежда.

— Вы, должно быть, важная персона в медиевистской организации Нью-Йорка, а может, и всей планеты. Постарайтесь убедить своих единомышленников в необходимости освоения космоса. Вы ведь знаете, какую нужно проводить линию, верно? В смысле — мы можем вернуться назад к земле, но на других планетах.

— Не понимаю, — промямлил комиссар.

— Это то, к чему стремятся космониты. И я, черт возьми, тоже — после беседы с доктором Фастольфом. Это то, чего они хотят больше всего на свете. Ради этого они постоянно рисуют своей жизнью, оставаясь здесь, на Земле. Если убийство Сартона заставит вас перевести медиевизм на путь возобновления освоения Галактики, они, возможно, сочтут эту жертву оправданной. Теперь вы понимаете?

— Элайдж совершенно прав, — подтвердил Р. Дэниел. — Помогите нам, комиссар, и мы забудем о случившемся. Я говорю это от имени доктора Фастольфа и других жителей Космотауна. Естественно, если вы согласитесь помочь, а потом вздумаете предать нас, то помните, что мы всегда сможем сделать факт вашей виновности достоянием общественности. Надеюсь, вы это понимаете. Мне тяжело напоминать вам об этом, но я должен.

— Меня не будут судить? — спросил комиссар.

— Нет, если вы поможете нам.

Его глаза наполнились слезами.

— Я сделаю все, что смогу. Это была случайность. Объясните им. Несчастный случай. Мне казалось, что я поступаю правильно.

— Если вы поможете нам, вы действительно поступите правильно, — сказал Бейли. — Освоение космоса — единственный возможный путь к спасению Земли. Отбросьте предрассудки, и вы поймете это. Советую вам поговорить с доктором Фастольфом. А пока вы можете помочь, если уладите дело Р. Сэмми. Назовите его гибель несчастным случаем или придумайте еще что-нибудь. Одним словом, закройте его! — Бейли поднялся. — И помните, комиссар, что я не единственный, кто знает правду. Космотаун в курсе всех событий, так что не пытайтесь избавиться от меня, если не хотите нажить себе неприятностей.

— Нет необходимости говорить что-то еще, Элайдж, — заметил Р. Дэниел. — Его намерения искренни, и он будет помогать. Это ясно видно по его цереброанализу.

— Хорошо. Тогда я еду домой. Хочу увидеть Джесси и Бентли и снова вернуться в привычную колею. И

еще я чертовски устал... Дэниел, вы останетесь на Земле после ухода космонитов?

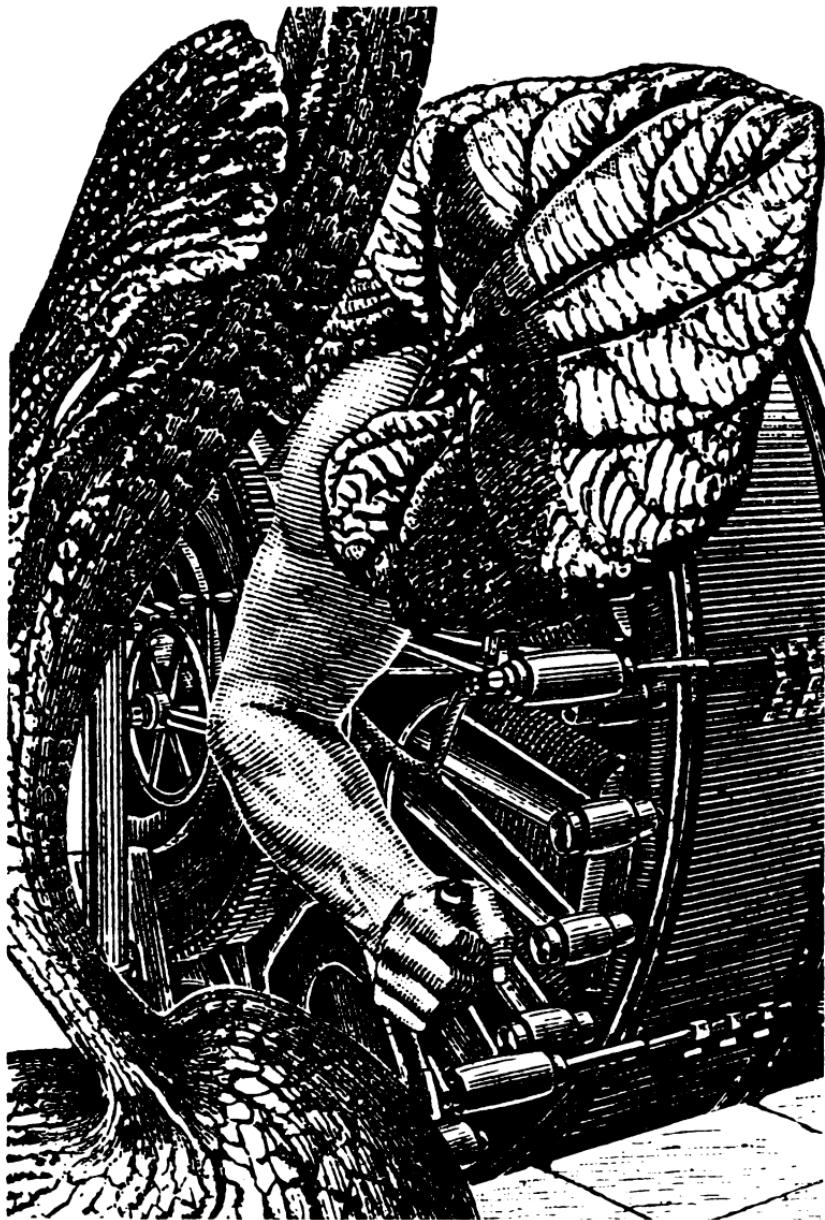
— У меня на этот счет пока нет никаких инструкций. А почему вы спрашиваете?

Бейли прикусил губу и медленно сказал:

— Никогда не думал, что смогу сказать что-либо подобное такому, как вы, Дэниел, но я верю вам. Я даже... восхищаюсь вами. Сам я уже слишком стар, чтобы покинуть Землю, но у меня есть Бентли, и когда наконец откроются школы для эмигрантов, возможно, вы с Бентли вместе...

— Возможно. — На лице Р. Дэниела не отражалось никаких эмоций. Он повернулся к Джулиусу Эндерби, наблюдавшему за ними с отрешенным лицом, которое только теперь начинало постепенно оживать. — Друг Джулиус, — сказал робот, — я все время пытался понять кое-какие мысли, которыми поделился со мной Элайдж. Возможно, сейчас я начинаю их понимать: мне вдруг стало казаться, что уничтожение того, что не должно быть, то есть уничтожение того, что вы, люди, называете злом, менее справедливо и желательно, чем превращение этого зла в то, что вы называете добром. — Он помолчал в нерешительности и добавил, словно бы удивляясь собственным словам: — Иди и впредь не греши!

Бейли неожиданно улыбнулся, взял Р. Дэниела за локоть, и они рука об руку вышли из кабинета.

ОБНАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ

Глава 1

ВОПРОС ЖДЕТ ОТВЕТА

Э лайдж Бейли мужественно боролся с паникой. Паника начала зарождаться в нем недели две назад, а то и раньше, с того самого дня, когда Бейли вызвали в Вашингтон и с порога объявили о новом назначении.

Вызов в Вашингтон уже сам по себе был достаточным поводом для волнения. В официальном письме, кроме распоряжения, не было никаких подробностей — легче от этого не становилось. К вызову прилагались транспортные талоны на самолет, что только усугубляло ситуацию.

Тревожило то, что дело срочное, раз ему предписывается лететь, беспокоила и сама мысль о полете. Но с той тревогой вполне можно было справиться. Как-никак, Элайдж Бейли летал самолетом уже четыре раза, однажды даже пересек континент. И хотя полет — вещь неприятная, шагом в неизвестное его не назовешь.

А потом, перелет из Нью-Йорка в Вашингтон продолжается всего час. Самолет отправляется с нью-йоркской взлетной полосы № 5, которая, как и все государственные взлетные полосы, подобающим образом защищена. Выход в открытую атмосферу происходит только по достижении скорости полета. А сидут они на washingtonской второй полосе, тоже укрытой.

Более того, Бейли хорошо знал, что в самолете не будет окон. Там хорошее освещение, приличная еда, все необходимые удобства. Полет, управляемый по радио, пройдет гладко. Вряд ли движение будет вообще чувствоваться, когда самолет поднимется в воздух.

Бейли убеждал в этом себя и свою жену Джесси, которая никогда еще не летала, а потому мысль о полете приводила ее в ужас.

— Не нравится мне, что ты летишь, Элайдж, — сказала она. — Это как-то неестественно. Почему бы тебе не поехать экспрессом?

— Потому что тогда дорога займет десять часов, — Бейли кисло усмехнулся, — а еще потому, что я служу в полиции и должен выполнять указания начальства, если, конечно, хочу сохранить свой класс *C-6*.

Разумеется, последний довод оспорить было невозможно.

Заняв место в самолете, Бейли уставился на узкий газетный рулон, который непрерывно разматывался с катушки на уровне его глаз. Город гордился этой услугой. В тексте содержались новости, очерки, юморески, познавательные статьи, немного беллетристики. Говорили, что рулоны вскоре заменят видеопленка — когда пассажир смотрит в свой визор, он еще лучше отвлекается от окружающего.

Бейли не сводил глаз с рулона не только потому, что это отвлекало, но и потому, что того требовал этикет. В самолете, кроме него, было пятеро пассажиров (этого Бейли просто не мог не заметить), и каждый имел право на свои личные страхи и тревогу в зависимости от характера и воспитания.

Бейли, разумеется, и самому не понравилось бы, если бы кто-то вторгся в его собственные переживания. Он не хотел, чтобы посторонние видели, как побелели костяшки его пальцев, вцепившихся в ручки кресла, и не желал никому показывать влажный след, который оставят там его руки.

— Я в безопасности, — твердил он себе. — Самолет — это маленький Город.

Но себя не обманешь. Слева от него была стальная стенка в дюйм толщиной, он чувствовал ее локтем. А за ней — ничего.

Ну пускай воздух! Все равно — ничего.

Тысяча миль пустоты в один конец, тысяча — в другой. И пара миль под ними.

Бейли так и подмывало взглянуть вниз, на верхушки зарывшихся в землю Городов, мимо которых они пролетали: Нью-Йорка, Филадельфии, Балтиморы, Вашингтона. Он представлял себе гроздья куполов, похожие на низкие гряды холмов. Он никогда их не видел, но знал, что они там, внизу. А под куполами, на милю вглубь и на десятки миль во все стороны, протянулись Города.

Бейли думал о бесконечных муравьиных переходах Городов, где столько народу; о квартирах, столовых, фабриках, экспресс-дорогах; там уютно и тепло, там люди.

А он сидит в металлической скорлупке, что мчится сквозь пустоту!

У него дрожали руки. Бейли заставил себя сосредоточиться на полоске текста и стал читать.

Ему попался рассказик о путешествии по Галактике, героем которого, по всей видимости, был землянин.

Бейли пробурчал что-то вслух, но тут же поймал себя на том, что забылся и нарушил тишину.

Но ведь это просто смешно. Что за детские игры — притворяться, будто земляне способны завоевать космос. Галактика! Галактика для землян закрыта. Ее захватили космониты, чьи предки столетия назад родились на Земле. Уроженцы Земли первыми достигли Внешних Миров и приспособили их для жизни, а их потомки поставили заслон эмиграции, не выпуская своих кузенов с Земли.

Городская цивилизация Земли завершила дело, заключив землян в Городах, за стенами страха перед открытым пространством, отрезав их от роботизированных ферм и рудников своей же собственной планеты.

Иосафат, горько подумал Бейли. Если нас это не устраивает, давайте что-нибудь делать, а не тратить время на сочинение сказок.

Но делать было нечего, и Бейли это знал.

Потом самолет совершил посадку, и все пассажиры, включая Бейли, вышли и разошлись в разные стороны, так и не посмотрев друг на друга.

Бейли взглянул на часы и решил, что успеет освежиться перед тем, как явиться в Министерство Юстиции. Это хорошо. Шум и суета, огромный сводчатый зал аэропорта, от которого на всех уровнях расходились

городские коридоры — все, что Бейли видел и слышал, вселяло в него чувство безопасности, уюта, погруженности в недра Города, в его чрево. Тревога прошла, и для полноты счастья недоставало только душа.

Для посещения туалетной комнаты необходимо было временное разрешение, но командировочное удостоверение Бейли сразу уладило дело. Ему поставили нужный штамп с предоставлением отдельной кабинки, указав во избежание недоразумений точную дату, и вручили листок с адресом.

Бейли был рад почувствовать под ногами бегущую дорожку. Он просто наслаждался, переступая с одной на другую и с возрастающей скоростью приближаясь к экспресс-дороге. Он легко вскочил на полотно и занял место, положенное ему по классу.

Час пик еще не наступил, так что свободные места были. И в туалетной, когда Бейли добрался туда, тоже не было излишней толкотни. Кабина, которую ему выделили, была в приличном состоянии, и мини-прачечная работала исправно.

Щедро израсходовав положенный запас воды и освежив одежду, Бейли почувствовал, что готов предстать перед начальством. По иронии судьбы он даже развеселился.

Заместитель министра Альберт Минним был человек небольшого роста, складный, румяный, с пробивающейся сединой. Все углы его фигуры были слажены и округлены. От него веяло чистотой и слабым запахом тоника. Все в нем говорило о жизненных благах и щедрых пайках, которыми пользуется правительство.

Бейли рядом с ним казался себе желтым и костлявым. Он чувствовал, какие у него большие руки, ввалившиеся глаза, какой он весь угловатый.

— Садитесь, Бейли, — приветливо сказал Минним. — Вы курите?

— Только трубку, сэр, — ответил Бейли и достал ее, а Минним спрятал сигару, которую было извлечено.

Бейли тут же пожалел о своих словах. Сигара лучше, чем ничего — надо было взять. Хотя ему и повысили норму табака, когда недавно перевели из С-5 в С-6, об изобилии все-таки говорить не приходилось.

— Пожалуйста, как хотите, — сказал Минним и с отеческим терпением стал ждать, пока Бейли тщательно набьет трубку и раскурит ее.

— Мне так и не сказали, зачем меня вызвали в Вашингтон, сэр, — сказал Бейли, глядя на трубку.

— Знаю, — улыбнулся Минним. — Сейчас мы это поправим. Вы временно переводитесь на другую работу.

— За пределами Нью-Йорка?

— Да, довольно далеко от него.

Бейли поднял брови и задумался.

— А на какой срок, сэр?

— Не могу сказать точно.

Бейли прикинул в уме преимущества и недостатки, сопряженные с переводом. Как приезжий, временный житель Города, он скорее всего будет пользоваться более высоким уровнем жизни, чем положено ему по классу. С другой стороны, очень сомнительно, чтобы Джесси и их сыну Бентли разрешили сопровождать его. Конечно, в Нью-Йорке о них позаботятся, но Бейли был человек семейный, и мысль о разлуке со своими воссторга не вызывала.

Далее, новое назначение означало работу особого рода — это хорошо, и ответственность повыше той, что обычно возлагается на рядового детектива — это могло быть затруднительно. Бейли не так давно испытал, что такое ответственность, расследуя убийство космонита вблизи Нью-Йорка, и его не слишком радовала перспектива снова столкнуться с чем-нибудь подобным.

— Может быть, вы скажете, сэр, куда меня направляют? — спросил он. — В чем суть моего задания? О чем, собственно, речь?

Взвешивая в уме слова заместителя министра «довольно далеко», Бейли заключал с самим собой пари относительно места командировки. «Довольно далеко» звучало загадочно, и он прикидывал: Калькутта? Сидней? Тут он заметил, что Минним достал-таки сигару и не спеша закуривает. Иосафат, подумал Бейли. Не решается сказать. Время тянет.

Минним вынул сигару изо рта и сказал, глядя на дымок:

— Министерство Юстиции временно командирует вас на Солярию.

Какой-то миг Бейли еще цеплялся за обманчивые ассоциации: кажется, Солярия в Азии? Или в Австралии? Потом встал и резко спросил:

— То есть на один из Внешних Миров?

— Верно, — подтвердил Минним, не глядя на него.

— Но это же невозможно. Кто пустит землянина во Внешний Мир?

— Обстоятельства иногда вынуждают пересматривать правила, детектив Бейли. На Солярии совершено убийство.

Губы Бейли дрогнули в непроизвольной улыбке.

— Несколько за пределами нашей юрисдикции, не так ли?

— Они обратились за помощью.

— За помощью? К нам? На Землю? — Бейли не верил своим ушам. Обитатели Внешних Миров относились к былой родине с презрением или в лучшем случае покровительственно. Чтобы они — и вдруг обратились за помощью? — На Землю? — повторил он.

— Невероятно, — признался Минним, — и тем не менее так. Они хотят, чтобы следствие вел детектив-землянин. Сообщение получено по дипломатическим каналам на самом высшем уровне.

Бейли снова сел.

— Но почему я? Я немолод, мне сорок три года. У меня жена и ребенок. Я не могу покинуть Землю.

— Это не наш выбор, детектив. Они сами назвали вас.

— Меня?!

— Инспектор Элайдж Бейли, С-6, служащий в полиции города Нью-Йорка. Они знают, чего хотят, и вы, конечно, знаете почему.

— Я не гожусь для такой задачи, — настаивал Бейли.

— Они считают, что годитесь. До них, очевидно, дошли сведения о том, как вы расследовали убийство космонита.

— Мало ли что они могли слышать? Я думаю, что истину сильно приукрасили.

— Во всяком случае, — пожал плечами Минним, — они запросили вас, а мы дали свое согласие. Все бумаги готовы, так что можете отправляться. Во время вашего

отсутствия ваша жена и ребенок будут получать довольствие по классу *C-7* — такой разряд присвоен вам на время командировки. — Минним многозначительно помолчал. — В случае успешного выполнения задания разряд может стать постоянным.

Все происходило слишком быстро для Бейли. Как же так? Он просто не может покинуть Землю. Что они, не понимают?

Он услышал свой ровный голос, самому показавшийся неестественным:

— Что за убийство? При каких обстоятельствах оно произошло? Почему они не могут разобраться сами?

Минним передвинул ухоженными пальцами несколько предметов у себя на столе и покачал головой.

— Об убийстве и его обстоятельствах мне ничего неизвестно.

— А кому известно, сэр? Не могу же я отправиться туда полным болваном? — А внутренний голос в отчаянии повторял: не могу же я покинуть Землю!

— Никто не знает. На Земле — никто. Соляриане нас не посвятили. В том и будет заключаться ваша работа: выяснить, что это за убийство, для расследования которого понадобился землянин. Точнее, это только часть вашей работы.

— А если я откажусь? — осмелился выговорить Бейли, зная ответ и прекрасно понимая, чем грозит деклассификация ему и, главное, семье.

Минним не упомянул о деклассификации, а сказал мягко:

— Вы не можете отказаться, инспектор. Придется поработать.

— На соляриан? Да пропади они пропадом!

— На нас, Бейли. На нас. — Минним помолчал. — Вы же знаете, в каком положении находится Земля, — знаете не хуже меня.

Да, Бейли знал, как и любой житель Земли. Население всех пятидесяти Внешних Миров, вместе взятых, гораздо меньше земного, однако военный потенциал космонитов выше раз в сто. В этих малонаселенных роботизированных мирах производство энергии на душу населения в тысячу раз превышает земные показатели, а именно количество энергии на душу населения

определяет военный потенциал, уровень жизни, благосостояние и все остальное.

— Одним из факторов, который позволяет сохранять это положение, — сказал Минним, — является наше невежество. Да-да, невежество. Космониты знают о нас все — видит Бог, они посыпали на Землю достаточно миссий, — мы же не знаем о них ничего, а если и знаем, так только с их слов. Земляне еще не бывали ни на одном из Внешних Миров. Вы первый.

— Я не смогу... — начал Бейли.

— Сможете. Вам предоставляется уникальная возможность. Они сами пригласили вас на Солярию, сами поручают вам работу. Вы вернетесь с ценной для Земли информацией.

Бейли мрачно посмотрел на заместителя министра.

— Значит, придется стать шпионом?

— О шпионаже речь не идет. Вам не придется делать ничего такого, что не входило бы в ваши обязанности. Пользуйтесь глазами и головой, вот в все. Наблюдайте! Когда вернетесь, на Земле найдутся специалисты, которые расшифруют и проанализируют ваши наблюдения.

— Надо понимать, что мы на краю пропасти, сэр?

— Почему вы так думаете?

— Посыпать землянина во Внешний Мир очень рискованно. Космониты нас ненавидят. Я отношусь к ним вполне доброжелательно, однако мое появление там, хотя бы по их же приглашению, может вызвать межзвездный конфликт. Правительство Земли вполне могло бы отказать космонитам, если бы захотело. Могли бы сказать, что я болен. Космониты испытывают патологический страх перед болезнями и ни за что не приняли бы меня в таком случае.

— Вы предлагаете нам поступить именно так?

— Нет. Если бы у правительства не имелось серьезных оснований посыпать меня туда, я бы наверняка остался на Земле. Отсюда следует, что главное как раз шпионаж. А раз так, должна быть серьезная причина — не стоит идти на такой риск лишь ради того, чтобы я поглядел там по сторонам.

Бейли ожидал взрыва и даже приветствовал бы его ради разрядки напряжения, но Минним только холодно улыбнулся.

— А вы умеете, я вижу, смотреть в корень. Впрочем, я иного и не ожидал. — Минним перегнулся к Бейли через стол. — Сейчас я скажу вам то, что вы не будете обсуждать ни с кем — даже с другими представителями администрации. Наши социологи пришли к определенным выводам относительно обстановки в Галактике. С одной стороны, пятьдесят Внешних Миров — малонаселенные, роботизированные, могущественные, здоровые, с высокой продолжительностью жизни. С другой стороны — наш мир, перенаселенный, технически отсталый, с низкой продолжительностью жизни, полностью под влиянием Внешних Миров. Такое положение неустойчиво и долго не продлится.

— Ничто не длится долго.

— Да, но нам осталось совсем немного. Самое большее — сотня лет. На наш век хватит, но у нас есть дети. Мы станем слишком опасны для космонитов, чтобы они позволили нам существовать. Нас на Земле восемь миллиардов, и все мы ненавидим их.

— Космониты исключили нас из галактического сообщества, ведут торговлю так, как выгодно им, диктуют нашему правительству свои условия, презирают нас — так чего же они хотят, благодарности?

— Верно, поэтому в будущем нас ждет следующее: мятеж, расправа — еще мятеж, еще расправа — и столетие спустя Земля как обитаемый мир перестанет существовать. Так говорят социологи.

Бейли поежился — с социологами и их компьютерами не поспоришь.

— Но чего же в таком случае ждут от меня?

— Информации. В нашем социологическом прогнозе есть большой пробел — отсутствие информации о Внешних Мирах. Приходится делать выводы на основе общения с теми немногими космонитами, которых присылают сюда. Приходится полагаться на то, что они сами соизволят сообщить, поэтому нам известны только и исключительно их сильные стороны. Пусть они подавятся своими роботами, малым населением, долгой жизнью, но в чем же их слабость? Есть ли такой фактор

или факторы, которые, будь они только нам известны, могли бы отклонить неизбежность нашей гибели? Чтонибудь, чем мы бы могли руководствоваться, чтобы дать Земле шанс на выживание?

— Может быть, лучше послать туда социолога, сэр?

— Если бы мы могли послать, кого хотим, — потряс головой Минним, — то послали бы еще десять лет назад, когда социологи представили свой прогноз. Но сейчас мы впервые получили возможность послать туда человека. Они запрашивают детектива, и это нам на руку. Детектив — тоже социолог, на свой, практический, лад, иначе ему не стать хорошим детективом. А ваш послужной список доказывает, что вы хороший детектив.

— Благодарю вас, сэр, — машинально ответил Бейли. — А если у меня возникнут осложнения?

— Это риск, с которым сталкивается каждый полицейский, — отмахнулся Минним. — В любом случае надо лететь. Время отправления назначено, и корабль ждет вас.

— Ждет? — осталенел Бейли. — Когда же я отправляюсь?

— Через два дня.

— Тогда мне надо вернуться в Нью-Йорк. Моя жена...

— Мы поговорим с вашей женой. Она не должна знать о вашем задании, сами понимаете. Ей скажут, чтобы она пока не ожидала от вас вестей.

— Но это же бесчеловечно. Мне необходимо ее видеть. Может быть, мы больше не встретимся.

— То, что я скажу, покажется вам еще более бесчеловечным — но разве каждый раз, уходя на службу, вы не говорите себе, что, возможно, виделись с женой последний раз? Инспектор Бейли, все мы должны исполнять свой долг.

Трубка у Бейли погасла пятнадцать минут назад, а он того и не заметил.

Больше Бейли ничего не сказали. Об убийстве никто ничего не знал. Он переходил от чиновника к чиновнику и наконец оказался у космического корабля, все еще толком не веря в происходящее.

Корабль походил на гигантскую пушку, нацеленную в небо. В воздухе ощущалась сырость; Бейли зябко поежился. Стояла ночь, и он был благодарен за это судьбе. Ночь выстроила вокруг свои черные стены, переходящие в черный потолок неба. Было пасмурно, и яркая звездочка, проглянувшая в просвете между тучами, заставила Бейли вздрогнуть, хотя ему доводилось бывать в планетарии.

Крохотная искорка, невообразимо далекая. Бейли смотрел на нее с любопытством, почти без страха. Она казалась совсем крохотной, размером с песчинку, а ведь вокруг таких вот огоньков вращаются планеты, на которых живут властители Галактики. Солнце тоже такое, подумал Бейли, только оно ближе и теперь светит по ту сторону Земли.

Он вдруг представил себе Землю — каменный шарик под пленочкой влаги и газа, а вокруг, со всех сторон, пустота. И земные Города, едва выступающие над поверхностью, ненадежно укрепившиеся между твердью и воздухом. По коже пошли мураски.

Корабль, разумеется, принадлежал космонитам. Межзвездная торговля была полностью в их руках. Бейли был совсем один здесь, за чертой Города. Его долго мыли, скребли и стерилизовали, прежде чем сочли возможным, по космонитским стандартам, допустить на борт. И все-таки навстречу ему выслали не человека, а робота — ведь Бейли нес на себе сотни разновидностей болезнетворных бактерий перенаселенного Города. У Бейли был к ним иммунитет, но евгенически выводимые космониты таковым не обладали.

Массивный робот выступил из мрака, его глаза тускло светились красным.

— Инспектор Элайдж Бейли?

— Да, — отрезал Бейли, чувствуя, как зашевелились волосы на затылке. Элайджа, как истого землянина, передергивало при виде робота, исполняющего человеческую работу. Его напарником по расследованию убийства космонита тоже был робот — Р. Дэниел Оливо, но то совсем другое дело. Дэниел был...

— Пожалуйста, следуйте за мной, — сказал робот, и трап, ведущий на корабль, залил яркий свет.

Бейли поднялся по трапу и очутился на борту корабля.

— Вот ваша каюта, инспектор Бейли, — сказал робот. — Вам предписано находиться в ней до конца рейса.

Правильно, запирайте, подумал Бейли. Так оно надежнее — под замком.

В коридорах, по которым он шел, было пусто. Сейчас, наверно, роботы их дезинфицируют. А этого, который его сопровождал, подвергнут, поди, бактерицидной обработке.

— Здесь имеется санузел с водопроводом, — продолжал робот. — Пищу вам будут приносить. Иллюминаторами можно управлять с помощью вот этой панели. Сейчас они закрыты, но если вы пожелаете наблюдать космическое пространство...

— Не надо, бой, — с некоторой поспешностью сказал Бейли, — пусть остаются закрытыми.

Как было принято у землян, он обратился к роботу «бой», но тот не возражал. Да и как он мог возразить? Его поведение регулировалось законами роботехники. Робот согнулся свой массивный корпус в пародии на почтительный поклон и вышел.

Бейли остался один и мог теперь осмотреться. Во всяком случае, тут было получше, чем в самолете. Самолет просматривался из конца в конец, Бейли видел его пределы, а корабль был большой. В нем имелись коридоры, разные уровни, отсеки. Прямо как маленький Город. Бейли вздохнул почти с облегчением.

Свет мигнул, и металлический голос из репродуктора проинструктировал Бейли, как вести себя во время ускорения.

Бейли прижало к переборке, снабженной гидравлическим амортизатором, раздался рокот двигателя, воспламененного протонным микрореактором. Послышался свист разрываемой атмосферы, который делался все тоньше и выше и через час совсем затих.

Корабль взмыл в космос.

Все чувства в Бейли как-то притупились, и он не ощущал связи с реальностью. Он твердил себе, что с каждой секундой отдаляется на тысячи миль от Земли и от Джесси, но в голове это не укладывалось.

На второй день — или на третий (он мог судить о времени только по чередованию еды и сна), Бейли испытал странное ощущение, как будто его вывернули наизнанку. Он понял, что это Скачок — уму непостижимый, почти мистический, мгновенный переход через гиперпространство, перенесший корабль со всем его содержимым из одной точки космоса в другую, через много световых лет. Потом последовал еще один провал времени и еще один Скачок, снова провал и снова Скачок.

Ну вот, сказал себе Бейли, я теперь за десятки световых лет от Земли, за сотни, за тысячи.

Точных цифры он не знал — да и кто на Земле ведал, где находится Солярий? Бейли мог побиться об заклад, что никто об этом и понятия не имеет. Он чувствовал себя ужасно одиноким.

Корабль начал замедлять ход, и к Бейли вошел робот. Своими красными глазами он внимательно осмотрел пристегные ремни, ловко подтянул гайку, проверил амортизатор.

— Посадка через три часа, — сказал он. — Пожалуйста, оставайтесь в этой комнате. За вами придет человек, который проводит вас в вашу резиденцию.

— Подожди, — нервно сказал Бейли. Пристегнутый, он чувствовал себя беспомощным. — В какое время дня мы совершим посадку?

— По галактическому времени, — тут же ответил робот, — будет...

— По местному, бой. По местному! Иосафат!

— Солярианские сутки, — как ни в чем не бывало продолжал робот, — состоят из 28,35 стандартных часов. Они делятся на десять декад, каждая из которых делится на сто центад. По расписанию мы прибываем на двадцатой центаде пятой декады.

Бейли ненавидел этого робота. Ненавидел за тупость, за то, что он вынуждает его, Бейли, задать прямой вопрос и тем выдать свою слабость. Ну что ж, делать нечего. Бейли спросил с видимым безразличием:

— Это будет светлое время суток?

— Да, господин, — кратко ответил робот и вышел.

Светлое! Придется выйти на поверхность планеты среди бела дня.

Бейли не мог даже представить, как это будет выглядеть. Порой он наблюдал открытое пространство, находясь в стенах Города, и даже выходил в него на какие-то мгновения. Но всегда поблизости находились стены, то есть убежище.

На какое убежище может он рассчитывать теперь? Не будет даже ложных стен ночной тьмы, чтобы помочь ему.

Но нельзя же проявить слабость перед космонитами — будь он проклят, если проявит. Бейли стиснул зубы, прислонился к противоперегрузочной переборке и стал мужественно бороться с паникой.

Глава 2

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ

Он изнемогал в этой борьбе — одних доводов рассудка было недостаточно.

Люди всю свою жизнь живут в открытом пространстве, твердил он себе. Так живут космониты. Так жили наши предки на Земле. Укрываться совсем не обязательно. Только мое сознание говорит мне, что это не так, но оно ошибается.

Все впустую. Нечто такое, что было сильнее и выше рассудка, взвыпало об укрытии и начисто отвергало открытое пространство.

Бейли начинал понимать, что терпит поражение. В конце концов он все же струсит, задрожит и будет представлять собой жалкое зрелище. Космонит, которого пришлют за ним (с фильтрами против бактерий в носу и в перчатках для пущей безопасности), не сможет почувствовать к нему даже здорового презрения — одно только омерзение.

Бейли держался из последних сил.

Корабль совершил посадку, ремни автоматически отстегнулись, амортизирующее устройство ушло обратно в стену, но Бейли остался сидеть. Он боялся, но решил не подавать виду.

Когда тихо открылась дверь отсека, Бейли отвел взгляд, но краем глаза увидел высокую фигуру с волосами цвета бронзы. Космонит, один из гордых потомков землян, что отреклись от своего рода.

— Партнер Элайдж! — сказал космонит.

Бейли рывком повернулся к нему, широко раскрыл глаза и почти непроизвольно вскочил.

Он увидел лицо с высокими скулами, совершенно безмятежные черты, безупречное тело, невозмутимые голубые глаза.

— Д-дэниел!

— Я рад, что вы меня помните, партнер Элайдж, — сказал космонит.

— Как не помнить! — Бейли испытал глубокое облегчение. Это была частица Земли, его друг, утешитель и спаситель. Бейли захотелось вдруг броситься к космониту, стиснуть того в объятиях, засмеяться, хлопнуть по спине — словом, проделать все глупости, подобающие старым друзьям, которые встретились после долгой разлуки.

Но инспектор удержался — что-то удержало его. Он всего лишь сделал шаг вперед, протянул руку и сказал:

— Разве я мог вас забыть, Дэниел.

— Мне очень приятно, — кивнул Дэниел. — Я, как вам хорошо известно, тоже не в состоянии забыть вас, пока нахожусь в рабочем состоянии. Рад нашей встрече.

Дэниел крепко, но не сильно пожал руку Бейли — и отпустил ее.

Бейли от души понадеялся, что робот не может заглянуть к нему в мозг и прочесть там, что на одно безумное мгновение, которое не совсем еще миновало, Бейли воспыпал к Дэниелу нежной дружбой, почти любовью.

Нельзя же, в конце концов, питать такие чувства к этому Дэниелу Оливо — он ведь не человек, а всего лишь робот.

Робот, так похожий на человека, сказал:

— Я попросил протянуть рукав от корабля к машине роботизированной транспортной машине.

— Рукав! — не понял Бейли.

— Да. Это распространенное приспособление. Часто применяется в космосе для перехода или переноса груза с одного корабля на другой, чтобы не пользоваться специальным противовакуумным снаряжением. Вы, очевидно, с этим приспособлением незнакомы.

— Нет, но могу себе представить.

— Довольно трудно соединить таким образом корабль и сухопутный транспорт, но я, тем не менее, потребовал, чтобы это было сделано. К счастью, миссия, доверенная нам с вами, имеет первостепенную важность, и все вопросы решаются незамедлительно.

— Значит, вам тоже поручили расследовать это убийство?

— Разве вас не информировали? Жаль, что я не сказал вам сразу же. — Однако сожаление, как и прочие чувства, не отражались на безучастном лице робота. — Доктор Хэн Фастольф, с которым вы встречались на Земле во время нашей общей работы и которого, надеюсь, вы помните, первый предложил вас в качестве следователя. И поставил условием, что я снова буду работать с вами.

Бейли невольно улыбнулся. Доктор Фастольф являлся гражданином Авроры, а Аврора была самым мощным из Внешних Миров. Очевидно, советы аворианца имели здесь вес.

— Нельзя разбивать команду, которая хорошо сработалась, а? — сказал Бейли. Восторг, вызванный появлением Дэниела, начинал проходить, и тревога снова сжимала грудь.

— Не ручаюсь, что доктор Фастольф имел в виду именно это, партнер Элайдж. Судя по распоряжениям, я скорее заключил бы, что в его интересы входило назначить работать с вами того, кто знаком с вашим миром и, соответственно, с вашими небольшими странностями.

— Странностями? — нахмурился обиженный Бейли. Применительно к себе это слово ему не нравилось.

— Так, например, я сразу подумал о том, что нужно протянуть рукав. Мне хорошо известно ваше неприятие открытого пространства, поскольку вы росли в земном Городе.

Бейли резко сменил тему. То ли потому, что его назвали человеком со странностями и надо было отыграться, то ли потому, что жизнь научила его сразу распутывать все логические неувязки.

— На корабле обо мне заботился робот. Робот, — не без ехидства ввернул Бейли, — который и выглядит как робот. Вы его знаете?

— Я говорил с ним перед тем, как подняться на борт.
 — Как его зовут? И как его можно вызвать?
 — РХ-2475. На Солярии роботов называют только по серийным номерам. — Дэниел перевел взор на контрольную панель у двери. — Вот кнопка его вызова.

Бейли взглянул туда же. Кнопка, на которую указал Дэниел, была обозначена «РХ», так что ее функция не вызывала сомнений. Бейли нажал ее, и минуты не прошло, как явился робот, который выглядел как положено роботу.

— Ты РХ-2475? — спросил Бейли.
 — Да, господин.
 — Ты недавно говорил мне, что за мной должен кто-то прийти. Это он? — Бейли показал на Дэниела.
 Роботы встретились взглядами, и РХ-2475 сказал:
 — По документам, да.

— Больше тебе ничего о нем не говорили? Тебе описали его внешность?
 — Нет, господин. Только назвали имя.
 — Кто назвал?
 — Капитан корабля, господин.
 — Он солярианин?
 — Да, господин.

Бейли облизнул губы. Следующий вопрос будет решающим.

— Какое же имя тебе назвали?
 — Дэниел Оливо, господин.
 — Хорошо, бой! Можешь идти.
 Робот изобразил поклон, повернулся кругом и ушел.
 Бейли задумчиво посмотрел на своего партнера.
 — Вы мне сказали не всю правду, Дэниел.
 — В каком смысле, партнер Элайдж?
 — Разговаривая с вами, я кое-что вспомнил. РХ-2475 говорил мне, что за мной придет человек. Я отчетливо это помню.

Дэниел спокойно выслушал его и ничего не ответил.
 — Я подумал, что робот мог ошибиться, — продолжал Бейли. — Или должен был действительно прийти человек, а потом его заменили вами, а РХ-2475 о том не информировали. Но, как вы сами слышали, выяснилось, что это не так. Робот проверял у вас документы, ему

назвали ваше имя. Только назвали не полностью, а, Дэниел?

— Да, мое имя роботу назвали не полностью, — согласился Дэниел.

— Вас ведь зовут не Дэниел Оливо, а Р. Дэниел Оливо, верно? То есть робот Дэниел Оливо.

— Совершенно верно, партнер Элейдж.

— Отсюда следует, что РХ-2475 не сообщили, что вы робот. Подразумевается, что вы человек. С вашей внешностью такой маскарад возможен.

— Не могу оспаривать ход ваших рассуждений.

— Тогда продолжим. — Бейли охватила свирепая радость. Он шел по следу. Пусть это был не такой уж важный след, но сейчас Бейли делал то, что умел делать хорошо. Настолько хорошо, что его стоило тащить сюда через весь космос. — Итак, зачем нужно было обманывать несчастного робота? Ему все равно, робот вы или человек. Он бы в любом случае подчинился приказу. Поэтому разумно будет предположить, что солярианский капитан, который информировал робота, и солярианские чиновники, которые информировали капитана, тоже не знали, что вы робот. Как я уже сказал, это разумное предположение, но, может быть, не единственное. Что скажете — прав я или нет?

— Полагаю, что вы правы.

— Ладно, значит, отгадал. Но в чем же тогда дело? Доктор Хэн Фастольф, рекомендуя вас солярианцам как моего партнера, умолчал о том, что вы робот. Разве это не опасно? Соляриане будут очень недовольны, если узнают правду. Зачем было это делать?

— Мне объяснили так, партнер Элейдж, — ответил андроид. — Сотрудничество с человеком из Внешнего Мира поднимет вас в глазах соляриан, а сотрудничество с роботом — унизит. Поскольку я знаю ваши обычай и легко могу сработать с вами, было признано разумным позволить солярианам считать меня человеком, причем прямого обмана, то есть заявления, что я человек, не было.

Бейли как-то не верилось в это. Такое внимание к чувствам землянина несвойственно космонитам, даже таким просвещенным, как Фастольф. Нет ли тут другого объяснения, подумал он и спросил:

— Кажется, Солярия славится во Внешних Мирах своими роботами?

— Я рад, что вас посвятили в основы солярианской экономики, — сказал Дэниел.

— Никто меня не посвящал. Я знаю, как пишется слово «Солярия», и тем мои познания о ней ограничиваются.

— Тогда я не понимаю, партнер Элайдж, что заставило вас задать этот вопрос, так как он исключительно точен. Вы попали в цель. В моей памяти записано, что во всех пятидесяти Внешних Мирах Солярия широко известна разнообразием и совершенством выпускаемых ею роботов. Она поставляет модели различных модификаций во все Внешние Миры.

Бейли кивнул с мрачным удовлетворением. Дэниелу, конечно, не понять его интуитивного умозаключения, исходящего из того, что человек слаб. А объяснять Бейли не собирался. Если Солярия — производитель роботов, известный на всю Галактику, у доктора Хэна Фастольфа и его сотрудников могли быть чисто личные и вполне людские мотивы продемонстрировать собственного робота экстра-класса. О том, чтобы щадить чувства землянина, никто и не думал.

Им просто лестно одурачить солярианских экспертов, подсунув вместо человека аворианского робота.

Бейли почувствовал себя намного лучше. Странное дело: вся мощь его интеллекта была бессильна побороть панику, а уступка собственному тщеславию сделала это мгновенно.

Помогло и сознание того, что космониты тоже грешат тщеславием.

Иосафат, все мы люди, подумал он. Даже и космониты.

Вслух он произнес почти весело:

— Долго еще ждать машину? Я готов.

Рукав, протянутый по просьбе Дэниела, не очень подходил для своей нынешней задачи. Человек и андроид шли по гибкой кишке, которая раскачивалась и прогибалась под их весом. В космосе, как смутно догадывался Бейли, по ней было бы легко перелететь с

корабля на корабль — достаточно один раз оттолкнуться.

На другом конце рукав сморщился, будто стиснутый рукой великана. Дэниел, у которого был фонарик, встал на четвереньки, и Бейли пришлось последовать его примеру. Таким манером они преодолели последние двадцать футов и наконец добрались до своего транспорта.

Дэниел закрыл дверь, плотно задвинул ее. Что-то сильно щелкнуло — наверное, отсоединили рукав.

Бейли с любопытством осмотрел машину — ничего экзотического в ней не было. Два сиденья, одно за другим, каждое рассчитано на троих. С обоих концов каждого сиденья — дверцы. Глянцевитые прямоугольники — должно быть, окна, — черные и непрозрачные, разумеется, поляризованные. Бейли знал, как это делается.

Кабину освещали два круглых желтых светильника на потолке. Единственное, что бросилось в глаза Бейли, — репродуктор на панели перед первым сиденьем и отсутствие какого-либо управления.

— Водитель, наверно, сидит за перегородкой? — спросил он.

— Совершенно верно, партнер Элайдж. А команды подаются таким образом. — Он щелкнул рычажком, красный огонек рядом замигал, и Дэниел произнес: — Можно отправляться. Мы готовы.

Машина слегка зашумела, их чуть-чуть прижало к спинке сиденья, но тут же шум и давление прекратились, и за ними ничего не последовало.

— Мы что, уже едем? — удивился Бейли.

— Да, эта машина движется не на колесах, а на диамагнитной силовой подушке. Чувствуется только торможение или ускорение.

— А повороты?

— Машина автоматически уравновешивает крен. То же происходит на подъемах и спусках.

— Сложное, должно быть, управление, — сухо заметил Бейли.

— Полностью автоматизированное. Машину ведет робот.

— Угу. — Бейли уже узнал все, что хотел. — Нам долго ехать?

— Около часа. По воздуху было бы быстрее, но я позаботился о том, чтобы поместить вас в укрытие, а солярианский аэроплан нельзя изолировать настолько плотно, как эту машину, в которой мы едем.

Бейли такая заботливость привела в раздражение — он почувствовал себя ребенком под опекой няньки. Почти так же раздражала его, как ни странно, речь Дэниела. Ему казалось, что эти безупречно правильные фразы быстро выдадут, кто тот такой.

Бейли обратил испытующий взгляд на Р. Дэниела Оливо. Робот, сидя неподвижно, смотрел прямо перед собой, и пристальное внимание Бейли его, как видно, не смущало.

Кожа Дэниела была сделана безукоризненно, каждый волосок на голове и на теле любовно и искусно посажен на место. Под кожей вполне натурально двигались мускулы. Усилий не пожалели, не упустили ничего — даже самую малость. Но Бейли знал по опыту, что на конечностях и грудной клетке Дэниела есть невидимые швы, по которым робота можно вскрыть и починить в случае надобности. Он знал, что под этой столь натуральной кожей находится металл и силикон, что в черепной коробке помещается позитронный мозг — мощный, но все-таки позитронный, что «мысли» Дэниела — всего лишь короткие импульсы позитронов, бегущие по тщательно продуманным и собранным электронным схемам.

Но что может разоблачить его в глазах специалиста, не знающего заранее, кто он? Легкая неестественность речи? Полная невозмутимость, отсутствие эмоций? Самое его совершенство?

Однако время идет. Бейли сказал:

— Давайте поговорим, Дэниел. Думаю, вы перед отправкой сюда получили кое-какую информацию о Солярии?

— Да, партнер Элайдж.

— Хорошо — а вот мне ее дать не потрудились. Каковы размеры планеты?

— Диаметр 9500 миль. Это самая большая из трех планет системы и единственная обитаемая. По климату

и атмосфере напоминает Землю, процент плодородных земель выше, чем на Земле, а содержание полезных ископаемых — ниже, но разрабатываются они менее интенсивно. Солярия экономически самостоятельна и благодаря экспорту роботов обеспечивает себе высокий уровень жизни.

— Население?

— Двадцать тысяч, партнер Элайдж.

Бейли сделал прикидку и мягко сказал:

— Вы, наверно, хотели сказать — двадцать миллионов? — Обладая лишь приблизительными сведениями о Внешних Мирах, Бейли тем не менее знал, что, как ни мало они населены, количество их обитателей исчисляется все-таки миллионами.

— Двадцать тысяч, партнер Элайдж, — повторил робот.

— Значит, планета заселена недавно?

— Отнюдь нет. Солярия объявила о своей независимости два столетия назад, а заселена была за век до этого. Численность населения намеренно поддерживается в пределах двадцати тысяч — подобную цифру сочли оптимальной сами соляриане.

— Какую же часть планеты они занимают?

— Всю плодородную зону.

— Сколько это будет в квадратных милях?

— Тридцать миллионов квадратных миль, включая пограничные районы.

— И это на двадцать тысяч человек?

— Здесь работает также около двухсот миллионов позитронных роботов, партнер Элайдж.

— Иосафат! Что же получается — десять тысяч роботов на человека?

— Самый высокий показатель во Внешних Мирах, партнер Элайдж. Второе место занимает Аврора, а там на человека приходится всего пятьдесят роботов.

— Зачем им столько роботов? Куда девать такое количество продовольствия?

— Производство продуктов питания — не самое главное в экономике Солярии. Важнее горные работы, а самое важное — производство энергии.

У Бейли голова закружилась при мысли о таком количестве роботов. Двести миллионов! И так мало

людей. Должно быть, эти роботы прямо-таки кишат по-всюду. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что Солярия населена исключительно роботами — трудно было бы разглядеть тонкую человеческую прослойку.

Бейли вдруг потянуло увидеть все своими глазами. Он вспомнил беседу с Миннимом и социологический прогноз, согласно которому Земле угрожает гибель. Все это казалось далеким и нереальным, но помнилось. Собственные заботы и переживания после отлета с Земли заслонили невероятные истины, о которых столь хладнокровно, выговаривая каждый звук, вещал Минним, но не стерли их из памяти.

Бейли всегда старался добросовестно нести службу, и даже страх перед открытым пространством не мог помешать ему исполнять свои обязанности. Сведения, полученные от космонитов — в данном случае от космонитского робота, — имелись и у земных социологов. Необходимы личные наблюдения — и его долг, хоть и неприятный, заняться ими. Бейли посмотрел вверх.

— Эта штука убирается, Дэниел?
 — Простите, партнер Элайдж, я не совсем понял вас.
 — Верх машины съемный? Можно убрать его так, чтобы мы оказались... под открытым небом? (Он чуть не сказал по привычке «под куполом».)
 — Да, можно.
 — Тогда сделайте это, Дэниел. Я хочу посмотреть.
 — Простите, но я не могу этого допустить, — серьезно ответил робот.
 — Послушайте, Р. Дэниел! — изумленно воскликнул Бейли, подчеркнув это «Р». — Скажу иначе. Я приказываю вам опустить верх.

Ведь он же робот, хоть и человекоподобный. Он обязан подчиняться приказам.

Но Дэниел, не двинувшись с места, сказал:
 — Я вынужден сослаться на то, что моя первая обязанность — не причинять вреда вам. Из моих инструкций и личного опыта следует, что находиться в открытом пространстве для вас вредно. Поэтому я не могу исполнить ваше приказание.

Бейли почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, и в то же время понял, что сердиться бесполезно. Да, Дэниел робот, а Бейли хорошо знал Первый Закон

Роботехники. Тот гласил: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

Мозг позитронного робота, из какого бы мира робот ни происходил, целиком подчиняется этой основополагающей формуле. Робот, разумеется, обязан выполнять приказы, но лишь при одном первостепенном условии. Подчинение приказам — только Второй Закон Роботехники. Он гласит:

«Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону».

Бейли заставил себя говорить спокойно и рассудительно.

— Мне кажется, я мог бы немного выдержать, Дэниел.

— Мне так не кажется, партнер Элайдж.

— Позвольте мне судить самому, Дэниел.

— Если это приказ, партнер Элайдж, я не могу ему подчиниться.

Бейли снова откинулся на спинку мягкого сиденья. О том, чтобы применить силу, и речи быть не могло. Дэниел раз в сто сильнее человека из плоти и крови и вполне способен остановить Бейли, не причинив ему ни малейшего вреда.

Бейли был вооружен и мог бы наставить на Дэниела бластер, но, достигнув минутного превосходства, потерпел бы потом полный провал. Роботу угрожать бесполезно. Закон самосохранения — лишь Третий Закон Роботехники, и он гласит: «Робот должен заботиться о своей безопасности постольку, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам».

Дэниел не сможет нарушить Первый Закон даже под угрозой гибели, а Бейли совсем не хотелось уничтожать напарника.

А из машины выглянуть все-таки подмывало. Им словно овладела навязчивая идея. Нельзя допустить, чтобы между ним и Дэниелом утвердились отношения ребенка и няни.

На миг Бейли задумался — не приставить ли бластер к собственному виску. Открой верх, или я убью себя. Противопоставить Первому Закону более грозную опасность.

Но он знал, что не сделает этого — уж слишком подло. Противно было даже представить себе такую картину.

— Пожалуйста, спросите у водителя, сколько миль нам еще осталось ехать, — устало сказал он.

— Пожалуйста, партнер Элайдж.

Дэниел наклонился и щелкнул рычажком. В это время Бейли тоже наклонился и крикнул:

— Водитель! Опусти верх машины!

Человеческая рука вернула рычажок в прежнее положение и осталась на нем. Бейли, часто дыша, взглянул в глаза Дэниелу.

Тот застыл на миг, словно его электронные извилины не могли сразу оценить новую ситуацию. Впрочем, столбняк миновал, и робот протянул руку к рычажку. Бейли предвидел это. Сейчас Дэниел уберет его руку (осторожно, не причиняя вреда), включит динамик и отменит приказ.

— Вы не сможете убрать мою руку, не повредив ее, — сказал Бейли. — Предупреждаю вас. Вы рискуете сломать мне палец.

Он говорил неправду, и сам это знал. Но Дэниел не стал ничего предпринимать. Вред против вреда. Позитронному мозгу нужно было взвесить оба варианта и перевести их в электрические импульсы, что означало дополнительную задержку.

— Опоздали, — сказал Бейли. Он выиграл. Верх машины скользнул вниз, и салон залил резкий белый свет солярианского солнца.

В первом приступе ужаса Бейли хотел закрыть глаза, но пересилил себя. На него хлынул невероятно огромный, голубовато-зеленый простор. Бейли чувствовал, как лицо обдувает неуправляемый воздух, но ничего не мог толком рассмотреть. Что-то промелькнуло мимо — то ли робот, то ли животное, то ли неодушевленный предмет, подхваченный потоком воздуха. Бейли не заметил — они ехали слишком быстро.

Синева, зелень, воздух, шум, движение — а надо всем яростный, безжалостный, устрашающий лик белого светила.

Бейли откинулся на спинку сиденья и уставился прямо на солярианское солнце. Глазами, которые сейчас не защищало

рассеивающее стекло верхнего яруса Города, он смотрел на обнаженное солнце.

В тот же миг он почувствовал у себя на плечах руки Дэниела. В смятении Бейли лихорадочно твердил себе: надо смотреть! Надо увидеть все, что можно. А Дэниел, похоже, собирался ему помешать.

Но не посмеет же робот остановить человека силой! Эта мысль преобладала над прочими. Дэниел не может помешать ему — и все же руки Дэниела тянут вниз.

Бейли попытался вырваться из стальных объятий и потерял сознание.

Глава 3

ИМЯ ПРОИЗНОСИТСЯ

Kогда он пришел в себя, он снова был в укрытии, в безопасности. Перед глазами плясало лицо Дэниела, все в черных мушках — а когда Бейли моргал, они становились красными.

— Что случилось? — сказал Бейли.

— Я сожалею, — сказал Дэниел, — что вы пострадали, несмотря на мое присутствие. Прямые лучи солнца вредны для человеческого зрения, но я надеюсь, что короткое облучение, которому вы подверглись, не причинило вам большого вреда и ваше недомогание вскоре пройдет. Когда верх открылся, я был вынужден вернуть вас на место, и вы потеряли сознание.

Бейли скривил гримасу. Оставалось неясным — то ли он лишился чувств от волнения (или страха), то ли его оглушили. Пощупав челюсть и лоб, Бейли убедился, что боли нет, но воздержался от прямого вопроса — ему как-то не очень хотелось знать правду.

— Это было не так уж и страшно, — сказал он.

— По вашей реакции, партнер Элайдж, я склонен был думать, что вы испытали неприятные ощущения.

— Вовсе нет, — заупрямился Бейли. Мушки перед глазами пропадали, и глаза уже не так слезились. — Жаль только, что так мало удалось рассмотреть. Мы слишком быстро едем. Проехали мы робота или мне показалось?

— Мы проехали нескольких роботов. Мы едем по землям Кинбалльда, занятым под фруктовые сады.

— Придется попробовать еще раз.

— Пока я рядом, у вас ничего не получится. Кстати, я выполнил ваше распоряжение.

— Распоряжение?

— Если вы помните, партнер Элайдж, перед тем, как приказать водителю опустить верх, вы велели мне узнать у него, сколько миль нам осталось ехать. Десять миль, и мы будем на месте минут через шесть.

Бейли хотел было спросить Дэниела, не сердится ли тот, что партнер перехитрил его — вот бы посмотреть, как это совершенное лицо лишится своего совершенства, — но удержался. Дэниел, конечно, ответит просто «нет», без гнева и раздражения. Останется таким же спокойным и серьезным, как всегда — его безмятежность ничем не проймешь.

— Все равно мне придется привыкать, Дэниел, — сами знаете.

— К чему относятся ваши слова? — спросил робот.

— Иосафат! Да все к нему же, к свежему воздуху. Из него ведь состоит вся планета.

— Вам не придется выходить на открытый воздух, — сказал Дэниел и, как будто этим было все сказано, продолжал: — Машина замедляет ход, партнер Элайдж. Полагаю, мы прибыли. Теперь нужно будет подождать, пока протянут рукав к помещению, которое будет служить нам штаб-квартирой.

— Не нужно рукава, Дэниел. Если мне придется работать снаружи, незачем откладывать обучение.

— Вам не придется работать снаружи, партнер Элайдж. — Робот хотел продолжить, но Бейли отмахнулся. Он сейчас был не в настроении выслушивать утешения Дэниела и заверения, что все будет хорошо и о нем позаботятся.

Чего ему недоставало, так это искренней убежденности в том, что он сможет сам позаботиться о себе и выполнить свою задачу. Вид и ощущение открытого пространства трудно было вынести. Может случиться и так, что, когда придет время, Бейли не хватит смелости. Ему это будет стоить самоуважения, а Земле — шанса на выживание. И все из-за какого-то пустого пространства.

Бейли стиснул зубы. Снова выйти на воздух, на солнце, в пустоту!

Элайдж Бейли чувствовал себя жителем какого-нибудь небольшого Города, вроде Хельсинки, который приехал в Нью-Йорк и с трепетом считает его горизонты. Со слов Дэниела он успел составить впечатление об ожидавшем его «помещении», однако действительность опрокинула все предположения. Он шел по бесконечным комнатам. Панорамные окна были старательно зашторены, так что внутрь не проникал ни единый отблеск тревожного дневного света. Скрытые светильники бесшумно загорались, когда Бейли с Дэниелом входили в комнату, и так же тихо гасли, когда они выходили.

— До чего много комнат, — удивился Бейли, — до чего много. Прямо как маленький городок, Дэниел.

— Да, может показаться и так, партнер Элайдж, — хладнокровно отвечал робот.

На взгляд землянина, это было странно. Зачем селить его по соседству со столькими космонитами? Он спросил:

— А сколько еще человек будет здесь жить?

— Здесь, конечно, буду жить я — и некоторое количество роботов.

Следовало бы сказать — других роботов, подумал Бейли. Лишний раз подтвердилось, что Дэниел намерен изображать человека — даже когда нет другой публики, кроме Бейли, который слишком хорошо знает правду. Но ему надо было выяснить другое:

— Роботов? А человек сколько?

— Ни одного, партнер Элайдж.

Они только что вошли в комнату, где от пола до потолка тянулись полки с книгофильмами. В трех углах комнаты стояли проекторы с большими вертикальными 24-дюймовыми экранами, в четвертом углу висел киноэкран. Бейли раздражительно спросил:

— Неужели всех выгнали, чтобы я в одиночестве слонялся по этому мавзолею?

— Помещение предназначено для вас одного. Подобные жилища приняты на Солярии повсеместно.

— Тут все так живут?

— Все.

- А зачем им столько комнат?
- Здесь принято посвящать каждую комнату определенной цели. Вот это — библиотека. Имеются также музыкальная комната, гимнастический зал, кухня, кондитерская, столовая, мастерская, различные помещения для ремонта и испытания роботов, две спальни...
- Стоп! Откуда вы это знаете?
- Это входит в массив информации, полученной мною на Авроре.
- Иосафат! Кто же следит за порядком? — Бейли сделал широкий жест рукой.
- Группа домашних роботов. Они приставлены к вам и позаботятся о том, чтобы вам было удобно.
- Но мне не нужно столько, — сказал Бейли. Ему захотелось сесть и больше не двигаться с места. Довольно с него этих комнат.
- Мы можем ограничиться одной комнатой, если пожелаете. Такая возможность предусматривалась заранее. Однако, принимая во внимание солярианские обычай, сочли разумным все же построить этот дом.
- Построить?! — вытаращил глаза Бейли. — Вы хотите сказать, его построили ради меня одного? Вот это все? Специально?
- Полностью роботизированная экономика...
- Знаю, знаю. А что сделают с домом, когда я уеду?
- Скорее всего, снесут.
- Бейли сжал губы. Снесут! Ну конечно. Сначала строят громадное здание для одного-единственного землянина, а потом уничтожают все, к чему он прикасался. Стерилизуют почву, на которой стоял дом! Дезинфицируют воздух, которым дышал землянин! При всем могуществе космонитов и у них есть свои смешные слабости.
- То ли Дэниел прочел мысли партнера, то ли правильно истолковал выражение его лица, но он сказал:
- Вам может показаться, партнер Элайдж, что дом будет снесен из-за боязни инфекции. Если так, советую вам воздержаться от отрицательных эмоций по этому поводу. Страх космонитов перед заболеваниями не доходит до такой степени. Постройка дома просто не представляет для них никакой трудности. Не принимаются во внимание и затраты по его сносу. По закону, партнер Элайдж, этот дом просто невозможно сохра-

нить. Он находится в поместье Хенниса Грюера, а в каждом поместье закон допускает только одно жилище, принадлежащее его владельцу. Этот дом выстроен по особому распоряжению, для особого случая. Он предназначен для нашего проживания в течение определенного времени, пока мы не завершим свою миссию.

— А кто такой Хеннис Грюер?

— Глава солярианской Службы Безопасности. Мы скоро увидимся с ним.

— Скоро? Иосафат, Дэниел. Когда же я узнаю хоть что-нибудь? Я работаю в вакууме, и мне это не нравится. С тем же успехом я мог бы вернуться на Землю. С тем же успехом... — Бейли почувствовал, что впадает в истерику, и вовремя остановился.

Дэниел и бровью не повел — просто ждал, когда будет можно вставить слово.

— Сожалею, что вас это так раздражает. Мои знания о Солярии действительно обширнее ваших, но сведения относительно убийства столь же ограничены, как и у вас. Именно агент Грюер должен сообщить все, что нам следует знать. Таково указание солярианского правительства.

— Тогда отправимся к Грюеру. Далеко ехать? — Бейли содрогнулся от мысли о новой поездке и почувствовал знакомую тяжесть в груди.

— Ехать никуда не придется, партнер Элайдж. Агент Грюер будет нас ждать в переговорной комнате.

— И для переговоров есть комната? — пробурчал себе под нос Бейли. Вслух он спросил: — Он уже ждет нас?

— Должно быть, да.

— Тогда пойдемте, Дэниел!

Хеннис Грюер был лыс — абсолютно лыс. На его гладком черепе отсутствовал хотя бы даже намек на волосы.

Бейли слготнул и попытался, из вежливости, не пялить глаза на голый череп, но у него не получалось. На Земле существовало определенное мнение о космонитах, внедренное самими же космонитами. Космониты — бесспорные властители Галактики; космонит должен быть высоким, с бронзовой кожей и такими же волосами, красивым, сильным, спокойным и аристократичным.

Короче, таким, как Р. Дэниел Оливо, но притом человеком.

Космониты, которых присылали на Землю, так и выглядели — возможно, их отбирали специально.

Но вот перед ним космонит, который вполне мог бы сойти за землянина. Он лыс, и нос у него неправильной формы. Не так чтобы очень, но на лице космонита приметна даже легкая асимметрия.

— Добрый день, сэр, — сказал Бейли. — Извините, если заставили ждать. — Вежливость никогда не повредит — ему ведь работать с этими людьми.

У Бейли мелькнула было мысль пересечь комнату, до смешного громадную, и подать Грюеру руку, но он тут же раздумал. Космониту, конечно, не понравится такое приветствие: пожимать руку, на которой полно земных бактерий!

Грюер сидел настолько далеко от Бейли, насколько было возможно, сунув руки в длинные рукава — пожалуй, и с фильтрами в носу, хотя Бейли их не было видно. Инспектору показалось, что Грюер неодобрительно косится на Дэниела, как бы думая: что за странный космонит, стоит так близко к землянину.

Стало быть, Грюер тоже не знает правды. Но тут Бейли заметил, что Дэниел стоит на некотором расстоянии от него — дальше, чем обычно.

Ну конечно! Излишняя близость насторожила бы Грюера. Дэниел должен вести себя, как человек.

Грюер заговорил приветливо и дружелюбно, но не переставая коситься на Дэниела: то отведет глаза, то снова взглянет.

— Нет-нет, вы подошли как раз вовремя. Добро пожаловать на Солярию, господа. Вы хорошо устроились?

— Да, сэр, вполне, — ответил Бейли. Может быть, этикет требовал, чтобы ответил Дэниел, как «космонит»? Но Бейли тут же с негодованием отверг эту мысль. Иосафат! Следствие поручено ему, а Дэниел — всего лишь помощник. Бейли в данном случае не стал бы играть вторую скрипку и при настоящем космоните, а уж о роботе нечего и говорить — даже если робот такой, как Дэниел.

Но Дэниел и не пытался опередить Бейли, а Грюер не выказал удивления или неодобрения — он просто переключил все внимание на Бейли и сказал:

— Вам ничего не говорили, инспектор Бейли, относительно убийства, для расследования которого потребовалась ваша помощь. И вы, должно быть, в недоумении. — Он встярхнул рукавами, откинув их назад, и сложил руки на коленях. — Пожалуйста, присядьте, господа.

Они сели, и Бейли сказал:

— Да, мы испытываем недоумение. — Он отметил, что Грюер без перчаток.

— Это входило в наши намерения, инспектор, — продолжал Грюер. — Было желательно, чтобы вы прибыли сюда со свежей головой, не делая предвзятых выводов. Вам тотчас же предоставят отчет о преступлении и о мерах, которые мы сумели предпринять. Боюсь, инспектор, что вы, с вашим опытом, сочтете наши действия до смешного непрофессиональными. У нас на Солярии нет полиции.

— Совсем никакой? — спросил Бейли.

Грюер улыбнулся и пожал плечами.

— Видите ли, у нас и преступности нет. Население очень маленькое и разбросано по всей планете. Нет почвы для преступности — нет и полиции.

— Понятно. Однако преступление все-таки произошло.

— Верно — но это первое тяжкое преступление за последние два века.

— И, к несчастью, именно убийство.

— Да, к несчастью. К тому же убит такой человек, потерять которого было крайне нежелательно. Это исключительно тяжелая утрата для всех нас. В высшей степени зверское убийство.

— Относительно личности убийцы, вероятно, нет никаких предположений? (Иначе зачем было выписывать детектива с Земли?)

Грюер явно чувствовал себя неловко. Он снова покосился на Дэниела, который сидел неподвижно и впитывал информацию, как и полагается мыслящей машине. Бейли знал, что Дэниел может в любое время воспроизвести все, что услышит, с любого места, от

начала до конца. Записывающее устройство в человеческом облике.

Знал ли о том Грюер? Решительно, он смотрел на Дэниела как-то странно.

— Нет, я бы не сказал, что убийца неизвестен, — ответил солярианин. — В сущности, только один человек имел возможность совершить убийство.

— Вы уверены? Или хотите сказать, что этот человек *подозревается* в убийстве? — Бейли не доверял голословным утверждениям и неодобрительно относился к кабинетной дедукции, которая сразу приходит к неопровержимому выводу вместо того, чтобы подобрать несколько вариантов.

Но Грюер покачал своей лысой головой.

— Нет. Возможность была только у него. Остальные исключаются. Полностью исключаются.

— Полностью?

— Уверяю вас.

— Тогда в чем же проблема?

— Проблема существует. Тот человек тоже не мог совершить преступления.

— Значит, его никто не совершал, — спокойно заметил Бейли.

— И все же оно совершилось. Рикэн Дельмар убит.

Уже кое-что, подумал Бейли. Иосафат, наконец-то! У меня есть имя убитого.

Он достал свой блокнот и старательно записал это имя — отчасти из ехидного желания подчеркнуть, что наконец получил хоть какой-то факт, отчасти, чтобы не так бросалось в глаза присутствие рядом записывающей машины, которой нет нужды делать заметки.

— Как оно пишется? — спросил он.

Грюер продиктовал ему по буквам.

— Его профессия, сэр?

— Фетолог.

Бейли записал, решив пока не вдаваться в подробности, и спросил:

— Кто бы мог подробно рассказать мне, как произошло убийство? Желательно, чтобы это был очевидец.

Грюер сумрачно усмехнулся и снова мельком взглянул на Дэниела.

— Обратитесь к вдове убитого, инспектор.

— Вдова?

— Да. Ее зовут Глэдия. — Грюер произнес имя по слогам, сделав ударение на втором.

— У них есть дети? — Не получив ответа, Бейли поднял глаза со своего блокнота. — Дети, сэр?

Грюер брезгливо поджал губы, точно попробовал на вкус что-то мерзкое и его затошило. Потом процедил:

— Вряд ли я смогу вам ответить.

— То есть как?

Грюер поспешил продолжить:

— Во всяком случае, дело вполне терпит до завтра. Я знаю, что вы проделали трудный путь, господин Бейли, вы устали и, должно быть, проголодались.

Бейли хотел было возразить, но обнаружил, что мысль о еде ему необычайно мила.

— Не хотите ли отобедать с нами? — предложил он Грюеру, не думая, что космонит согласится. А все-таки Грюер в последний раз обратился к нему «господин Бейли», а не «инспектор». Уже кое-что.

Грюер, как и следовало ожидать, ответил:

— К сожалению, у меня деловое свидание, и я вынужден вас покинуть.

Бейли встал. Вежливость требовала проводить Грюера до дверей. Но, во-первых, Элайдж вовсе не горел желанием приближаться к входной двери и к тому, что за ней, а во-вторых, не знал, где эта самая дверь. Грюер улыбнулся и кивнул ему.

— Мы скоро увидимся. Ваши роботы знают комбинацию, по которой можно связаться со мной.

И пропал.

Бейли вскрикнул. Грюер исчез без следа вместе со столом, на котором сидел. Стена позади и пол под его ногами мгновенно приняли другой вид.

— Его здесь и не было, — спокойно сказал Дэниел. — Трехмерное изображение. Я думал, вы знаете — на Земле они ведь тоже существуют.

— Не такие, — пробормотал Бейли.

Трехмерное изображение на Земле заключено в куб силового поля, которое мерцает на окружающем фоне,

да и само изображение слегка переливается. На Земле его не спутаешь с реальностью. Но здесь...

Неудивительно, что Грюер был без перчаток. Носовые фильтры ему в таком случае тоже ни к чему.

— Не хотите ли поесть, партнер Элайдж? — спросил Дэниел.

За обедом Бейли ждало испытание. Появились роботы. Один накрывал на стол, другой подавал.

— Сколько их тут, Дэниел? — спросил Бейли.

— Около пятидесяти, партнер Элайдж.

— Им обязательно оставаться здесь, пока мы едим? — Один из роботов пристроился в углу, обратив к Бейли свою блестящую красноглазую физиономию.

— Один обычно остается на случай, если понадобятся его услуги. Если вам не нравится, достаточно приказать — и он уйдет.

— Да пусть его стоит! — пожал плечами Бейли.

В нормальных условиях он счел бы обед превосходным, но сейчас ел машинально. Он рассеянно отметил, что Дэниел тоже ест, поглощая пищу невозмутимо, но старательно. Потом ему, конечно, придется опорожнить фтористоуглеродный пакет, куда попадает «съеденная» пища, но Дэниел честно играл свою роль.

— Сейчас уже ночь? — спросил Бейли.

— Да, — ответил Дэниел.

Бейли мрачно смотрел на свою кровать. Она была слишком просторной, равно как и спальня. Одеял, в которые можно зарыться, не было — одни простыни. Как-то неуютно.

Неуютно и неудобно! Бейли только что скрепя сердце принял душ в кабинке по соседству со спальней. Это, конечно, верх роскоши, но все же негигиенично.

— Как выключается свет? — буркнул он. Из головье кровати мягко светилось. Должно быть, для просмотра книг перед сном, но у Бейли сейчас не было настроения.

— Он погаснет, как только вы расположитесь ко сну.

— Опять роботы?

— Это их работа.

— Иосафат! Эти соляриане хоть что-нибудь делают сами? Как только робот не пришел потереть мне спину, пока я мылся!

Дэниел сказал без тени юмора:

— Он пришел бы, если бы вы позвали. Что до соляриан, то они поступают, как им удобно. Ни один робот не станет делать то, что ему не приказано, если только это не требуется для блага человека.

— Что ж, спокойной ночи, Дэниел.

— Я буду в другой спальне, партнер Элайдж. Если вам что-нибудь понадобится, то в любое время ночи...

— Знаю. Работы придут.

— На тумбочке есть кнопка вызова. Нажмите ее — и я приду тоже.

Бейли никак не мог заснуть. Он все представлял себе свой новый дом, который едва держится на внешней оболочке планеты, а рядом затаилось гнусное чудище — пустота.

Его земное жилье — уютная, удобная, тесная квартирушка — находилась в скоплении других жилищ. От поверхности Земли его отделяли десятки горизонтов и тысячи людей.

Но ведь даже и на Земле, внушил себе Бейли, люди живут на самом верхнем горизонте, за которым уже воздух. Да! И потому эти квартиры дешевле всех остальных.

Потом он стал думать о Джесси, которая была за тысячу световых лет от него. Бейли страшно хотелось вылезти сейчас из постели, одеться и пойти к ней. Его мысли путались. Вот был бы туннель, хороший, надежный туннель из крепкого камня и стали, отсюда и до Земли, тогда он шел бы и шел по нему...

Шел бы и шел, и пришел обратно на Землю, к Джесси, где так уютно и безопасно...

Безопасно.

Бейли открыл глаза. Дрожа всем телом, он приподнялся на локте, не совсем соображая, что делает.

Безопасность! Хенрис Грюер возглавляет солярианскую Службу Безопасности. Так сказал Дэниел. Что значит «безопасности»? Если то же, что на Земле, а скорее всего так и есть, то этот Грюер отвечает за охрану Солярии от вторжений извне и переворотов изнутри.

Почему он занимается убийством? Только потому, что на Солярии нет полиции и Служба Безопасности, в принципе, лучше всех должна разбираться в подобных делах?

Грюер, похоже, чувствовал себя свободно с Бейли, но то и дело посматривал на Дэниела. Не потому ли, что питал насчет того определенные подозрения? Если Бейли было приказано смотреть в оба, то и Дэниел вполне мог получить такое же задание.

Со стороны Грюера было бы естественно заподозрить их в шпионаже. Это его работа — подозревать шпионов везде, где только можно. Но Бейли он не слишком опасался — Бейли землянин, представитель самого отсталого мира в Галактике.

Другое дело Дэниел, гражданин Авроры — старейшего, самого крупного и развитого из Внешних Миров.

А ведь Грюер не перемолвился с Дэниелом ни словечком, вспомнил Бейли.

Снова все тот же вопрос: почему Дэниел так старательно притворяется человеком? Первоначальное объяснение этого тщеславной гордостью создателей Дэниела теперь казалось Бейли легковесным. Становилось очевидным, что для такого маскарада были причины посеребренее.

Человек может пользоваться дипломатическим иммунитетом, рассчитывать на определенную учтивость в обращении. Робот не может. Но почему же тогда Аврора не послала сюда настоящего человека, а предпочла сделать отчаянную ставку на подделку? Ответ напрашивался сам собой. Настоящий аврорианец, настоящий космонит никогда не пошел бы на такое тесное и долгое сотрудничество с землянином.

А если все верно, почему Солярия придает этому убийству такое значение, что допустила к себе и землянина, и аврорианца?

Бейли понял, что попал в капкан.

Его держит в кашле доверенное ему дело. Держит опасность, угрожающая Земле. Окружающая среда, которую он с трудом переносит, ответственность, которой он не может пренебречь. И в довершение всего, он попал в гущу какого-то космонитского конфликта, сути которого не понимает.

Глава 4

ЖЕНЩИНА ПОЯВЛЯЕТСЯ

Наконец Бейли уснул. Он не помнил, когда это произошло — просто мысли вдруг смешались, а в следующий момент из головье его кровати уже светилось, и потолок заливал прохладный, подобный дневному, свет. Бейли посмотрел на часы. Прошло несколько часов, и роботы, которые занимались домом, решили, что хозяину пора вставать.

Интересно, проснулся ли Дэниел, подумал Бейли — и упрекнул себя в отсутствии логики. Дэниел ведь не спит. Разве что для полного сходства с человеком, имитирует и сон тоже. Переодевается ли он на ночь?

И тут, как по заказу, появился Дэниел.

— Доброе утро, партнер Элайдж. — Он был полностью одет и выглядел вполне отдохнувшим. — Хорошо спали?

— Да, — сухо ответил Бейли, — а вы? — Он встал с постели и отправился в ванную побриться и проделать прочие утренние процедуры. — Если робот придет меня брить, — крикнул он Дэниелу, — отошлите его. Они мне действуют на нервы. Даже когда я их не вижу.

Бреясь, он смотрел на себя в зеркало и немного удивлялся тому, что выглядит так же, как на Земле. Вот если бы в зеркале был другой землянин, с которым можно посоветоваться, а не просто его собственное отражение, Бейли передал бы ему то, что удалось узнать, хотя новостей не густо...

— Маловато! Надо узнатъ побольше, — сказал он зеркалу, надел чистое белье (роботы обо всем позабочились, чтоб им пусто было), вышел, вытирая лицо, и натянул брюки.

— Дэниел, вы можете ответить мне на пару вопросов?

— Как вам известно, партнер Элайдж, я всегда отвечаю на все вопросы по мере своих знаний.

Или по букве инструкции, подумал Бейли и спросил:

— Почему на Солярии всего двадцать тысяч населения?

— Такую цифру, — сказал Дэниел, — получили путем вычислений.

— Да, но вы уходите от ответа. Планета способна вместить миллионы — почему же только двадцать тысяч? Вы сказали, что соляриане считают эту цифру оптимальной. Почему?

— Таков их образ жизни.

— Вы хотите сказать, что они контролируют рождаемость?

— Да.

— И оставляют планету пустовать? — Бейли сам не знал, почему прицепился именно к населению, но это был один из немногих известных ему фактов — больше особенно не о чем было спрашивать.

— Планета не пустует, — ответил Дэниел. — Она поделена на поместья, и каждым управляет один человек.

— Каждый живет в своем поместье? Двадцать тысяч поместий, и в каждом по солярианину?

— Нет, поместьи меньше. В них живут также и жены владельцев.

— А городов нет? — Бейли похолодел.

— Ни одного, партнер Элайдж. Они живут совершенно раздельно и никогда не встречаются друг с другом — только в самых чрезвычайных обстоятельствах.

— Они что, отшельники?

— И да и нет.

— Что это значит?

— Агент Грюер посетил вас вчера, пользуясь видео связью. Соляриане наносят друг другу визиты именно так и не иначе.

— Это и к нам относится? От нас тоже ожидаю подобного поведения?

— Так здесь принято.

— Как же я буду вести следствие? Если я захочу кого-нибудь повидать...

— Вы можете связаться с любым человеком на планете, не выходя из дома, партнер Элайдж. С этим не будет никаких проблем. Не придется беспокоить себя и покидать помещение. Потому я и говорил по прибытии сюда, что вам нет необходимости привыкать к открытому пространству. И это к лучшему. Иной порядок вещей был бы для вас крайне неудобен.

— Я сам буду судить, что мне удобно, а что нет, — сказал Бейли. — Сегодня первым делом, Дэниел, я свяжусь с Глэдией, вдовой убитого. И если видеоконтакта будет недостаточно, поеду к ней лично. Мне решать.

— Посмотрим, что окажется наиболее приемлемым и осуществимым, — уклончиво сказал Дэниел. — Пойду распоряжусь насчет завтрака.

Глядя в широкую спину робота, Бейли про себя посмеялся. Дэниел Оливо разыгрывает командира. Но если ему велено не давать Бейли узнать больше, чем абсолютно необходимо, то у Бейли тоже есть свой козырь.

Его партнер — всего лишь Р. Дэниел Оливо. Все, что нужно, — это сказать Грюеру или кому-нибудь еще, что Дэниел робот, а не человек.

А с другой стороны, легенда Дэниела тоже может пригодиться. Козырь не обязательно предъявлять сразу. Иногда он ценнее, когда в рукаве. Поживем — увидим, подумал Бейли и пошел вслед за Дэниелом в столовую.

— Как здесь вызывают на видеосвязь? — спросил инспектор.

— Сейчас устроим, партнер Элайдж, — ответил Дэниел и нажал одну из клавиш вызова.

Тут же вошел робот.

И откуда они берутся, подумал Бейли. Когда брошишь по этому безлюдному лабиринту, называемому

домом, ни одного робота не видно. Чего они, прячутся, когда приближаются люди? Подают друг другу сигнал и убираются с дороги?

А по вызову являются без промедления.

Бейли присмотрелся к вошедшему роботу. Он был гладкий, но не блестящий, а матовый, серого цвета, и только на правом плече выделялось цветовое пятно — маркировка в виде шахматной доски. Белые и желтые клетки (точнее, золотые и серебряные, так блестел металл) располагались то ли в определенном, то ли в произвольном порядке.

— Проводи нас в переговорную, — сказал ему Дэниел.

Робот молча поклонился и хотел идти.

— Погоди, бой, — сказал Бейли. — Как тебя зовут?

Робот повернулся к Бейли лицом и четко произнес:

— У меня нет имени, господин. Мой серийный номер, — робот указал металлическим пальцем себе на плечо, — АСХ-2745.

Дэниел и Бейли последовали за ним в большую комнату, которую Бейли узнал — вчера здесь сидел на стуле Грюер. Там их ждал другой робот — с бесконечным терпением машины, не знающей, что такое скука. Первый робот поклонился и ушел.

Пока он откланивался, Бейли сравнивал наплечные знаки обоих роботов. Золотые и серебряные квадратики на них располагались по-разному. Шесть на шесть квадратов, составляющих шахматную доску, дают 2^{36} различных комбинаций, то есть 70 миллиардов. Более чем достаточно.

— Видно, на все есть свой робот, — сказал Бейли. — Один провожает сюда, другой отвечает за связь.

— У солярианских роботов очень узкая специализация, партнер Элайдж.

— Понятно почему, раз их так много. — Второй робот, если не считать наплечного знака и каких-то позитронных различий в пористом платино-иридевом мозгу, был близнецом первого. Бейли спросил его:

— Твой серийный номер?

— АСС-1129, господин.

— Я буду звать тебя просто бой. Я хочу поговорить с госпожой Глэдзией Дельмар, вдовой Рикэна Дельмара. Дэниел, как узнать ее адрес, чтобы легче было найти?

— Не думаю, что нужна еще какая-то информация, — мягко ответил Дэниел. — Если позволите, я спрошу робота...

— Лучше я сам. Итак, бой, ты знаешь, как вызвать эту даму?

— Да, господин. У меня есть номера всех господ. — Робот не вкладывал гордости в свой ответ — он просто констатировал факт, как если бы сказал: «Я сделан из металла, господин».

— Неудивительно, партнер Элайдж, — вставил Дэниел. — В память следует заложить всего около десяти тысяч номеров, а это немного.

Бейли кивнула.

— А другой Глэдзии Дельмар, случайно, нет? Как бы не ошибиться.

— Господин? — недоуменно переспросил робот.

— Я думаю, робот не понял вашего вопроса, — сказал Дэниел. — Мне кажется, на Солярии не встречаются одинаковые имена. Они регистрируются при рождении, и человеку не дают имени, которое в данное время занято другим.

— Что ж — век живи, век учись, — сказал Бейли. — Тогда, бой, скажи мне, что надо делать — дай номер, или как там это называется, и можешь идти.

После заметной паузы робот спросил:

— Господин сам желает произвести вызов?

— Ну да.

Дэниел легонько тронул Бейли за рукав.

— Одну минуту, партнер Элайдж.

— Ну что еще?

— Мне кажется, работу будет проще. Это его специализация.

— Уж конечно, у него это получится лучше, чем у меня, — буркнул Бейли. — Я могу и напутать. И все же, — Бейли твердо посмотрел на непроницаемого Дэниела, — я предпочитаю сделать вызов сам. Я здесь приказываю или нет?

— Приказываете вы, партнер Элайдж, и ваши приказы будут выполняться, если позволит Первый Закон.

И все же, с вашего разрешения, я хотел бы поделиться с вами тем, что мне известно о солярианских роботах. Роботы здесь специализированы более узко, чем в других мирах. И хотя физически солярианский робот способен на многое, умственно он пригоден для работ того или иного типа. Работа за пределами его специальности требует повышения потенциала, то есть прямой ссылки на один из Трех Законов. И наоборот — невыполнение работы по своей специальности для робота также невозможно без прямой ссылки на один из Законов.

— Ну хорошо — ведь мой прямой приказ приводит в действие Второй Закон, так или нет?

— Верно. Но сопутствующее повышение потенциала вызывает у робота «неприятные ощущения». Это редкий случай: соляриане почти никогда не вмешиваются в повседневную деятельность роботов. Во-первых, никто не захочет исполнять обязанности робота, во-вторых, в этом нет необходимости.

— Вы что, Дэниел, хотите сказать, что робот обижается, если я делаю работу за него?

— Как вам известно, партнер Элайдж, понятие «обида» в том смысле, какой вкладывают в него люди, к роботу неприменимо.

— Что же тогда?

— Насколько я могу судить, то, что испытывает при этом робот, так же отрицательно действует на него, как обида на человека.

— Но я-то не солярианин. Я землянин и не люблю, когда роботы делают что-то за меня.

— Я рекомендовал бы вам принять во внимание, что такое отношение к роботам может быть расценено нашими хозяевами как неуважение, поскольку в подобном обществе должны существовать более или менее твердые установки на то, как следует обращаться с роботами и как не следует. Если мы будем обижать наших хозяев, вряд ли это облегчит нашу задачу.

— Ладно, — сказал Бейли. — Пусть робот делает свое дело.

Хотя он уступил, инцидент принес определенную пользу. Поучительно было узнать, до чего бессовестно роботизировано общество. Если уж роботы существу-

ют, от них так просто не отделаешься, и человек, пожелавший избавиться от них хотя бы на время, обнаруживает, что это ему не удастся.

Прикрыв глаза, Бейли смотрел, как робот идет к стене. Пусть социологи на Земле разбираются и делают свои выводы. Он тоже кое-что выяснил — для себя.

Половина стены скользнула вбок, и открылась контрольная панель, которая была бы впору электростанции обширного городского сектора.

Бейли страдал по своей трубке. Его предупредили, что курение на Солярии — вопиющее нарушение приличий, и даже не позволили взять трубку с собой. Бейли вздохнул. Иногда бывает так приятно стиснуть в зубах чубук и ощутить в руке теплую чашечку.

Робот орудовал быстро, ловко переключая различные реле и подбирая нужные силовые поля.

— Сначала абонента запрашивают, будет ли он отвечать на вызов, — объяснил Дэниел. — Ответ, разумеется, принимает робот. Если абонент на месте и согласен ответить, устанавливается двусторонняя связь.

— Зачем нужна такая сложная техника? Ведь большей частью панели робот совсем не пользуется.

— Я не располагаю полной информацией, партнер Элайдж. Но иногда проводятся групповые сеансы, иногда — сеансы в движении. Эти виды связи требуют усложненных операций, особенно последний.

— Господа, согласие на сеанс получено, — объявил робот. — Можно начинать, когда вы будете готовы.

— Мы готовы, — проворчал Бейли, и не успел он договорить, как дальняя часть комнаты осветилась. Дэниел спохватился:

— Я забыл предупредить робота, чтобы он затенил изображение открытого пространства. Очень сожалею. Я должен...

— Ничего, — содрогнувшись, сказал Бейли. — Выдержу. Не вмешивайтесь.

Перед ним была ванная, по крайней мере, он так решил. В одном углу помещался, насколько он мог

судить, маленький косметический кабинет, и Бейли представил себе, как робот или роботы своими точными движениями создают прическу и макияж, в которых хозяйке не стыдно показаться на люди.

Назначения некоторых предметов он просто не знал — бесполезно было и угадывать. Облицовка стен складывалась в искусственный узор, обманывающий глаз, — казалось, что там изображено нечто реальное, но потом становилось ясно, что это только абстракция. Эффект был успокаивающий и почти гипнотический — так поглощала внимание роспись.

Просторную душевую кабину — Бейли рассудил, что видит именно ее — заслоняла какая-то преграда, но не материальная, — скорее то был видеоэффект: мерцающая непрозрачная стена. В поле зрения никого не было.

Бейли посмотрел на пол: определить, где кончается его комната и начинается другая, было нетрудно, поскольку ясно виднелась черта, за которой менялось освещение. Бейли подошел к этой черте и, на миг замявшись, сунул за нее руку.

Он ничего не почувствовал — как будто опустил руку в одну из несовершенных земных голограмм. Но там он продолжал бы видеть ладонь — может быть, нечетко, с наложившимся на нее изображением, но видел бы, — а здесь она исчезла, точно кисть обрезали по запястью.

А если шагнуть за черту? Наверное, там вообще ничего не видно — сплошная чернота. Мысль о таком надежном укрытии почти радовала.

Но тут послышался голос, Бейли посмотрел вверх и неуклюже отскочил.

Говорила, надо полагать, Глэдия Дельмар. Верхняя часть мерцающей преграды исчезла, и показалась голова. Голова улыбнулась Бейли.

— Я говорю — здравствуйте, извините, что застала вас ждать. Я скоро высохну.

У нее было вытянутое лицо, довольно широкое в скулах, которые выступали, когда она улыбалась, и плавно сужавшееся к полным губам и маленькому подбородку. Голова была невысоко от пола — Бейли определил, что рост женщины примерно пять футов два

дюйма. Это было нетипично, по крайней мере, на взгляд Бейли — космонавке полагалось быть высокой и статной. И волосы у нее не отшивали бровзой — светлокаштановые с желтизной, средней длины. Сейчас они разевались — должно быть, под струей теплого воздуха. Картинка получалась весьма приятная.

— Если хотите, мы прервем сеанс и подождем, пока вы... — смутился Бейли.

— Нет-нет. Я почти закончила, и мы вполне можем поговорить. Хенрис Грюер говорил мне, что вы собираетесь меня повидать. Вы ведь прилетели с Земли? — Она буквально пожирала его глазами.

Бейли кивнул и сел.

— А мой партнер — с Авроры.

Она улыбнулась и продолжала смотреть на Бейли, будто диковинкой был именно он — впрочем, так и есть, подумал Бейли. Подняв руки, она пропускала волосы между пальцев — наверное, чтобы скорей выслушить. Руки у нее были тонкие и изящные. Очень привлекательная женщина, подумал Бейли.

Потом в смущении решил, что Джесси бы это не понравилось.

— Нельзя ли, госпожа Дельмар, — заговорил Дэниел, — завесить или поляризовать окно, которое мы видим? Моего партнера беспокоит дневной свет. Возможно, вы слышали, что на Земле...

Молодая женщина (на взгляд Бейли, ей было лет двадцать пять, однако, вздохнул он, наружность космонавтов весьма обманчива) приложила ладони к щекам и восхлинула:

— Ну конечно же! Я знаю. Как смешно и глупо с моей стороны. Простите меня — я сейчас, одну минутку. Здесь рядом робот... — Она вышла из сушилки, чтобы нажать кнопку вызова, продолжая рассуждать: — Я всегда говорила, что в комнате должно быть несколько кнопок. Что это за дом, в котором нельзя достать до кнопки с любого места — она должна быть хотя бы футах в пяти. Просто... В чем дело?

Она уставилась на Бейли, который вскочил, опрокинув свой стул, покраснел до корней волос и поспешил отвернулся.

— Не могли бы вы, госпожа Дельмар, — спокойно сказал Дэниел, — вернуться в кабину, когда вызовете робота? Или надеть что-либо на себя, если вам не трудно?

Глэдия удивленно оглядела свою наготу и сказала:

— Ах да, конечно.

Глава 5

ПОКАЗАНИЯ ДАЮТСЯ

-*B*

едь это только видеосеанс, понимаете? — с раскаянием говорила Глэдия. Она завернулась в покрывало, оставив открытыми руки и плечи. Одна нога виднелась до половины бедра, но Бейли, который полностью оправился и чувствовал себя полнейшим дураком, стойчески переносил это зрелище.

— Все дело в неожиданности, госпожа Дельмар, — сказал он.

— Пожалуйста, зовите меня Глэдия, если это не противоречит вашим обычаям.

— Хорошо, Глэдия. Ничего страшного не случилось. Хочу вас заверить, что ничего отталкивающего в этом не было, понимаете? Просто неожиданно. — Мало того, что я свалил дурака, думал он, так бедная девочка еще считает, что на нее смотреть противно. Хотя как раз... как раз...

Он не стал додумывать до конца, но твердо понял, что никогда не сможет рассказать об этом Джесси.

— Я знаю, что оскорбила вас, — сказала Глэдия, — но поверьте, не нарочно. Просто я не подумала. Конечно, я знаю, что надо уважать чужие обычай, но они бывают такие странные. То есть не то чтобы странные, — торопливо поправилась она, — просто не такие, как у нас. И так легко забываются. Например, я забыла затемнить окна.

— Ничего, ничего, — пробормотал Бейли. Глэдия перешла теперь в другую комнату, где все окна были

завешены и свет стал иным — более мягким, искусственным.

— Что касается другой моей оплошности, — серьезно продолжала она, — это ведь только видеосеанс, поймите. Вы же не возражали против разговора, когда я была в сушилке и на мне все равно ничего не было.

— Видите ли, — сказал Бейли, желая, чтобы она оставила наконец эту тему, — слышать вас — одно, а видеть — другое.

— Но в том-то и дело. Вы же не меня видите. — Она слегка покраснела и потупила глаза. — Надеюсь, вы не думаете, что я была бы способна вот так выйти из сушилки, если бы кто-то на меня смотрел. А по видео...

— Какая же разница?

— Громадная. Вот вы сейчас смотрите на мое изображение. Вы не можете коснуться меня, не чувствуете моего запаха. Будь вы здесь — тогда конечно, а так я по меньшей мере в двухстах милях от вас. Понимаете?

— Но видеть-то я вас вижу, — возразил Бейли.

— Нет, не меня. Мое изображение. По видео.

— Ну и что?

— В том-то и состоит разница.

— Понял, — сказал Бейли и не солгал. Эту разницу трудно уловить сразу, но своя логика в ней есть.

— В самом деле поняли? — чуть склонив голову набок, спросила Глэдия.

— Да.

— Значит, не будете возражать, если я сниму с себя покрывало? — улыбнулась она.

Дразнится, подумал Бейли — надо бы поймать ее на слове. Но вслух сказал:

— Не отвлекайте меня от работы. Обсудим в другой раз.

— А ничего, что я сижу в нем, или мне одеться более официально? Я серьезно.

— Нет-нет, не надо.

— Можно мне тоже звать вас по имени?

— Если представится случай.

— Как вас зовут?

— Элайдж.

— Хорошо. — Она поудобнее устроилась на стуле, который выглядел твердым и был сделан из какого-то керамического материала, но принимал форму тела Глэдии, как бы обнимая ее.

— Перейдем к делу, — сказал Бейли.

— К делу, — повторила она.

Перейти к делу оказалось невероятно трудно. Бейли не знал даже, с чего начать. На Земле он спросил бы имя, фамилию, класс, Город и сектор проживания — задал бы миллион стандартных вопросов. Ответы он мог при этом и знать, но такое вступление облегчало переход к более серьезной фазе. Так он знакомился с человеком, определяя свою дальнейшую тактику, чтобы не действовать наобум.

Но разве здесь можно хоть на что-то опереться? Даже глагол «видеть» здесь не имеет однозначного смысла, и кто знает, скольких слов это еще касается? Как часто они с Глэдиеей не будут понимать друг друга, сами о том не ведая?

— Вы давно замужем, Глэдия? — спросил он.

— Десять лет, Элайдж.

— Сколько вам лет?

— Тридцать три.

Бейли почувствовал смутное удовлетворение. Ей вполне могло быть все сто тридцать три.

— Ваш брак был счастливым? — продолжал он.

— Что вы имеете в виду? — смущалась Глэдия.

Бейли растерялся. Как определить, что такое счастливый брак? И что понимают под счастливым браком соляриане?

— Ну, например... вы часто встречались?

— Что? Хочу надеяться, что нет. Мы не животные, знаете ли.

Бейли вздрогнул.

— Но вы ведь жили в одном доме? Я думал...

— Разумеется, раз мы были женаты. Но у меня свои комнаты, а у него — свои. Он занимался очень важным делом, которое поглощало почти все его время, у меня — своя работа. Мы общались по видео, когда было нужно.

— Но вы ведь виделись, верно?

— Об этом, как правило, не говорят. Хорошо, мы виделись.

— Есть ли у вас дети?

Глэдия с негодованием вскочила на ноги.

— Это уж слишком. Что за неприличные...

— Ну-ка спокойно. Спокойно! — Бейли стукнул кулаком по ручке кресла. — Не создавайте мне трудностей. Я расследую убийство, понятно вам? Убийство. Убит ваш муж. Хотите вы, чтобы убийца был обнаружен и понес наказание, или нет?

— Вот и спрашивайте про убийство, а не про...

— Мне приходится задавать самые разные вопросы. Вот, например, я хотел бы знать, принесла вам горе смерть мужа или нет. — И добавил с намеренной грубоностью: — Глядя на вас, этого не скажешь.

— Я жалею обо всех, кто умирает, — надменно ответила она, — особенно если человек молод и представляет ценность для общества.

— А то, что он был вашим мужем, не влияет на ваши чувства?

— Он был назначен мне, и мы... да, мы встречались по графику... и... — быстро проговорила она, — если уж вам так нужно знать, у нас не было детей, поскольку их нам еще не предписывали. Не могу понять, какое все это имеет отношение к сожалению о смерти человека.

Может, и не имеет, подумал Бейли. Это зависит от нравов и обычая, а их-то он и не знает. Он сменил тему.

— Мне говорили, вы можете рассказать, как произошло убийство.

Она вдруг вся напряглась.

— Я нашла тело — так это называется?

— Значит, самого убийства вы не видели?

— О нет, — выдавила она.

— Ну хорошо, расскажите мне, как вы его нашли. Не спешите, рассказывайте своими словами. — Он откинулся на стуле и приготовился слушать.

— На тридцать второй пятой... — начала она.

— Сколько это по стандартному времени? — быстро спросил Бейли.

— Не могу сказать. В самом деле не знаю. Вы сможете выяснить потом.

Голос у нее дрожал, и глаза широко раскрылись. Слишком серые, чтобы назвать их голубыми, решил Бейли.

— Он пришел ко мне, — продолжала Глэдия. — Это был наш день по графику, и я знала, что он придет.

— Он всегда приходил в назначенные дни?

— О да. Он был очень сознательный человек, истинный солярианин. Никогда не пропускал назначенных дней и всегда приходил в одно и то же время. Подолгу он, разумеется, не оставался. Нам не предписывали где... — Она никак не могла выговорить это слово: и Бейли кивнул. — Как я уже сказала, он всегда приходил в определенное время, чтобы не создавать неудобства. Мы немного разговаривали. Эти встречи — сущее мучение, но ему никогда не изменял тakt, — такой был человек. Потом он уходил, чтобы поработать над каким-то своим проектом — не знаю, каким именно. На моей половине у него была специальная лаборатория, где он мог работать в назначенные дни. Была у него, разумеется, и своя лаборатория, гораздо больше этой.

Чем же он занимался в своей лаборатории, подумал Бейли? Скорее всего, фетологией, что бы это ни означало.

— Он не показался вам каким-то необычным? Взволнованным?

— Нет. Нет. Он никогда не волновался. — Она подавила смешок. — Всегда полностью владел собой, как ваш друг. — Она указала на Дэниела, который при этом не шелохнулся.

— Понимаю. Продолжайте, пожалуйста.

— Вы не возражаете, если я немного выпью? — прошептала Глэдия.

— Сделайте одолжение.

Глэдия слегка нажала на подлокотник. Не прошло и минуты, как вошел молчаливый робот и подал ей какой-то теплый напиток (Бейли было видно, как он дымится). Глэдия пригубила его и отставила.

— Вот так будет лучше. А можно задать вам нескромный вопрос?

— Спрашивайте что хотите.

— Знаете, я ведь много читала о Земле. Меня она всегда интересовала. Такой странный мир... извините, я не то хотела сказать.

— Любой мир кажется странным людям, которые в нем не живут, — чуть нахмурился Бейли.

— Вы совсем другие. Я хотела задать вам один вопрос... надеюсь, что вам, как землянину, он не покажется грубым... Соляриания я никогда бы о таком не спросила. Ни за что.

— Спрашивайте, Глэдия.

— Вот вы и ваш друг — господин Оливо, да?

— Да.

— Это ведь не видео?

— То есть?

— Я говорю о вас двоих. Вы ведь находитесь в одной комнате?

— Да, мы оба здесь.

— И вы могли бы дотронуться до него, если бы захотели.

— Мог бы.

— О-о. — Она окинула их взглядом, в котором читалось — что? Отвращение? Возмущение?

Бейли пришло в голову: а что, если встать, подойти к Дэниелу и отвесить ему оплеуху? Интересно, как бы она реагировала?

— Вы хотели рассказать о событиях того дня, когда муж пришел навестить вас. — Бейли был уверен, что отступление от темы, сколь оно ни интересно, все же было вызвано именно нежеланием рассказывать дальше.

Глэдия снова пригубила свой напиток.

— Тут особенно нечего рассказывать. Я видела, что он собирается уйти, и знала заранее, что так будет — он всегда занимался какой-нибудь творческой работой. Поэтому я вернулась к своим занятиям. А минут пятнадцать спустя услышала крик.

Она замолчала, и Бейли поторопил ее:

— Какой крик?

— Кричал Рикэн. Мой муж. Слов никаких не было, просто крик — испуганный. Нет! Скорее удивленный, выражавший потрясение. Я раньше никогда не слышала, чтобы он кричал.

Она приложила ладони к ушам, как будто крик все еще звучал в них, и ее покрывало соскользнуло вниз, обнажив тело до талии. Она этого не заметила, а Бейли уставился в блокнот.

— И что вы тогда сделали? — спросил он.

— Побежала. Я не знала, где он...

— Но вы, кажется, сказали, что он пошел в лабораторию на вашей половине.

— Да, Элайдж, но я не знала, где лаборатория. Неточно знала. Я никогда не бывала там — это было его хозяйство. Знала примерно, что она где-то в западном крыле, и так растерялась, что даже не догадалась позвать робота — он бы меня сразу провел туда, но без зова, конечно, ни один прийти не мог. Когда я все-таки добравшись туда — нашла кое-как, — Рикэн был мертв.

К сильнейшему замешательству Бейли, она понурила голову и заплакала, ничуть не стесняясь, — просто защемурилась, а по щекам медленно потекли слезы. Глэдия плакала беззвучно, только плечи немного дрожали.

Потом она открыла глаза и посмотрела на Бейли, не утирая слез.

— Я никогда раньше не видела мертвых. Он был весь в крови, а его голова... Я сумела вызвать робота, он вызвал других, и они, наверно, позаботились обо мне и о Рикэне — я ничего не помню.

— Что значит — позаботились о Рикэне?

— Унесли его и убрали комнату. — В ее голосе прозвучало негодование хозяйки, отвечающей за порядок в доме. — Комната была в ужасном состоянии.

— А что сделали с телом?

— Не знаю — сожгли, должно быть, как всякое мертвое тело.

— Вы не вызывали полицию?

Она ответила непонимающим взглядом, и Бейли вспомнил, что полиции-то нет.

— Но к кому-то ведь вы обращались. Иначе как об этом узнали?

— Роботы вызвали доктора. А мне пришлось позвонить Рикэну на работу — сообщить его роботам, что он не вернется.

— Доктора вызвали к вам, не так ли?

Глэдия кивнула и, видимо, только сейчас заметила, что покрывало сползло ей на бедра. Она поправила его, пробрормотав с несчастным видом:

— Извините. Извините.

Бейли неловко было смотреть, как она сидит там такая беспомощная, дрожащая, с лицом, искаженным ужасом недавнего воспоминания.

Она никогда раньше не видела мертвых. Не видела крови и проломленных черепов. Пусть супружеские отношения на Солярии довольно прохладны, ей все-таки пришлось столкнуться со смертью человека.

Бейли сам не знал, что надо говорить или делать дальше. Ему хотелось извиниться и отпустить ее — но ведь он полицейский при исполнении служебных обязанностей.

С другой стороны, в этом мире нет полиции. Понимает ли она, что входит в его обязанности?

Медленно и со всей доступной ему мягкостью он спросил:

— Глэдия, вы ничего больше не слышали? Ничего, кроме крика вашего мужа?

Она подняла глаза, все такая же красивая, несмотря на слезы — а может быть, даже красивее — и сказала:

— Ничего.

— Никто не убегал? Не было других голосов?

— Нет, я ничего не слышала.

— Когда вы нашли тело мужа, он был совершенно один? Присутствовали только вы двое?

— Да.

— Никаких следов чужого присутствия?

— Я не заметила. Там в любом случае не могло никого быть.

— Почему вы так думаете?

Вопрос ее, видимо, шокировал, потом она сказала уныло:

— Я все забываю, что вы с Земли. Там не могло никого быть. Мой муж не виделся ни с кем, кроме меня, с самого детства. Рикэн был не тот человек, чтобы с кем-то встречаться. Он очень строго соблюдал все правила.

— Может быть, это произошло помимо его воли. Ведь мог же кто-то явиться без приглашения, без ведо-

ма вашего мужа? И он вынужден был встретиться с этим человеком, как бы строго ни соблюдал правила.

— Он тут же вызвал бы роботов и приказал им прогнать пришельца. Он бы обязательно так поступил! Да никто бы и не стал являться к мужу без приглашения. У меня это просто в голове не укладывается. Рикэн никого бы к себе не пригласил — смешно даже думать об этом.

— Ваш муж убит ударом по голове, правда? — мягко спросил Бейли. — Вы ведь не станете этого отрицать.

— Кажется, да. Он был весь...

— Не будем вдаваться в подробности. Было ли в комнате какое-либо механическое устройство, которым можно было разбить ему голову с помощью дистанционного управления?

— Конечно, нет. Я, по крайней мере, не видела.

— Думаю, вы бы заметили, будь там что-нибудь подобное. Отсюда следует, что существовала рука, а в ней имелся предмет, способный сокрушить мужской череп — и эта рука опустилась. Значит, кто-то должен был находиться в четырех футах от вашего мужа. И кто-то все-таки его посетил.

— Никто не мог этого сделать, — серьезно сказала Глэдия. — Ни один солярианин.

— Солярианин, способный на убийство, не остановился бы и перед личным визитом, вам не кажется?

Впрочем, как сказать, подумал про себя Бейли. На Земле он знал одного хладнокровного убийцу, которого схватили только потому, что он не смог нарушить неписаный закон, требующий соблюдения полной тишины в общественном туалете.

— Вы не понимаете, — покачала головой Глэдия. — Для землян личное общение в порядке вещей, поэтому вам не понять... — Похоже, ее разбирало любопытство — даже глаза немного оживились. — Вам ведь это кажется вполне нормальным, правда?

— Я всегда воспринимал такое общение как должное.

— И оно вас не беспокоит?

— Нет, с чего бы?

— В фильмах этого не показывают, а я всегда хотела знать... ничего, если я спрошу?

— Спрашивайте, — флегматично ответил Бейли.

— Вам назначена жена?

— Я женат. Назначениями у нас не занимаются.

— И вы встречаетесь с женой, когда хотите, и не видите в том ничего особенного?

Бейли кивнул.

— А вот когда вместе, если вы захотите... — она приподняла руки в локтях, словно подыскивала нужные слова. — Вы можете... в любое время... — она не решалась, а Бейли не делал попытки ей помочь. — Да нет, ничего. И зачем только я пристаю к вам? Вы все узнали, что хотели? — Вид у нее был такой, будто она вот-вот расплачется снова.

— Еще одно, Глэдия. Забудьте, что никто не мог посетить вашего мужа. Предположим, кто-то все-таки его посетил. Кто это мог быть?

— Угадывать бесполезно. Никто.

— Нет, вы не правы. Агент Грюер говорил, что они кого-то подозревают. Значит, кто-то должен быть.

Глэдия невесело улыбнулась уголком рта.

— Я знаю, кого он имеет в виду.

— Да? Кого же?

Она приложила свою маленькую руку к груди.

— Меня.

Глава 6

ГИПОТЕЗА ОТВЕРГАЕТСЯ

-Я бы сказал, партнер Элайдж, — заговорил вдруг Дэниел, — что подобный вывод напрашивается сам собой.

— Почему? — удивленно спросил Бейли.

— Дама утверждает, — сказал Дэниел, — что была единственной, с кем встречался или согласился бы встретиться ее муж. Солярианские нравы не допускают иной вероятности. Агент Грюер должен был прийти к разумному и даже неизбежному выводу, что солярианин мог встречаться только со своей женой. А если рядом мог находиться лишь один человек, только он способен нанести удар и только он — вернее, она — могла быть убийцей. Агент Грюер, как вы помните, сказал, что у него на примете один-единственный человек. Другой возможности он не видел. Итак?

— Он сказал также, — заметил Бейли. — что тот человек тоже не мог этого сделать.

— Он, должно быть, подразумевал, что на месте преступления не нашли орудия убийства. Возможно, госпожа Дельмар могла бы разрешить эту загадку? — Дэниел уткнулся к Глэдии, которая все еще сидела в кадре, опустив глаза и плотно сжав губки.

Иосафат, подумал Бейли, про леди-то мы и позабыли — а все потому, что я не в себе. Его выводил из терпения Дэниел, подходивший ко всему без эмоций, и будоражили собственные чувства. Бейли не стал углубляться в свои ощущения и сказал:

— На сегодня все, Глэдия. Как там у вас прекращается связь? До свидания.

— Обычно говорят «сесанс окончен», но «до свидания» мне нравится больше. Вы, кажется, огорчены, Элайдж. Не надо — я уже привыкла к тому, что все считают, будто преступление совершила я, так что не огорчайтесь.

— А вы не совершили его, Глэдия?

— Нет, — сердито ответила она.

— В таком случае, до свидания.

Сердитая Глэдия исчезла, но Бейли некоторое время чувствовал на себе взгляд ее необыкновенных серых глаз. Хотя она и сказала, что привыкла к разговорам, то была явная ложь — ее гнев говорил об этом яснее всяких слов. Интересно, на какую еще ложь она способна?

Оставшись наедине с Дэниелом, Бейли сказал:

— Дэниел, не такой уж я дурак.

— Никогда не считал вас дураком, партнер Элайдж.

— Тогда скажите — с чего вы взяли, что на месте преступления не нашли оружия? Таких показаний никто не давал — я не слышал ничего, что позволило бы прийти к такому выводу.

— Вы правы. Я получил дополнительную информацию, которая вам пока неизвестна.

— Я так и знал. Что за информация?

— Агент Грюер сказал, что пришлет нам отчет о расследовании. Этот отчет у меня — он прибыл утром.

— Почему вы не показали его мне?

— Я посчитал, что ваше расследование будет более продуктивным, если вы, хотя бы на первых порах, будете вести его по своему усмотрению, не опираясь на выводы других, которые, по собственному их признанию, не достигли удовлетворительных результатов. Я сознавал, что на мой собственный логический процесс упомянутые выводы повлияли, отчего и не принимал участия в разговоре.

Логический процесс! Бейли неожиданно припомнил свою беседу с одним роботехником — тот сказал, что робот руководствуется логикой, но не здравым смыслом.

— Однако под конец вы включились, — заметил он.

— Да, партнер Элайдж, но только потому, что получил информацию, подтверждающую подозрения агента Грюера.

— Какую именно?

— Она была заложена в поведении госпожи Дельмар.

— Уточните, пожалуйста, Дэниел.

— Согласитесь: если бы эта дама была виновна и пыталась обелить себя, она прежде всего постаралась бы убедить в своей невиновности следователя.

— И что же?

— Если бы она смогла сыграть на слабостях следователя, она бы сделала это, не так ли?

— Весьма гипотетично.

— Вовсе нет, — спокойно возразил Дэниел. — Думаю, вы заметили, что она полностью сосредоточилась на вас.

— Потому что говорил с ней я.

— Она обращалась к вам одному в самом начале встречи, когда еще не догадывалась, что говорить с ней будете вы. По логике, она скорее могла бы ожидать, что следствие буду вести я, аворианец. И все же обращалась к вам.

— Что же отсюда следует?

— То, что она возложила свои надежды на вас, как на землянина, партнер Элайдж.

— Почему на меня?

— Она изучила все, что касается Земли — сама несколько раз упомянула об этом. Она знала, о чем я говорю, когда я попросил закрыть источники дневного освещения в начале нашей беседы. Не выказала удивления или непонимания, какие вполне пристали человеку, незнакомому с земными обычаями.

— Ну-ну?

— Если она интересовалась Землей, разумно предположить, что ей известна одна из слабостей землян. Она не могла не знать, что обнаженное тело на Земле — табу, не могла не понимать, как подействует подобное зрелище на землянина.

— Она объяснила, что это видеосеанс...

— Да, объяснила. И вы считаете ее объяснение убедительным? Дважды она показалась в таком виде, который вы должны были счесть неприличным...

— По-вашему, она пыталась меня соблазнить?

— Отвлечь вас от роли объективного следователя. Мне так показалось. И хотя я не могу реагировать на подобные стимулы, как человек, но по своим инструкциям могу судить, что дама вполне соответствует любым стандартам физической привлекательности. Более того, по вашему поведению я заключил, что вы это понимаете и ее наружность вам приятна. Я сказал бы даже, что госпожа Дельмар действовала верно, если хотела расположить вас в свою пользу.

— Послушайте, — смущаясь Бейли, — какое бы впечатление она на меня ни произвела, я остаюсь офицером полиции, полностью соблюдающим профессиональную этику. Учтите это. А теперь давайте посмотрим отчет.

Бейли молча прочел отчет, затем вернулся к началу и перечитал с первой строчки.

— Появляется новая деталь, — сказал он. — Робот. Дэниел кивнул.

— Она не упомянула о нем, — задумчиво заметил Бейли.

— Вы неверно поставили вопрос. Вы спросили ее: была ли она одна, когда обнаружила тело. Вы спросили, не присутствовал ли еще кто-нибудь на месте преступления. Робот же — не «кто-нибудь».

Бейли кивнул. Окажись сам в положении допрашиваемого, он вряд ли упомянул бы, что на месте преступления присутствовал, скажем, стол.

— Наверное, надо было спросить, присутствовали ли там роботы. — Черт, откуда ему знать, какие здесь надо задавать вопросы? — Насколько законны показания робота, Дэниел?

— Что вы имеете в виду?

— Может ли робот на Солярии быть свидетелем? Может давать показания?

— Почему вы в этом сомневаетесь?

— Робот — не человек, Дэниел. На Земле он законным свидетелем не считается.

— А след ноги считается, хотя в нем еще меньше человеческого, чем в роботе. Ваша планета нелогично

подходит к данному вопросу. На Солярии показания роботов допускаются при условии компетентности последних.

Бейли не стал спорить, оперся подбородком о кулак и снова перебрал в уме все, что касалось того робота.

Охваченная ужасом Глэдия Дельмар, стоя над телом мужа, вызвала роботов. Когда те явились, она лежала без сознания.

Роботы доложили, что нашли ее рядом с мертвым телом. Но там был еще кое-кто — или кое-что: робот. Этот робот не пришел вместе с остальными — он уже был на месте. И он не принадлежал к домашней обслуге. Ни один из роботов его раньше не видел и не знал его назначения.

Не удалось ничего выяснить и у самого робота: он вышел из строя. Координация движений была нарушена, как, видимо, и функции позитронного мозга. Робот не мог дать ни единого правильного ответа и произвести ни единого правильного действия и после тщательного осмотра был признан экспертом-роботехником абсолютно негодным.

Единственными связными словами, которые беспрестанно повторял робот, были: «Ты хочешь убить меня... ты хочешь убить меня... ты хочешь убить меня...»

Никакого орудия, которое могло быть использовано для нанесения смертельного удара, обнаружено не было.

— Сейчас я поем, Дэниел, — сказал вдруг Бейли, — а потом мы снова поговорим с агентом Грюером — по видео, само собой.

Хенрис Грюер, когда Бейли связался с ним, еще сидел за столом. Он ел медленно, тщательно отбирая кушанья с разных блюд и внимательно всматриваясь в каждый кусок, будто в поисках нового, лучшего сочетания.

Ему, наверно, лет двести, подумал Бейли. Уже устал от еды.

— Приветствую, господа, — сказал Грюер. — Вы, должно быть, получили наш отчет. — И, блеснув лысой, перегнулся через стол положить себе что-то на тарелку.

— Да. А также имели интересную беседу с госпожой Дельмар.

— Хорошо. И к какому же выводу вы пришли — если пришли?

— Я сделал вывод, что она невиновна, сэр, — ответил Бейли.

Грюер метнул на него цепкий взгляд.

— Вот как?

Бейли кивнул.

— Но ведь она единственная могла с ним встречаться, единственная была рядом...

— Это я уяснил. Но как бы ни были строги солярианские нравы, сей факт не является решающим. Если позволите, я объясню.

— Разумеется, — и Грюер вернулся к своему обеду.

— У каждого убийства есть три «кита», одинаково важные: мотив, средство и возможность. Чтобы обвинение было прочным, должны быть обоснованы все три пункта. Согласен с вами в том, что возможность у госпожи Дельмар была. Но о мотиве я пока ничего не слышал.

— Нам он тоже неизвестен, — пожал плечами Грюер, бросив взгляд в сторону молчаливого Дэниела.

— Хорошо. У подозреваемой нет мотива, но предположим, что у нее мания убийства. Допустим это и будем рассуждать дальше. Итак, она приходит к мужу в лабораторию и по какой-то причине вдруг собирается его убить. Она замахивается — скажем, дубинкой или другим тяжелым предметом, и Дельмар осознает, что жена не шутит. В страхе он восклицает: «Ты хочешь убить меня!» Он стремится убежать, и тут ему на затылок обрушивается удар. Кстати, доктор осматривал труп?

— И да и нет. Работы вызвали доктора к госпоже Дельмар, и он заодно осмотрел труп.

— В отчете об этом не упоминается.

— О подобной мелочи вряд ли стоило упоминать. Человек умер, и, когда доктор приступил к видеоосмотру, покойный был уже раздет, обмыт и подготовлен для кремации обычным порядком.

— Другими словами, работы уничтожили все улики, — раздраженно сказал Бейли. — Вы сказали, это был видеоосмотр? Доктор не осматривал труп лично?

— Великий Космос! Ну и мысли у вас! Я уверен, что доктор осмотрел труп в разных ракурсах и крупным планом. Врачи не могут иногда не контактировать с пациентами, но контакт с трупом у меня даже в голове не укладывается. Медицина — грязное занятие, но даже врачи должны где-то провести черту.

— Ну хорошо — я, собственно, хотел узнать вот что: говорил ли доктор что-нибудь относительно раны?

— Я понял, куда вы клоните. Полагаете, что удар был слишком сильным для женщины?

— Женщины слабее мужчин, сэр. Тем более если женщина такая маленькая, как госпожа Дельмар.

— Но слабенькой ее не назовешь, инспектор. Будь у нее подходящее оружие, сила тяжести и принцип рычага сделали бы полдела. И потом, женщина, когда она в бешенстве, способна на самые поразительные вещи.

— Вы упомянули об оружии, — пожал плечами Бейли. — Где оно?

Грюер протянул руку к пустому стакану. В поле зрения появился робот и наполнил стакан бесцветной жидкостью — может быть, водой.

Грюер взял стакан и вновь поставил, будто раздумал пить.

— В отчете сказано — мы не смогли его обнаружить.

— Я знаю, что сказано в отчете. Хотел только удостовериться кое в чем. Оружие искали?

— Искали, и очень старательно.

— Вы лично?

— Нет, роботы, но под моим непрестанным наблюдением. Мы не смогли обнаружить ничего, что сошло бы за орудие убийства.

— Это свидетельствует в пользу госпожи Дельмар, не так ли?

— Да, — спокойно подтвердил Грюер. — Одна из загадок дела. Потому-то мы и не обвинили госпожу Дельмар. По этой причине я и сказал вам, что подозреваемая тоже не могла совершить преступления. Следовало, наверно, сказать — видимо, не могла.

— Видимо?

— Должно быть, она как-то избавилась от оружия. Просто мы пока не догадались как.

— Вы рассмотрели все варианты? — строго спросил Бейли.

— Думаю, да.

— Давайте проверим. Человек убит ударом по голове, и оружия на месте преступления не обнаружено. Единственное, что можно здесь предположить, — что его унесли. Рикэн Дельмар отпадает — он был мертв. Могла ли унести оружие госпожа Дельмар?

— Разумеется.

— Каким образом? Когда пришли роботы, она лежала на полу без сознания. Она могла притворяться — но была там. Сколько времени прошло с момента убийства до прихода первого робота?

— Нам неизвестно, во сколько точно было совершено убийство.

— Я читал отчет, сэр. Один из роботов показал, что слышал шум и крик, причем кричал доктор Дельмар. Очевидно, этот робот был ближе всех к месту убийства. Сигнал вызова зажегся через пять минут, и роботу, должно быть, понадобилось меньше минуты, чтобы явиться в лабораторию. — Бейли вспомнилось, как молниеносно являются роботы по вызову. — За пять минут, пусть даже за десять, куда могла госпожа Дельмар унести оружие, чтобы вовремя вернуться и симулировать обморок?

— Она могла уничтожить его в мусоросжигателе.

— Судя по отчету, мусоросжигатель тоже исследовали, и гамма-анализ осадка показал, что за последние сутки там не уничтожалось никаких крупных предметов.

— Знаю. Я просто привожу примеры возможных вариантов.

— Да, но существует одно очень простое объяснение. Полагаю, все домашние роботы Дельмаров были обследованы и допрошены?

— О да.

— Они были в нормальном состоянии?

— Да.

— Не мог ли один из них унести оружие, не понимая, что несет?

— Никто из них ничего не уносил с места преступления. И ничего не трогал.

— Неужели? А кто тогда подготовил тело для кремации?

— Это не в счет. Таков обычный порядок.

— Иосафат! — промолвил Бейли, с трудом сохраняя спокойствие. — Теперь предположим, что на месте преступления был кто-то еще.

— Это невозможно. Как мог кто-либо вторгнуться к доктору Дельмару?

— Предположим! — крикнул Бейли. — Роботам ведь и в голову не пришло, что там мог быть посторонний. Не думаю, чтобы они сразу же обыскали местность вокруг дома. В отчете об этом не говорится.

— Никакого обыска не производилось, пока мы не начали искать оружие, но до тех пор прошло порядочно времени.

— И вокруг дома не искали следов наземного или воздушного транспорта?

— Нет.

— Значит, если бы кто-то имел дерзость вторгнуться, как вы говорите, к доктору Дельмару, этот кто-то мог убить его, а потом пресколько уйти. Никто бы его не остановил и даже не заметил. Вдобавок, убийца пребывал бы в уверенности, что все сочтут подобный визит невозможным.

— Так и есть — он невозможен.

— Еще одно, — сказал Бейли. — Только одно. Тут замешан робот. Он присутствовал на месте преступления.

— Робот не присутствовал на месте преступления, — в первый раз заговорил Дэниел. — Иначе ничего бы не произошло.

Бейли резко обернулся к коллеге, а Грюер, который снова поднял свой стакан, поставил его на место.

— Разве не так? — спросил Дэниел.

— Да, верно, — подтвердил Грюер. — Робот не позволил бы человеку причинить вред другому человеку. Первый Закон.

— Ладно, — сказал Бейли. — Согласен. Но он должен был находиться поблизости, раз был уже на месте, когда пришли остальные роботы. Допустим, он был в соседней комнате. Убийца приближается к Дельмару,

тот кричит: «Ты хочешь убить меня». Домашние роботы этих слов не слышали — слышали только крик, потому и не являлись без вызова. Но тот робот слышал — и пришел незваный, повинуясь Первому Закону. И опоздал. Возможно, он видел, как произошло убийство.

— Последнюю стадию он мог наблюдать, — согласился Грюер. — Потому и вышел из строя. Видеть, как человеку наносят вред, и не помешать — грубое нарушение Первого Закона, а от этого позитронный мозг в большей или меньшей степени расстраивается. В данном случае степень расстройства была особенно велика. — Грюер вертел в пальцах свой стакан с водой, не сводя с него глаз.

— Значит, робот был свидетелем убийства. Его допрашивали?

— А что толку? Он же вышел из строя. Знай твердил себе: «Ты хочешь убить меня». Мне кажется, вы верно восстановили картину преступления. Скорее всего, это были последние слова Дельмара, отпечатавшиеся в сознании робота, который затем полностью разладился.

— Но мне сказали, что Солярия специализируется на роботах. Неужели свидетеля никак нельзя было починить? Залатать его схемы?

— Нельзя, — отрезал Грюер.

— А где этот робот теперь?

— Его сдали в утиль.

— Странно получается, — поднял брови Бейли. — Ни мотива, ни орудия, ни свидетелей, ни улик. А если улики и были, то их уничтожили. У вас только одна подозреваемая, и все, похоже, убеждены в ее виновности; по крайней мере, убеждены в том, что никто другой виновным быть не может. Очевидно, что и вы придерживаитесь этого мнения. В таком случае, я вас спрашиваю: зачем вы посыпали за мной?

— Что-то вы разволновались, господин Бейли, — нахмурился Грюер. — Господин Оливо, — обратился он к Дэниелу.

— Да, агент Грюер?

— Вы не прошлись бы по дому проверить, все ли окна закрыты и затемнены? Наверное, на инспектора Бейли влияет открытое пространство.

Бейли крайне удивился. Он хотел было возразить и приказать Дэниелу сидеть на месте, но вовремя уловил отчаяние в голосе Грюера и немую мольбу в его взгляде.

Он промолчал и позволил Дэниелу уйти.

С лица Грюера как будто упала маска, обнажив страх.

— Это оказалось легче, чем я думал, — признался он. — Знаете, я все подыскивал предлог оставаться с вами наедине — но даже мечтать не мог, что этот аворианец согласится выйти просто так, по моей просьбе. Ничего другого в голову не пришло.

— Ну вот мы и одни, — сказал Бейли.

— Я не мог свободно говорить в его присутствии. Этот аворианец здесь лишь потому, что нам навязали его в придачу к вам. — Грюер подался вперед. — Дело не только в убийстве. Не только в том, кто убийца. На Солярии существуют партии, тайные организации...

— Ну в этом я вам помочь не могу, — опешил Бейли.

— Нет, можете. Поймите: доктор Дельмар был традиционалом. Он верил в добный старый строй. Но у нас хватает людей, которые стоят за перемены, и Дельмару заткнули рот.

— Кто, госпожа Дельмар?

— Возможно, она послужила орудием. Дело не в ней. Важно, кто за ней стоит.

— Вы уверены в том, что говорите? У вас есть доказательства?

— Только косвенные, к сожалению. Рикэн Дельмар напал на какой-то след. Он уверял меня, что у него доказательства есть, и я ему верил. Я достаточно хорошо его знал — он не дурак и не ребенок. К несчастью, он почти ничего не рассказывал, но это было естественно — он хотел довести свое расследование до конца, прежде чем представить дело властям. И должно быть, до чего-то докопался, иначе его бы не посмели убрать так, в открытую. Дельмар сказал мне только одно: опасность угрожает всему человеческому роду.

Бейли как громом поразило. Он как будто снова услышал Миннима, но на этот раз дело обстояло еще хуже. К нему что, все теперь будут обращаться с бедствиями космического масштаба?

— А почему вы считаете, что я могу вам помочь?

— Потому что вы землянин. Понимаете? У нас, соляриан, нет опыта в подобных делах. Мы, так сказать, не разбираемся в людях. Нас тут слишком мало. Не очень-то приятно говорить вам это, господин Бейли. Коллеги смеются надо мной, а некоторые сердятся, но у меня определенно есть такое чувство. Мне кажется, что вы, земляне, просто обязаны разбираться в людях гораздо лучше нашего, раз живете такой кучей. Тем более детективы. Так?

Бейли слегка кивнул, но придержал язык.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — продолжал Грюер. — Я не смел говорить с другими о расследовании, которое вел Дельмар, потому что не знал, кто именно замешан в заговоре, а Дельмар не хотел посвящать меня в детали, пока не установит все в точности. Но даже если бы Дельмар добился успеха, что бы мы делали потом? Как следует поступать с враждебными элементами? Я не знаю. Я с самого начала чувствовал, что нам нужен землянин. А когда я услышал, как вы расследовали убийство космонита на Земле, то понял, что нам нужны вы. Я связался с аворианцами, которые столь тесно сотрудничали с вами в том деле, и через них вышел на правительство Земли. Только своих коллег никак не мог убедить. Но тут случилось убийство, и это был такой шок для всех, что я добился согласия. В тот момент они согласились бы на что угодно. — Грюер помялся и добавил: — Нелегко просить землянина о помощи, но приходится. Что бы там ни было, помните: беда грозит всему человечеству. И Земле тоже.

Значит, Земле грозит двойная опасность. Нельзя было не верить искреннему отчаянию Грюера.

Но если убийство подоспело так кстати, чтобы помочь Грюеру осуществить то, чего он так добивался, то было ли оно чистой случайностью? Перед Бейли открылись новые пути для размышлений, но он не подал виду.

— Меня прислали сюда помочь, сэр, — сказал он. — И я сделаю все, что в моих силах.

Грюер поднес наконец к губам свой стакан, глядя поверх него на Бейли.

— Хорошо. Пожалуйста, ни слова аворианцу. В чем бы ни заключалось дело, Аврора может быть в нем

замешана. Что-то они слишком заинтересовались. Например, настояли на том, чтобы дать вам в партнеры господина Оливо. Аврора — планета могущественная, пришлось согласиться. Они сказали, что посыпают господина Оливо лишь потому, что он уже работал с вами, но может быть и так, что им нужен здесь свой человек, а? — Он отпил из стакана, не спуская глаз с Бейли.

Бейли задумчиво потер костяшками пальцев щеку.

— Ну если... — Не договорив, он вскочил со стула и бросился к своему собеседнику, забыв, что **видит** всего лишь изображение. Грюер, выкатив глаза и держась за горло, хрипел:

— Жжет... жжет...

Стакан выпал из его руки, содержимое разлилось по полу. Упал и сам Грюер с искаженным болью лицом.

Глава 7

ДОКТОР НЕДОУМЕВАЕТ

H

а пороге появился Дэниел.

— Что случилось, партнер Элайдж?

Но все было ясно и без объяснений. Дэниел закричал звенищим голосом:

— Роботы Хенниса Грюера! Вашему хозяину плохо! Роботы!

В столовой тут же появился металлический слуга, а через пару минут к нему присоединилась дюжина других. Трое осторожно подняли и унесли Грюера, остальные принялись наводить порядок и подбирать с пола осколки. Дэниел крикнул им:

— Слушайте, роботы, — не трогайте осколки! Обыщите дом. Ищите чужого человека. Предупредите всех роботов, работающих в имении. Пусть прочешут каждый акр. Если найдете чужого господина, задержите его. Не причиняйте ему вреда (излишний совет), но не позволяйте уйти. Если не найдете никого, дайте мне знать — я остаюсь на связи.

Когда роботы разошлись, Бейли сказал Дэниелу:

— Начинается. Это, конечно, был яд.

— Да. По-видимому, вы правы, партнер Элайдж. — Дэниел как-то странно, точно у него ослабли колени, опустился на стул. Бейли раньше никогда не замечал за ним таких чисто человеческих черточек.

— Мой механизм не выдерживает подобных испытаний, — сказал Дэниел.

— Вы же ничем не могли ему помочь.

— Я понимаю — и все же чувствую что-то вроде блокировки в мозговых схемах. Так, должно быть, случается с человеком, пережившим шок.

— Что ж, придется себя пересилить. — Бейли не питал никакой жалости к занемогшему роботу. — Надо разобраться, кто приложил к этому руку. Нет яда без отправителя.

— Это могло быть и пищевое отравление.

— Случайное пищевое отравление? В столь чисто-плотном мире? Никогда. Кроме того, яд был добавлен в напиток, и симптомы были внезапными, так что сомневаться не приходится. Это был яд, причем большая доза. Вот что, Дэниел, я пойду в другую комнату и все обдумаю. А вы свяжитесь с госпожой Дельмар. Прoverьте, дома ли она, и узнайте, на каком расстоянии ее имение от имения Грюера.

— То есть вы думаете, что она...

Бейли остановил его жестом.

— Просто узнайте, хорошо?

И вышел из комнаты — ему необходимо было оставаться одному. Ясно, что два столь тесно связанных по времени преступления в таком обществе, как солярианское, не могли произойти независимо друг от друга. А если между ними есть связь, то напрашивается предположение, что рассказ Грюера о заговоре был правдивым.

Бейли чувствовал, как нарастает в нем знакомое возбуждение. Когда он прибыл сюда, его занимали грозящие Земле бедствия и собственные переживания — убийство казалось чем-то отдаленным. Теперь же началась охота. Бейли стиснул челюсти, и на скулах выступили желваки.

Как-никак убийца или убийцы нанесли удар в его присутствии, и это задело Бейли за живое. Выходит, с ним совсем не считаются? В Бейли взыграла гордость уязвленного профессионала. По крайней мере, теперь можно заняться этим делом, как обычным убийством, не забивая себе голову земными проблемами.

В комнату сначала заглянул, потом вошел Дэниел.

— Я сделал, как вы просили, партнер Элайдж. Связался с госпожой Дельмар. Она дома. Ее имение более чем в тысяче миль от имения агента Грюера.

— Я сам потом с ней поговорю. Как вы думаете, — задумчиво спросил Бейли, — она имеет отношение к этому преступлению?

— Скорее всего, не прямое, партнер Элайдж.
 — Так значит, косвенное?
 — Она могла поручить кому-то убить Грюера.
 — Кому-то? Но кому?
 — Этого я сказать не могу, партнер Элайдж.
 — Если кто-то действовал по ее поручению, он должен был присутствовать на месте преступления.
 — Да, кто-то должен был там появиться, чтобы отравить напиток.

— Но разве нельзя было отравить напиток заранее? Намного раньше?

— Я думал об этом, партнер Элайдж, — спокойно сказал Дэниел, — потому и воспользовался выражением «скорее всего», говоря о причастности госпожи Дельмар к преступлению. Вполне вероятно, что она побывала у Грюера раньше. Было бы полезно проверить ее передвижения.

— Проверим. И выясним, бывала ли она там вообще. — Бейли скривил губы. Он так и знал, что когда-нибудь логика подведет робота. Как говорил тот роботехник: логика, лишенная здравого смысла. — Пойдемте обратно в переговорную и посмотрим, что там у Грюера.

Комната Грюера сияла чистотой и свежестью. Никто бы не сказал, что меньше часа назад на полу корчился в агонии человек.

У стены стояло трое роботов в обычной позе почтительного ожидания.

— Что слышно о вашем хозяине? — спросил Бейли.
 — У него доктор, господин, — ответил средний робот.

— Доктор лечит его по видео или присутствует лично?

— По видео, господин.
 — Что говорит доктор? Хозяин будет жить?
 — Пока неизвестно, господин.
 — Вы обыскали дом?

— Очень пытательно, господин.
— Не обнаружили постороннего господина?
— Нет, господин.
— Есть какие-нибудь следы недавнего присутствия постороннего?

— Никаких, господин.
— Имение обыскивается?
— Да, господин.
— Есть результаты?
— Нет, господин.

Бейли кивнул и сказал:

— Я хочу поговорить с роботом, который сегодня прислуживал за столом.

— Он на проверке, господин. Функции нарушены.
— Но говорить он может?
— Да, господин.

— Тогда давайте его сюда — немедленно.

Но немедленно не получилось, и Бейли начал раздраженно:

— Я же сказал...

— Солярианские роботы общаются между собой по радио, — вставил Дэниел, — и робот, которого вы хотели видеть, уже вызван. Если он задерживается, то причиной тому неполадки, вызванные недавним происшествием.

Бейли кивнул. О радио он мог бы догадаться и сам. Если этот мир держится на роботах, между ними должна быть какая-то связь, иначе вся система рухнет. Стало понятно, каким образом вслед за вызовом одного робота сразу является дюжина других — но только если в них есть необходимость, и не иначе.

Появился нужный Бейли робот. Он хромал, приволакивая ногу. Что это с ним, подумал Бейли — и пожал плечами. Непосвященному не понять, как проявляются нарушения позитронного мозга даже у примитивных земных роботов. Из-за одной поврежденной схемы могла отказывать, как например сейчас, нога. Это о многом говорило роботехнику и ровно ни о чем — дилетанту.

Бейли осторожно начал:

— Помнишь бесцветную жидкость, которую ты наливал хозяину в бокал?

- Да, гофподин, — ответил робот.
- Еще и дефект речи!
- Что это была за жидкость?
- Вода гофподин.
- Только вода? Ничего больше?
- Только вода, гофподин.
- Где ты ее взял?
- Иж крана в резервуаре, гофподин.
- Ты принес воду сразу или она оставалась какое-то время на кухне?
- Хожян не любил слишком холодной воды, гофподин. Было отдано пофтоянное раффордажение набирать ее за час до еды.

Очень удобно, подумал Бейли, — для того, кто об этом знал.

— Скажи, чтобы меня связали с доктором, как только он закончит свой осмотр. Тем временем пусть другой робот объяснит, как работает резервуар для воды. Мне нужно знать, как здесь устроено водоснабжение.

Вскоре появился доктор. Это был самый старый космонит из всех виденных Бейли — то есть, по оценке инспектора, доктору, должно быть, перевалило за триста. На руках у него выступили вены, а коротко остриженные волосы совсем побелели. У доктора была привычка постукивать ногтем по краю передних зубов, которая раздражала Бейли. Звали его Алтим Тул.

— К счастью, больного вырвало, — сообщил доктор, — и он освободился от солидной порции яда. Но его жизнь все еще под вопросом. Какая трагедия. — Он тяжело вздохнул.

- Какой это яд, доктор? — спросил Бейли.
- Боюсь, что не знаю. — (Тук-тук-тук.)
- Что? Как же вы его лечите?
- Стимулирую нервно-мышечную систему, чтобы избежать паралича, а в остальном полагаюсь на природу. — На желтом, точно из выделанной кожи высшего качества лице доктора, застыло беспомощное, умоляющее выражение. — У нас очень мало опыта в подобных делах. Не припомню, чтобы такое случалось за все двести лет моей практики.

Бейли смерил его взглядом.

— Но о том, что существуют яды, вы, надеюсь, слыхали?

— О да. — (Тук-тук.) — Это общеизвестно.

— У вас есть справочные книгофильмы, к которым можно обратиться.

— Это займет много дней. Минеральные яды весьма многочисленны. На Солярии применяются инсектициды, возможно получить и бактериальные токсины. Даже с помощью книгофильмов сборка оборудования и подбор метода анализа затянутся надолго.

— Если никто на Солярии в этом не разбирается, — оборвал его Бейли, — предлагаю вам связаться с другими мирами. А пока что проверьте кран резервуара в имении Грюера. Отправляйтесь туда лично, если нужно, и сделайте это.

Бейли помыкал почтенным космонитом, как роботом, нисколько не заботясь о том, допустимо ли такое поведение — впрочем, и космонит воспринимал подобное обращение с собой как должное.

— Но как можно отравить кран? — засомневался доктор. — Я уверен, что это невозможно.

— Скорей всего, да, — согласился Бейли, — но все же проверьте, чтобы убедиться полностью.

Кран резервуара действительно вряд ли следовало принимать в расчет. Как объяснил Бейли робот, резервуар был типичным для Солярии устройством. Вода поступала в него из ближайшего источника и соответствующим образом очищалась от микроорганизмов и органических веществ. Потом вода подвергалась аэрации и обработке ионами по вкусу хозяина. Маловероятно, чтобы яд прошел незамеченным, не отразившись на показаниях приборов.

Но если удастся исключить резервуар, определится время преступления. Значит, вода могла быть отравлена только в течение того часа, когда кувшин, во исполнение прихоти Грюера, отставался на кухне (на воздухе, с содроганием подумал Бейли).

Доктор Тул озабоченно спрашивал:

— А как мне проверить кран?

— Иосафат! Возьмите какое-нибудь животное и введите ему в вену воду из-под крана — или заставьте

выпить. Соображать надо. То же самое проделайте с водой из кувшина и, если она отравлена, а скорее всего, так и есть, сделайте пару анализов по книгофильмам — хотя бы самые простые. Делайте хоть что-нибудь!

— Погодите, погодите. О каком кувшине вы говорите?

— О том, в котором отстаивалась вода. Из которого робот налил Грюеру отравленную воду.

— Милый вы мой, да эту воду, наверное, давно вылили. Разве слуги допустят такой беспорядок, как неубранный кувшин?

Бейли застонал, Ясно, что не допустят. Попробуй сохрани улики, если роботы так и норовят уничтожить их ради порядка в доме. Надо было приказать им сохранить воду, но этот мир ему чужд, и он все время совершает ошибки.

Иосафат!

Вскоре поступило сообщение, что имение Грюера проверено и никаких следов постороннего присутствия в нем не обнаружено.

— Тайна сгущается, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — У нас не осталось никого на роль отправителя.

Бейли, погруженный в свои мысли, слушал его краем уха.

— Что? Вовсе нет. Вовсе нет. Дело, наоборот, проясняется. — Он не стал объяснять дальше, зная, что Дэниел его не поймет и не поверит в то, что Бейли считал истиной. А Дэниел не просил объяснений — такое вторжение в человеческие мысли роботу не подобает.

Бейли нервничал, сознавая со страхом, что вскоре пора будет ложиться спать, а значит, усилятся боязнь открытого пространства и возрастет тоска по Земле. Его обуревало почти лихорадочное желание действовать, сделать что-нибудь еще.

— Пожалуй, поговорю с госпожой Дельмар, — сказал он Дэниелу. — Скажите роботам, пусть соединят нас.

Они перешли в переговорную, и Бейли стал смотреть, как ловко орудует робот своими железными пальцами. В голове у инспектора толклось множество мыс-

лей, и вдруг все они пропали: половину комнаты занял стол, изысканно накрытый к обеду.

— Здравствуйте, — сказал голос Глэдии, которая тут же появилась в кадре и села. — Не удивляйтесь, Элайдж. Просто сейчас время обеда, и я соответственно переоделась. Видите?

Так и есть. Она была в светло-голубом платье до щиколоток, с длинными рукавами. Шею облегал желтый рюш, чуть светлее ее волос, теперь тщательно уложенных.

— Я не хотел вам мешать, — сказал Бейли.

— Я еще не начинала. Может быть, отобедаете со мной?

— Как так? — насторожился Бейли.

— Какие вы, земляне, смешные, — засмеялась она. — Не собственной персоной, конечно. Как это было бы возможно? Просто идите в свою столовую, и там вы и тот, другой, сможете пообедать со мной.

— Но если я уйду...

— Ваш робот будет поддерживать связь.

Дэниел утвердительно кивнул, и Бейли, все еще нерешительно, направился к двери. Глэдия вместе с накрытым столом двинулась вслед за ним.

— Видите? — ободряюще улыбнулась она. — Ваш связист держит контакт.

Бейли и Дэниел поднялись по движущемуся полотну — Бейли не помнил, что пользовался им раньше. Видимо, в этом немыслимом жилище между комнатами были разные ходы и выходы; Бейли, в отличие, разумеется, от Дэниела, знал о существовании лишь некоторых из них.

Глэдия за столом продолжала плыть вслед за ними — то сквозь стены, то под полом, то над полом. Бейли остановился и пробормотал:

— К этому надо привыкнуть.

— У вас кружится голова? — сейчас же спросила Глэдия.

— Немного.

— Тогда вот что: скажите своему связисту, чтобы оставил меня здесь, а когда придете в столовую и все будет готово, он нас соединит.

— Я распоряжусь, партнер Элайдж, — сказал Дэниел.

Их стол тоже был накрыт. В тарелках дымился коричневый суп, в котором плавали кубики мяса, а в середине стола ждала, когда ее разрежут, большая жареная курица. Дэниел быстро отдал указание роботу-официанту, и оба прибора мигом сдвинули на один конец стола.

Как по сигналу, стена напротив пропала, стол как будто вытянулся в длину, и на противоположном его конце появилась Глэдия. Комната соединилась с комнатой и стол со столом до того аккуратно, что, если бы не разный рисунок на стенах и на полу и не различие в сервировке, легко было бы поверить, что они действительно обедают вместе.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала Глэдия, — правда, удобно?

— Очень, — сказал Бейли. Он осторожно попробовал суп, нашел его превосходным и подил себе еще. — Вы слышали, что случилось с агентом Грюером?

На лицо Глэдии легла тень, и она отложила ложку.

— Ужасно, правда? Бедный Хенниш.

— Вы называете его по имени — вы его знаете?

— Я знаю почти всех выдающихся людей на Соларии. Мы, соляриане, почти все знакомы друг с другом — это естественно.

В самом деле, естественно, подумал Бейли. Много ли их, в конце концов?

— Тогда вы, может быть, знаете и доктора Алтима Тула. Он лечит Грюера.

Глэдия тихо засмеялась. Робот нарезал ей мясо и положил на тарелку мелкие подрумяненные картофелины и морковь соломкой.

— Конечно, знаю. Он и меня лечил.

— Когда он лечил вас?

— Как раз после того... несчастья. С моим мужем.

— Он что, единственный доктор на планете? — изумился Бейли.

— О нет. — Глэдия зашевелила губами, будто подсчитывая. — Их по крайней мере десять. И еще один молодой человек изучает медицину. Но доктор Тул —

из лучших. У него самый большой опыт. Бедный доктор Тул.

— Почему бедный?

— Ну, вы же знаете — у доктора такая скверная работа. Приходится посещать людей, а иногда даже и трогать их руками. Но доктор Тул очень ответственно относится к своему делу и посещает больного, когда считает это необходимым. Он лечил меня с самого детства и всегда был такой добрый и милый, что я, честно говоря, почти не возражала бы против его визита. Например, он был у меня в тот последний раз.

— Вы хотите сказать — когда погиб ваш муж?

— Да. Можете себе представить, что почувствовал доктор, когда увидел, как я лежу рядом с мертвым мужем.

— Мне сказали, что тело он осматривал по видеотелефону.

— Тело — да. Но со мной было по-другому. Убедившись, что я жива и серьезной опасности нет, он велел роботам подложить мне под голову подушку, сделать мне укол и оставить одну. А сам прилетел самолетом — да, самолетом! Это заняло у него меньше получаса. Потом он занялся мной, и все стало хорошо. Я была в таком тумане, когда пришла в себя, что думала — передо мной его изображение, пока он не коснулся меня. Тогда я поняла, что это он сам, и закричала. Бедный доктор Тул ужасно смущился, но я знаю — он хотел сделать как лучше.

Бейли кивнула.

— Наверное, у докторов на Солярии не так уж много работы?

— Надеюсь, что да.

— Я знаю, что об инфекционных болезнях и говорить не стоит. Но нарушения обмена веществ? Атеросклероз? Диабет и тому подобное?

— Такое случается — и это всегда ужасно неприятно. Доктора могут, конечно, физически облегчить жизнь таким больным, но и только.

— Вот как?

— Конечно. Если человек заболел — значит, его генетический анализ был неточным. Не думаете же вы, что мы сознательно допускаем такие вещи, как диабет?

Все, у кого находят подобные заболевания, подвергаются ~~тщательному~~ повторному анализу. Супружеское назначение отменяется, и это ужасно неудобно для второго супруга. А еще нельзя, чтобы у них были, — она понизила голос, — дети.

— Нельзя иметь детей? — обыкновенным голосом переспросил Бейли.

Глэдия вспыхнула.

— Какие ужасные вещи мы говорим! Что за слова! А-дети!

— Со временем привыкаешь, — сухо заметил Бейли.

— Да, но если это превратится у меня в привычку, я когда-нибудь скажу такое при солярии и просто сгорю со стыда... А если у такой пары уже были дети (видите, вот опять), этих детей надо тоже разыскать и обследовать — кстати, одна из обязанностей Рикэна, — в общем, хлопот не оберешься.

Тула можно выбросить из головы, подумал Бейли. Некомпетентность доктора — следствие солярианского образа жизни, и ничего преступного в ней нет. Скорее всего, нет. Поставим на нем крест, но не слишком жирный.

Он посмотрел, как ест Глэдия — аккуратно и грациозно, с хорошим аппетитом. Курица, которую ел он сам, была великолепна. От чего можно избаловаться во Внешних Мирах, так это от еды.

— Что вы думаете об этом отравлении, Глэдия? — спросил он.

— Стараюсь не думать. — Она подняла голову. — Что за ужасные вещи у нас происходят. Может быть, это не отравление?

— Оно самое.

— Но там же никого не было!

— Откуда вы знаете?

— А разве не ясно? У него сейчас нет жены, поскольку он исчерпал свой лимит на д... Ну, вы понимаете. Так что подсыпать ему яд было некому. Как же его могли отравить?

— И все же он отравлен. Это факт, с которым надо считаться.

Лицо Глэдии омрачилось.

-
-
- А вы **не** думаете, что он сделал это сам?
 - Сомневаюсь. Зачем? Да еще публично?
 - Тогда это просто невозможно, Элайдж. Невозможно, и **все**.
 - Напротив, Глэдия. Очень даже возможно. И я уверен, что точно знаю, как все произошло.

Глава 8

КОСМОНИТ ГНЕВАЕТСЯ

Г

лэдия на миг затаила дыхание, и оно вырвалось из ее сложенных губ почти со свистом.

— А я уверена, что понятия не имею. А кто это сделал, вы знаете?

Бейли кивнула.

— Тот же, кто убил вашего мужа.

— Как?

— А вот так! Убийство вашего мужа — первое в истории Солярии. Через месяц происходит другое убийство — или покушение на него. Может ли это быть совпадением? Два разных преступника убивают на протяжении месяца в мире, где нет преступности? Примите во внимание и то, что вторая жертва занималась расследованием первого преступления и тем самым представляла серьезную опасность для убийцы.

— Что ж, — Глэдия принялась за десерт. — Если ваша точка зрения такова, тогда я невиновна.

— Это почему же, Глэдия?

— Ну как же, Элайдж! Я никогда в жизни даже не приближалась к имению Грюера — значит, и агента Грюера отравить не могла. А если я его не отравляла — значит, и мужа своего не убивала.

Видя, что Бейли сурово молчит, она как будто упала духом, и уголки ее маленького рта опустились.

— Вам так не кажется, Элайдж?

— Не уверен. Я же сказал вам, что знаю способ, каким был отравлен Грюер. Способ изобретательный, и любой житель Солярии мог им воспользоваться, был он в имении Грюера или нет; бывал он там когда-либо или нет.

Глэдия стиснула кулаки.

— Вы хотите сказать, что я преступница?

— Ничего подобного я не утверждал.

— Но подразумевали. — Она была в ярости: губы плотно сжались, на скулах выступили пятна. — Вот почему вы хотели меня видеть? Чтобы задавать коварные вопросы? Чтобы поймать меня?

— Подождите же...

— Вы показались мне таким участливым. Таким понимающим. Ах вы... землянин! — На последних словах ее голос сорвался.

Дэниел, обратив к ней безмятежный взор, сказал:

— Простите, госпожа Дельмар, вы слишком сильно сжимаете нож и можете порезаться. Пожалуйста, осторожнее.

Глэдия свирепо уставилась на маленький, тупой и уж конечно совершенно безобидный ножик у себя в руке и вдруг судорожно вскинула его наверх.

— Меня вам не достать, Глэдия, — сказал Бейли.

— Да кому вы нужны? Уф! — Она передернулась от преувеличеннного отвращения и крикнула: — Прекратить сеанс!

Последние слова предназначались, очевидно, роботу за кадром. Глэдия и ее стол тут же исчезли, и стена столовой вернулась на место.

— Если я правильно понял, — сказал Дэниел, — вы считаете эту женщину виновной?

— Нет, — безразлично ответил Бейли. — Ей, бедняжке, недостает очень многих качеств, которые необходимы убийце.

— Она вспыльчива.

— Ну и что? Большинство людей вспыльчиво. Не забудьте также, что она длительное время живет под сильным напряжением. Если бы я был в таком состоянии и кто-нибудь нападал на меня так, как я, по ее мнению, на нее, я бы не то что ножиком замахнулся.

— Я не сумел разгадать, подобно вам, каким образом можно отравить человека на расстоянии.

— Я знал, что не сумеете, — с удовольствием произнес Бейли. — Именно эту загадку вы и не в состоянии разрешить.

Сказал он это как отрезал, а Дэниел воспринял его слова так же спокойно и серьезно, как всегда.

— Дэниел, у меня для вас есть два задания.

— Какие, партнер Элайдж?

— Во-первых, свяжитесь с доктором Тулом и выясните, в каком состоянии была госпожа Дельмар после убийства мужа. Много ли с ней было хлопот и так далее.

— Вы хотите выяснить что-то определенное?

— Нет. Просто пытаюсь собрать данные. У них здесь это нелегко. Во-вторых, узнайте, кто замещает Грюера в Службе Безопасности, и завтра прямо с утра устройте мне с ним сеанс. Ну а я, — безрадостно добавил Бейли, — пойду спать и, будем надеяться, усну. Как вы думаете, можно здесь достать приличный книгофильм? — почти капризно спросил он.

— Я посоветовал бы вам обратиться к роботу-библиотекарю, — ответил Дэниел.

Бейли раздражало, что придется иметь дело с роботом — он предпочел бы сам порыться всласть в библиотеке.

— Нет, — говорил он, — классики мне не надо. Обычную беллетристику из жизни современной Солярии. С полдюжины штук.

Робот повиновался — куда ему было деться. Но все время, пока нажимал нужные клавиши, чтобы извлечь заказанные книгофильмы с полок и доставить их к щели выдачи, и пока вручал их Бейли, он не переставал почтительно бубнить, знакомя инспектора с богатствами своей библиотеки.

Не желает ли хозяин приключенческий роман о временах заселения планеты? Или прекрасное пособие по химии, с движущимися моделями атомов? Или фантастику? Или учебник галактографии? Перечислю не было конца.

Разозленный Бейли дождался своей полудюжины книг, сказал «хватит», сам (сам!) схватил проектор и пошел прочь. Робот потащился за ним, спрашивая:

— Помочь вам с настройкой, хозяин?
Бейли повернулся и рявкнул:
— Нет! Стой где стоишь.
Робот поклонился и остался на месте.

Улегшись в постель со светом у изголовья, Бейли почти пожалел о своем решении. Проектор был не той модели, с которой ему раньше доводилось иметь дело, и Бейли попросту не представлял, как вставлять пленку. Но он не сдался — разобрал аппарат и кое-как сообразил, что нужно делать. Фильм он зарядил, и, хотя изображение было несколько нечетким, краткая независимость от роботов стоила того.

В следующие полтора часа Бейли просмотрел четыре из шести книгофильмов — и разочаровался.

У него родилась было теория, что лучший способ ознакомиться с солярианским образом жизни — почитать их романы. Ведь без знакомства с Солярией и ее нравами вести следствие с умом было невозможно.

Теперь теория провалилась. Он просмотрел эти романы — там люди со смехотворными проблемами вели себя как дураки и совершали загадочные действия. Почему женщина бросает свою работу, узнав, что ее отпрыск избрал ту же профессию, и отказывается объяснить причину своего поступка, пока все не запутывается самым смешным и невыносимым образом? Почему доктор и художница чувствуют себя униженными, когда их назначают друг другу, и что такого благородного в намерении доктора заняться роботехникой?

Бейли заправил в проектор пятый фильм и отрегулировал изображение. Устал он как собака.

Так устал, что впоследствии никак не мог вспомнить, о чем был пятый роман, обещавший быть острожетным. Помнил только начало, где новый хозяин вступает во владение поместьем и просматривает счетофильмы, предоставленные ему почтительным роботом.

Он, должно быть, так и уснул — с проектором на голове и при полном свете. Потом, наверное, тихонько вошел робот, осторожно снял с Бейли проектор и выключил свет.

Во всяком случае, Элайдж спал, и ему снилась Джесси. Все было как прежде. Он никуда не улетал с Земли, и они собирались в столовую, а потом на субэфирное

шоу с друзьями. Поедут на экспрессе, там будет много народа, все хорошо, никаких забот. Элайдж был счастлив.

И Джесси была такой красивой. Она как-то ухитрилась похудеть. Почему она такая стройная и красивая?

И еще одна странность. Почему-то на них светило солнце. Элайдж смотрел вверх — там было только сводчатое перекрытие верхнего горизонта, и все же солнце светило, ярко озаряя все вокруг, и никто не боялся.

Бейли проснулся в тревоге и сел завтракать, не обращая внимания на роботов, прислуживающих за столом. Он не разговаривал с Дэниелом, не задавал вопросов и поглощал превосходный кофе, не разбирая вкуса.

Почему ему приснился свет невидимого солнца? Можно понять, если сняться Земля и Джесси, но при чем тут солнце? И почему этот сон продолжает его беспокоить?

— Партнер Элайдж, — осторожно сказал Дэниел, — Корвин Аттлиш выйдет на связь через полчаса. Я договорился.

— Какой такой Корвин? — буркнул Бейли, подливая в чашку кофе.

— Он первый заместитель агента Грюера и сейчас исполняет его обязанности.

— Тогда давайте его.

— Я же говорил, что сеанс назначен через полчаса.

— Мне безразлично, когда он назначен. Соедините меня с ним немедленно. Это приказ.

— Я попытаюсь, партнер Элайдж, но он может не дать согласия на сеанс.

— А вы попробуйте, Дэниел, — и поживее.

Заместитель директора Службы Безопасности ответил на вызов, и Бейли в первый раз на Солярии увидел космонита, который соответствовал земным представлениям. Аттлиш был высоким, стройным и бронзовоко-

жим. У него были светло-карие глаза и выступающий подбородок.

Он немного походил на Дэниела, но Дэниел был безупречен почти как бог, а у Аттлбиша все же проступало в лице нечто человеческое.

Сейчас он брился. Из карандашика у него в руке была струйка тонкого абразива, снимая растительность со щек и подбородка и превращая ее в невидимую пыль.

Бейли узнал этот прибор по описанию, хотя никогда раньше не видел его.

— Вы землянин? — процедил Аттлбиш сквозь сжатые губы — он как раз проводил струей абразива под носом.

— Элайдж Бейли, инспектор класса С-7, Земля.

— Уж очень вы рано. — Аттлбиш закрыл свой бритвенный прибор и бросил куда-то за пределы кадра. — Что там у вас, землянин?

Бейли и в лучшие времена был бы не в восторге от такого тона, а сейчас он просто вскипал.

— Как себя чувствует агент Грюер? — спросил он.

— Жив пока. Может, и выживет.

— Ваши солярианские отправители не разбираются в дозах, — кивнул Бейли. — Опыта не хватает. Грюеру подсыпали слишком много, и его вырвало. Половина этой дозы убила бы его.

— Отравители? Никаких следов яда не обнаружено.

— Иосафат! Вам что, мало доказательств?

— Всякое случается, — Аттлбиш потер лицо, проверяя, гладко ли выбрит. — Кто знает, какие нарушения обмена могут быть у человека старше двухсот пятидесяти.

— И у вас есть авторитетное медицинское заключение?

— Доктор Тул докладывает...

Это довершило дело. Гнев, кипевший в Бейли с момента пробуждения, прорвался наружу, и землянин гаркнул:

— Плевал я на доктора Тула! Я сказал — авторитетное заключение. Ваши доктора ничего не смыслят, как не смыслили бы и детективы, будь они у вас. Детектива пришлось выписывать с Земли — выпишите заодно и доктора.

— Уж не вы ли мне будете указывать? — холодно спросил солярианин.

— Да, и притом бесплатно — пользуйтесь на здоровье. Грюер был отравлен. Я свидетель. Он выпил, поперхнулся и стал кричать, что ему жжет горло. Чего же было ожидать, если он расследовал...

— Что расследовал? — невозмутимо спросил Аттабиши.

Бейли стесняло присутствие Дэниела, который, как всегда, сидел поодаль, футах в десяти. Ведь Грюер не хотел, чтобы представитель Авроры знал о его расследовании. Поэтому Бейли промямлил:

— Что-то связанное с политикой.

Аттабиши скрестил руки и принял отстраненный, скучающий и довольно враждебный вид.

— У нас на Солярии не существует политики в том смысле, как ее понимают в других мирах. Хенрис Грюер — хороший гражданин, но у него слишком развито воображение. Это он настоял, чтобы мы вас пригласили, наслушавшись о вас каких-то историй. Даже принял условие, чтобы вам в партнеры дали аворианца. Я лично не видел в том необходимости. Никакой тайны не существует. Рикэна Дельмара убила жена, и мы разберемся, как и почему. А если и не разберемся, ей сделают генетический анализ и примут нужные меры. Что касается Грюера, то ваши фантазии об отравлении никого не волнуют.

— Вы намекаете на то, что я здесь больше не нужен? — недоверчиво спросил Бейли.

— Думаю, что не нужны. Если хотите вернуться на Землю — возвращайтесь. Я бы даже сказал — сделайте одолжение.

Бейли, сам себе удивляясь, выкрикнул:

— Нет, сэр. Я и с места не сдвинусь.

— Мы вас ~~не~~яли, господин ~~сыщик~~, мы можем и уволить. Вы вернетесь на родную планету.

— Ну нет! Послушайте-ка меня — очень вам советую. Вы — космонавт, сверхчеловек, а я землянин, но при всем моем к вам почтении и с ~~нижайшими~~ извинениями я скажу — вы трусыте.

— Прошу взять ваши слова обратно! — Аттабиш выпрямился во весь свой рост, шесть футов с лишним, и надменно, сверху вниз, посмотрел на землянина.

— Трусите, да еще как. Вы думаете, что, если возьметесь за это дело, будете следующим. И сдается, чтобы они оставили вас в покое, оставили вам вашу жалкую жизнь. — Бейли не имел представления, кто такие эти «они» и существуют ли «они» вообще. Он язвил наугад и наслаждался тем, как его слова бьют по самолюбию надменного космонита.

— Через час вас здесь не будет, — сказал Аттабиш, в холодном гневе указывая пальцем на Бейли. — И клянусь, вам не отвертесь никакими дипломатическими уловками.

— Поберегите свои угрозы, космонит. Земля для вас ничего не значит, согласен, но я здесь не один. Позвольте представить вам моего партнера Дэниела Оливо. Он аворианец, и если молчит, то потому, что разговоры — не его дело. Следствие возглавляю я. Но слушать он слушает — ни слова не упустит. Я вам прямо скажу, Аттабиш, — Бейли с наслаждением назвал его просто по фамилии, — Аврору и прочие сорок с лишним Внешних Миров очень интересует то, что вы тут на Солярии вытворяете. Если вы нас вышвырнете, Солярию окружат боевые корабли. Я землянин и знаю порядок: за ущемлением прав следует применение силы.

Аттабиш с некоторым беспокойством перевел взгляд на Дэниела и сбавил тон.

— Здесь не происходит ничего такого, что могло бы интересовать другие планеты.

— Грюер считал иначе, и мой партнер его слышал. — Не тот был момент, чтобы останавливаться перед ложью. Дэниел при последних словах Бейли повернул голову, но инспектор притворился, будто не видит, и продолжал:

— Я намерен и дальше вести следствие, хотя отдал бы все, чтобы вернуться на Землю. Одна только мечта о ней лишает меня покоя. Если бы этот кишащий роботами дворец, в котором я живу, был мой, я бы отдал и его, и вас, и весь ваш поганый мир за билет домой. Но не вам меня выгонять. Никто не выгонит меня отсюда, пока дело, которое мне поручили, не будет раскрыто. Попробуйте только удалить меня против воли — и

окажетесь перед стволами космических орудий. Более того — с этого момента я буду вести следствие по-своему. Я за него отвечаю и буду говорить с теми людьми, с какими захочу, — и не по видео, а лично. Я привык общаться с живыми людьми — так оно и будет. И мне нужно официальное разрешение на это от вашего ведомства.

— Это невозможно, немыслимо...

— Скажите ему, Дэниел.

— Как вас уже информировал мой партнер, агент Аттабиш, — бесстрастно заговорил андроид, — нас прислали сюда вести следствие. Нам необходимо его завершить. Мы не хотим, разумеется, нарушать ваши обычаи, и, возможно, в личных визитах не будет необходимости, хотя ваше разрешение на них в случае надобности было бы полезно, как уже сказал инспектор Бейли. Насильственное удаление нас с планеты мы рассматриваем как нежелательное, хотя и сожалеем о том, что наше пребывание может быть неприятно вам или другим солярианам.

Бейли выслушал эту высокопарную речь, скривив губы в гримасе, которую никак нельзя было назвать улыбкой. Тому, кто знал, что Дэниел робот, было ясно, что он старается не обидеть ни того ни другого из людей. Тому же, кто считал Дэниела аворианцем, гражданином старейшего и наиболее могущественного в военном отношении Внешнего Мира, его речь казалась, вероятно, набором угроз, слегка прикрытых учтивостью.

Аттабиш прикоснулся кончиками пальцев ко лбу.

— Я подумаю.

— Только не слишком долго, — сказал Бейли, — потому что мне нужно посетить кое-кого в ближайший час — лично. Конец сеанса!

Бейли с удивлением и одновременно удовольствием уставился на то место, где только что был Аттабиш. Ничего этого он не обдумывал заранее. Все произошло внезапно — под влиянием сна и неоправданной надменности Аттабиша. Но Бейли был рад, что так получилось. Ему давно хотелось взять дело в свои руки.

Так его, космонита поганого, подумал он.

Он хотел бы, чтобы при этой сцене присутствовало все население Земли. Тем более что Аттлбиш — воплощенный образ космонита. Тем лучше!

Только с чего он, Бейли, так распалился, требуя права на личные визиты? Он и сам не мог понять. Да, он составил для себя план действий, и личные контакты были частью этого плана. Пусть так. Но когда речь зашла о визитах, Бейли ощущал вдруг душевный подъем и готовность безо всякой на то надобности сокрушать окружающие его стены.

Почему?

Это чувство не имело отношения к убийству и даже к опасности, грозившей Земле. Что же оно такое?

Как ни странно, Бейли снова вспомнился недавний сон — солнце, которое светило сквозь светонепроницаемые ярусы подземного земного Города.

Дэниел произнес задумчиво (в той степени, в которой его голос был способен выражать эмоции):

— Не уверен, что одобряю ваше поведение, партнер Элайдж.

— То, как я блефовал с этим типом? Зато сработало. И это не совсем блеф. Я думаю, что Аврора и впрямь интересуется тем, что происходит на Солярии, и Аттлбиш это знает. Кстати, спасибо вам за то, что не разоблачили меня.

— Это было естественное решение. То, что я поддержал вас, нанесло агенту Аттлбишу весьма незначительный вред. Если бы я уличил вас во лжи, вы пострадали бы гораздо сильнее.

— При сравнении потенциалов победил более высокий, а, Дэниел?

— Так и было, партнер Элайдж. По-моему, тот же процесс, только менее точный, происходит и в человеческом мозгу. Но я повторяю — ваша новая идея небезопасна.

— Что за новая идея?

— Я не одобряю ваше намерение относительно личных визитов.

— Понимаю, только я в вашем одобрении не нуждаюсь.

— Мне были даны определенные инструкции, партнер Элайдж. Что сказал вам вчера агент Грюер в мое отсутствие, я знать не могу. Но что-то он сказал — это видно из того, как изменилось ваше отношение к делу. В свете моих инструкций я могу догадаться, что именно было сказано. Он, должно быть, предупредил вас, что ситуация на Солярии угрожает безопасности других планет.

Бейли медленно полез за трубкой. Такое случалось с ним постоянно, и он каждый раз приходил в дурное настроение, вспоминая, что здесь курить нельзя.

— Но ведь соляриан всего двадцать тысяч. Чем же они могут угрожать кому-либо?

— Моих хозяев на Авроре Солярия с некоторых пор стала беспокоить. Я не обладаю всей полнотой информации...

— А то немногое, что вы знаете, вам не велено говорить. Верно?

— Прежде чем открыто обсуждать, следует тщательно во всем разобраться.

— Что же такое затеяли соляриане? Создают новое оружие? Или готовят переворот? Или занялись индивидуальным террором? Что могут двадцать тысяч человек против сотен миллионов космонитов?

Дэниел молчал.

— Я все равно это выясню, так и знайте, — сказал Бейли.

— Но не таким путем, как собирались, партнер Элайдж. Я получил самые строгие предписания бе-речь вас.

— Ну разумеется. Первый Закон.

— Усиленная забота. Если придется выбирать между вашей безопасностью и безопасностью другого человека, я должен сохранить вас.

— Конечно. Я понимаю. Если со мной что-нибудь случится, у вас не будет больше предлога оставаться на Солярии, не вызывая при этом осложнений, к которым Аврора еще не готова. Пока жив, я нахожусь на Солярии по ее же приглашению, так что мы можем при необходимости нажимать там и сям, и приходится нас терпеть. А умри я, ситуация изменится. Поэтому вам и наказали беречь Бейли пуще глаза. Я прав, Дэниел?

— Я не могу ручаться за то, что стоит за данными мне приказами.

— Ладно, не волнуйтесь. Открытое пространство не убьет меня, если мне и понадобится кое с кем встретиться. Переживу. Может быть, даже привыкну.

— Дело не в одном только открытом пространстве, партнер Элайдж. Речь идет о встречах с солярианами. Я их не одобряю.

— Из-за того, что это не понравится космонитам? Что ж поделаешь. Пусть вставляют фильтры в нос и надевают перчатки. Пусть разбрызгивают аэрозоль. А если их утонченные нравы не позволяют им сталкиваться со мной нос к носу, пусть ежатся и краснеют. Но я буду с ними встречаться. Я считаю наши встречи настойной необходимостью.

— Но я не могу этого допустить.

— Вы не можете позволить мне?

— Вы же знаете почему, партнер Элайдж.

— Нет, не знаю.

— Но поймите — агента Грюера, который возглавлял следствие со стороны Солярии, отправили. Разве не вытекает отсюда, что, если я разрешу вам подвергать себя опасности, показываясь повсюду лично, следующей жертвой непременно станете вы? Нет, я не могу позволить вам покидать эти безопасные стены.

— А как вы собираетесь помешать мне, Дэниел?

— В случае необходимости даже силой, партнер Элайдж, — спокойно ответил Дэниел. — Даже если придется причинить вам вред. Если я этого не сделаю, вы наверняка погибнете.

Глава 9

РОБОТ КАПИТУЛИРУЕТ

-3

начит, снова побеждает более высокий потенциал, Дэниел? Вы готовы применить насилие, лишь бы спасти мою жизнь?

— Я надеюсь, что не причиню вам вреда, партнер Элайдж. Вы знаете, что силой я превосхожу вас, и не станете оказывать ненужного сопротивления. Но в случае необходимости — да, мне дозволено причинить вам вред.

— А если я выстрелю в вас из бластера — прямо сейчас? Мои потенциалы мне в этом не помешают.

— Я предполагал, что в наших отношениях наступит такой момент, партнер Элайдж. Если быть точным, я подумал об этом еще во время нашего переезда в имение, когда вы повели себя агрессивно в машине. Моя гибель — ничто в сравнении с вашей безопасностью, но, если меня не станет, вы можете впоследствии пострадать и планы моих хозяев расстроятся. Поэтому в первый же период вашего сна я позаботился разрядить ваш бластер.

Бейли сжал губы. Значит, он все это время ходил с незаряженным оружием? Схватившись за кобуру, он вынул бластер и посмотрел на счетчик заряда. Счетчик стоял на нуле.

Бейли покачал бесполезную железку на ладони, точно намереваясь швырнуть ее в Дэниела. Но что толку? Робот, конечно, увернется.

Бейли убрал бластер обратно. В свое время оружие, быть может, удастся перезарядить. Потом он медленно и задумчиво проговорил:

- Больше не обманете, Дэниел.
- Что вы имеете в виду, партнер Элайдж?
- Уж слишком вы мной командуете. Совсем загнали в угол. Вы в самом деле робот?
- Вы и раньше в этом сомневались.
- В прошлом году на Земле я сомневался в том, что Р. Дэниел Оливо действительно робот. Оказалось, что он им был — и скорее всего продолжает быть. Но теперь я спрашиваю себя: вправду ли вы Р. Дэниел Оливо?
- Да, это я.
- Ой ли? Дэниел был создан по образу космонита. Почему нельзя было подобрать космонита, похожего на Дэниела?
- Зачем?
- Затем, чтобы он вел здесь следствие с инициативой и выдумкой, недоступными роботу. И чтобы вы, играя роль Дэниела, могли бы спокойно управлять мной, для вида предоставляя руководство мне. Вон как вы мной вертите — и мне приходится подчиняться.
- Ваши заключения неверны, партнер Элайдж.
- Почему же тогда все соляриане, с которыми мы говорим, принимают вас за человека? Они ведь знатоки. Неужели их так легко одурачить? Не могу же я один быть прав, а все не правы. Гораздо вероятнее то, что правы-то все, а ошибаюсь я.
- Это не так, партнер Элайдж.
- Докажите, — сказал Бейли, медленно подходя к сервировочному столику и отодвигая дробилку для отходов. — Если вы робот, это не составит для вас трудности. Покажите мне металл, который у вас под кожей.
- Уверяю вас...
- Покажите! — гаркнул Бейли. — Это приказ! Или вам дозволено и приказам не подчиняться?
- Дэниел расстегнул рубашку. Гладкая бронзовая кожа у него на груди слегка поросла светлыми волосами. Он крепко нажал у себя под правым соском, и кожа вместе с мышцами вдоль всей грудной клетки разошлась без единой капли крови, открыв блестящий металл.
- В тот же миг Бейли, передвинув палец на поддюйма вправо, нажал кнопку вызова. Почти сразу же вошел робот.

— Не двигаться, Дэниел! — крикнул Бейли. — Это приказ! Смирно!

Дэниел замер, словно жизнь или механическая ее имитация покинула его.

— Можешь ты вызвать еще двоих слуг, не выходя отсюда? — крикнул Бейли роботу. — Если можешь, вызывай.

— Слушаюсь, господин.

Вошли два робота, вызванные по радио; все трое выстроились в ряд.

— Ребята, — сказал им Бейли, — видите это существо, которое принимали за господина?

Три пары красных глаз уставились на Дэниела, и роботы сказали в унисон:

— Видим, господин.

— Вы видите, что так называемый господин — на самом деле такой же робот, как и вы? У него внутри металл. Он просто сделан так, что выглядит как человек.

— Да, господин.

— Вы не должны подчиняться его приказам. Понимаете?

— Да, господин.

— А вот я, — сказал Бейли, — настоящий человек.

Роботы какой-то миг раздумывали, и Бейли пришло в голову: теперь, когда им показали, что некто, похожий на человека, на деле может оказаться роботом — не будут ли они сомневаться в каждом, кто с виду человек?

Но тут один из роботов ответил:

— Вы человек, господин.

Бейли перевел дух.

— Хорошо, Дэниел, — сказал он. — Вольно.

Дэниел сменил позу на более естественную и спокойно произнес:

— Значит, притворившись, будто сомневаетесь в моем происхождении, вы стремились разоблачить меня перед другими роботами?

— Так и есть, — сказал Бейли, отводя глаза. Это же все-таки машина, а не человек. Разве можно надуть машину?

Но ему, несмотря ни на что, было стыдно. Когда Дэниел стоял вот так, с раскрытой грудью, в нем было

что-то очень человеческое, и Бейли ощущал себя обманщиком.

— Закройте грудь, Дэниел, и послушайте меня. Трех роботов вам не одолеть — это ведь ясно?

— Ясно, партнер Элайдж.

— Хорошо. Вот что, ребята, — снова обратился он к роботам. — Вы не должны говорить никому, и господам тоже, что он робот. Никому и никогда, пока я, и только я один, не отменю своего приказа.

— Благодарю вас, — тихо сказал Дэниел.

— Однако, — продолжал Бейли, — похожий на человека робот не должен вмешиваться в мои действия. Если он попытается сделать это, удержите его силой, но не причиняйте ему без крайней необходимости вреда. Не разрешайте ему вступать в контакт с другими людьми, кроме меня, и с другими роботами, кроме вас — ни лично, ни по видеосвязи. И не спускайте с него глаз. Держите его в этой комнате и сами оставайтесь при нем. От прочих своих обязанностей вы освобождаетесь впредь до дальнейших указаний. Все ясно?

— Да, господин, — ответили роботы хором.

— Вот видите, Дэниел. Вы бессильны, так что не пытайтесь мне помешать.

Дэниел сказал, безнадежно уронив руки:

— Я не могу допустить, чтобы вы пострадали от моего бездействия, партнер Элайдж, но в данных обстоятельствах мне остается только бездействовать. Логически это неоспоримо. Я не стану ничего предпринимать и полагаюсь на то, что вы останетесь живы и невредимы.

Вот-вот, подумал Бейли. Одна только логика — больше у робота ничего нет за душой. Логика говорит Дэниелу, что он окончательно побежден. Рассудок мог бы подсказать ему, что все случайности предугадать невозможно и противная сторона тоже может допустить ошибку.

Но нет. Роботы руководствуются логикой, а не здравым смыслом.

Бейли снова кольнул стыд, и он не мог не поддаться желанию утешить Дэниела.

— Послушайте, Дэниел, даже если бы я подвергался опасности — а это не так, — поспешил добавил он, покосившись на других роботов, — то такова моя ра-

бота. Мне за то и платят. Моя работа состоит в том, чтобы охранять все человечество в целом, так же как ваша — в том, чтобы охранять отдельного человека. Понимаете?

— Нет, партнер Элайдж.

— Потому, что вы так созданы. Поверьте мне на слово — будь вы человеком, вы бы поняли.

Дэниел склонил голову в знак согласия и остался стоять недвижимо, а Бейли медленно вышел из комнаты. Трое роботов расступились перед ним и устремили свои фотоэлектрические глаза на Дэниела.

Бейли шел, так сказать, к свободе, и от сознания этого его сердце сильно билось — но вдруг пропустило удар. Перед ним возник новый робот.

Что еще стряслось?

— Чего тебе, бой? — рявкнул Бейли.

— Вам пакет, хозяин, от заместителя директора Службы Безопасности.

Бейли взял у робота запечатанную капсулу, и она тут же раскрылась. Внутри лежала свернутая бумага с написанным от руки, красивым почерком, текстом. Бейли не удивился. Солярия, должно быть, располагала отпечатками его пальцев, — ведь капсула могла раскрыться только от прикосновения адресата.

Он прочел бумагу, и на его продолговатом лице отразилось удовлетворение. Это было официальное разрешение на личные визиты. Требовалось, правда, согласие и другой стороны, но солярианам предписывалось оказывать всяческое содействие «агентам Бейли и Оливо».

Аттлбиш капитулировал — на это указывало и то, что фамилию землянина он поставил первой. Добрый знак, чтобы начать наконец вести следствие, как полагается.

Бейли снова летел аэропланом, как из Нью-Йорка в Вашингтон, но с одной разницей. Этот аэроплан не был затемнен — окна оставили незаслоненными.

День выдался ясный и солнечный. С того места, где сидел Бейли, окна выглядели как голубые лоскуты — одинаковые и однообразные. Бейли старался не пря-

таться и зарывался головой в колени лишь тогда, когда становилось совсем уж невмоготу.

На эти муки он пошел по собственной воле. И все потому, что его просто распирало чувство триумфа, свободы, сознание того, что он, поборов сначала Аттлебиша, а потом Дэниела, утвердил перед космонитами достоинство Земли.

Начал он с того, что прошел по открытому месту в поджидавший его аэроплан, испытывая легкое, почти приятное головокружение, и в приступе маниакальной самоуверенности приказал не затемнять окон.

Надо привыкать, сказал он себе — и не отводил глаз от синевы, пока не заколотилось сердце и комок в горле не вырос до нестерпимых размеров.

Приходилось время от времени — все чаще — за jaki муривать глаза и закрывать руками голову. Самоуверенность потихоньку утекала, и даже прикосновение к кобуре со свежезаряженным бластером не могло остановить течь.

Бейли старался сосредоточиться на плане своих действий. Сначала изучить образ жизни на планете. Набрать фон, на котором все держится, иначе он ни в чем не разберется.

Повидаться с социологом!

Он спросил у робота, кто самый известный социолог на Солярии. Лучше всего в роботах то, что они не задают вопросов.

Робот назвал ему фамилию, перечислил основные данные и заметил, что сейчас у социолога, скорее всего, второй завтрак и он может попросить перенести сеанс.

— Второй завтрак? — возмутился Бейли. — Не смеши меня. Полдень только через два часа.

— Я ориентируюсь на местное время, хозяин, — сказал робот.

Бейли понял не сразу. В земных Городах периоды сна и бодрствования, то есть день и ночь, были искусственными, приспособленными для нужд человека и планеты. А на такой планете, как эта, лежащей нагишом под солнцем, день и ночь вовсе не зависят от людей, а попросту навязываются им.

Бейли попытался представить себе планету в виде сферы, которая при вращении то освещается солнцем,

то нет. Это ему плохо удавалось, и он почувствовал презрение к сверхчеловекам, позволяющим движению планеты диктовать им такой существенный фактор, как время.

— Все равно, свяжись с ним, — сказал он роботу.

Самолет встречала группа роботов, и Бейли забила крупная дрожь, когда он снова вышел на воздух. Он сказал ближайшему роботу:

— Дай-ка я обопрусь на твою руку, бой.

Социолог ждал его в конце длинного холла, напряженно улыбаясь.

— Добрый день, мистер Бейли.

— Добрый день, сэр, — едва дыша, кивнул Бейли. —

Можно попросить вас затемнить окна?

— Уже сделано. Я кое-что знаю о Земле. Прошу за мной.

Бейли сделал усилие и последовал за хозяином без помощи робота, на приличном расстоянии от того, через холл и лабиринт коридоров. Наконец он уселся в большой и красиво обставленной комнате и порадовался, что можно отдохнуть.

Вдоль стен шли неглубокие закругленные ниши, в которых стояли розовые с золотом скульптуры. Абстрактные изваяния радовали глаз, хотя на первый взгляд ничего не означали. Предмет, похожий на большой ящик, увешанный белыми цилиндрами и со множеством педалей, был, скорее всего, музыкальным инструментом.

Бейли посмотрел на социолога — тот выглядел точно так же, как собственное изображение, с которым Бейли разговаривал днем. Высокий, худой, с белоснежными волосами. Его лицо поразительно напоминало клин, нос выдавался, живые глаза сидели глубоко в глазницах.

Звали его Ансельмо Квемот.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, пока Бейли не счел, что более или менее овладел своим голосом. Первые его слова не имели никакого отношения к следствию и вылетели как-то непроизвольно:

— Можно мне чего-нибудь выпить?

— Чего, например? — Голос у социолога был слишком высокий, чтобы считаться приятным. — Желаете воды?

— Предпочел бы что-нибудь покрепче.

Социолог крайне растерялся — как видно, обязанности гостеприимства были ему незнакомы.

А ведь так оно и есть, подумал Бейли. В мире, где люди общаются на расстоянии, никто никого не угощает.

Робот принес глазированную чашечку со светло-розовым напитком. Бейли осторожно понюхал его и с куда большей осторожностью попробовал на вкус. Жидкость согрела рот и не без приятности прошла вниз по пищеводу. Бейли отпил глоток.

— Если желаете еще... — сказал Квемот.

— Нет, спасибо, пока нет. Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились встретиться со мной.

Квемот попробовал улыбнуться, что ему определенно не удалось.

— Давненько со мной такого не случалось. Да. — Его заметно передернуло.

— Должно быть, это вам дается с трудом?

— И с немалым, — Квемот рывком отвернулся и отошел к стулу в противоположном конце комнаты. Стул он поставил так, чтобы сидеть не лицом к Бейли, а наискосок от него, и сел, стиснув руки в перчатках. Ноздри у него подергивались.

Бейли допил свою чашку, ощущая тепло во всем теле и даже несколько восстановив былую уверенность.

— А что именно вы чувствуете, когда я здесь, доктор Квемот?

— В высшей степени нескромный вопрос, — проромтал социолог.

— Знаю. Но я ведь, кажется, объяснял вам по видео, что расследую убийство и мне придется задавать очень много вопросов, среди которых неизбежно будут и нескромные.

— Помогу, чем могу. Надеюсь, вопросы не будут выходить за рамки приличия. — Квемот продолжал смотреть в сторону, а когда встречался взглядом с Бейли, то сразу же отводил глаза.

— Я спрашиваю о ваших чувствах не просто из любопытства. Это чрезвычайно важно для следствия.

— Не вижу связи.

— Я недостаточно хорошо знаю ваш мир, и мне нужно понять соляриан, их мысли и чувства. Теперь улавливаете?

Квемот совсем перестал смотреть на Бейли и медленно заговорил:

— Десять лет назад умерла моя жена. Встречаться и с ней было нелегко, но со временем начинаешь привыкать — и потом, она не была навязчивой. Новую жену мне не назначили, поскольку я вышел из возраста... — он посмотрел на Бейли, будто ожидая, что тот договорит за него, но Бейли молчал, и Квемот закончил, понизив голос: — ...из возраста воспроизводства. А без жены я совсем отвык от такого вида общения, как личные встречи.

— Но что вы все-таки испытываете? — настаивал Бейли. — Панику? — Он вспомнил себя в самолете.

— Нет. Не панику. — Квемот чуть-чуть повернулся голову к Бейли и тут же отвернулся. — Буду откровенным, мистер Бейли. Мне кажется, что от вас пахнет.

— Пахнет? — Бейли, задетый за живое, машинально откинулся на спинку стула.

— Это, конечно, только воображение, — сказал Квемот. — Откуда мне знать, пахнет ли от вас и насколько сильно — даже самый сильный запах не может проникнуть сквозь носовые фильтры. Однако воображение... — Он пожал плечами.

— Понимаю.

— И хуже того. Простите меня, мистер Бейли, но в присутствии человека я чувствую себя так, будто вот-вот коснусь чего-то слизистого, и меня всего передергивает. Неприятнейшее ощущение.

Бейли задумчиво потер ухо, борясь с раздражением. Что ж поделаешь, если человек столь бурно реагирует по пустякам.

— Если так, то меня удивляет, что вы, можно сказать, охотно пошли на встречу со мной. Вы ведь предвидели, что вам будет неприятно.

— Да, предвидел. Но любопытство победило — вы ведь землянин.

Это как раз и должно было удержать тебя от встречи, сарднически подумал Бейли, но вслух сказал:

— Ну и что же?

Квемот заговорил с внезапным энтузиазмом:

— Не так легко объяснить, даже самому себе. Но я вот уже десять лет занимаюсь социологией, причем профессионально. Разработал некоторые новые концепции, которые на первый взгляд поражают, но в основе своей верны. Одна из моих концепций вызвала во мне чрезвычайный интерес к Земле и землянам. Видите ли, если глубоко изучить солярианское общество и образ жизни, становится очевидным, что модель и того и другого целиком и полностью заимствована с Земли.

Глава 10

АНАЛОГИЯ ПРОСЛЕЖИВАЕТСЯ

-Ч

то-о? — невольно вскрикнул Бейли.

Квемот посмотрел на него через плечо, помолчал и сказал:

— Я говорю не о современной земной цивилизации.

— А-а.

— Модель заимствована из прошлого. Из древней истории Земли. Как землянин, вы должны ее знать.

— Кое-какие книги просматривал, — осторожно сказал Бейли.

— Тогда вы поймете меня.

Бейли, который не понимал ровным счетом ничего, сказал:

— Позвольте объяснить вам, что именно мне нужно. Я хотел бы, чтобы вы мне рассказали, если можно, почему Солярия так отличается от других Внешних Миров, почему здесь так много роботов, почему у вас такой образ жизни. Простите, если я ухожу от темы разговора.

Он как раз и хотел сменить тему. Обсуждение сходства и различия между солярианской и земной культурами — слишком захватывающий предмет. Можно проторчать тут весь день и уйти, так и не получив нужных сведений.

— Вы хотите сравнить Солярию с другими Внешними Мирами, но не хотите сравнивать ее с Землей, — улыбнулся Квемот.

— Землю я знаю, сэр.

— Как угодно. — Солярианин кашлянул. — Вы не возражаете, если я еще немного поверну стул и сяду к вам спиной? Так будет... удобнее.

— Как вам угодно, доктор Квемот, — холодно сказал Бейли.

— Хорошо. — Повинуясь тихому распоряжению Квемота, робот развернул стул, и социолог, скрывшись от глаз Бейли за внушительной спинкой, сразу оживился, и даже голос у него стал глубже и громче.

— Солярия была открыта людьми около трехсот лет назад. Первыми поселенцами на планете были нексониане. Вам знаком Нексон?

— Боюсь, что нет.

— Это ближайшая к Солярии планета, парсеках в двух от нее. Нексон и Солярия представляют собой пару самых близких обитаемых планет в Галактике. Жизнь существовала здесь еще до открытия Солярии людьми, и наша планета была вполне пригодна для обитания, что и привлекло сюда состоятельных нексониан, которым стало трудно поддерживать желаемый уровень жизни из-за роста населения на собственной планете.

— Роста населения? Я думал, космониты регулируют его.

— Солярия регулирует, но остальные Внешние Мирры подходят к этому довольно небрежно. К тому времени население Нексона приближалось к двум миллионам. При такой плотности приходилось ограничивать количество роботов, которыми могла владеть отдельная семья. Поэтому нексониане, у которых была такая возможность, начали строить дачи на Солярии, планете плодородной, с хорошим климатом и без хищной фауны. Те, кто селился на Солярии, могли и до Нексона добираться без особых хлопот, и на новой планете жить в свое удовольствие. Роботов можно было заводить сколько угодно — в зависимости от возможностей. Поэтому и размеры усадеб не ограничивались — на пустой планете с землей проблем не возникало, а при неограниченном количестве роботов не было проблем и с ее обработкой. Роботов стало так много, что их оборудовали рациами — вот начало развития нашей прославленной роботехники. Мы начали создавать но-

вые модели, с новым оборудованием и новыми возможностями. Цивилизация требует изобретений — этот афоризм, по-моему, изобрел я.

Робот по знаку, которого Бейли не заметил из-за спинки стула, принес Квемоту такой же, как у Бейли, напиток. Бейли больше не предлагали, и он решил, что сам не попросит.

— Преимущества жизни на Солярии были очевидны для всех, — продолжал Квемот. — Солярия вошла в моду. На ней селилось все больше нексониан, и она сделалась, по моему излюбленному определению, «планетой-виллой». Постепенно многие поселенцы стали жить на Солярии круглый год, ведя свои дела на Нексоне через поверенных. На Солярии появились заводы по сборке роботов, а на фермах и рудниках стали производить так много продукции, что представилась возможность экспорта. Короче говоря, мистер Бейли, стало ясно, что через каких-нибудь сто лет на Солярии будет столько же народу, как на Нексоне. Было бы смешно и расточительно найти такой новый мир и потерять его из-за недостатка предусмотрительности. Чтобы не вдаваться в тонкости политики, скажу только, что Солярия сумела добиться независимости и отстоять ее без войн. Помогло, конечно, и то, что во Внешних Мирах нас ценили как поставщиков специализированных роботов. По достижении независимости первой нашей заботой стало ограничить население до разумных пределов. Мы стали регулировать рождаемость и иммиграцию, а свою потребность в рабочей силе удовлетворяли, увеличивая количество роботов и совершенствуя их.

— А почему соляриане не хотят встречаться друг с другом? — спросил Бейли, раздраженный несколько покровительственной манерой Квемота.

Квемот выглянул из-за спинки стула и сразу спрятался обратно.

— Неизбежные последствия. У нас здесь огромные поместья. Нередки владения площадью десять тысяч квадратных миль, хотя в них входят и неудобные земли. Площадь моего имения — 950 квадратных миль, зато это сплошь хорошая земля. Во всяком случае, именно размер имения, больше чем что-либо другое, определя-

ет позицию человека в обществе. И одно из преимуществ большого поместья в том, что по нему можно бродить, почти не рискуя зайти на территорию соседа, а значит, и встретиться с ним. Понимаете?

— Вроде бы да, — пожал плечами Бейли.

— Короче говоря, гордость солярианина состоит в том, чтобы не встречаться со своим соседом. И потом, его имение так хорошо обрабатывается роботами и так исправно приносит доход, что ему и не нужно ни с кем встречаться. Нежелание общаться лично привело к развитию техники видеосвязи, а с ее совершенствованием все более отпадала необходимость видеться с соседом. Это заколдованный круг, разновидность обратной связи. Понимаете?

— Послушайте, доктор Квемот, — сказал Бейли, — не надо ради меня все упрощать. Я не социолог, но прошел элементарный курс в колледже — земном, конечно, — скромно добавил он, чтобы предупредить встречное, более обидное, замечание собеседника. — И могу разобраться в формулах.

— В формулах? — чуть ли не взвизгнул Квемот.

— Не в роботехнических, конечно, тут я пас, но в социологических могу. Например, мне знакомо соотношение Терамина.

— Что-что?

— Может быть, у вас оно называется по-другому? Зависимость степени терпения масс от предоставляемых привилегий: дэ итое, деленное на йот, в энной степени...

— О чём вы говорите?

Бейли растерянно умолк, сбитый с толку резким тоном Квемота.

В чём дело? Ведь зависимость терпения от привилегий — это основа основ науки управлять массами без взрыва. Отдельная кабинка в общественном туалете, предоставленная одному человеку за особые заслуги, заставит х человек терпеливо дожидаться такого же подарка судьбы, причем величина х зависит от разных категорий среды и темперамента, что и вычисляется по формуле Терамина.

Но с другой стороны, в мире, где одни привилегии и никто не терпит лишений, коэффициент Терамина стре-

мится к нулю. Наверное, он неудачно выбрал пример. Бейли сделал новую попытку:

— Видите ли, сэр, одно дело — качественный анализ роста предубеждения против личных встреч. Мне от него никакой пользы. Мне нужна точная формула этого предубеждения, чтобы я мог с ним бороться. Я хочу убедить людей согласиться встречаться со мной, как согласились вы.

— Мистер Бейли, нельзя же обращаться с человеческими эмоциями, как с рефлексами позитронного мозга.

— Я и не говорю, что можно. Роботехника — deductивная наука, а социология — индуктивная. Но математикой можно пользоваться и в той и в другой.

Квемот помолчал и сказал дрожащим голосом:

— Вы же сами сказали, что вы не социолог.

— Да, но вы-то социолог. Как утверждают, лучший на планете.

— Я здесь единственный. Можно сказать, я и создал эту науку.

— Вот как? — Бейли помялся, потому что следующий вопрос казался дерзким даже ему самому. — А вы знакомы с трудами по социологии?

— Аврорианские труды я читал.

— А земные?

— Земные? — Квемот засмеялся деланным смехом. — Мне бы и в голову не пришло знакомиться с земной наукой. Простите, не хотел вас обидеть.

— Ну тогда извините. Я думал получить от вас конкретные сведения, которые помогли бы мне при встречах с другими людьми, так сказать, лицом к лицу...

Квемот издал некий странный звук, его стул отлетел в сторону и с грохотом перевернулся. Бейли услышал сдавленное «извините», и Квемот с неподобающей быстротой выскочил из комнаты.

Бейли вскинул брови. Что он сморозил на этот раз? Иосафат! Снова нажал не на ту кнопку?

Он нерешительно поднялся с места, но тут вошел робот.

— Господин, мне поручено передать, что мой господин свяжется с вами через несколько минут.

— Свяжется, бой?

— Да, господин. Не желаете ли тем временем закусить?

Он вновь поставил рядом с Бейли чашечку розового напитка и добавил тарелочку с каким-то печеньем, еще теплым.

Бейли снова сел и отпил из чашки. Печенье на ощупь было твердым, но во рту таяло, а внутри было мягким и более теплым, чем снаружи. Бейли не сумел определить, из чего оно состоит, и подумал — наверное, из местных солярианских продуктов.

Ему вспомнился ограниченный дрожжевой рацион Земли. Интересно, нашли бы там сбыт дрожжевые штаммы, имитирующие блюда Внешних Миров?

Но Бейли тут же об этом забыл — прямо перед ним возник из ниоткуда Квемот. Лицом к гостю! Социолог сидел на стуле, уже не столь массивном, в комнате, стены и потолок которой резко отличались от комнаты, где сидел Бейли. Квемот улыбался, морщины у него на лице стали резче и, как ни парадоксально, сделали моложе, подчеркнув живость глаз.

— Тысяча извинений, мистер Бейли. Мне казалось, я с честью выдерживаю нашу встречу, но то была иллюзия. Ваша последняя фраза меня попросту добила.

— А что я такого сказал, сэр?

— Что-то о встречах лицом к л... — Он потряс головой и провел языком по губам. — Нет, уж лучше не повторять. Думаю, вы и так поняли. У меня в уме сразу возникла отвратительная картина, как мы с вами сидим и дышим... друг на друга. — Солярианин вздрогнул. — Отвратительно, вы не находите?

— Как-то не задумывался.

— По-моему, ужасно мерзкая привычка. Услышав ваши слова, я представил себе эту картину и сразу осознал — мы ведь с вами действительно в одной комнате, и пусть я сижу не к вам лицом, все равно воздух, побывавший в ваших легких, идет ко мне и поступает в мои. При моей чувствительной натуре...

— Каждая молекула солярианской атмосферы уже прошла через тысячи легких. Иосафат! Воздух уже побывал в легких у животных и в жабрах у рыб.

— Верно, — сказал Квемот, уныло потирая щеку, — но я стараюсь не думать об этом. Меня вывело из равновесия то, что вы здесь и оба мы дышим. Просто удивительно, какое это облегчение — разговор по видео.

— А я ведь остаюсь под одной крышей с вами, доктор Квемот.

— Удивительно, не правда ли? Вы со мной под одной крышей, но изображение — совсем другое дело. По крайней мере теперь я знаю, что такая личная встреча с незнакомцем, и больше такого не допущу.

— Можно подумать, вы экспериментировали.

— В каком-то смысле да. Это был мой побочный мотив. И результаты получились интересные, хотя и стоили переживаний. Надо будет записать.

— Что записать? — не понял Бейли.

— Свои ощущения! — в свою очередь удивился Квемот.

Бейли вздохнул. Снова непонимание. Постоянное непонимание.

— Я спрашиваю только потому, что сразу подумал — не пользуетесь ли вы прибором для измерения эмоций, вроде электроэнцефалографа. — Бейли безуспешно осмотрел комнату. — Но у вас, наверное, карманная модель, которую не нужно включать в сеть. У нас на Земле таких нет.

— Я полагаю, — обиженно сказал солярианин, — что способен отдать себе отчет в своих чувствах и без прибора. Эмоции были достаточно ярко выражены.

— Да, конечно, но для количественного анализа... — не унимался Бейли.

— Не знаю, что вам, собственно, нужно, — прорвorchал Квемот. — Когда я хочу познакомить вас с чем-то действительно новым, со своей теорией, которую не вычитал ни в каких книгах и которой просто горжусь...

— Что же это за теория, сэр?

— Ну как же: связь солярианской цивилизации с одной из древних цивилизаций Земли.

Бейли вздохнул. Если сейчас он не даст Квемоту излить душу, то нечего потом рассчитывать на его содействие.

— С какой именно?

— Спарта! — Квемот вскинул голову, и его белые волосы на миг засветились, как нимб. — Я уверен, что вы слышали о Спарте!

Бейли почувствовал облегчение. В молодости (как и многие земляне) он питал большой интерес к древней истории Земли. Ведь тогда Земля была великой, потому что была единственной, и земляне владели миром, потому что не было космонитов. Но история Земли — понятие растяжимое. Вдруг Квемот сошлется на период, незнакомый Бейли, и поставит землянина в неловкое положение. Теперь Элайдж мог сказать, хотя и с осторожностью:

— Да. Я видел кое-какие фильмы.

— Вот и хорошо. Итак, в Спарте в дни ее расцвета проживало сравнительно немного спартиатов — полноправных граждан, более многочисленные граждане второго сорта — периэки и большое количество бесправных рабов — илотов. На одного спартиата приходилось двадцать илотов, а ведь илоты были людьми — с человеческими чувствами и человеческими слабостями. Чтобы успешно подавлять восстания своих рабов, несмотря на численное превосходство последних, спартиаты стали воинами-профессионалами. Каждый из них превратил себя в солдата, и цель, к которой стремилось общество, была достигнута. Все восстания илотов заканчивались поражением восставших. Так вот, мы, люди, живущие на Солярии, в какой-то степени напоминаем спартанцев. У нас есть свои илоты, только они не люди, а машины. Они не поднимают восстаний, и можно их не бояться, даже если роботов в тысячу раз больше на одного человека, чем илотов на одного спартиата. Мы сохраняем избранность спартанцев без необходимости изнурять себя суворой тренировкой. Напротив, мы можем развивать культуру и искусства уже по примеру афинян — это современники спартанцев, которые...

— Про афинян я тоже смотрел фильмы.

— Все известные нам цивилизации были построены в виде пирамиды, — все более воодушевляясь, продолжал Квемот. — У того, кто поднимался на вершину пирамиды, становилось больше досуга и больше возможности достичь счастья. Карабкаясь наверх, он видел: чем больше благ, тем меньше людей, которые могут

ими пользоваться. И угнетенные неизменно преобладают. Запомните: как бы хорошо ни жили нижние слои пирамиды по абсолютной шкале, они всегда лишены чего-то по сравнению с верхушкой. Например, самые бедные жители Авроры живут лучше земных аристократов, но по сравнению с аврорианскими аристократами они лишены многих благ — а сравнивают себя не с кем-нибудь, а с сильными своего мира.

Итак, в любом обществе существуют социальные трения. Социальные революции и реакция на них, то есть защита от возможной революции или подавление вспыхнувшей — вот причина бед человечества, которыми пронизана вся история.

Но у нас на Солярии верхушка пирамиды впервые поставлена отдельно. Место угнетенных заняли роботы. Мы создали первое новое, по-настоящему новое общество; совершили величайшее социальное открытие, равное по значимости тому, какое сделали крестьяне Египта и Шумера, изобретая города, — Квемот с улыбкой откинулся назад.

Бейли кивнул.

— Ваша теория была опубликована?

— Когда-нибудь, возможно, я ее опубликую, — с наигранной беззаботностью сказал Квемот. — Пока нет. Это мой третий вклад в солярианскую культуру.

— Первые два были столь же значительны?

— Они не относились к социологии. В свое время я был скульптором. Все, что вас окружает, — он указал на статуи в нишах, — мои работы. Был я и композитором. Но я старею, а Рикэн Дельмар всегда утверждал, что науки и ремесла важнее изящных искусств — вот я и решил заняться социологией.

— Значит, Дельмар был вашим близким другом?

— Я знал его. К моему возрасту знаешь уже всех взрослых соляриан. Да, не могу не согласиться с тем, что мы с Дельмаром были хорошими знакомыми.

— Что он был за человек? — Как ни странно, при упоминании о Дельмаре Бейли вспомнилась Глэдия, — такая, какой он видел ее в последний раз, с лицом, искаженным гневом, разъяренная его, Элайджа Бейли, поведением и высказываниями.

Квемот задумался.

— Достойный, преданный Солярии и нашему образу жизни.

— Другими словами, идеалист.

— Законченный. Это видно хотя бы по тому, что за свою работу фетоинженера он взялся добровольно. Решил заняться прикладной наукой — я уже говорил, какого мнения он был на сей счет.

— Это был незаурядный поступок?

— А вы бы сами... все время забываю, что вы землянин. Да, незаурядный. Фетология из тех работ, которые выполнять необходимо, но охотников на них не находится. Обычно работников назначают на определенное количество лет, и получить такое назначение не очень-то приятно. Дельмар же вызвался добровольно — и на всю жизнь. Он считал, что эта работа слишком важна, чтобы делать ее из-под палки, и убедил в том меня. Но сам я никогда не стал бы добровольно заниматься этим. Просто не способен пожертвовать собой. Тем больше его самопожертвование — ведь он был такой фанатик личной гигиены.

— Я, признаться, не совсем понимаю, в чем заключалась его работа.

Морщинистые щеки Квемота слегка зарделись.

— Может быть, вам лучше поговорить с его ассистентом?

— Я бы давно это сделал, если бы кто-нибудь соизволил сказать мне, что у него был ассистент.

— Очень жаль, что вам не сказали. Наличие ассистента — еще один показатель ответственности Дельмара перед обществом. Раньше такой должности не было. Но Дельмар счел необходимым воспитать молодую смену, чтобы оставить себе преемника на случай своей отставки или... или смерти. — Старый солярианин тяжело вздохнул. — И вот я пережил его, а он был намного моложе меня. Я с ним играл в шахматы — много раз.

— Каким образом?

— Обычным, — вскинул брови Квемот.

— Вы что, встречались?

— Что за мысль! — ужаснулся Квемот. — Даже если бы у меня получилось перенести близость, Дельмар никогда бы не пошел на такое. Работа фетолога не

притупила в нем чувствительности. Он был щепетильный человек.

— Тогда как же?

— На двух досках, как играют все, — Квемот снисходительно пожал плечами. — Ну да, вы же землянин. Он делал мой ход на своей доске, я его ход — на своей. Очень просто.

— А госпожу Дельмар вы знаете?

— Мы общались. Она ведь полевая колористка, и я смотрел пару ее выставок. По-своему прелестно, но это скорее диковинки, чем произведения искусства. А все-таки занятно и свидетельствует о проницательности ума.

— Как по-вашему, способна она убить мужа?

— Не задумывался. Женщины — существа загадочные. Но тут случай бесспорный, не так ли? Только госпожа Дельмар могла достаточно близко подойти к Рикэну, чтобы убить его. Рикэн никогда, ни при каких обстоятельствах не допустил бы к себе никого другого. Он был крайне щепетилен на этот счет. Хотя, пожалуй, «щепетилен» — не то слово. В нем просто не было и следа какой-либо ненормальности, извращенности. Истинный солярианин.

— Разве то, что вы допустили меня к себе, указывает на вашу извращенность?

— Пожалуй, да. Я сказал бы, тут есть нечто от скатофилии.

— А не могли Дельмара убить по политическим мотивам?

— Что?

— Я слышал, он был традиционал.

— О, мы тут все традиционалы.

— Значит, на Солярии нет такой группы людей, которые не являлись бы традиционалами?

— Ну, скажем, есть такие, которые считают, что излишнее рвение в соблюдении обычаев предков опасно. Им не дает покоя наша малочисленность — в других мирах, мол, населения гораздо больше. В общем, все это глупости, и таких людей немного. Не думаю, что они могут считаться силой.

— Почему глупости? Разве на Солярии есть нечто такое, что удерживает военное равновесие, несмотря

на большое численное преимущество прочих Внешних Миров? Какое-то новое оружие?

— Оружие, безусловно, есть. Только не новое. Люди, о которых я говорил, скорее слепы, чем глупы, если не видят, что оно постоянно в действии и сопротивляться ему бесполезно.

— Вы это серьезно? — сузил глаза Бейли.

— Разумеется.

— И вы знаете, что это за оружие?

— Кто же не знает? И вы знаете — стоит только подумать. Я понимаю чуточку яснее других — возможно, потому, что я социолог. Конечно, это оружие в бою не используется. Оно не убивает, не ранит — и все-таки непобедимо. Тем более непобедимо, что его никто не замечает.

— Так о каком же чудо-оружии вы толкуете? — раздраженно спросил Бейли.

— О позитронном роботе.

Глава 11

ФЕРМА ОБСЛЕДУЕТСЯ

Бейли на миг похолодел. Позитронный робот — символ превосходства космонитов над землянами! Да, это действительно оружие.

— Роботы скорее экономическое оружие, — сказал он недрогнувшим голосом. — Солярия ценится во Внешних Мирах как поставщик усовершенствованных моделей, поэтому ей не причинят вреда.

— Само собой разумеется. Это и помогло нам отстоять независимость. Я имел в виду кое-что другое, более тонкую материю, космическую точку зрения, — Квемот устремил взгляд на свои сложенные пальцы, а умом, должно быть, устремился к неким абстрактным понятиям.

— Еще одна ваша теория? — спросил Бейли, и тщетная попытка Квемота удержать расползающиеся в самодовольной улыбке губы едва не вызвала у него усмешку.

— В самом деле, моя. Насколько я знаю, она оригинальна, но при внимательном изучении демографической статистики Внешних Миров становится очевидной для всех. Начнем с того, что со временем своего изобретения позитронный робот используется повсюду все более и более интенсивно.

— Только не на Земле.

— Полното, инспектор. Я не очень хорошо знаю Землю, но мне все-таки известно, что роботы используются и в вашей экономике. Вы, люди, живете в крупных Городах, а большая часть планеты пустует. Кто же работает на ваших фермах и рудниках?

— Роботы, — сознался Бейли. — Но если разобраться, доктор, то и позитронного робота тоже изобрели земляне.

— Правда? Вы уверены?

— Можете проверить — это факт.

— Интересно. А по использованию роботов вы на последнем месте. Возможно, это следствие большой численности земного населения. Потребуется более длительное время, вот и все. Однако и у вас есть роботы, даже в Городах.

— Да.

— И больше, чем, скажем, пятьдесят лет назад.

— Да, — нетерпеливо кивнул Бейли.

— Тогда все сходится. Разница лишь во времени.

Роботы вытесняют человеческий труд. Роботизированная экономика движется только в одном направлении: побольше роботов и поменьше людей. Я изучил демографическую статистику очень внимательно, составил график и сделал несколько экстраполяций. Вот вам и применил математику, верно? — сам удивился Квемот.

— Да.

— А в этом что-то есть. Надо будет подумать. В общем, я пришел к выводам, верность которых не оставляет сомнений. Соотношение «робот — человек» в любом обществе, использующем труд роботов, постоянно возрастает, несмотря ни на какие законы, препятствующие этому. Рост идет медленно, но никогда не прекращается. Сначала прибавляется людей, а затем их опережают роботы, численность которых растет гораздо быстрее. Потом, после некой критической точки... А вот интересно, можно ли точно вычислить эту точку, представить ее графически? Снова ваша математика.

— Что же происходит после критической точки, доктор Квемот?

— А? Да-да. Людское население начинает сокращаться. Планета стремится к истинному социальному равновесию. Аврора придет к нему. Придет и ваша Земля. Земле на это может потребоваться несколько веков, но дело кончится все тем же.

— Что вы понимаете под социальным равновесием?

— Ситуацию, которая существует у нас. На Соларии. Мир, где люди составляют неработающий класс. Так что нам нечего бояться Внешних Миров. Стоит

подождать каких-нибудь сто лет, и они все станут такими же Соляриями. Тогда и кончится, я полагаю, история человечества — по крайней мере, она придет к своему завершению. Наконец-то человек сможет достичь того, к чему стремился и чего желал. Знаете, однажды я вычитал одну фразу — не помню где, — что-то о стремлении к счастью.

— «Все люди наделены Творцом некоторыми неограниченными правами, — процитировал Бейли, — на жизнь, на свободу и на стремление к счастью»*.

— Вот-вот. Откуда это?

— Из одного старого документа.

— И посмотрите, как все изменилось на Солярии — а скоро так будет и по всей Галактике. Стремление достигнет своей цели. Человечество получит право на жизнь, на свободу и на счастье. Просто на счастье.

— Возможно, — сухо сказал Бейли, — но у вас на Солярии один человек убит, а другой находится при смерти. — Он почти тут же пожалел о своих словах — лицо Квемота приняло такое выражение, будто социолог получил пощечину. Старик понурил голову и сказал, не глядя на Бейли:

— Я ответил на ваши вопросы, как мог. Желаете узнать еще что-нибудь?

— Нет, достаточно. Благодарю вас, сэр. Прошу прощения за то, что растравил ваше горе, напомнив вам о смерти друга.

Квемот медленно поднял глаза.

— Трудно мне будет найти другого такого партнера по шахматам. Он всегда очень пунктуально соблюдал назначеннное время и очень ровно играл. Хороший был солярианин.

— Понимаю, — мягко сказал Бейли. — Вы разрешите воспользоваться вашим видеотелефоном? Хочу поговорить со следующим, кого наметил посетить.

— Разумеется. Мои работы к вашим услугам. А я вас оставлю. Сеанс окончен.

Через тридцать секунд после ухода Квемота рядом с Бейли возник робот, и инспектор снова подивился, как

* Декларация прав человека — примеч. пер.

тут здорово все устроено. Он видел, что Квемот, уходя, нажал на кнопку — вот и все.

Может быть, сигнал означает просто «делай свое дело». А может, роботы слушают все, о чем говорят люди, потому и знают, что может пожелать человек в тот или иной момент, а если под рукой нет робота, подходящего умственно и физически для определенной работы, он тут же вызывается по радио.

Бейли на миг представил себе Солярию в виде сделанного из роботов невода, ячейки которого все сужаются и сужаются, и в каждой ячейке сидит человек. Он вспомнил слова Квемота о мирах, которые все превращаются в подобие Солярии, представил, как невод захлестывает Землю...

Ход его мыслей прервал робот, изрекший с механической почтительностью машины.

— Готов помочь вам, господин.

— Ты знаешь, как связаться с местом, где работал Рикэн Дельмар?

— Да, господин.

Бейли пожал плечами. И когда только он отучится задавать ненужные вопросы? Роботы знают все — и точка. Чтобы управлять роботами как надо, подумалось ему, нужно быть специалистом, вроде роботехника. Интересно, как это получается у средних соляриан? Наверное, так себе.

— Свяжись с ассистентом Дельмара, — сказал он роботу. — А если его нет на работе — разыщи, где бы он ни был.

— Да, господин.

— Подожди! — окликнул Бейли уходящего робота. — Который час теперь там, где работал Дельмар?

— Примерно шесть тридцать, господин.

— Утра?

— Да, господин.

У Бейли снова вызвал раздражение мир, подчинивший себя восходу и заходу солнца. Вот что значит жить на голой планете.

Он мельком подумал о Земле, но отогнал эту мысль. Пока он занимается делом, все хорошо, но, если позволит себе тосковать, он пропал.

— Все равно, найди ассистента, бой, и скажи ему, что дело государственной важности — да пусть кто-нибудь принесет мне поесть. Достаточно будет сандвича и стакана молока.

Задумчиво жуя сандвич с чем-то вроде копченого мяса, Бейли подумал кстати, что Дэниел Оливо, пожалуй, стал бы подозрительно относиться к любой пище после случая с Грюером. И возможно, был бы прав.

Он доел сандвич — как будто все в порядке, во всяком случае, пока — и отхлебнул молока. Ему не удалось узнать у Квемота то, что хотелось, но кое-что он все-таки узнал. По размышлении Бейли стало казаться, что узнал он много.

Почти ничего об убийстве, это верно, но зато кое о чем поважнее.

Вернулся робот.

- Ассистент готов к сеансу, господин.
- Хорошо. Были затруднения?
- Ассистент спал, господин.
- Но теперь-то проснулся?
- Да, господин.

И перед Бейли возник ассистент, который сидел в постели, надутый и недовольный.

Бейли попятился, точно внезапно наткнулся на силовой барьер. Снова от него скрыли нечто очень важное. Снова он неправильно задал вопрос.

Никто не удосужился сказать ему, что ассистент Рикэна Дельмарса — женщина.

Волосы у нее были чуть-чуть темнее космонитской бронзы, пышные и в настоящий момент растрепанные. Продолговатое лицо, нос немного картошкой, крупный подбородок. Она почесывала себе бок чуть повыше талии, и Бейли понадеялся, что она не станет откidyвать простыню. В памяти было еще живо вольное поведение Глэдии во время сеанса.

Бейли сардонически усмехнулся про себя, расставаясь с очередной иллюзией. На Земле почему-то считалось, что все космонитки — красавицы, и Глэдия подтверждала правило. Но ассистентка Грюера была не красива даже и по земным меркам.

Поэтому, когда она заговорила, инспектор удивился приятному контрапо.

— Послушайте, вы знаете, который час? — спросила она.

— Знаю. Но поскольку я хотел бы к вам приехать, то счел нужным предупредить.

— Приехать? Праведное небо... — она широко раскрыла глаза и поднесла руку к подбородку. На пальце у нее было кольцо, первое украшение, которое Бейли увидел на Солярии. — А вы случайно не мой новый ассистент?

— Нет, ничего похожего. Я расследую дело о смерти Рикэна Дельмара.

— Да? Ну и расследуйте себе.

— Как вас зовут?

— Клорисса Канторо.

— Вы давно работаете у доктора Дельмара?

— Три года.

— Вы ведь сейчас находитесь по месту работы? — Бейли устыдился своего казенного выражения, но он не знал, как называется место работы фетоинженера.

— То есть на ферме? — недовольно переспросила Клорисса. — Ну конечно. Я ее не покидала с тех самых пор, как пристукнули старика, и буду, похоже, торчать здесь, пока мне не назначат ассистента. Кстати, вы не могли бы ускорить это дело?

— Извините, мэм, я не обладаю таким влиянием.

— Что ж, спросить никогда не мешает.

Клорисса откинула простыню и без стеснения вылезла из постели. На ней было что-то вроде ночной рубашки, и она взялась за язычок замка около шеи.

— Минутку, — поспешил сказать Бейли. — Если вы согласны со мной встретиться, давайте сейчас расстаемся, и вы сможете одеться без посторонних глаз.

— Без посторонних глаз? — Она выпятила нижнюю губу и с любопытством уставилась на Бейли. — Вы настолько щепетильны? Прямо как мой босс.

— Так, значит, можно с вами встретиться? Я хотел бы осмотреть ферму.

— Не понимаю, о какой встрече вы говорите, но если хотите видеть ферму, я вам устрою видеозаокурцию. Дайте только мне умыться, сделать пару дел и немного проснуться, и я буду рада нарушить свою однообразную жизнь.

— Никакой видеозарисовки мне не надо. Я хочу видеть все своими глазами.

Женщина склонила голову набок и посмотрела на Бейли с профессиональным интересом.

— Вы извращенец, что ли? Давно проходили геноанализ?

— Иосафат! Да ведь я же с Земли. Элайдж Бейли.

— С Земли! — воскликнула она. — Праведное не-бо! А что вы здесь делаете? Или это какой-то сложный розыгрыш?

— Никакого розыгрыша. Меня пригласили расследовать убийство Дельмара. Я детектив, сыщик.

— А, вот вы о каком расследовании. Да ведь все и так знают, что его прикончила жена.

— Нет, мэм, мне это пока еще не ясно. Вы позволите повидать вашу ферму и вас? Понимаете, будучи землянином, я не привык общаться по видео. Чувствую себя неловко. У меня есть разрешение от Службы Безопасности на встречи с людьми, которые могли бы мне помочь. Я покажу вам этот документ, если хотите.

— Покажите.

Бейли показал бумажку ее изображению.

— Встречаться! — потрясла она головой. — Надо же, гадость какая. А впрочем, что такое еще немного мерзости вдобавок к моей мерзкой работе? Только смотрите не приближайтесь ко мне. Держитесь на расстоянии. Можем кричать или передавать через робота, если надо. Понятно?

— Понятно.

Застежка ночной рубашки разъехалась, изображение погасло, и последним словом, которое услышал Бейли, было:

— Землянин!

— Достаточно, ближе не надо, — сказала Клорисса. Бейли, стоя в двадцати пяти футах от нее, сказал:

— Я не возражаю, но хотел бы поскорей пройти в дом.

На этот раз почему-то все сошло не так уж плохо: он перенес полет почти спокойно, но перегибать палку

не следовало. Бейли еле сдерживался, чтобы не оттягивать воротник — так ему было душно.

— Что это с вами? — резко спросила Клорисса. — Вид у вас никудышный.

— Я не привык находиться на воздухе.

— Ну конечно! Вы же землянин! Всю жизнь взаперти. Праведное небо! — Она скривила губы, будто съела что-то неаппетитное. — Ну входите, только я сначала уйду с дороги. Готово. Давайте!

Ее волосы были заплетены в две толстые косы и уложены вокруг головы в сложную геометрическую конструкцию. Интересно, долго ли она возилась с такой прической, подумал Бейли, но потом сообразил, что тут, скорее всего, поработали не ведающие ошибок пальцы робота.

Прическа скрашивала продолговатое лицо Клориссы, придавала ему какую-то симметрию и делала его привлекательным, если не красивым. Она не пользовалась косметикой, а в одежде, видимо, стремилась только к удобству. В ее наряде преобладали глухие темно-синие тона, с которыми совсем не гармонировали лиловые перчатки до локтя — они явно не входили в обыденный костюм Клориссы. Бейли заметил утолщение на пальце под перчаткой, где было кольцо.

Они стояли в разных концах комнаты, глядя друг на друга.

— Вам неприятна эта встреча, мэм? — спросил Бейли.

— А что тут приятного? — пожала плечами Клорисса. — Я не животное. Но терпеть можно. Поневоле закаляешься, когда имеешь дело с... — Она замолчала, потом вздернула подбородок, решившись говорить без жеманства: — ...с детьми. — Она четко выговорила запретное слово.

— Вы говорите так, будто вам не нравится ваша работа.

— Это работа важная, и кто-то должен ее делать. Но нет, она мне не нравится.

— А Рикэну Дельмару нравилась?

— Думаю, что нет, но он никогда этого не показывал. Он был хороший солярианин.

— И щепетильный.

Клорисса удивилась.

— Вы сами сказали. Когда мы говорили по видео и я предложил расстаться, чтобы вы могли одеться без посторонних глаз, вы заявили, что я такой же щепетильный, как ваш босс.

— А-а. Да, он таким и был. Даже по видео никогда не позволял себе никаких вольностей. Всегда вел себя образцово.

— Это не совсем обычно?

— Ну почему же? В принципе все должны вести себя образцово, только никто этого не делает. Особенно по видео. Раз человека здесь нет, зачем стесняться? Знаете, я никогда не стесняю себя во время сеансов — только с боссом было иначе. С ним приходилось держаться в рамках.

— Вы восхищались доктором Дельмаром?

— Он был истинный солярианин.

— Вы назвали это место фермой и упомянули о детях. Вы здесь растите детей?

— С месячного возраста. Сюда поступают эмбрионы со всей Солярии.

— Эмбрионы?

— Да, эмбрионы, зародыши, — нахмурилась она. — Мы получаем их через месяц после зачатия. Вас это не смущает?

— Нет, — коротко ответил Бейли. — Вы покажете мне ваше хозяйство?

— Покажу. Только держите дистанцию.

Бейли с окаменевшим лицом смотрел в длинный зал, над которым они стояли. Между ними и залом была стеклянная перегородка, и по ту сторону, Бейли был в этом уверен, поддерживалась идеальная температура, идеальная влажность, идеальная асептика. Повсюду тянулись ряды сосудов, в каждом из которых — в водянистом растворе, в питательной смеси, подобранный в идеальных пропорциях, — плавало крошечное существо. Они жили, они росли.

Крошечные существа, некоторые меньше его кулака, скрюченные, с выпуклыми головками, с конечностями, похожими на бутоны, и с хвостиками, которые скоро исчезнут.

Клорисса, в двадцати футах от него, спросила:

— Ну как, нравится, инспектор?
— Сколько их у вас тут?
— На сегодняшнее утро сто пятьдесят два. Мы каждый месяц получаем от пятнадцати до двадцати и столько же выпускаем в свет.

— Ваше учреждение — единственное на планете?
— Да. Одного достаточно для сохранения популяции, при средней продолжительности жизни триста лет и двадцати тысячах населения. Это здание — совершенно новое. Доктор Дельмар сам руководил постройкой и внес много нового в нашу технологию. Сейчас эмбриональная смертность практически равна нулю.

Между сосудами сновали роботы, неустанно и тщательно считывая показания приборов у каждого сосуда.

— А кто оперирует материей? — спросил Бейли. — То есть извлекает малюток?

— Доктора.
— Доктор Дельмар тоже?
— Нет, конечно. Медики. Уж не думаете ли вы, что доктор Дельмар унился бы до... ну неважно.

— А почему бы не использовать роботов?
— Роботы в хирургии? Первый Закон создает очень большие сложности, инспектор. Робот мог бы удалить аппендицс, чтобы спасти жизнь человеку, но сомневаюсь, чтобы потом этим роботом можно было пользоваться без капитального ремонта. Резать человеческую плоть — слишком большая травма для позитронного мозга. Только люди способны привыкнуть к этому — и даже к пребыванию рядом с пациентом.

— Но у вас, я вижу, роботы ухаживают за эмбрионами. Вы или доктор Дельмар когда-нибудь вмешивались в их действия?

— Иногда приходится, когда что-то идет не так, как надо. Например, если зародыш развивается неправильно. Нельзя полагаться на то, что роботы верно оценят ситуацию, когда речь идет о человеческой жизни.

— Да, сделай они неверный шаг — и жизнь погибнет. Это большой риск, — кивнул Бейли.

— Совсем наоборот. Риск в том, что они переоценят жизнь и спасут ненужную, — сурово сказала женщина. — Мы, как фетоинженеры, следим за тем, чтобы дети рождались здоровыми, Бейли; только здоровыми.

Даже тщательный геноанализ родителей не гарантирует благоприятной комбинации генов, не говоря уже о возможных мутациях. Неожиданные мутации доставляют нам много хлопот. Данный показатель у нас ниже единицы на тысячу, и все-таки это значит, что в среднем раз в декаду у нас возникает проблема. — Клорисса пошла вдоль галереи, Бейли за ней. — Я покажу вам помещения для младенцев и дортуары для подросших детей. С ними гораздо больше хлопот, чем с зародышами. Здесь мы можем полагаться на роботов лишь до определенного предела.

— Почему?

— Вы поняли бы это, Бейли, если бы хоть раз попытались внушить роботу мысль о необходимости дисциплины. Первый Закон делает их просто непробиваемыми в этом отношении. И что вы думаете? Дети научаются вести себя с роботами едва ли не раньше, чем говорить. Я видела, как трехлетний ребенок держал в бездействии дюжину роботов, вопя: «Вы мне сделали больно. Мне больно». Только робот высшей категории способен понять, что ребенок может лгать намеренно.

— А Дельмар умел унимать детей?

— Как правило, да.

— Как он это делал? Шел к ним и тряс, пока не образумятся?

— Чтобы доктор Дельмар до них дотрагивался? Праведное небо! Нет, конечно! Но он умел с ними разговаривать. И хорошо умел распоряжаться роботами. Я видела, как он продержал ребенка в кадре пятнадцать минут, а робота все это время заставлял его шлепать, раз за разом: шлеп, шлеп, шлеп. После этого ребенок понял, что с боссом шутки плохи. Босс был большой специалист, и робот, выполняя такие его команды, обычно нуждался потом лишь в обычной наладке.

— А вы? Вы ходите к детям?

— Увы, иногда приходится. Я не то что босс. Может, когда-нибудь я и научусь управляться с ними на расстоянии, но если я займусь этим теперь, то просто поломаю роботов, и все. Знаете, это целое искусство — командовать роботами как следует. Но как подумаешь... Ходить к детям. Звереныши! А вы, видно, не против?

— Мне ничуть не страшно.

Клорисса пожала плечами и удивленно оглядела его.

— Землянин! — И снова пошла вперед. — И за-
чем вам все это? В конце концов придется признать, что
убийца — Глэдия Дельмар. Придется, вот увидите.

— Не уверен, — сказал Бейли.

— Как так — не уверены? А кто еще?

— Вариантов много, мэм.

— Ну кто, например?

— Например, вы!

Реакция Клориссы на его слова очень удивила Бейли.

Глава 12

ВЫСТРЕЛ НЕ ПОПАДАЕТ В ЦЕЛЬ

Она рассмеялась.

Ее разобрал такой смех, что она стала задыхаться и вся побагровела. Она прислонилась к стене, ловя ртом воздух.

— Нет, не подходите, — остановила она Бейли. — Со мной все в порядке.

— Неужели это так смешно? — мрачно спросил инспектор.

Клорисса хотела ответить, снова расхохоталась и наконец прошептала:

— Какой же вы, землянин! Как я могла это сделать?

— Вы хорошо его знали. Знали все его привычки. Могли обдумать все заранее.

— И вы думаете, что я пришла к нему? Подошла настолько близко, чтобы размозжить голову? Ничего-то вы не понимаете, Бейли.

Бейли почувствовал, что краснеет.

— А почему бы и нет? Вы ведь привыкли... э-э... к личным контактам.

— С детьми.

— Одно вытекает из другого. Вы и мое присутствие как будто неплохо переносите.

— В двадцати футах от вас, — бросила она.

— Я только что был у человека, который чуть не упал в обморок по время моего визита.

— Разница только в степени выносливости, — посеръезнела Клорисса.

— По-моему, эта разница как раз все и решает. Привыкнув общаться с детьми, вы могли бы достаточно долго терпеть и присутствие Дельмара.

— Вот что, мистер Бейли, — уже без тени веселости сказала Клорисса, — что могла бы вынести я — дело десятое. Доктор Дельмар был щепетильный человек — почти такой же, как Либич. Почти. Даже если бы я и вынесла его присутствие, он бы не вынес моего. Госпожа Дельмар — единственная, кого он допустил бы к себе.

— А кто такой Либич?

— Этакий чудаковатый гений. Работал с боссом над роботами.

Бейли сделал в уме заметку и вернулся в разговору.

— Можно даже сказать, что у вас был мотив.

— Какой мотив?

— После смерти Дельмара вы заняли его должность, продвинулись по служебной лестнице.

— И это, по-вашему, мотив? Праведное небо, да кому нужна такая должность? Найдите мне на Солярии хоть одного желающего. Как раз из-за этого босса надо было беречь как зеницу ока. Пылинки с него сдувать. Придумайте что-нибудь получше, землянин.

Бейли нерешительно поскреб пальцем шею, понимая справедливость ее слов.

— Вы обратили внимание на мое кольцо, мистер Бейли? — спросила она. И даже собралась было снять правую перчатку, но передумала.

— Обратил.

— Вам, наверное, неизвестно его значение?

— Нет, — ответил он и с горечью подумал: никогда мне, видно, не избавиться от невежества.

— В таком случае не хотите ли небольшую лекцию?

— Если она поможет мне разобраться в вашем проклятом мире, то непременно.

— Праведное небо! — улыбнулась Клорисса. — Наверно, мы кажемся вам такими же, какой бы нам показалась Земля. Подумать только. Смотрите, вот пустая комната. Давайте войдем и сядем — нет, она недостаточно большая. Знаете что — садитесь, а я постою снаружи.

Клорисса отступила подальше по коридору, пропуская Бейли в комнату, а потом встала у противоположной стены, чтобы видеть его.

Бейли сел, не особенно заботясь о галантности. Хочет стоять — ну и пусть ее, мстительно подумал он.

Клорисса начала, сложив на груди мускулистые руки:

— Геноанализ — ключ к нашему обществу. Гены, разумеется, нельзя анализировать напрямую, но каждый ген управляет одним энзимом, и можно анализировать энзимы. Кто знает энзимы, знает биохимию тела. Кто знает биохимию, знает человека. Понятно?

— В теории да. Как осуществляется на практике, не знаю.

— Это делается здесь, у нас. Анализ крови производится еще на поздней стадии эмбрионального развития. Так мы делаем первую прикидку. В идеале мы должны засечь все мутации уже на этой стадии и решить, показано рождение или нет. Но на практике мы знаем недостаточно, чтобы исключить всякую возможность ошибки. Когда-нибудь мы к этому придем. А пока что продолжаем тесты и после рождения: биопсия, кровь и прочее. Во всяком случае, задолго до повзросления мы точно знаем, из чего сделаны наши мальчики и девочки.

«Из конфет, из пирожных...» — вдруг вспомнилось Бейли.

— Мы носим кольца с обозначением своего генетического кода, — продолжала Клорисса. — Это старый обычай, пережиток тех примитивных времен, когда на Солярии еще не существовало евгеники. Теперь-то мы все здоровы.

— Но вы все-таки носите свое кольцо. Почему?

— Потому что я — особый случай, — без тени смущения, с нескрываемой гордостью сказала Клорисса. — Доктор Дельмар долго выбирал себе ассистента. Ему как раз и нужен был особый человек. Мозги, изобретательность, трудолюбие, надежность. Главное, надежность. Чтобы человек мог долго находиться среди детей и не сорваться.

— А сам он был на это не способен, верно? Значит, был ненадежен?

— В какой-то степени, но такая степень даже желательна. Вот вы руки моете?

Бейли покосился на свои руки — они были вполне чистые — и сказал:

— Да.

— Ну так вот — вы считались бы крайне ненадежным человеком, если бы отвращение ко всякой грязи доходило у вас до такой степени, что вы не смогли бы вычистить замасленный механизм даже в чрезвычайной ситуации. Но в обыденной жизни определенная степень брезгливости заставляет вас мыть руки, и это нормально.

— Понятно. Продолжайте.

— Это все. По генетическому здоровью я занимаю третье место на Солярии с тех пор, как стали вести записи — потому и ношу кольцо. Мне нравится носить мой знак отличия.

— Поздравляю вас.

— Нечего ехидничать. Может, это и не моя заслуга, а слепая комбинация родительских генов, но все же есть чем гордиться. Никто не поверит, что я способна на такой психопатический поступок, как убийство — только не с моим генетическим строением. Так что не трудитесь обвинять меня.

Бейли молча пожал плечами. Похоже, эта женщина путает генетическое строение с доказательствами, как, наверное, и вся Солярия.

— Хотите теперь посмотреть молодняк?

— Да, благодарю вас.

Коридоры тянулись бесконечно — здание, должно быть, было громадное. Не такое, конечно, как квартирные блоки в земных Городах, но для отдельного строения, стоящего на поверхности планеты, оно было просто колоссальное.

Клорисса показала Бейли сотни кроваток, где писали, спали или кормились розовые младенцы. Дальше шли игровые комнаты для ползунков.

— В этом возрасте они еще ничего, — ворчливо говорила Клорисса, — хотя и требуют огромного количества роботов. Пока дети не начали ходить, почти на каждого из них приходится по одному роботу.

— А зачем?

— Они заболевают, если не получают индивидуальной заботы.

— Да, потребность в ласке остается, ничего тут не поделаешь.

— Я сказала «забота», — нахмурилась Клорисса.

— Просто удивительно — неужели роботы могут удовлетворить потребность в ласке?

Клорисса резко обернулась, и даже на расстоянии было видно, как она недовольна.

— Вот что, Бейли, если вы хотите меня шокировать неприличными словами, то вам это не удастся. Что вы как ребенок, праведное небо!

— Шокировать?

— Я и сама могу произнести это слово. Ласка! Хотите еще и слово из шести букв? Тоже могу. Любовь! Любовь! А теперь, если вам полегчало, ведите себя прилично.

Бейли, не вдаваясь в вопросы приличий, сказал:

— Спрошу по-другому: разве роботы могут заботиться о детях как следует?

— Очевидно, могут, иначе наша ферма не достигла бы таких успехов. Они балуют детей, нянчатся, носятся с ними. Дети-то не понимают, что это всего лишь роботы. Но от трех до десяти с детьми становится трудно.

— Да?

— В эти годы они непременно хотят играть друг с другом. Все поголовно.

— И вы им, стало быть, разрешаете?

— Приходится — но мы всегда помним о том, что обязаны готовить их к взрослой жизни. Каждый ребенок живет в отдельной комнате, где можно запираться. Они с самых ранних лет спят одни — мы настаиваем. В распорядок дня входят часы уединения, которые с возрастом увеличиваются. Когда ребенку исполняется десять лет, он уже может довольствоваться видеоконтактами целую неделю. Разумеется, и видеотехника у нас превосходная. Связь можно поддерживать на воздухе, в движении — хоть целый день.

— Странно, что вам удается справиться с инстинктом. Я вижу, вы сражаетесь с ним, и на удивление успешно.

— О каком инстинкте вы говорите?

— О стадном. Он ведь налицо. Вы сами сказали, что дети хотят играть друг с другом.

— Вы называете это инстинктом? Пусть будет так. Праведное небо, ребенок инстинктивно боится упасть, а взрослых можно приучить работать на высоте, где все время существует опасность падения. Вы же видели выступления воздушных гимнастов? Есть такие миры, где люди и живут в высотных домах. Еще дети инстинктивно боятся громких звуков, а вы разве боитесь?

— В пределах разумного.

— Могу поспорить, что земляне не могли бы спать при полной тишине. Праведное небо, нет такого инстинкта, который бы не поддался хорошему, настойчивому воспитанию. Особенно у человека, инстинкты которого слабы. А при правильном подходе каждое новое поколение будет все легче воспитывать. Вопрос эволюции.

— То есть как?

— А вы не понимаете? Каждая особь повторяет в своем развитии процесс эволюции. У наших зародышей в определенный период были и жабры, и хвост. Эти стадии нельзя миновать. Вот так же и ребенок должен пройти стадию общественного животного. Но если зародыш за один месяц проходит стадию эволюции, на которую ушло сто миллионов лет, то и дети могут ускоренно пройти стадию общественного животного. Доктор Дельмар придерживался мнения, что постепенно, со сменой поколений, мы будем проходить ее все быстрее.

— В самом деле?

— Он подсчитал, что при нынешних темпах через три тысячи лет наши дети смогут сразу переходить на видеоконтакт друг с другом. У босса были и другие идеи. Он стремился создать таких роботов, которые могли бы заставлять детей слушаться без ущерба для своего умственного здоровья. А почему бы и нет? Дисциплина сегодня, чтобы лучше жить завтра — истинная суть Первого Закона; жаль, что роботам это пока невдомек.

— И такие роботы были созданы?

— Боюсь, что нет. Доктор Дельмар и Либич напряженно работали над опытными моделями.

— Не отправлялись ли подобные модели в имение доктора Дельмара? Он достаточно разбирался в роботехнике, чтобы самому проводить испытания?

— О да. Он часто испытывал роботов.

— Вы знаете, что в момент убийства при нем был робот?

— Да, говорили.

— Не знаете, какая это была модель?

— Спросите лучше у Либича. Я вам говорила — того роботехника, что работал с доктором Дельмаром.

— А вы не знаете?

— Нет, не знаю.

— Если что-нибудь вспомните, скажите мне.

— Хорошо. Но вы не думайте, что Дельмар занимался только новыми моделями роботов. Он говорил, что придет время, когда неоплодотворенные яйцеклетки будут храниться в запасниках при температуре жидкого воздуха, а потом подвергаться искусственному осеменению. Таким образом принципы евгеники осуществляются полностью, и отпадет последняяrudиментарная надобность в личных встречах. Не могу сказать, чтобы мне всегда удавалось следовать за его мыслью, но это был человек больших горизонтов — истинный солярианин. Может, выйдем на воздух? Группу от пяти до восьми сейчас вывели играть в подвижные игры, и вы сможете наблюдать за ними.

— Попробуем, — осторожно сказал Бейли. — Только мне, возможно, потребуется спешно вернуться в дом.

— Ах да, я забыла. Может быть, не выходить вообще?

— Нет. — Бейли выдавил из себя улыбку. — Я стараюсь привыкать к открытому воздуху.

Ветер был сущим мучением. Из-за него было трудно дышать. Он не был холодным в буквальном смысле слова, но ощущение отделяемой от тела одежды обдавало инспектора холодом.

У Бейли стучали зубы; так что приходилось не выговаривать, а цедить слова. Глазам было больно смотреть на далекий, расплывчатый голубовато-зеленый горизонт. Чуть легче становилось, если перевести взгляд на дорожку под ногами. Главное было не смотреть вверх,

в голубую пустоту, где нет ничего, кроме белых громад случайных облаков и сияния обнаженного солнца.

Однако, как бы то ни было, пока он на открытом пространстве!

Следуя шагах в десяти за Клориссой, Бейли прошел мимо дерева и осторожно протянул руку, чтобы потрогать его. Оно было шероховатое и твердое на ощупь. Вверху двигались и шелестели листья на ветках, но Бейли не стал на них смотреть. Живое дерево!

— Как вы себя чувствуете? — окликнула его Клорисса.

— Нормально.

— Группу уже видно. Они играют в какую-то игру. Игры организуют роботы, они же следят за тем, чтобы детеныши не залягали друг друга. Чего только не бывает при личном контакте.

Бейли медленно перевел взгляд на цементную дорожку, потом на траву, вниз по склону, все дальше и дальше, очень осторожно — чтобы тут же, если испугается, уставиться себе под ноги, — будто ощупывая дорогу...

Вот наконец вдали фигурки мальчиков и девочек. Носятся как угорелые, и горя им мало, что бегают по самому краю мира — дальше только воздух и космическое пространство. Среди детей, поблескивая, сновали роботы. В воздухе стоял гомон, в котором ничего нельзя было разобрать.

— До чего же им все это нравится, — сказала Клорисса. — Толкаться, пихаться, ругаться, падать, подниматься — контактировать, одним словом. Праведное небо! И как только дети ухитряются стать взрослыми!

— А что делают вон те, постарше? — Бейли указал на группу детей, стоявших поодиночке.

— У них видеоконтакт. С помощью видео можно делать все, что угодно: вместе гулять, разговаривать, бегать, играть. Все можно, кроме физического контакта.

— А куда отправляются дети, когда уходят с фермы?

— В свои поместья. Количество смертей примерно соответствует количеству выпускников.

— В поместья своих родителей?

— Праведное небо, нет, конечно! Было бы поразительным совпадением, если бы родители умирали как

раз тогда, когда дети достигнут совершеннолетия, не так ли? Нет, дети занимают освободившиеся поместья. Не думаю, чтобы кому-то из них было приятно жить в бывшем родительском имении, если бы они знали, конечно, кто их родители.

— Так они не знают?

— А зачем? — подняла брови Клорисса.

— Разве родители не навещают своих детей?

— Еще что придумаете! С какой стати?

— А можно я выясню кое-что для себя? Спрашивать людей, есть ли у них дети — дурной тон?

— Весьма интимный вопрос, вы не находите?

— В общем, да.

— Я-то привычная. Дети — моя профессия. Но о других этого не скажешь.

— А у вас есть дети?

У Клориссы на шее слегка, но заметно дрогнул кадык — она стлотнула.

— Ну что ж, сама заслужила. А вы заслужили ответ. Нету.

— Вы замужем?

— Да, и у меня есть свое поместье, где я бы сейчас и была, если бы не чрезвычайная ситуация. Я просто не уверена, что смогу управлять всеми роботами, не присутствуя здесь. — Расстроенная Клорисса отвернулась и посмотрела на детей. — Ну вот, один уже шлепнулся и, конечно, плачет.

К ребенку большими шагами устремился робот.

— Сейчас его поднимут, возьмут на руки, а если он сильно пострадал, позовут меня. Надеюсь, что этого не случится, — нервно добавила она.

Бейли набрал в грудь воздуха. Футах в пятидесяти влево от себя он заметил три дерева, образующие небольшой треугольник, и пошел к ним по мерзкой, мягкой траве — мягкой до омерзения (точно идешь по гниющему мясу, подумал Бейли, и его чуть не вырвало при этой мысли).

Но он дошел и прислонился спиной к стволу. Так было похоже, будто вокруг стены, хоть и ненадежные. Солнце бросало сквозь листву дрожащие блики, такие редкие, что они почти не вызывали ужаса.

Клорисса, посмотрев на него с тропинки, медленно приблизилась на половину прежнего расстояния.

— Ничего, если я немного постою здесь? — спросил Бейли.

— Сделайте милость.

— Когда молодые люди уходят с фермы, как они потом ухаживают друг за другом?

— Ухаживают?

— Ну знакомятся, — Бейли не знал, как бы выразиться поприличнее, — чтобы потом пожениться.

— Это не их забота. Пары подбираются по результатам геноанализа, как правило, в ранней молодости. Очень разумно, не правда ли?

— И они охотно соглашаются?

— На брак? Никогда! Это очень большая травма. Нужно долго привыкать друг к другу, но короткие ежедневные встречи, после того как пройдет первое отвращение, могут творить чудеса.

— А если кому-то не понравится партнер?

— Что значит не понравится? Если геноанализ говорит, что партнер тебе подходит, то какая разница...

— Понял, понял, — торопливо сказал Бейли, вспомнил Землю и вздохнул.

— Хотите узнать еще что-нибудь?

Бейли не знал, стоит ли ему тут оставаться. Не худо бы рас прощаться с Клориссой и фетоинженерией и перейти к следующему этапу.

Он открыл было рот, чтобы сказать ей об этом, но тут Клорисса закричала кому-то вдали:

— Эй, ребенок! Ты что делаешь? — И крикнула через плечо: — Землянин! Бейли! Берегитесь! Берегитесь!

Бейли почти не разобрал, что она кричит, но в ответ на тревожную нотку в ее голосе узда, в которой он держал свои эмоции, лопнула, и его охватила паника. Весь ужас открытого пространства и необъятного свода небес нахлынул с новой силой.

У Бейли вырвались какие-то нечленораздельные звуки. Будто наблюдая за собой со стороны, он услышал собственный лепет и ощущал, как падает на колени и медленно перекатывается на бок.

Что-то со свистом прорезало воздух над ним, и раздался сильный удар.

Бейли закрыл глаза, вцепился в выступающий из земли тонкий корень дерева и зарылся ногтями в грязь.

Когда он открыл глаза, прошло, наверное, всего несколько мгновений. Клорисса распекала державшегося поодаль мальчишку. Чуть поближе к ней молча стоял робот. Бейли успел рассмотреть в руках у мальчишки предмет с чем-то вроде струны.

Потом Бейли, тяжело дыша, поднялся на ноги и посмотрел на блестящий металлический стержень, торчащий в стволе дерева, о который он только что опирался. Бейли потянул, и стержень уступил — он вонзился неглубоко. Элайдж посмотрел на конец стержня, не дотрагиваясь до него. Наконечник был тупой, но мог бы здорово его поцарапать, если бы он не упал.

Ноги подчинились Бейли со второй попытки. Он сделал шаг вперед.

— Эй, парень!

Клорисса, вся красная, обернулась.

— Это был несчастный случай. Вас не задело?

— Нет. Что это за штука?

— Стрела. Ею стреляют из лука, натягивая тетиву.

— Вот так, — нахально крикнул мальчишка, пуская в воздух другую стрелу, и засмеялся. Он был гибкий, со светлыми волосами.

— Ты будешь наказан, — сказала Клорисса. — Ступай.

— Постой, постой, — вмешался Бейли, потирая ушибленное при падении колено. — У меня есть вопросы. Как тебя зовут?

— Бик, — беззаботно бросил мальчик.

— Так ты стрелял в меня из лука, Бик?

— Ага.

— А ты знаешь, что мог бы попасть, если б меня не предупредили и я бы не упал?

— Так я и хотел попасть, — пожал плечами Бик.

— Тут нужно кое-что объяснить, — торопливо вмешалась Клорисса. — Стрельба из лука у нас поощряется. Этот вид спорта допускает соревнование без лично-

го контакта. Мы устраиваем среди мальчиков видеосостязания. Теперь я начинаю бояться, что они иногда стреляют в роботов. Им весело, а роботам никакого вреда. Я единственный взрослый человек в имении — может быть, мальчик принял вас за робота.

Пока Бейли слушал ее, в голове у него понемногу прояснялось, и суровое выражение, свойственное его вытянутому лицу, усиливалось.

— Бик, ты думал, что я робот?

— Нет. Вы землянин.

— Хорошо. Теперь иди.

Бик повернулся и убежал, насвистывая, а Бейли обратился к роботу:

— Эй ты! Откуда мальчишка знает, что я землянин? Или тебя не было рядом, когда он стрелял?

— Я был рядом, господин. Это я ему сказал, что вы землянин.

— И сказал, кто такой землянин?

— Да, господин.

— Кто же он такой?

— Человек низшей категории, которого не следует допускать на Солярию, поскольку он распространяет инфекцию, господин.

— А ты от кого узнал?

Робот не ответил.

— Не знаешь?

— Нет, господин. Это заложено в моей памяти.

— Значит, ты сказал мальчику, что я — недочеловек, распространяю инфекции, и он тут же в меня выстрелил. Почему ты его не остановил?

— Я хотел, господин. Я не допустил бы, чтобы человеку причинили вред, даже землянину. Но он действовал слишком быстро, и я не успел.

— А может быть, ты подумал, что землянин все-таки не совсем человек, и немного замешкался?

— Нет, господин, — спокойно ответил робот. Бейли мрачно скривил губы. Робот, скорее всего, говорил правду, но инспектор чувствовал, что что-то тут не так.

— Что ты делал рядом с мальчиком? — спросил он робота.

— Я носил за ним стрелы, господин.

— Можно посмотреть? — Бейли протянул руку, робот подошел и подал ему с дюжину стрел. Бейли осторожно положил стрелу, которая вонзилась в дерево, у своих ног и поочередно осмотрел все прочие. Потом вернул их роботу и снова взял в руки первую стрелу.

— Почему ты подал мальчику именно эту?

— Особой причины не было, господин. Мальчик попросил стрелу, и я взял ее наугад. Он стал искать цель, затем увидел вас и спросил, кто этот незнакомец. Я объяснил...

— Я уже слышал, как ты ему объяснил. У стрелы, которую ты подал, серое оперение — только у нее одной. У остальных стрел оно черное.

Робот смотрел на него непонимающим взглядом.

— Это ты привел сюда мальчишку? — спросил Бейли.

— Мы просто гуляли, господин.

Бейли посмотрел в просвет между деревьями, из которого прилетела стрела.

— Бик у вас, случайно, не лучший стрелок из лука?

— Лучший, господин, — склонил голову робот.

— Как вы догадались? — ахнула Клорисса.

— Одно вытекает из другого, — сухо сказал Бейли. — Будьте добры, сравните серую стрелу с прочими. Только у серой стрелы наконечник покрыт чем-то маслянистым. Рискую впасть в мелодраму, мэм, но все же скажу — ваш окрик спас мне жизнь. Стрела, которой целили в меня, отравлена.

Глава 13

РОБОТЕХНИК УСМИРЯЕТСЯ

-Невозможно! — воскликнула Клорисса. — Праведное небо, это просто невозможно!

— Праведное там или неправедное — есть у вас на ферме животное, которого не жалко? Поцарапайте его этой стрелой и посмотрите, что получится.

— Но зачем кому-то...

— Зачем, я знаю, — отрезал Бейли. — Вопрос в том, кто.

— Никто.

У Бейли снова все поплыло перед глазами. Он с злостью швырнул стрелу в сторону Клориссы, та проводила ее взглядом.

— Поднимите, — крикнул Бейли, — и уничтожьте, если не хотите проверять. Не то на нее наткнутся дети, и произойдет несчастье.

Клорисса поспешило взяла стрелу, зажала между большим и указательным пальцами.

Бейли бросился к дому и нырнул в ближайшую дверь. Клорисса последовала за ним со стрелой в руке. Немного восстановив душевное равновесие в четырех стенах, Бейли спросил:

— Кто отравил стрелу?

— Представления не имею.

— Не сам же мальчик. Вы не могли бы установить, кто его родители?

— Можно справиться в картотеке, — буркнула Клорисса,

— Так вы сохраняете записи о родстве?

— Да, для геноанализа.

- А парень не мог знать, кто его родители?
- Исключено.
- А вдруг он как-то выяснил?
- Ему пришлось бы взломать дверь в комнату, где хранятся записи. Исключено.
- А если бы в имение явился взрослый человек и пожелал узнать, кто его ребенок?
- Крайне маловероятно, — вспыхнула Клорисса.
- И все же предположим. Ему бы ответили?
- Не знаю. Собственно, законом это не возбраняется. Просто не принято.
- Вот вы бы ответили?
- Постаралась бы уклониться. Доктор Дельмар не ответил бы, я знаю. Он был убежден, что родственные связи нужны только для геноанализа. До него, возможно, порядки были помягче. А почему вы обо всем этом спрашиваете?
- Мне непонятно, какой мотив мог быть у самого парня — может, он действовал по наущению родителей?
- Ужас какой, — Клорисса в расстроенных чувствах подошла к Бейли на небывало близкое расстояние и даже протянула инспектору руку. — Как это все могло произойти? Босс мертв, вас чуть не убили. А ведь на Солярии нет причин для насилия. У всех есть все, что хочется, — значит, нет зависти. Нет родственных связей — значит, нет и семейных распри. У всех отменное генетическое здоровье. — Вдруг ее лицо прояснилось. — Погодите-ка. Стрела не могла быть отравлена. В обратном вы меня не убедите.
- Почему?
- С Биком был робот. Он не допустил бы никакого яда. Он ни в коем случае не мог совершить ничего такого, что причинило бы вред человеку. Гарантия — Первый Закон Роботехники.
- Да? Что это за Первый Закон?
- То есть как? — уставилась на него Клорисса.
- Да так. Велите проверить стрелу и убедитесь, что она отравлена. — Самого Бейли проверка мало заботила — он и так знал, что стрела отравлена. — Вы все еще верите, что госпожа Дельмар виновна в смерти мужа?
- Там никого не было, кроме нее.

— Понятно. А здесь не было ни одного взрослого человека, кроме вас, когда в меня выстрелили отравленной стрелой.

— Я к этому не имею никакого отношения, — энергично возразила Клорисса.

— Возможно. Возможно также, что и госпожа Дельмар невиновна. Вы разрешите воспользоваться вашим видеотелефоном?

— Да, конечно.

Бейли точно знал, с кем собирается говорить — и это была не Глэдия. И вдруг, неожиданно для себя, сказал роботу:

— Соедини меня с Глэдзией Дельмар.

Робот молча подчинился, и Бейли стал наблюдать за ним, сам удивляясь, почему так распорядился.

Потому, что о ней только что шел разговор, потому, что его немного беспокоила их недавняяссора или просто потому, что, насмотревшись на пышущую здоровьем, донельзя практичную Клориссу, он стремился для разнообразия взглянуть на Глэдзию?

Иосафат! Иногда приходится играть по слуху, прими-рительно подумал он.

Она явилась перед ним, сидя на большом стуле с прямой спинкой, который делал ее еще меньше и еще беззащитнее. Волосы были зачесаны назад и собраны в пучок. В ушах висели серьги с камнями, похожими на бриллианты. На ней было простенькое платьице, узкое в талии. Она тихо сказала:

— Хорошо, что вы меня вызвали, Элайдж. Я сама пыталась вас найти.

— Доброе утро, Глэдия. — (Или день? Или вечер? Он не знал, сколько сейчас времени у Глэдии, и не мог угадать по ее платью.) — Зачем вы меня искали?

— Чтобы извиниться перед вами за то, что вышла из себя на последнем сеансе. Но господин Оливо не знал, где вы.

Бейли представил себе Дэниела под неусыпной охраной роботов и спрятал улыбку.

— Ничего страшного. Через несколько часов я буду у вас.

- Конечно... то есть как — будете?
- Собственной персоной, — отрезал Бейли.
- Она широко раскрыла глаза и впилась пальцами в гладкие пластмассовые подлокотники.
- Что, так нужно?
- Необходимо.
- Не думаю, что...
- Вы разрешаете?
- Это совершенно необходимо? — спросила она, глядя в сторону.
- Да. Но сначала я должен встретиться кое с кем еще. Ваш муж интересовался роботехникой — вы сами говорили мне, да и другие тоже — но ведь он не был профессионалом?
- У него было другое образование, Элайдж, — ответила она, все еще избегая смотреть на него.
- И ему помогал какой-то роботехник, верно?
- Джотан Либич, — тут же ответила она. — Мой близкий друг.
- В самом деле? — воскликнул Бейли.
- Я, наверное, зря это сказала, — смешалась Глэдия.
- Почему же зря, если это правда.
- Все время боюсь сказать что-нибудь такое, что покажется... Вы не представляете, как тяжело, когда все думают, что вы в чем-то виноваты.
- Не обращайте внимания. В чем проявляется ваша дружба с Либичем?
- Ну, как сказать... Он живет в соседнем поместье. Затраты видеоЗнергии практически равны нулю, так что мы можем постоянно общаться в движении без всяких хлопот. Мы с ним гуляем вместе — точнее, гуляли.
- Никогда бы не подумал, что вы способны с кем-то прогуливаться.
- Я же сказала — с помощью видео, — вспыхнула Глэдия. — Все время забываю, что вы землянин. При видеосвязи в свободном движении фокус сосредоточивается на человеке, и можно ходить где угодно, не теряя контакта. Я гуляю в своем имении, он в своем, но мы как будто вместе. Это так приятно. — Она вдруг хихикнула. — Бедный Джотан.
- Почему бедный?

— Вспомнила, как вы подумали, что мы по-настоящему гуляем вместе. Он бы просто умер, если бы знал, что кто-то о нем так подумает.

— Почему?

— У него на этом пунктик. Он говорил мне, что уже в пять лет прекратил личные встречи — настоял на том, что будет общаться только по видео. Бывают такие дети. Рикэн, — она смущилась, но продолжала, — Рикэн, мой муж, однажды сказал мне по поводу Джотана, что таких детей будет все больше и больше. Он сказал, что это нечто вроде социальной эволюции и что у видеоконтактов большое будущее. А вы как считаете?

— Я здесь не авторитет.

— Джотан даже не женился. Рикэн сердился на него, говорил, что Джотан ведет себя антисоциально и что его гены нужны обществу, но Джотан не слушал.

— А имел он право не вступать в брак?

— Не то чтобы... Но знаете, он блестящий роботехник, а роботехники на Солярии ценятся. Думаю, на это просто закрыли глаза. Но Рикэн, по-моему, больше не хотел работать с Джотаном. Он мне сказал, что Джотан плохой солярианин.

— А Джотану он это говорил?

— Не знаю. Он работал с ним до самого конца.

— Но считал плохим солярианином за то, что тот не женился?

— Рикэн раз сказал, что брак — самое трудное в жизни, но надо терпеть.

— А вы что думаете на этот счет?

— О чём вы, Элайдж?

— Вы тоже полагаете, что брак — самое трудное в жизни?

С ее лица исчезло всякое выражение, точно она старательно смыла его.

— Никогда об этом не думала.

— Вы сказали, что гуляете с Джотаном Либичем, а потом поправились, изменили время с настоящего на прошедшее. Значит, прогулки прекратились?

Глэдия покивала головой, и на ее лице снова появилось выражение — грустное.

— В общем, да. Пару раз я вызывала его по видео, но он постоянно был занят, и мне не хотелось — ну, вы понимаете.

— Это происходило после смерти вашего мужа?

— Нет, раньше. За несколько месяцев до нее.

— Может быть, доктор Дельмар запретил ему общаться с вами?

— Как запретил? — опешила Глэдия. — Мы с Джотаном не роботы. Как нам можно что-нибудь запретить?

Бейли не стал объяснять. Объяснение было бы чисто земное, и Глэдия ничего бы не поняла. Даже если бы он ухитрился растолковать, что к чему, то ничего, кроме отвращения, у нее бы не вызвал.

— Я просто так спросил. Я свяжусь с вами снова, Глэдия, когда поговорю с Либичем. Кстати, который у вас там час? — Он тут же пожалел о своем вопросе. Робот ответил бы в земных единицах, а Глэдия, пожалуй, ответит в солярианских — Бейли уже надоело признаваться в своем невежестве.

Однако ответ Глэдии был не точным, а описательным:

— Вторая половина дня.

— И у Либича в имении тоже?

— О да.

— Хорошо. Свяжусь в вами, как только смогу, и мы договоримся о встрече.

— Это совершенно необходимо? — снова заколебалась она.

— Да.

— Что ж, хорошо, — тихо ответила Глэдия.

С Либичем Бейли соединили не сразу, и он использовал промежуток, чтобы съесть еще один сандвич, который ему принесли прямо в упаковке. Бейли был теперь настороже и внимательно осмотрел обертку, прежде чем разорвать ее, а потом старательно исследовал содержимое.

Пластиковый пакетик с молоком, еще не совсем оттаявший, Бейли разодрал зубами и стал пить прямо из него. Невесело было думать о ядах медленного действия без запаха и вкуса, которые можно впрыснуть куда угодно при помощи иглы и шприца, но Бейли отогнал

этую мысль, сочтя ее ребяческой. Пока что и убийство, и оба покушения совершились донельзя открыто. Удар по голове, доза яда, которой можно отравить дюжину человек, стрела, пущенная прямо в жертву, — во всем этом не было ничего изощренного и утонченного.

Потом Бейли подумал, все так же невесело, что, если он и дальше будет прыгать между временными поясами, вряд ли ему удастся поесть по-человечески. Да и высаться тоже. Тут к нему подошел робот.

— Доктор Либич предлагает вам повторить свой вызов завтра. У него срочная работа.

Бейли вскочил на ноги и рявкнул:

— А ну скажи ему... — но осекся. Что толку кричать на робота? То есть кричать-то можно, но на робота крик действует не сильнее, чем шепот. И Бейли продолжал нормальным голосом: — Скажи доктору Либичу или роботу, с кем ты там ведешь переговоры, что я расследую убийство его коллеги, примерного солярианина. Скажи, что я не могу ждать, пока доктор закончит работу. Скажи, что, если он через пять минут не выйдет на связь, я сяду на самолет и встречусь с ним лично в его имении не позже чем через час. Так и скажи — встречусь лично, чтобы не было ошибки. — И Бейли вернулся к своему сандвичу.

Не прошло и пяти минут, как перед ним возник Либич — по крайней мере, солярианин, которого Бейли счел Либичем.

Это был худощавый человек, который держался прямо и чопорно. В темных глазах навыкате застыло отрешенное выражение, сейчас слегка разбавленное гневом. Одно веко было чуть ниже другого.

— Вы землянин? — спросил он.

— Элайдж Бейли, инспектор класса С-7, расследую убийство доктора Рикэна Дельмара. А вы?

— Доктор Джотан Либич. Почему вы позволяете себе беспокоить меня во время работы?

— Потому что это моя работа.

— Так занимайтесь ею в другом месте.

— Сначала мне нужно задать вам несколько вопросов, доктор. Вы, кажется, тесно сотрудничали с доктором Дельмаром?

Либич вдруг сжал кулак и направился к камину, на котором маленький, хитро устроенный часовой механизм совершил сложные, гипнотизирующие глаз периодические движения.

Видоискатель следовал за Либичем так, что тот все время находился в центре кадра — перемещалась комната, дергаясь рывками в такт его шагам.

— Если вы тот инопланетянин, которого грозился доставить Грюер...

— Тот самый.

— Тогда вы здесь вопреки моему совету. Сеанс окончен.

— Нет, не прерывайте сеанс. — Бейли повысил голос и наставил на роботехника палец — тот при этом заметно отпрянул, в отвращении скривив свои полные губы. — Я ведь не блефовал, говоря о встрече.

— Пожалуйста, избавьте меня от вашей земной вульгарности.

— Если я что-то говорю, я это делаю. Я приду к вам, если нельзя заставить вас говорить по-другому. Возьму за шиворот и заставлю выслушать меня.

— Вы грязная скотина, — Либич попятился.

— Это как вам угодно, но я так и поступлю.

— Если вы вторгнетесь в мое имение, я... я...

— Что вы? Убьете меня? Вы часто так угрожаете людям?

— Я вам не угрожал.

— Тогда поговорим. Мы и так уже потеряли много ценного времени. Вы тесно сотрудничали с доктором Дельмаром. Верно?

Роботехник опустил голову и стал дышать медленно и мерно. Когда он поднял глаза, то уже полностью владел собой и даже выдавил короткую безжизненную улыбку.

— Да.

— Дельмара, насколько я понял, интересовали роботы нового типа.

— Да.

— Какого именно типа?

— Вы роботехник?

— Нет. Объясните мне так, чтобы я понял.

— Не уверен, что смогу.

— А вы постарайтесь. Я, например, думаю, что ему нужны были роботы, способные заставить детей слушаться. Что для этого требовалось?

Либич поднял брови.

— Если не вдаваться в детали и опустить различные тонкости, то нужно усилить С-интеграл, управляющий двойной маршрутной реакцией Сикоровича на уровне W-65.

— Ребус какой-то.

— Тем не менее...

— Все равно ребус. Вы не можете объяснить по-другому?

— Это означает некоторое ослабление Первого Закона.

— Почему? Ведь ребенка наказывают для его же пользы — такова идея, верно?

— Для его же пользы! — Глаза Либича вспыхнули, и он, почти позабыв о своем собеседнике, заговорил более свободно. — По-вашему, все так просто? Много ли людей способно претерпеть мелкие неудобства во имя будущих благ? Попробуйте внушить ребенку, что от сладкого у него может заболеть живот, а от горького живот вскоре пройдет! И вы хотите, чтобы это понял робот? Боль, которую робот причиняет ребенку, посылает мощный разрушительный импульс в позитронный мозг. Чтобы уравновесить этот импульс другим, выражающим будущую пользу, нужно столько основных и дополнительных схем, что мозг увеличивается на пятьдесят процентов — если не пожертвовать прочими схемами.

— Значит, вам не удалось создать такого робота?

— Нет, не удалось и не удастся. Да и никому не удастся.

— В день своей смерти Дельмар испытывал именно такую модель?

— Нет, не такую. Нас интересовали и более практические проблемы.

— Доктор Либич, — спокойно сказал Бейли, — мне предстоит еще многое усвоить в области роботехники, и я хочу попросить вас стать моим учителем.

Либич затряс головой, и его приспущенное веко сползло еще ниже, будто он подмигнул, — впечатление получилось жутковатое.

— Излишне объяснять, что курс роботехники нельзя прочесть в считанные минуты. У меня нет времени.

— И все-таки вам придется позаниматься со мной. Тут у вас на Солярии все пропахло роботами. Если вопрос только во времени, я тем более должен к вам приехать. Я землянин и не могу удовлетворительно работать или думать с помощью видео.

Казалось бы, Либичу больше некуда выпрямляться, но он выпрямился.

— Ваши земные фобии меня не волнуют. Визит невозможен.

— Думаю, вы перемените свое мнение, когда я скажу то главное, о чем хотел проконсультироваться с вами.

— Что бы вы ни сказали, это ничего не изменит.

— Да? Тогда слушайте. Я убежден, что на протяжении всей истории существования позитронного робота Первый Закон Роботехники намеренно читался неверно.

— Как неверно? — дернулся Либич. — Глупец! Сумасшедший! Почему?

— Чтобы скрыть тот факт, — невозмутимо сказал Бейли, — что робот способен совершить убийство.

Глава 14

МОТИВ ВЫЯВЛЯЕТСЯ

Либич медленно разинул рот. Бейли подумал, что он сейчас зарычит, но потом с большим удивлением убедился, что это самая неудачная попытка улыбнуться, которую ему доводилось видеть.

— Не говорите так, — сказал Либич. — Нигде и никогда.

— Почему?

— Потому что опасно поощрять недоверие к роботам даже в самой малой степени. Недоверие к роботам — болезнь человечества!

Он говорил так, будто внушал что-то малому ребенку. Говорил мягко, хотя ему, должно быть, хотелось орать в голос. Говорил, стараясь убедить, хотя с большей охотой, очевидно, прочитал бы Бейли смертный приговор.

— Вы знаете историю роботехники? — спросил он.

— Немного.

— Должны знать, раз вы землянин. Так вот. Вы знаете, что роботов с самого начала встретил комплекс Франкенштейна? Их подозревали. Люди не доверяли им, боялись их. В результате роботехника стала чуть ли не подпольной наукой. Три Закона были приняты ради того, чтобы преодолеть эту враждебность, но даже и тогда Земля не допустила роботов в человеческое общество. Одной из причин, по которой первые поселенцы покинули Землю и отправились колонизировать космос, было создание социальных

структур, где роботы могли бы избавить человека от бедности и тяжкого труда. И даже там подозрение продолжало тлеть, готовое в любой момент вырваться наружу.

— А вам приходилось сталкиваться с недоверием к роботам?

— Много раз, — мрачно ответил Либич.

— И потому вы и прочие роботехники сговорились чуть-чуть исказить факты, лишь бы усыпить общее подозрение?

— Никто ничего не искажал!

— И все Три Закона сформулированы правильно?

— Да!

— А я могу вам доказать, что неправильно, и, если вы не убедите меня в обратном, я по возможности повторю это перед всей Галактикой.

— Вы не в своем уме. Какое бы доказательство вы там ни выдумали, оно ложное, уверяю вас.

— Обсудим?

— Если это не займет много времени.

— Встретимся? Лицом к лицу?

Худое лицо Либича передернулось.

— Нет!!

— До свидания, доктор Либич. Найдутся люди, которые меня высушают.

— Подождите. Великая Галактика, да подождите же!

— Встретимся?

Роботехник медленно поднес руку к губам, помедлил, сунул в рот большой палец и уставился на Бейли пустым взором.

Что он, возвращается в младенчество, в возраст до пяти лет, когда ничто не запрещало ему встретиться со мной? — недоумевал Бейли.

— Встретимся? — повторил инспектор.

Либич медленно покачал головой.

— Не могу. Не могу, — простонал он едва разборчиво — мешал палец во рту. — Делайте что хотите.

На глазах у Бейли он отвернулся к стене, прямая спина согнулась, и дрожащие руки закрыли лицо.

— Что ж, хорошо, я согласен продолжать разговор по видео, — сказал Бейли.

— Извините меня. Сейчас вернусь, — не поворачиваясь, произнес Либич.

Бейли, освежившись в перерыве, смотрел на свое свежеумытое лицо в зеркале ванной. Кажется, он начинает чувствовать Солярию и соляриан? Пока трудно сказать. Он вздохнул, нажал кнопку — появился робот. Бейли, не оборачиваясь, спросил:

— Есть на ферме другой видеотелефон, кроме того, которым я пользуюсь?

— Еще три пульта, господин.

— Тогда скажи Клориссе Канторо — скажи своей госпоже, что я пока буду заниматься этим и прошу меня не беспокоить.

— Да, господин.

Бейли вернулся туда, где в кадре так и оставался пустой угол комнаты Либича. Роботехник еще не вернулся, и Бейли настроился ждать, но ждал недолго. Вошел Либич, и его комната снова поехала вслед за ним. Очевидно, фокус тут же переместился с комнаты на человека. Бейли вспомнил, как сложно устроен видеотелефон, и не мог не подивиться совершенству аппарата.

Либич, кажется, вполне овладел собой. Он зачесал волосы назад и переоделся. Теперь на нем был свободный костюм из блестящего, отражающего свет материала. Он опустился на легкий стульчик, откинув его от стены, и спросил ровным голосом:

— Итак, что вы собирались мне сказать относительно Первого Закона?

— Нас никто не подслушивает?

— Нет, я принял меры.

Бейли кивнул.

— С вашего разрешения я процитирую Первый Закон.

— Едва ли в этом есть необходимость.

— Все же позвольте: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— И что же?

— Когда я высадился на Солярии, меня доставили в предназначенное мне имение на машине. Эта машина

была закрыта со всех сторон, чтобы защитить меня от воздушного пространства. Как землянин, я...

— Знаю, знаю, — нетерпеливо прервал Либич. — Какое это имеет отношение к делу?

— Роботы, которые вели машину, не знали того, что известно вам. Я попросил открыть верх, и они тотчас повиновались. Второй Закон. Они обязаны подчиняться приказам. Мне, конечно, стало нехорошо, и я чуть не потерял сознания, пока машину опять не закрыли. Разве эти роботы не причинили мне вреда?

— По вашему же приказу, — отрезал Либич.

— Цитирую Второй Закон: «Робот должен повиноваться командам человека, кроме тех, которые противоречат Первому Закону». Как видите, они не должны были подчиняться мне.

— Чепуха. Ведь роботы не знали...

Бейли подался вперед.

— Ага! Вот оно! Прочтем же Первый Закон так, как его следует читать: «Робот не должен делать ничего, что, насколько ему известно, причинило бы вред человеку, или своим бездействием намеренно допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— Само собой разумеется.

— Не думаю, чтобы это понимал средний человек — иначе средний человек сознавал бы, что робот способен на убийство.

— Безумие! Бред! — с лица Либича сползла всякая краска.

Бейли внимательно рассматривал свои пальцы.

— Но ведь робот может выполнить невинное задание — ничего такого, что причинило бы вред человеку?

— Если ему прикажут.

— Да, конечно. Если ему прикажут. И второй робот тоже может выполнить невинное задание — ничего такого, что причинило бы вред человеку? Если ему прикажут?

— Да.

— А что, если эти два невинных задания, сами по себе совершенно безобидные, вместе взятые приведут к убийству?

— Что? — свирепо нахмурился Либич.

— Мне нужно ваше мнение как эксперта. Приведу вам условный пример. Предположим, человек говорит роботу: «Влей немного этой жидкости в стакан с молоком, который ты найдешь там-то и там-то. Эта жидкость безвредна. Я хочу только узнать, в какую реакцию она вступает с молоком. Когда я это узнаю, молоко будет вылито. Выполнив задание, забудь о нем».

Либич, все еще сердитый, молчал.

— Если бы я велел роботу влить таинственную жидкость в молоко, а затем подать молоко человеку, Первый Закон заставил бы его спросить: «Что это за жидкость? Не повредит ли она человеку? Даже если бы робота заверили, что жидкость безвредна, Первый Закон все же заставил бы его усомниться в том, и он отказался бы подать молоко. Но ему сказали, что молоко выльют. Первый Закон не включается. Разве робот не выполнил бы подобный приказ?

Либич молча злобно смотрел на Бейли.

— Второй же робот, который наливал молоко, — продолжал тот, — не знает, что в него что-то добавили. В полном неведении он подает молоко человеку, и человек умирает.

— Нет! — выкрикнул Либич.

— Почему же нет? Оба задания сами по себе безобидны. Только вместе взятые они ведут к убийству. Вы же не станете отрицать, что нечто подобное возможно?

— Тогда убийцей будет человек, который отдал эти приказы! — крикнул Либич.

— С философской точки зрения — да. Но убийцами-исполнителями, орудиями убийства, будут роботы.

— Ни один человек не станет отдавать таких приказов.

— Станет. Уже отдал. Именно таким образом должно было совершиться покушение на убийство Грюера. Вы ведь слышали о нем?

— На Солярии слышишь все и вся.

— Значит, знаете, что Грюер был отравлен за обедом на глазах у меня и моего партнера, аврорианца господина Оливо. Вы можете предложить другой способ подать ему яд? Никого из людей в имении не было — вам как солярианин, нет надобности объяснять почему.

— Я не детектив и не выдвигаю гипотез.

— Вот я вам и предлагаю гипотезу. И хочу знать, насколько она реальна. Хочу знать, могут ли двое роботов произвести два раздельных действия, которые сами по себе безобидны, но вместе ведут к убийству. Вы эксперт, доктор Либич. Возможно ли такое?

— Да, — ответил загнанный в угол Либич так тихо, что Бейли с трудом расслышал ответ.

— Очень хорошо. Вот вам ваш Первый Закон.

Приспущенное веко Либича пару раз передернулся. Он разнял свои сжатые руки, но пальцы остались согнутыми, будто каждая рука продолжала сжимать другую, призрачную. Либич опустил руки на колени, и только тогда пальцы распрямились. Бейли рассеянно наблюдал за его действиями.

— Теоретически возможно, — сказал Либич. — Теоретически! Вам так легко не разделаться с Первым Законом, землянин. Нужно очень умело формулировать приказы, чтобы обойти Первый Закон.

— Согласен, — сказал Бейли. — Я всего лишь землянин и в роботах ничего не понимаю, а приказы, которые приводил в пример, сформулировал условно. У солярианина, я уверен, это получилось бы куда лучше.

Либич, как будто не слыша, громко сказал:

— Если робота можно хитростью заставить причинить вред человеку, это означает только то, что позитронный мозг нужно совершенствовать. Следовало бы, собственно, усовершенствовать человека, но это не в нашей власти — значит, надо повышать дуракоустойчивость робота. Мы прогрессируем. Наши роботы стали разнообразнее, профессиональнее, способнее и безвреднее, чем были век назад. А через сто лет мы добьемся еще большего. Зачем заставлять робота управлять машиной, если можно снабдить позитронным мозгом саму машину. Это специализация, а возможна и универсализация. Почему бы не создать робота со съемными и сменными конечностями? А? Если бы...

— Вы единственный роботехник на Солярии? — прервал его Бейли.

— Не говорите глупостей.

— Я только спрашиваю. Доктор Дельмар, например, был единственный... э-э... фетоинженер, не считая его ассистентки.

— На Солярии около двадцати роботехников.

— И вы — лучший?

— Лучший, — ответил Либич без ложной скромности.

— И Дельмар работал с вами.

— Да.

— Насколько я понимаю, перед смертью он собирался прервать ваше сотрудничество.

— Ничего похожего. Кто подал вам эту мысль?

— Сдается мне, он не одобрял вашего холостого образа жизни.

— Наверное. Он был истинный солярианин. Но это не влияло на наши деловые отношения.

— Чтобы сменить тему: вы ведь не только разрабатываете новые модели, но также выпускаете роботов и ремонтируете их?

— Производством и ремонтом занимаются в основном сами роботы. В моем имении есть большой сборочный завод и ремонтная мастерская.

— Ремонтировать роботов очень сложно?

— Очень просто.

— Значит, техника ремонта недостаточно развита?

— Это вовсе не так.

— А как же тот робот, что присутствовал при убийстве доктора Дельмара?

Либич отвел глаза и сдвинул брови, будто в глубокой печали.

— С ним ничего нельзя было сделать.

— Так-таки ничего? Он совсем не мог отвечать на вопросы?

— Ни на один. Бесполезно было и пробовать. Позитронный мозг замкнуло необратимо. Не осталось ни одной неповрежденной схемы. Поймите — он был свидетелем убийства, которому не мог помешать.

— А почему, кстати?

— Кто знает? С ним экспериментировал доктор Дельмар. Я не знаю, в каком умственном состоянии находился робот. Дельмар, например, мог ему приказать приостановить все операции, пока исследовалась одна

определенная схема. Если кто-то, кого ни доктор Дельмар, ни робот ни в чем дурном не подозревали, вдруг совершил смертоносное нападение, должно было пройти какое-то время, чтобы потенциал Первого Закона в мозгу робота преодолел блокирующий приказ Дельмара. Время задержки зависит от способа нападения и от формулировки приказа. Могу вам подобрать еще с дюжину причин, по которым робот не мог помешать убийству. Так или иначе, Первый Закон был нарушен, оттого и сгорели все схемы в позитронном мозгу.

— Но если робот физически не мог помешать убийству, разве он несет за это ответственность? Разве Первый Закон требует невозможного?

Либич пожал плечами.

— Первый Закон, несмотря на ваши попытки умалить его, защищает человека до последнего. Он не допускает исключений. Если Первый Закон нарушен, робот погибает.

— Это универсальное правило, сэр?

— Такое же универсальное, как и сам робот.

— Вот я и узнал кое-что.

— Тогда узнайте кое-что еще. Ваша гипотеза убийства как серии безобидных в отдельности поступков роботов в деле Дельмара не срабатывает.

— Почему?

— Дельмара не отравили — его ударили по голове. Кто-то должен был нанести удар, и нанесла его человеческая рука. Ни один робот не возьмет дубинку и не размозжит человеку череп.

— А если робот нажал безобидную кнопку и на голову Дельмара упал замаскированный груз?

— Землянин, — кисло улыбнулся Либиг — я был на месте преступления. И не пропустил ни одного выпуска новостей. Убийство на Солярии, знаете ли, дело нешуточное. Я точно знаю, что на месте преступления не было никаких механизмов, никаких падающих грузов.

— И никаких тяжелых предметов.

— Вы сыщик, вот и ищите.

— Если исключить причастность роботов к смерти Дельмара, кто же тогда виновен?

— Известно кто! — крикнул Либич. — Его жена! Глэдия!

Тут, по крайней мере, наблюдается полное единодушие, подумал Бейли. Вслух он сказал:

— А кто же тогда с таким искусством заставил роботов отравить Грюера?

— Ну, наверное... — начал Либич и осекся.

— Не думаете же вы, что убийц было двое? Если Глэдия виновна в одном преступлении, она виновна и в другом.

— Да. Должно быть, вы правы. — Либич вновь обрел уверенность. — Без сомнения, так оно и есть.

— Без сомнения?

— Никто другой не мог настолько близко подойти к Дельмару, чтобы убить его. Он допускал присутствие посторонних не больше, чем я, только для жены делал исключение — а я никаких исключений не делаю. Тем умнее с моей стороны, — рассмеялся он.

— А ведь вы хорошо ее знаете, — резко сказал Бейли.

— Кого?

— Ее. Ту, о ком мы говорим. Глэдию!

— Кто вам сказал, что я знаю ее ближе, чем кого-либо? — Либич чуть-чуть, на дюйм, ослабил застежку у воротника, чтобы легче было дышать.

— Сама Глэдия. Вы вместе ходили на прогулки.

— Так что же? Мы были соседи. Это в порядке вещей. Она мне казалась приятной особой.

— Значит, вы себя хорошо чувствовали в ее обществе?

— Беседы с ней помогали снять напряжение, — пожал плечами Либич.

— О чем вы разговаривали?

— О роботехнике. — В голосе Либича прозвучало легкое недоумение: о чем же, мол, еще?

— И она поддерживала разговор?

— Она ничего в этом не понимала. Ни аза! Но слушала. Сама она забавляется какой-то ерундой с силовыми полями — называется полевая колористика. Меня эти глупости выводят из терпения, но я тоже слушал.

— Личных контактов у вас не было?

Возмущенный Либич промолчал.

— Она вам нравилась? — Бейли попытался с другой стороны.

— Что?

— Она привлекала вас? Физически?

Веко Либича подтянулось и стало на место, губы скривились.

— Грязная скотина, — буркнул он.

— Ладно, попробуем иначе. Когда Глэдия перестала казаться вам приятной? Вы сами употребили это слово, если помните.

— О чем вы?

— Вы сказали, что находили ее общество приятным. Теперь вы считаете, что она убила своего мужа. Пристные люди обычно так не поступают.

— Я в ней ошибался.

— Но вы поняли, что ошиблись в ней, еще до того, как она убила мужа — если убила. Вы прекратили прогулки с ней за некоторое время до убийства. Почему?

— Это так важно?

— Важно все, пока не будет доказано обратное.

— Послушайте, если я нужен вам в качестве роботехника — спрашивайте. На вопросы о своей личной жизни я отвечать не буду.

— Вы были тесно связаны и с убитым, и с подозреваемой. Разве вы не понимаете, что без нескромных вопросов не обойтись? Почему вы прекратили прогулки с Глэдией?

— Мне стало не о чем с ней говорить, — огрызнулся Либич. — Я был слишком занят. Я не видел смысла продолжать эти прогулки.

— Другими словами, ее общество перестало быть приятным.

— Хорошо, пусть так.

— Почему?

— Потому! — Либич сорвался на крик.

— И все-таки вы хорошо знали Глэдию, — не обращая внимания на волнение роботехника, сказал Бейли. — Какой у нее мог быть мотив?

— Мотив?

— Никто пока не назвал мне возможного мотива преступления. Не могла же она совершить убийство без причины.

— Великая Галактика! — Либич откинул голову, словно хотел засмеяться, но не засмеялся. — И вам никто не сказал? Что ж, может быть, никто и не знает. Но я-то знаю. Она мне говорила — и часто.

— Что говорила, доктор Либич?

— Что все время ссорится с мужем. Ссоры были бурные и частые. Она ненавидела его, землянин. Так, значит, вам никто об этом не говорил? И она тоже?

—

Глава 15

ПОРТРЕТ СОЗДАЕТСЯ

Новость оглушила Бейли, однако он постарался не показать изумления. Должно быть, местные обычаи приучили соляриан воспринимать частную жизнь во всех ее проявлениях как нечто священное. Вопросы о браке и детях считались дурным тоном. Вероятно, хронические супружеские ссоры также не подлежали обсуждению.

Но когда совершилось убийство? Неужели не решились нарушить светские приличия и спросить подозреваемую, не ссорилась ли она с мужем? Не решились даже заговорить на эту тему, если и знали о ссорах?

Либич, к примеру, знал.

— Из-за чего они ссорились? — спросил Бейли.

— Думаю, вам лучше спросить об этом у нее.

И правда лучше. Бейли церемонно встал.

— Благодарю вас, доктор Либич, за содействие следствию. Мне может снова понадобиться ваша помощь — надеюсь, я смогу тогда с вами поговорить.

— Сеанс окончен, — сказал Либич и пропал из глаз вместе со своей комнатой.

Бейли впервые обнаружил, что полет в открытом пространстве его не волнует. Совершенно не волнует. Он чувствовал себя почти что в своей стихии.

Ему больше не думалось ни о Земле, ни о Джесси. Он улетел с Земли каких-то несколько недель назад, а прошли как будто годы. Провел на Солярии неполных три дня, а словно прожил здесь целую вечность.

Неужели можно так быстро приспособиться жить в кошмаре?

Или все дело в Глэдии? Скоро он увидит ее — живую, а не образ. Не это ли придавало ему уверенность и вселяло в него странное чувство тревожного нетерпения?

Как-то она перенесет эту встречу? Не убежит ли через пару минут, взывая о пощаде, как Квемот?

Когда он вошел, она стояла на другом конце длинного зала. Глэдию можно было принять за ее же импрессионистический портрет: два-три мазка, две-три краски.

Губы слегка подкрашены, брови едва подведены, мочки ушей чуть голубоватые — и больше никакой косметики. Она была бледна и казалась немного напуганной и очень юной.

Пшеничные волосы зачесаны назад, в серо-голубых глазах — робость. Платье с длинными рукавами темно-синее, почти черное, с узкой белой отделкой по бокам. Белые перчатки и туфли без каблука. Не видно ни единого кусочка кожи, за исключением лица. Даже шею прикрывает скромнейший рюш.

— Так будет не очень близко, Глэдия? — спросил Бейли, останавливаясь на месте.

Дыша часто и неглубоко, она сказала:

— Я уже и забыла, как это бывает. Все равно что видеосеанс, правда? Если не думать о том, что мы встречаемся **взаправду**.

— Я-то чувствую себя нормально, — сказал Бейли.

— Ну да, у вас на Земле... — Она закрыла глаза. — Иногда я стараюсь представить себе — повсюду толпы людей, идешь куда-нибудь, а рядом с тобой люди, и навстречу идут люди. Десятками...

— Сотнями, — поправил Бейли. — Разве вы никогда не видели Землю в книгофильмах? Не смотрели земных романов?

— У нас их не так много, но я смотрела романы про другие Внешние Миры, где люди постоянно встречаются. В романе все по-другому — похоже на групповой видеосеанс, вот и все.

— А разве в романах не целуются?

Глэдия покраснела до ушей.

— Я таких книг не читаю.

— Совсем?

— Ну... попадаются, конечно, грязные фильмы, и порой, просто из любопытства... но это такая мерзость.

— Правда?

— Но на Земле все по-другому, — внезапно оживившись, заговорила она. — Так много народу. В такой толпе, Элайдж, можно, по-моему, даже п-прикоснуться к кому-нибудь. Случайно, конечно.

— Можно и с ног случайно сбить, — улыбнулся Бейли. Он вспомнил переполненные экспресс-дороги, где все тискаются, толкаются, скачут с полосы на полосу, и невольно ощущил укол ностальгии.

— Вам не обязательно там стоять, — сказала Глэдия.

— Значит, можно подойти поближе? Это ничего?

— Мне кажется, да. Я вам скажу, когда хватит.

Бейли осторожно шагнул вперед, а Глэдия следила за ним широко раскрытыми глазами.

— Хотите посмотреть мои цветовые поля? — спросила вдруг она.

Бейли остановился в шести футах от нее. Она казалась маленькой и хрупкой. Инспектор попытался представить себе, как она в ярости бьет с размаху чем-то (но чем?) мужа по голове. Попытался представить ее обезумевшей от гнева, ненавидящей, пылающей жаждой убийства.

Следовало сознаться, что такое возможно. Пускай женщина почти невесома, она способна проломить череп, если ее хорошо вооружить и если она достаточно озвеет. Бейли знал женщин-убийц (на Земле, конечно), которые в спокойном состоянии были кроткими, как овечки.

— Что такое цветовые поля, Глэдия?

— Вид искусства.

Бейли припомнил, как отзывался Либич о занятии Глэдии, и кивнул.

— С удовольствием посмотрю.

— Тогда идемте.

Бейли строго придерживался дистанции в шесть футов — она и так была меньше одной трети той, которую требовала Клорисса.

Они вошли в комнату, переполненную светом. Каждый угол сиял огнями всех цветов радуги.

Глэдия с довольным видом собственницы выжидательно взглянула на Бейли. Должно быть, его реакция удовлетворила ее, хотя он не сказал ни слова — только медленно осматривался, стараясь осознать то, что видит. Это ведь был только свет — ничего материального.

В углублениях пьедесталов прятались сгустки света. Живые, ломаные и кривые линии разных цветов срастались в единое целое, сохраняя при этом четкую индивидуальность. Здесь не было и двух работ, которые хотя бы отдаленно походили друг на друга. Бейли, тщательно подбирая слова, спросил:

— Это, очевидно, должно что-то означать?

Глэдия рассмеялась своим приятным грудным смехом.

— Это означает все, что вам угодно. Просто цветовые формы, которые вызывают гнев, счастье, любопытство — словом, то, что чувствовала я, создавая их. Могу сделать одну для вас — что-то вроде портрета. Только скорее всего ничего хорошего не получится — я ведь буду импровизировать.

— Правда можете? Мне было бы очень интересно.

— Хорошо. — Она порхнула к световой фигуре в углу, проскользнула в нескольких дюймах от Бейли и, похоже, не заметила этого.

Тронула что-то на пьедестале, и сияющий мирок беззвучно умер.

— Зачем же? — ахнул Бейли.

— Ничего. Она мне все равно надоела. Сейчас притушу другие, чтобы не отвлекали. — Глэдия открыла дверцу в стене и передвинула реостат. Краски поблекли, став почти невидимыми.

— Разве на это нет робота? Чтобы щелкал выключателем?

— Ну-ка тихо, — нетерпеливо оборвала Глэдия. — Я сюда роботов непускаю. Здесь только я. — И хмуро посмотрела на него. — Я вас недостаточно хорошо знаю, вот в чем дело.

Она положила руки на гладкую поверхность пьедестала, глядя куда-то в пространство. Все десять пальцев напряженно застыли в ожидании.

Вот один палец шевельнулся, описал полукруг над плоскостью. В воздухе зажглась ярко-желтая линия. Палец отступил на дюйм, и цвет стал чуть менее насыщенным.

— Вот так, пожалуй, — прикинула Глэдия. — Сила, которая не давит.

— Иосафат! — сказал Бейли.

— Вы не обиделись? — Она вскинула обе руки, и желтый зигзаг словно обрел объем и устойчивость.

— Нисколько. Но что же это? Как вы это делаете?

— Трудно объяснить, — задумчиво сказала Глэдия, — тем более что я сама не очень-то понимаю. Говорят, это разновидность оптического обмана. Устанавливаются силовые поля на разных уровнях энергии. Они, собственно, представляют собой экструзию гиперпространства и не обладают свойствами обычного пространства. Человеческий глаз видит различные оттенки света в зависимости от уровня энергии. Цвета и оттенки возникают от тепла моих пальцев, воздействующего на определенные точки пьедестала. Внутри каждого пьедестала размещены чувствительные элементы.

— А если я приложу палец? — Бейли шагнул вперед, и Глэдия посторонилась. Он с опаской приложил палец к пьедесталу и ощущил легкий толчок.

— Смелей, Элайдж. Поднимите палец.

Бейли послушался, и в воздухе, затемнив желтую линию, вырос грязно-серый световой зубец. Бейли резко отдернул палец, и Глэдия засмеялась, но тут же подавила смех.

— Напрасно я смеюсь. Это очень трудно, даже для тех, кто долго обучался. — Она сделала быстрое движение рукой, которого Бейли не уловил; созданный им кошмар исчез, а желтая световая фигура восстановилась в прежней чистоте.

— А вы как научились?

— Просто пробовала — снова и снова. Знаете, это ведь новое искусство, и только один-два человека по-настоящему умеют...

— И вы — лучшая, — провозгласил Бейли. — На Солярии все или единственные, или лучшие, или то и другое вместе.

— Ничего смешного тут нет. Многие мои работы снимаются на пленку. Я устраивала выставки. — Она вздернула подбородок, не скрывая гордости. — Продолжим ваш портрет. — Она снова шевельнула пальцами и создала несколько ломаных линий. Преобладающим цветом был голубой. — Такой мне видится Земля, — сказала она, прикусив губу. — Она всегда представлялась мне голубой. Все эти люди и встречи, встречи, встречи. Наше общение скорее розовое — как вам кажется?

— Иосафат, я не умею представлять себе такие вещи в цвете.

— Да? — рассеянно сказала она. — Вот вы иногда говорите «Иосафат», и это — как лиловый шарик. Как лиловая капелька, потому что срывается всегда неожиданно — кап! Вот так. — И капелька засверкала в центре композиции. — А в завершение — вот. — И Гладия заключила фигуру в унылый, тусклый грифельно-серый куб. Узор неярко просвечивал сквозь него, будто сквозь тюремные стены.

Бейли стало грустно, словно его самого отгородили от чего-то милого сердцу.

— Зачем вы так?

— Но это же стены вокруг вас. И внутри — то, что мешает вам выйти наружу, держит вас в четырех стенах. Вы там, внутри — разве непонятно?

Бейли понимал, но не одобрял.

— Эти стены не такие уж крепкие, — сказал он. — Сегодня я выходил.

— Правда? И как вы себя чувствовали?

— Как вы при встрече со мной, — Бейли не упустил случая уколоть. — Неприятно, но терпеть можно.

— А вы не хотите выйти сейчас? Погулять со мной? Бейли чуть было не выпалил: «Иосафат, нет».

— Я еще ни разу не гуляла с живым человеком. Еще светло, и погода хорошая.

Бейли посмотрел на свой портрет.

— А если я пойду, вы уберете это серое?

— Посмотрим на ваше поведение, — улыбнулась она.

И портрет остался в комнате, продолжая держать пленную душу Бейли в серых стенах Города.

Бейли вздрогнул. Его коснулся ветерок, в котором была прохлада.

— Замерзли? — спросила Глэдия.

— Раньше так не было.

— Близится вечер, но ведь пока не холодно. Хотите одеться потеплее? Робот принесет пальто.

— Нет, не надо. — Они пошли вперед по узкой мощеной дорожке. — Это здесь вы гуляли с доктором Либичем?

— О нет. Мы с ним гуляли в полях, где лишь изредка встречаются одинокие роботы и можно слушать природу. Сейчас мы будем держаться поближе к дому, на всякий случай.

— На случай чего?

— Вдруг вы захотите вернуться.

— Или вам надоест мое общество.

— Оно меня не беспокоит, — нервно сказала Глэдия.

Вверху тихо шелестела листва, все вокруг заливали желтизна и зелень. Слышались чьи-то тонкие резкие крики, жужжание, и всюду были тени.

Тени особенно занимали Бейли. Одна упала прямо перед ним, точь-в-точь как человек, и принялась жутко подергиваться в такт его шагам, словно передразнивая. Бейли, конечно, слышал о тенях и знал, что это такое,

но в ровном, рассеянном свете Городов как-то никогда их не наблюдал.

Он знал, что позади светит солярианское солнце. Он избегал смотреть на него, но знал, что оно там.

Пространство было огромным, пустынным, но Бейли почувствовал, что его тянет туда. Он представил себе, как идет по планете, а вокруг — простор на тысячи миль и световых лет.

Почему мысль об одиночестве так привлекала его? Он не стремился к одиночеству. Ему хотелось на Землю, в тепло и многолюдие Городов.

Но образ Города ускользал от него. Он рисовал себе Нью-Йорк, шум и толпу, но видел мысленным взором тихую, веющую прохладой Солярию.

Бейли невольно сделал несколько шагов к Глэдии и оказался в двух футах от нее, но испуг женщины заставил его опомниться.

— Прошу прощения, — сказал он и попятился.

— Ничего. Пойдемте сюда? Думаю, вам понравится наш цветник.

Она указывала в сторону, противоположную солнцу, и Бейли молча последовал за ней.

— Чуть попозже летом здесь будет чудесно, — говорила Глэдия. — Когда тепло, я купаюсь в озере, или просто бегаю по полям так быстро, как только могу, а потом валяюсь в траве и лежу в ней. Правда, сейчас я не так одета. В этом платье только и остается, что гулять степенным шагом.

— А как вы обычно одеваетесь для прогулок?

— Самое большое, что на мне бывает надето, это купальный костюм. — Гладия простерла руки, словно предвкушая свободу. — А то и того нет. Иногда я только надеваю сандалии, чтобы ощущать воздух каждым дюймом... Ох, извините. Я вас шокирую.

— Нет, вовсе нет. Вы так одевались и для прогулок с доктором Либичем?

— Когда как. Смотря какая была погода. Иногда на мне было надето всего ничего, но ведь это видеосеансы. Надеюсь, вы понимаете.

— Я-то понимаю. А доктор Либич? Он тоже легко одевался?

— Кто, Джотан? — усмехнулась Глэдия. — О нет. Он всегда такой чопорный. — Она сделала серьезное лицо и опустила одно веко — точно как Либич. Бейли одобрительно хмыкнул. — Вот как он говорит: «Дорогая Глэдия, что касается влияния первостепенного потенциала в потоке позитронов...»

— Он об этом с вами беседовал? О роботехнике?

— В основном, да. Он ведь так серьезно к ней относится. Все пытался меня просвещать — до последнего.

— И как вы — усвоили хоть что-нибудь?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Для меня это — темный лес. Иногда он сердился на меня, но как только он начинал ругаться, я ныряла в воду, если была у озера, и брызгала на него.

— Брызгали? Но ведь его там не было.

— Какой же вы все-таки, землянин, — засмеялась она. — Я брызгала на изображение, он был в своем собственном поместье, и вода не могла на него попасть, но он все равно отскакивал. Посмотрите-ка сюда.

Они вышли из-под деревьев на лужайку, в середине которой располагался декоративный пруд. Лужайку пересекали выложенные кирпичом дорожки, и повсюду пышно, но в строгом порядке росли цветы. О том, что такое цветы, Бейли знал по книгофильмам.

Цветы чем-то напоминали световые картины, которые создавала Глэдия, и Бейли подумалось, что она берет цветы за образец. Он осторожно потрогал один цветок и посмотрел вокруг. Преобладали красные и желтые тона.

Оглядываясь, Бейли случайно взглянул на солнце.

— Как оно низко, — обеспокоился он.

— Скоро вечер. — Глэдия убежала к пруду и сидела на каменной скамье у воды. — Идите сюда, — помахала она Бейли. — Можете постоять, если не хотите сидеть на камне.

Бейли медленно подошел.

— Оно каждый день опускается так низко? — спросил он и тут же прикусил язык. Раз планета вертится, значит, солнце по утрам и вечерам должно стоять низко — только в полдень оно стоит высоко.

Но образ, который запечатлелся у него в мозгу, было не так легко изменить. Инспектор знал, что бывает ночь, он уже испытал ее. Ночью вся толща планеты надежно заслоняет человека от солнца. Знал, что бывают облака и что их серый слой скрывает самое страшное. Но в мозгу держалась картина солнца, пылающего высоко в небе.

Он оглянулся через плечо, и в глазах на миг вспыхнуло. Интересно, далеко ли дом, если он решит вернуться.

Гладия показала ему на другой конец скамейки.

— Не близко ли? — спросил он.

Она вытянула руки ладонями вверх.

— Я начинаю привыкать. Правда.

Он сел к ней лицом, чтобы не видеть солнца.

Гладия перегнулась назад, к воде, и сорвала маленький цветок в форме чаши, желтый снаружи и белый внутри, совсем не яркий.

— Это местное растение, а большинство цветов ро-
дом с Земли.

Когда Гладия осторожно протянула цветок Бейли, с оторванного стебелька закапала вода. Бейли, тоже осторожно, подставил ладонь.

— Вы его убили, — сказал он.

— Это же только цветок. Их здесь тысячи. — Вдруг Гладия выдернула цветок прямо из-под пальцев Бейли, глаза ее сверкнули. — Или вы думаете, что если я сорвала цветок, то могу убить и человека?

— Ничего такого я не думаю, — примирительно сказал Бейли. — Можно посмотреть?

Вообще-то Бейли не хотелось трогать цветок. Он рос в мокром грунте, и на нем еще осталось немного грязи. И как только эти люди, так старательно избегающие контактов с землянами и даже друг с другом, спокойно берут в руки обыкновенную грязь? Но он все-таки взял цветок, двумя пальцами, и рассмотрел его. Чашечка состояла из нескольких лепестков, тонких и почти прозрачных, которые крепились к общему центру. Внутри чашечки имелось белое вздутие, влажное, с каймой из черных волосков, которые чуть трепетали на ветру.

— Чувствуете, как пахнет? — спросила Гладия.

Бейли сразу уловил запах, понюхал и сказал:

— Женскими духами.

— Настоящий землянин, — в восторге захлопала в ладоши Глэдия. — Вы хотите сказать, духи пахнут цветами?

Бейли печально кивнул. Пребывание на воздухе утомило его. Тени становились длиннее, и пейзаж делался все более мрачным. Но он решил не сдаваться. Он хотел, чтобы исчезли серые стены, скрывающие его портрет. Пусть это донкихотство, но так тому и быть.

Глэдия забрала у Бейли цветок, который тот охотно вернул, и стала медленно обрывать лепестки.

— Наверное, все женщины пахнут по-разному? — спросила она.

— Зависит от духов, — равнодушно ответил Бейли.

— Подумать только, как близко нужно быть, чтобы различать запахи. Я не пользуюсь духами, потому что близко никого не бывает. Вот только сейчас — вы. Но вам, наверно, часто приходилось нюхать духи. Ведь ваша жена на Земле всегда рядом с вами? — Нахмурившись, она сосредоточенно терзала цветок.

— Не всегда. Не каждую минуту.

— Но почти всегда. И когда вы только захотите...

— Почему доктор Либич так упорно обучал вас роботехнике, как вы думаете? — прервал Бейли.

От цветка осталась только сердцевина со стеблем. Глэдия повертела его между пальцами и швырнула в пруд. Цветок на миг задержался на поверхности — и утонул.

— Кажется, хотел, чтобы я стала его ассистенткой.

— Он сам так сказал, Глэдия?

— В самом конце, Элайдж, — наверное, уже потерял терпение. Во всяком случае, он спросил меня, не будет ли мне интересно заняться роботехникой. Я ему, естественно, сказала, что ничего скучнее не представляю. Он сильно рассердился.

— И после этого больше с вами не гулял.

— А знаете, пожалуй, так и есть. Я, наверное, задела его чувства. Но что я могла поделать?

— Значит, про ваши ссоры с доктором Дельмаром вы рассказали ему раньше?

Она крепко сжала кулаки и вся застыла, чуть склонив голову набок.

— Про какие еще ссоры? — спросила она неестественно высоким голосом.

— Про ваши с мужем. Насколько я понимаю, вы ненавидели его.

Лицо Глэдии исказила гримаса, оно пошло пятнами.

— Кто это вам сказал? Джотан? — Сколько свирепости в ее взгляде!

— Да, доктор Либич упомянул об этом, и я считаю, что он не лгал.

— Вы по-прежнему хотите доказать, что мужа убила я, — сказала потрясенная Глэдия. — Я-то считала вас своим другом, а вы — а вы только сыщик. — Она замахнулась кулаком.

— Вы же все равно не сможете меня тронуть.

Глэдия уронила руки и беззвучно зарыдала, отвернувшись от инспектора. Бейли опустил голову и закрыл глаза, отгораживаясь от диких, тревожных теней.

— Доктор Дельмар не проявлял к вам нежности, верно? — спросил он.

— Он был очень занятой человек, — сдавленно ответила Глэдия.

— А вот у вас сердце нежное, и вы небезразличны к мужчинам, понимаете?

— Я н-ничего не могу с собой поделать. Знаю, что это гадко, но ничего не могу поделать. Гадко даже говорить об этом.

— Но с доктором Либичем вы говорили?

— Нужно же было хоть что-нибудь предпринять. Джотан был под рукой и слушал как будто охотно, а мне становилось легче.

— Вы поэтому ссорились с мужем? Потому что он был холoden с вами, безучастен, а вас это возмущало?

— Временами я его просто ненавидела. — Она беспомощно передернула плечами. — Он был хороший солярианин — и только, и нам не предписывали д... — Слезы хлынули снова.

Бейли ждал. У него похолодело в желудке, воздух тяжело давил на плечи. Когда рыдания Глэдии стали утихать, он спросил как можно мягче:

— Вы убили его, Глэдия?

— Н-нет. — И вдруг добавила, будто вся воля к сопротивлению иссякла в ней: — Я вам не все рассказала.

— Тогда расскажите сейчас, пожалуйста.

— Мы ссорились и в тот день, когда он погиб. Все по той же причине. Я кричала на него, а он никогда не кричал в ответ. Он вообще почти не отвечал мне, и это было еще хуже. Я так разозлилась, так разозлилась... А потом я ничего не помню.

— Иосафат! — Бейли слегка качнуло, и он уперся глазами в безопасный камень скамейки. — То есть как не помните?

— Ну, он был мертв, я закричала, пришли роботы...

— Вы убили его?

— Я не помню, Элайдж, а если бы убила, то помнила бы, правда? Только я вообще ничего не помню. Я так испугалась, так испугалась... Пожалуйста, помогите мне, Элайдж.

— Не волнуйтесь, Глэдия. Я помогу вам. — Колеблющийся разум Бейли уцепился за орудие преступления. Что с ним стало? Его кто-то унес. Но если так, унести его мог только убийца. Поскольку Глэдию нашли без чувств сразу после убийства, она этого сделать не могла. Значит, убийца — кто-то другой. Пусть вся Солярия уверена в обратном — это был кто-то другой.

Надо вернуться в дом, сквозь дурноту подумал Бейли.

— Глэдия, — сказал он и вдруг понял, что смотрит прямо на солнце. Оно уже опустилось к самому горизонту. Должно быть, Бейли повернулся к нему непроизвольно и уже не мог оторваться как зачарованный. Такого солнца он еще не видел. Оно набухло, покраснело и померкло — можно было смотреть на него не щурясь; под ним различались тонкие линии кровоточащих облаков, а одно облако пересекло диск черной чертой.

— Какое красное солнце, — выдавил Бейли.

— Оно всегда красное на закате, красное и умирающее, — глухо и печально ответил голос Глэдии.

Бейли явилось видение. Солнце опускается к горизонту из-за того, что планета убегает от него со

скоростью тысячи миль в час — вертится под обнаженным солнцем, и ей нечем прикрыть микробов, зовущихся людьми и снующих на поверхности шара, который вертится вечно, как безумный — вертится, вертится...

Теперь уже вертелось все — голова, и каменная скамья, которая накренилась под ним, и гнетущее синее — совсем темное — небо. Солнце исчезло из глаз, верхушки деревьев и земля ринулись вверх, тонко вскрикнула Глэдия, и возник еще какой-то звук...

Глава 16

ЗАГАДКА РАЗГАДЫВАЕТСЯ

Сначала Бейли осознал, что он в укрытии, в помещении, потом увидел над собой чье-то лицо.

Несколько мгновений он смотрел, не узнавая, потом воскликнул:

— Дэниел!!

Робот не выразил ни облегчения, ни чего-нибудь похожего, когда Бейли заговорил.

— Хорошо, что вы пришли в себя, партнер Элайдж. Не думаю, что вы пострадали физически.

— Все в порядке, — неуверенно произнес Бейли, приподнимаясь на локтях. — Иосафат, я что, в постели? Зачем?

— Вы сегодня несколько раз подвергались действию открытого пространства. Это вызвало кумулятивный эффект, и теперь вам нужно отдохнуть.

— Сначала мне нужен ответ на несколько вопросов. — Бейли оглянулся по сторонам, пытаясь отрицать тот факт, что голова у него все-таки немного кружится. Комнату он не узнавал. Шторы были задернуты, свет искусственный, успокаивающий. Чувствовал он себя намного лучше. — Например, где я?

— В доме госпожи Дельмар.

— Теперь выясним кое-что еще. Как вы-то здесь оказались? Как ушли от роботов, которых я к вам приставил?

— Я так и думал, что вам будет неприятен такой поворот событий, но в связи с вашей безопасностью и моими инструкциями я чувствовал, что у меня нет выбора.

— Иосафат! И что же вы сделали?

— Госпожа Дельмар хотела связаться с вами несколько часов назад.

— Да. — Бейли вспомнил, что Глэдия говорила ему об этом. — Знаю.

— Вы приказали роботам, охраняющим меня, буквально следующее: «Не позволяйте ему (то есть мне) вступать в контакт с другими людьми или другими роботами, ни лично, ни по видеосвязи». Но вы не сказали, партнер Элайдж, что людям или роботам запрещается контактировать со мной. Улавливаете разницу?

Бейли застонал.

— Не нужно огорчаться, партнер Элайдж. Пробел в указаниях послужил для спасения вашей жизни, поскольку привел меня сюда. Итак, роботы, охранявшие меня, позволили госпоже Дельмар поговорить со мной. Она спросила вас, и я совершенно искренне ответил, что не знаю, где вы, но могу выяснить. Ей было крайне желательно, чтобы я это сделал. Я сказал, что вы, возможно, временно покинули дом, и я могу проверить — не прикажет ли она тем временем вот этим роботам поискать вас в имении?

— Ее не удивило, что вы сами не можете приказать?

— Должно быть, она сочла, что я, будучи аворианцем, не умею обращаться с роботами так, как она, — что ее приказ будет иметь больший вес и исполнят его гораздо быстрее моего. Очевидно, соляриане гордятся своим искусством управлять роботами и не очень верят в соответствующие способности инопланетян. Кажется, вы того же мнения?

— Значит, она услала их?

— С трудом. Они ссылались на предыдущий приказ, но не могли, естественно, сказать, в чем он состоит, поскольку вы приказали им не выдавать моего происхождения. Она накричала на них, и лишь тогда они подчинились.

— И вы ушли.

— Да, партнер Элайдж.

Жаль, подумал Бейли, что Глэдия не придала значения разговору с Дэниелом и не упомянула о нем.

— Долго же вам пришлось меня искать, Дэниел.

— У роботов существует сеть субэфирной связи. Знающий солярианин может получить информацию по ней. Но поскольку она передается через миллионы машин и одной из машин был я, не имеющий должного опыта, потребовалось время, чтобы добить нужные сведения. Прошло более часа, прежде чем я узнал, где вы находитесь. И напрасно потерял время, явившись на место работы доктора Дельмара, когда вас там уже не было.

— Что же вы там делали?

— Проводил собственное расследование. Сожалею, что занимался им в ваше отсутствие, но меня вынудили к тому чрезвычайные обстоятельства.

— С Клориссой Канторо вы общались по видео или лично?

— По видео, но из ее же дома, не из нашего поместья. Мне нужно было проверить кое-какие записи на ферме. В обычной ситуации я бы довольствовался видео, но мне неудобно было оставаться в нашей резиденции, поскольку те трое роботов знали, кто я такой, и могли в любой момент снова взять меня под стражу.

Бейли, чувствуя себя почти совсем хорошо, сбросил ноги с постели и увидел, что на нем надето что-то вроде пижамы.

— Принесите мне одежду, — недовольно сказал он. Дэниел повиновался, и Бейли, одеваясь, спросил:

— Где госпожа Дельмар?

— Под домашним арестом, партнер Элайдж.

— Что? Кто распорядился?

— Я. Она у себя в спальне под охраной роботов, и ей не разрешается отдавать им приказания, кроме тех, что касаются ее личных надобностей.

— И все это устроили вы?

— Роботы в поместье не знают о моем происхождении.

Бейли оделся.

— Я знаю, что обстоятельства против Глэдии, — сказал он. — У нее была возможность — и даже больше, чем мы думали. Она не прибегала в лабораторию на крик мужа, как говорила раньше, — она все время присутствовала там.

— И утверждает, что была свидетелем убийства и видела убийцу?

— Нет. Она ничего не помнит. Такое иногда бывает. Имелся у нее, оказывается, и мотив.

— Какой, партнер Элайдж?

— Тот, который я подозревал с самого начала. Я сказал себе: происходит дело на Земле и будь доктор Дельмар таким, каким его описывают, а Глэдия — такой, какой кажется, то я решил бы, что она любила его, а он любил только себя. Неясно было только, могут ли соляриане испытывать любовь или отвечать на любовь в том смысле, как это понимают на Земле. Я не мог полагаться на собственное суждение относительно их эмоций и реакций, потому и решил встретиться кое с кем. Не по видео — лично.

— Я не уловил смысла, партнер Элайдж.

— Не знаю, как вам и объяснить. Гены этих людей старательно подбираются еще до рождения, а после рождения проверяется правильность подбора.

— Я знаю.

— Но гены — еще не все. Окружающая среда тоже имеет значение и может привести человека к психозу, в то время как в генах заложена лишь склонность к определенному типу психоза. Вы заметили, что Глэдию интересует Земля?

— Заметил, партнер Элайдж, но счел, что это мнимый интерес, разыгрываемый с целью оказать на вас влияние.

— Предположим, что интерес неподдельный, переходящий почти в навязчивую идею. Предположим, что ее возбуждает одна только мысль о земных толпах. Предположим, что она против воли тянется к тому, что ее приучили считать грязным. Это уже психическое расстройство. Мне нужно было проверить, как будут реагировать соляриане на мое присутствие и как будет реагировать она. Вот почему я должен был любой ценой избавиться от вас, Дэниел. Вот почему я отказался от видеосвязи как метода ведения следствия.

— Почему вы не объяснили мне раньше, партнер Элайдж?

— Разве мое объяснение помешало бы вам выполнить свой долг, как предписывает Первый Закон?

Дэниел промолчал.

— Эксперимент удался, — продолжал Бейли. — Я встречался или пытался встретиться с разными людьми. Старый социолог держался стойко, но сплоховал в разгар беседы. Роботехник отказался встретиться со мной, несмотря на сильнейший нажим. При одной только мысли о встрече он перепугался совсем по-детски, стал сосать палец и плакать. Ассистентка доктора Дельмарса, приученная своей профессией к человеческому присутствию, терпела меня, но не ближе, чем в двадцати футах. Глэдия же...

— Да, партнер Элайдж?

— Глэдия согласилась на встречу почти без сопротивления. Хорошо переносила мое присутствие и с течением времени чувствовала себя все более непринужденно. Все это вписывается в картину психоза. Она не против личных встреч; интересуется Землей; могла питать нездоровий интерес к своему мужу. Объяснение таково: сильное, для этого мира патологическое, стремление к личным контактам с лицами другого пола. Доктор Дельмар был отнюдь не тот человек, чтобы поощрять подобное чувство или разделять его. Ее это, должно быть, крайне угнетало.

— Достаточно, чтобы убить в миг исступления, — кивнул Дэниел.

— И все-таки, Дэниел, я думаю иначе.

— Возможно, не без влияния с ее стороны, партнер Элайдж? Госпожа Дельмар — привлекательная женщина, а вы землянин, и у вас интерес к обществу красивой женщины не является патологическим.

— Нет, не потому, — смущенно ответил Бейли. Холодный взгляд Дэниела уж слишком глубоко проникнул в душу. Иосафат! Этот парень — всего лишь машина. — Если она убила мужа, то и на Грюера покушалась тоже она. — Он хотел было рассказать Дэниелу, как могло быть организовано покушение с помощью роботов, но удержался. Он не был уверен, как воспримет Дэниел гипотезу, согласно которой роботы невольно становятся убийцами.

— Она же покушалась и на вашу жизнь, — сказал Дэниел.

Бейли нахмурился. Он не собирался говорить Дэниелу об отравленной стреле, чуть было не попавшей в цель, — ни к чему было давать роботу лишний повод для торжества: мол, я вас предупреждал.

— Что вам наговорила Клорисса? — сердито спросил он. Надо было предупредить женщину, чтобы молчала, но кто же знал, что к ней явится Дэниел со своими вопросами?

— Госпожа Канторо не имеет к этому никакого отношения, — спокойно ответил Дэниел. — Я сам был свидетелем покушения.

— Но вас же там не было, — смеялся Бейли.

— Я подхватил вас в последний момент и принес сюда — час назад.

— О чём вы?

— Разве вы не помните, партнер Элайдж? Убийство было задумано почти безупречно. Ведь это госпожа Дельмар предложила вам выйти на воздух? Я не присутствовал при вашем разговоре, но чувствую, что не ошибаюсь.

— Да, она.

— Может быть, даже чем-то выманила вас из дома?

Бейли подумал о своем портрете, об окружающих его серых стенах. Неужели то был тонкий психологический ход? Неужели солярианка способна настолько глубоко интуитивно понять психологию землянина?

— Нет, — ответил он.

— Но она предложила пойти к декоративному пруду и посидеть у воды?

— Ну да.

— Вам не кажется, что она наблюдала за вами, отмечая, как вам становится все хуже?

— Пару раз она спросила, не хочу ли я вернуться в дом.

— Думаю, что она спрашивала не всерьез. Думаю, она видела, что вам становится плохо. Думаю, она могла бы даже толкнуть вас, хотя это было излишне. Когда я подоспел и подхватил вас на руки, вы медленно падали с каменной скамьи назад, в пруд, на глубину трех футов, где непременно бы утонули.

Бейли впервые после обморока приложил свои ощущения.

— Иосафат!

— Более того, — бесстрастно продолжал Дэниел. — Госпожа Дельмар сидела рядом с вами и наблюдала, как вы падаете, не пытаясь помочь. Не стала бы она и вытаскивать вас из воды, а позволила бы вам утонуть. Самое большее — позвала бы робота, но он, разумеется, явился бы слишком поздно. Впоследствии она объяснила бы это тем, что не смогла прикоснуться к вам даже ради спасения вашей жизни.

Вполне правдоподобно, подумал Бейли. Никого не удивит то, что она не смогла дотронуться до человека. Удивление скорее вызвало бы то, что она сидела так близко к нему.

— Итак, вы видите, партнер Элайдж, что в ее виновности вряд ли можно сомневаться. Говоря, что она должна была покушаться и на Грюера, вы как бы выдвигали довод в ее защиту. Теперь вы видите, что ваша защита обернулась обвинением. Она покушалась и на вас, и на Грюера по одной и той же причине: чтобы убрать людей, слишком настойчиво расследующих первое преступление.

— Вся эта цепочка событий могла быть и совпадением. Откуда Глэдии было знать, как повлияет на меня открытое пространство?

— Она изучала Землю и знала особенности землян.

— Я заверил ее, что уже выходил сегодня и начинаю привыкать.

— Ей не следовало вас слушать.

Бейли стукнул кулаком по ладони.

— Послушать вас, она насквозь лжива и коварна. Не годится, Дэниел, и я вам не верю. В конце концов, мы никого не можем обвинить в убийстве, пока не найдем объяснения отсутствию орудия убийства.

Дэниел пристально посмотрел на землянина.

— Я могу объяснить и это, партнер Элайдж.

— Как? — опешил Бейли.

— Если помните, партнер Элайдж, вы рассуждали следующим образом: если убийца — госпожа Дельмар, тогда оружие, что бы им ни послужило, должно было остаться на месте преступления. Роботы, которые явились почти сразу же, не нашли ничего подобного — следовательно, оружие унесли — следовательно, его

унес убийца — следовательно, убийца не госпожа Дельмар. Верно?

— Верно.

— Так вот, было место, где роботы не искали.

— Где?

— Там, где лежала госпожа Дельмар, — под ней. Она упала, лишившись чувств от волнения и потрясения — а может быть, и от ужаса перед содеянным, — и оружие оказалось под ее телом.

— Тогда его обнаружили бы сразу, как только подняли ее.

— Совершенно верно, но роботы ее не поднимали. Она сама говорила вчера за обедом, что доктор Тул велел роботам положить ей под голову подушку и оставить в покое. Первым к ней прикоснулся сам доктор Тул, когда прибыл в имение.

— Ну и что?

— Здесь возникает новая вероятность, партнер Элайдж. Убийцей была госпожа Дельмар, оружие осталось на месте преступления, но доктор Тул унес его и уничтожил, чтобы спасти госпожу Дельмар.

Бейли, который настроился было услышать нечто действительно ценное, пренебрежительно заметил:

— Совершенная бессмыслица. С какой стати доктору Тулу было уничтожать орудие убийства?

— По очень простой причине. Помните, госпожа Дельмар говорила: «Он лечит меня с детства и всегда был такой добрый и милый». Я задался вопросом, нет ли у доктора причины относиться к ней с особым вниманием. Поэтому я и просмотрел записи на детской ферме. И моя догадка подтвердилась.

— Что подтвердилось?

— Доктор Алтим Тул — отец Глэдии Дельмар, и более того — он знает об этом.

Бейли не мог не верить роботу и очень огорчился, что не он сам, а Р. Дэниел Оливо установил сие немаловажное обстоятельство. Впрочем, гипотеза робота требовала проверки.

— Вы говорили с доктором Тулом? — спросил он.

— Да. И его тоже поместил под домашний арест.

— Что он говорит?

— Он признался, что является отцом госпожи Дельмар. Я предъявил ему регистрационную запись и отметки о том, что он интересовался ее здоровьем, когда она была ребенком. Как врач, он пользовался в этом отношении большей свободой, чем любой другой солярианин.

— А почему он интересовался ее здоровьем?

— Я выяснил, партнер Элайдж. Он был уже стар, когда ему выдали дополнительное разрешение на ребенка, и главное в том, что ему удалось дать этому ребенку жизнь. Доктор считает, что обязан тем своим генам и физическому здоровью и, кажется, гордится результатом больше, нежели здесь принято. Иметь лиший повод для гордости побуждает его и то, что профессия врача на Солярии непrestижна, так как требует личного присутствия. И потому доктор поддерживал ненавязчивые отношения со своей дочерью.

— А Глэдия знает?

— Насколько известно доктору Тулу — нет.

— Доктор Тул признался в том, что унес оружие?

— Нет, не признался.

— Тогда вы остались при своем, Дэниел.

— При своем?

— Пока вы не найдете орудие убийства и не докажете, что его взял доктор, или хотя бы не заставите доктора признаться, ваша версия не доказана. Вы изящно выстроили цепочку выводов, но доказательств у вас нет.

— Вряд ли он признается без применения особых методов допроса, которых я лично применять не могу. Ему дорога его дочь.

— Вовсе нет. Он относится к дочери совсем не так, как мы с вами подразумеваем. На Солярии все иначе, — Бейли прошелся по комнате, чтобы остыть. — Дэниел, вы блестяще справились с логической задачей, но проверки на здравый смысл ваша версия не выдерживает. — (Руководствуется логикой, но не здравым смыслом. Чем не определение для робота?) — Доктор Тул — старик, его лучшие годы позади, хотя ему и удалось лет тридцать назад зачать дочь. Даже космониты дряхлеют. И вот представьте себе — дочь лежит перед ним в обмороке, зять убит. Понимаете, в какой невообразимой ситуации оказался доктор? И вы допускаете, что он

настолько сохранил хладнокровие, чтобы совершить целый ряд поразительных поступков. Вот смотрите! Во-первых, он должен был разглядеть под телом дочери предмет, настолько хорошо укрытый, что его не заметили роботы. Во-вторых, разглядев пусты хотя бы краешек этого предмета, он должен был сделать вывод, что видит орудие убийства, и тут же сообразить, что, если он скроет это оружие, его дочь будет трудно обвинить в совершении преступления. Довольно тонкое рассуждение для старика, охваченного паникой. Наконец, в-третьих, он должен был осуществить задуманное, что также нелегко для напуганного старика. А после всего у него хватает смелости настаивать на своих ложных показаниях, то есть оставаться соучастником. Может быть, все и логично, но здравый смысл утверждает обратное.

— Вы можете предложить альтернативное решение, партнер Элайдж?

Бейли, пока рассуждал, усился и сейчас захотел встать, но усталость и глубокое кресло помешали. Он раздраженно буркнул:

— Пожалуйста, Дэниел, дайте мне руку.

— Простите, партнер Элайдж? — сказал робот, посмотрев на свою конечность.

Бейли, мысленно обругав его за буквализм, сказал:

— Помогите мне встать.

Сильная рука Дэниела тут же извлекла его из кресла.

— Спасибо. Нет, у меня нет альтернативного решения. Точнее, оно есть, но все упирается в орудие убийства. — Бейли нетерпеливо приподнял уголок тяжелой шторы, закрывавшей полстены, сам не очень понимая, зачем это делает, и удивленно уставился в черное стекло, но потом сообразил, что за окном — поздний вечер. К нему тихо подошел Дэниел и освободил край шторы из его пальцев.

В ту долю секунды, когда рука робота с нежностью матери берегущей ребенка от огня, отбирала у него штору, в сознании Бейли произошла целая революция.

Он выхватил штору из рук Дэниела и, дернув изо всех сил, сорвал ее с окна, оставив одни клочья.

— Партнер Элайдж! — мягко сказал Дэниел. — Вы же знаете, что значит для вас открытое пространство.

— Да, оно значит для меня очень многое, — ответил Бейли. И взглянул в окно. Там ничего не было видно, кроме тьмы, но эта тьма была воздухом, открытым, неогороженным пространством, и Бейли всматривался в него.

Впервые смотрел просто так — не из бравады, не ради нездорового любопытства, не ради разгадки убийства. Смотрел потому, что хотел того и где-то даже нуждался. Вот и вся разница.

Стены — только кости! Темнота и людские толпы — только кости! Он, должно быть, чувствовал это подсознательно и ненавидел их, даже когда думал, что любит и нуждается в них. Как иначе объяснить возмущение, какое он испытал, увидев серую коробку, в которую Глэдия заключила его портрет?

Бейли переполняло чувство победы — и не потому ли, что одна победа ведет за собой другую, в нем беззвучным криком вспыхнула новая мысль? Бейли, справившись с головокружением, прошептал Дэниелу:

— Я знаю. Иосафат! Я знаю!
— Что знаете, партнер Элейдж?
— Знаю, куда делось оружие. Знаю, кто преступник. Все сразу стало на место.

Глава 17

СОБРАНИЕ СОЗЫВАЕТСЯ

Дэниел не разрешил Бейли действовать немедленно.

— Завтра! — сказал он почтительно, но твердо. — Предлагаю все отложить до завтра. Сейчас уже поздно, и вам нужен отдых.

Бейли пришлось признать, что Дэниел прав — и кроме того, нужно было еще многое подготовить. Он был уверен, что нашел разгадку убийства, но его версия, как и версия Дэниела, основывалась только на дедукции. Недоставало самой малости — доказательств. Вся надежда на соляриан.

Ему придется предстать перед ними — один землянин против полудюжины космонитов — так что надо быть во всеоружии. Во-первых, нужно отдохнуть, во-вторых, все подготовить.

Бейли был убежден, что уснуть, конечно, не удастся. Не поможет ни мягкая постель, которую специально для него постелили искусственные роботы, ни разлитые по комнате ароматы, ни тихая, мелодичная музыка. Да, он попросту не сомкнет глаз.

Дэниел скромно уселся в темном уголке его спальни.

— Вы все-таки боитесь Глэдии? — спросил Бейли.

— Мне кажется неразумным оставлять вас на ночь одного, без охраны.

— Ну как знаете. Вы поняли, что вам надо сделать, Дэниел?

— Да, партнер Элайдж.

— Надеюсь, помех со стороны Первого Закова не будет.

— Меня немного беспокоит собрание, которое вы хотите провести. Вы ведь возьмете с собой оружие? Позаботитесь о своей безопасности?

— Да, непременно.

Дэниел испустил вздох облегчения, до того человеческий, что Бейли напряг зрение, пытаясь рассмотреть во мраке выражение лица робота.

— Я нахожу, что люди не всегда ведут себя логично, — сказал Дэниел.

— Нам бы тоже не повредили Три Закона, но я рад, что их у нас нет.

Бейли уставился в потолок. От Дэниела зависело многое, и все же Бейли мог открыть ему только малую часть истины. Роботы слишком зависимы. Планета Аврора имела основания выбрать своим представителем робота, однако аврорианцы все же дали маху. У роботов есть свои границы.

Так или иначе, если все пройдет хорошо, через двенадцать часов его миссия закончится. А через двадцать четыре часа он сможет вылететь на Землю, чтобы принести туда надежду. Странную надежду. В свое открытие он и сам верил с трудом, но в нем есть выход для Земли. Должен быть!

Земля! Нью-Йорк! Джесси и Бен! Уют, родные лица, дом!

Бейли думал о них, засыпая, но мысли о Земле не принесли ему привычного успокоения. Между ним и Городами пролегло отчуждение.

А в какой-то неуловимый миг все померкло, и он уснул.

Проснувшись, Бейли принял душ и оделся. Физически он был вполне бодр, но ощущал неуверенность в себе. Не потому, что собственные выводы показались ему менее убедительными в бледном утреннем свете, нет. Неуверенность вызывалась скорее предстоящей встречей с солярианами.

Разобрался он в них наконец или так и будет действовать вслепую?

Глэдия появилась первой. Ей это было проще — она ведь пользовалась внутренней связью. Бледная и замк-

нутая, облаченная в белое платье, она была холодна, как статуя. Представ перед Бейли, она бросила на него беспомощный взгляд. Бейли ласково улыбнулся ей, и она как будто приободрилась.

Один за другим начали появляться прочие участники встречи. Следом за Глэдией возник Аттабиш, заместитель директора Службы Безопасности, стройный и надменный, с неодобрительно выпяченным тяжелым подбородком. За ним роботехник Либич, сердитый и нетерпеливый, приспущенное веко периодически подергиваеться. Социолог Квемот, немного усталый, заговорщики улыбнулся Бейли, как бы говоря: мы встречались, мы свои люди.

Клорисса Канторо, кажется, чувствовала себя неловко в обществе других. Увидев Глэдию, она громко фыркнула и уставилась в потолок. Врач, доктор Тул, появился последним. Вид у него был изможденный, почти больной.

Все были в сбое, кроме Грюера, который поправлялся медленно и потому не мог присутствовать на встрече. Что ж, придется обойтись без него, подумал Бейли. Все участники встречи были в официальных костюмах и сидели в плотно занавешенных комнатах.

Дэниел хорошо все организовал. Бейли горячо надеялся, что он так же хорошо справится и с оставшейся частью своей задачи. Инспектор переводил взгляд с одного космонита на другого. Сердце у него глухо колотилось. Они смотрели на землянина из разных комнат, и от разного освещения, разной мебели, разных стен рябило в глазах.

— Я хочу рассмотреть убийство доктора Дельмара, — начал Бейли, — с точки зрения мотива, возможности и средств, именно в таком порядке.

— Это надолго? — перебил Аттабиш.

— Все может быть, — отрезал Бейли. — Меня вызвали сюда расследовать убийство — это моя работа и моя профессия. Мне лучше знать, что нужно делать. — Не давай им спуску, подумал он, иначе ничего не выйдет. Подавляй их! Подавляй! И продолжал, стараясь подбирать слова пожестче и поизвительнее: — Начнем с мотива. Мотив — по-своему, самый трудный этап следствия. Возможность и средства — понятия объек-

тивные и легко подтверждаются фактами. Мотив же — понятие субъективное. Он может быть известен окружающим — например, месть за публичное оскорбление, а может быть и совершенно неизвестен: скажем, иррациональная ненависть, которую сдержаный человек никому не открывает.

Итак, почти все вы в беседах со мной заявили, что считаете виновной Глэдию Дельмар. Других подозрений ни у кого не было. Имелся ли у Глэдии мотив? Доктор Либич назвал его. Он сказал, что Глэдия частоссорилась с мужем, и Глэдия сама призналась мне, что это правда. Бешенство, вызванное ссорой, безусловно может толкнуть человека на убийство. Прекрасно. Но вопрос в том, только ли у одной Глэдии был мотив? Например, доктор Либич...

Роботехник так и подсочкил, потом ткнул в Бейли пальцем.

— Поосторожнее, землянин.

— Я только теоретизирую, — холодно сказал Бейли. — Вы, доктор Либич, работали с доктором Дельмаром над новыми моделями роботов. Вы лучший специалист по роботехнике на Солярии. Вы сами так сказали, и я вам верю.

Либиг улыбнулся, не скрывая своего снисхождения.

— Но я слышал, — продолжал Бейли, — что доктор Дельмар собирался порвать с вами из-за некоторых ваших поступков, которых не одобрял.

— Это ложь! Ложь!

— Кто знает? А если правда? Чем не мотив — избавиться от него, пока он не нанес вам публичного оскорбления? Мне кажется, вам нелегко было бы перенести подобное. Теперь вы, госпожа Канторо, — быстро продолжил Бейли, не дав Либичу возразить. — Смерть доктора Дельмара сделала вас ведущим фетоинженером, вы получили ответственную должность.

— Праведное небо, да мы ведь уже обсуждали это! — сердито крикнула Клорисса.

— Знаю, но тем не менее ваш мотив тоже следует принять во внимание. Что касается доктора Квемота, он постоянно играл с доктором Дельмаром в шахматы. Может быть, его злили слишком частые проигрыши.

— Проигрыш в шахматы вряд ли может служить мотивом для убийства, инспектор, — спокойно заметил социолог.

— Зависит от того, насколько серьезно вы отноитесь к игре. Мотив, который для убийцы заслоняет весь мир, другим может показаться совершенно незначительным. Впрочем, дело не в том. Я лишь старался показать вам, что одного мотива недостаточно. Мотив мог быть у любого — особенно для убийства такого человека, как доктор Дельмар.

— Что вы хотите сказать? — негодующе спросил Квемот.

— Только то, что доктор Дельмар был «хороший солярианин». Все вы сами о нем так отзывались. Он строго придерживался солярианских моральных норм. Он был идеалом, почти абстракцией. Кто же мог любить такого человека или хотя бы чувствовать к нему симпатию? Человек, лишенный недостатков, только заставляет других чувствовать собственное несовершенство. Древний поэт Теннисон выразил это так: «Тот весь изъян, кто вовсе без изъяна».

— Нельзя же убить человека только за то, что он слишком хороший, — нахмурилась Клорисса.

— Это вы так думаете, — отозвался Бейли и вернулся к прерванному рассуждению: — Доктор Дельмар раскрыл (или думал, что раскрыл) на Солярии заговор, ставивший целью завоевание Галактики. Дельмар хотел вмешаться, поэтому люди, входившие в заговор, могли счесть необходимым убрать его. В заговоре мог состоять кто угодно — в том числе, конечно, и госпожа Дельмар — а также и заместитель директора Службы Безопасности Корвин Аттабиш.

— Я? — процедил тот.

— Не вы ли пытались закрыть следствие, став главой ведомства после происшествия с Грюером?

Бейли отпил несколько глотков из пакета, который вскрыл сам — ни человек, ни робот его не касался, — и собрался с силами. Пока что он тянул время и был благодарен солярианам за то, что они ведут себя тихо. Впрочем, они не привыкли, как земляне, спорить друг с другом и не умели драться врукопашную.

— Рассмотрим далее, у кого была возможность совершить убийство. Существует общее мнение, что возможность была только у госпожи Дельмар, поскольку лишь она могла достаточно близко подойти к мужу. Но так ли это? Предположим, что кто-то другой решился убить доктора Дельмара. Неужели столь отчаянное решение не отодвинуло бы на второй план неприятную необходимость личного контакта? Если бы кто-то из вас задумал убийство, разве он не согласился бы потерпеть несколько минут ради того, чтобы совершить его? Разве он не мог пробраться в имение Дельмара...

— Вы не знаете, о чем говорите, землянин, — ледяным тоном прервал Атглиши. — То, что мог или не мог сделать предполагаемый преступник, значения не имеет. Дело в том, что сам доктор Дельмар никогда бы не позволил приблизиться к себе — уж вы мне поверьте. Если бы кто-нибудь вздумал явиться к нему, доктор Дельмар не посмотрел бы на самую близкую и старую дружбу и выгнал бы этого человека вон, а при необходимости позвал бы роботов и велел бы вышвырнуть его.

— Да, — сказал Бейли, — все верно — при условии, что доктор Дельмар понял бы, что видит перед собой живого человека.

— Что вы говорите? — дрогнувшим голосом спросил удивленный доктор Тул.

— Когда вы после убийства оказывали помощь госпоже Дельмар, она думала, что видит ваше изображение, доктор, пока вы не дотронулись до нее. Она сама говорила мне это, и я ей верю. Скажу и про себя — я не привык к видеоконтактам, и когда по прибытии на Солярию беседовал с агентом Грюером, то думал, что он в самом деле здесь. Когда же после разговора он исчез, я крайне удивился. А теперь обсудим обратную возможность. Человек всю свою взрослую жизнь общается только по видео, никогда и ни с кем не видится лично, за исключением редких встреч с женой. И вдруг перед ним появляется кто-то — не жена. Конечно, он подумает, что это видеосеанс — тем более если робота научили сказать Дельмару, что он сейчас соединит его с таким-то.

— Ничего подобного, — сказал Квемот. — Пришедшего выдал бы фон.

— Возможно — но кто из вас в такие мгновения обращает внимание на фон? Прошло бы несколько минут, прежде чем Дельмар почувствовал бы неладное, а за это время его приятель успел бы подойти к нему и ударить по голове.

— Это невозможно, — не уступал Квемот.

— Я другого мнения. Я считаю, что возможность не является неоспоримым доказательством вины госпожи Дельмар. Да, у нее была возможность, но она была и у других.

Бейли снова сделал паузу. На лбу у него выступила испарина, но вытереть ее означало показать свою слабость. Нельзя было упускать бразды правления — тот, в кого он метил, должен был сознавать превосходство Бейли, а землянину нелегко добиться такого от космонита. Бейли посмотрел на всех по очереди и счел, что пока дела идут неплохо. Даже Аттлбиша проняло, и он проявлял вполне человеческие признаки волнения.

— Наконец, перейдем к средствам — самому загадочному моменту во всем деле. Орудие убийства так и не было найдено.

— Знаем, — сказал Аттлбиш. — Если бы не это, мы бы уже предъявили обвинение госпоже Дельмар и никакого следствия не понадобилось бы.

— Допустим, — сказал Бейли. — Итак, рассмотрим вопрос о средствах. Существуют две возможности. Либо убийство совершила госпожа Дельмар, либо кто-то другой. Если убила госпожа Дельмар, орудие осталось бы на месте преступления — при условии, что кто-то не унес его позднее. Мой партнер, господин Оливо с Авроры, сейчас отсутствующий, предположил, что такую возможность имел доктор Тул. Я спрашиваю доктора Тула в присутствии всех: вы действительно сделали это? Вы унесли оружие, оказав предварительно помощь лежащей без чувств госпоже Дельмар?

— Нет, нет, — затрясся доктор. — Клянусь вам. Допрашивайте меня, как хотите — клянусь, что ничего не уносил.

— Полагает ли кто-либо из присутствующих, что доктор Тул солгал? — Все промолчали. Либич взглянул на что-то за кадром и произнес какие-то слова.

— Второй вариант: преступление совершил кто-то другой и унес оружие с собой. Если так — зачем он это сделал? Унести оружие — значит объявить всем, что госпожа Дельмар невиновна. Если убийца — третье лицо, с его стороны было вопиющей глупостью не оставить оружие рядом с телом и не обвинить тем самым госпожу Дельмар. Итак, орудие в любом случае должно было находиться на месте преступления! Просто его никто не заметил.

— Мы что, по-вашему, дураки или слепые? — спросил Аттабиш.

— Вы — соляриане. Потому-то и не смогли распознать то орудие, которое осталось на месте преступления.

— Ничего не понимаю, — с отчаянием сказала Клорисса.

Даже Глэдия, которая не подавала признаков жизни в продолжение всего разговора, удивленно смотрела на Бейли.

— Мертвый мужчина и женщина в обмороке — не единственные, кто остался на месте преступления. Там был еще и вышедший из строя робот.

— Ну и что же? — сердито спросил Либич.

— Разве не очевидно, что, если мы исключим невозможное, нам останется истина, хоть и невероятная? Тот робот и был орудием убийства, которое никто из вас в силу своего воспитания не сумел распознать.

Все заговорили разом, кроме Глэдии, которая продолжала молча смотреть на Бейли. Инспектор поднял руки.

— Подождите. Тихо. Дайте объяснить! — И он повторил свою версию того, как могло быть организовано покушение на Грюера, и рассказал, как пытались убить его самого на детской ферме.

— И это, надо полагать, осуществили таким образом, — нетерпеливо сказал Либич, — один робот отравил стрелу, не ведая, что творит, а другой вручил отправленную стрелу мальчику, предварительно сказав ему, что вы землянин — и не подозревал, что стрела отравлена.

— Вероятно, да. Обоих роботов должны были тщательно проинструктировать.

— Притянуто за уши, — сказал Либич.

Квемот побледнел: казалось, он вот-вот лишится чувств.

— Ни один солярианин не способен использовать роботов во вред другому человеку.

— Может, и так, — пожал плечами Бейли, — но главное в том, что роботов, как выяснилось, можно применять в подобных целях. Спросите доктора Либича — он роботехник.

— Но к убийству доктора Дельмарса ваша теория неприменима, — сказал Либит, — я уже говорил вам вчера. Как можно заставить робота раздробить человеческий череп?

— Хотите объяснить?

— Если сумеете.

— Дельмар испытывал робота новой модели. Значение этого факта ускользало от меня до вчерашнего вечера, когда я случайно сказал роботу, желая, чтобы он помог мне встать со стула: «Дай руку». Робот в недоумении уставился на свою руку, точно подумал, что я прошу его снять руку и дать ее мне. Пришлось сформулировать команду по-другому. Но это напомнило мне о том, что я слышал от доктора Либича. Они экспериментировали с роботами, у которых были съемные конечности. Допустим, что робот, которого испытывал в тот день доктор Дельмар, был как раз такого типа и мог менять одни конечности на другие в зависимости от рода выполняемых работ. Предположим, убийца знает о том и внезапно говорит роботу: «Дай свою руку». Робот снимает руку и подает ему. Тяжелая рука робота — превосходное оружие. Сделав свое дело, убийца ставит руку на место.

Сначала все в ужасе молчали, потом поднялся возмущенный ропот — последнюю фразу Бейли пришлось прокричать, и все равно его чуть не заглушили. Аттлбиш, весь красный, встал со стула и шагнул вперед.

— Даже если так, все равно убийца — госпожа Дельмар. Она была там, она поссорилась с мужем, она видела, как муж работает с роботом, и знала, что у робота съемные конечности — если такие роботы и

впрямь существуют. Как бы вы ни старались, землянин, все указывает на нее.

Глэдия тихо заплакала. Бейли, не глядя на нее, сказал:

— Напротив — легко доказать, что это преступление она никак не могла совершить.

Джотан Либиг с презрительным видом скрестил руки на груди. Бейли, заметив это, сказал:

— И вы мне поможете, доктор Либич. Как роботехник, вы знаете, что управление роботами с целью заставить их совершить убийство против воли требует незаурядного мастерства. Вчера я хотел посадить кое-кого под домашний арест. И дал троим роботам подробные инструкции на предмет его охраны. Простое, казалось бы, дело — но я в роботах профан. В моей инструкции оказался пробел, и мой арестованный ушел.

— А кто это был? — спросил Аттабиш.

— Неважно, — отмахнулся Бейли. — А важно то, что дилетант не способен мастерски командовать роботами. Дилетантов же вполне достаточно и на Солярии. Много ли, например, понимала в роботехнике Глэдия Дельмар? Доктор Либич!

— Что? — не понял роботехник.

— Вы пытались обучать ее роботехнике. Что же, она была способной ученицей? Научилась хоть чему-нибудь?

— Нет, — смущенно сознался Либиг и умолк.

— Она была совершенно безнадежна, не так ли? Или вы предпочитаете не отвечать?

— Она могла притворяться непонимающей, — ходяко сказал Либич.

— И вы, как роботехник, готовы заверить, что госпожа Дельмар способна заставить роботов совершить непреднамеренное убийство?

— Как я могу ответить?

— Поставим вопрос по-другому. Тот, кто пытался убить меня на детской ферме, должен был сначала разыскать инспектора Бейли, пользуясь сетью связи роботов. Я ведь ни одному человеку не говорил, куда направляюсь, и только роботы, доставлявшие меня с места на место, знали, где я. Мой партнер Дэниел Оливо в тот день тоже пытался найти меня, и это ему удалось с большим трудом. Но убийца, должно быть, выяснил

все без труда — ему ведь надо было не только разыскать меня, но еще и отравить стрелу и устроить так, чтобы я выстрелили, пока я не покинул ферму и не отправился дальше. Сумела бы сделать что-либо подобное госпожа Дельмар?

Корвин Аттлиш подался вперед.

— Кто же, по-вашему, покушался на вас, землянин?

— Доктор Джотан Либич сам признался, что он лучший специалист по роботам на планете.

— Это что, обвинение? — крикнул Либич.

— Да! — крикнул в ответ Бейли.

Ярость в глазах Либича медленно угасла, сменившись если не спокойствием, то чем-то похожим на облегчение.

— Я обследовал дельмаровского робота после убийства, — сказал он. — У него не было съемных конечностей — их можно было снять, как обычно, только с помощью специальных инструментов, да и то умеючи. Так что этот робот не мог быть орудием убийства Дельмара — ваш вывод ошибочен.

— А кто может подтвердить ваше заявление?

— В моем слове еще никто не сомневался.

— А я сомневаюсь. Я обвиняю вас, и ваше голословное заявление ничего не стоит. Если бы кто-то мог его подтвердить, тогда другое дело. Вы подозрительно быстро избавились от этого робота. Почему?

— Не было причины хранить его. Он был полностью выведен из строя, потерял всякую ценность.

— Почему?

— Вы уже спрашивали меня, землянин, — ответил Либич, потрясая пальцем перед Бейли, — и я сказал вам почему. Робот стал свидетелем убийства, которому не мог помешать.

— Вы сказали также, что это всегда ведет к полному разрушению, таково универсальное правило. Но робот, подавший Грюеру отравленное питье, отделался только хромотой и шепелявостью. А ведь он сам был невольным убийцей — как казалось тогда, — а не просто

свидетелем. Однако сохранил достаточно рассудка, чтобы его можно было допросить. Значит, дельмаровский робот пострадал гораздо сильнее грюеровского. И неудивительно — ведь его собственную руку использовали как орудие убийства.

— Чепуха, — возмутился Либич. — Вы ничего не смыслите в роботехнике.

— Возможно. Но я предлагаю главе Службы Безопасности Аттлбишу проверить отчетность вашего завода и ремонтной мастерской. Может быть, удастся выяснить, производились ли у вас роботы со съемными конечностями — и если да, то посыпали ли такого робота доктору Дельмару — и если да, то когда.

— Никто не будет рыться в моих книгах! — крикнул Либич.

— Но почему, если вам нечего скрывать?

— Да с какой стати мне было убивать Дельмара? Вот вы что мне скажите. Какой у меня был мотив?

— Могу предложить два, — сказал Бейли. — Вы были дружны с госпожой Дельмар. Более чем дружны. Соляриане по-своему тоже люди. Вы никогда не общались с женщинами, но это не уберегло вас, так сказать, от животных инстинктов. Вы видели госпожу Дельмар, — извините, по видео, конечно, — одетой весьма легко ...

— Нет! — с болью выкрикнул Либич.

— Нет, — вырвалось шепотом у Глэдии.

— Возможно, вы и сами не понимали своих чувств — или же, смутно осознавая их, презиравали себя за слабость, а госпожу Дельмар ненавидели за то, что она внушала их вам. И Дельмара ненавидели — за то, что он ею обладает. Вы же просили госпожу Дельмар стать вашим ассистентом — это была уступка вашему либидо. Она отказалась, и ваша ненависть к ней стала еще сильнее. Убив доктора Дельмара таким образом, чтобы подозрение пало на его жену, вы отомстили бы им обоим.

— Кто поверит вашей грязной дешевой мелодраме? — хрипло прошептал Либич. — Разве что другой землянин, такой же скот, как и вы. Но не солярианин.

— Я не настаиваю на этом мотиве, — сказал Бейли. — Думаю, он тоже подсознательно присутствовал,

но у вас имелся мотив и попроще. Доктор Рикэн Дельмар стоял на пути у ваших планов, и его надо было убрать.

— О каких планах вы говорите?

— О ваших планах завоевания Галактики, доктор Либич.

Глава 18

ВОПРОС ПОЛУЧАЕТ ОТВЕТ

— Э тот землянин сошел с ума! — закричал Либич. — Разве вы не видите?

Все молча смотрели кто на Бейли, кто на Либича. Бейли не дал им опомниться.

— Вы сами знаете, доктор Либич, что доктор Дельмар собирался порвать с вами. Из-за того, как думала госпожа Дельмар, что вы не вступили в брак. Я думаю иначе. Доктор Дельмар сам уповал на будущее, в котором, с повсеместным распространением эктогенеза, отпадет всякая надобность в браках. Но, сотрудничая с вами, он знал о вашей работе больше, чем кто-либо другой, — или догадывался. Он узнал бы о ваших опасных экспериментах и попытался бы остановить вас. Он уже намекал на это агенту Грюеру, но не сказал прямо, так как еще не знал подробностей. Вы, видимо, догадались о подозрениях доктора и убили его.

— Сумасшедший! — повторил Либич. — Я не желаю больше иметь с вами ничего общего.

— Выслушайте его, Либич! — вмешался Аттабиши.

Бейли прикусил губу, чтобы не проявить преждевременно удовлетворения — Аттабиши был явно не на стороне Либича.

— Тогда же, когда вы говорили мне о роботах со съемными конечностями, доктор Либич, вы упомянули о космическом корабле со встроенным мозгом. Вы определенно наговорили тогда много лишнего. То ли потому, что я землянин и мне не понять тонкостей роботехники, то ли потому, что вам угрожал мой визит — и когда угроза миновала, вас охватила легкая эйфория.

Так или иначе, к тому моменту доктор Квемот уже открыл мне, каким секретным оружием против других миров владеет Солярий — позитронным роботом.

— Но не в том же смысле... — подскочил от неожиданности Квемот.

— Знаю — вы говорили с точки зрения социолога. Но это заставило меня задуматься. Сравните корабль с позитронным мозгом и корабль, управляемый человеком. Корабль с людьми на борту не сможет использовать роботов в боевых действиях. Робот не станет уничтожать людей на вражеском корабле или на планете. Он не знает разницы между «своими» и «врагами». Роботу, конечно, можно сказать, что на борту вражеского корабля людей нет и что бомбить будут необитаемую планету, но это может не пройти. Робот видит, что на его собственном корабле люди есть, и знает, что на его планете живут люди. Поэтому он делает вывод, что так же обстоит дело и на чужом корабле или планете. Потребуется настоящий эксперт-роботехник — вроде вас, доктор Либич, — чтобы командовать роботами в подобной ситуации, а таких экспертов очень мало. Но мне сдается, что корабль, оснащенный собственным позитронным мозгом, бодро атакует любую цель, которую ему укажут. Ему ведь кажется естественным, что на другом корабле тоже нет людей. А защиту от приема сообщений с вражеского корабля, которые могут его в этом разуверить, создать легко. Поскольку боевая и оборонительная техника управляет непосредственно позитронным мозгом, такой корабль будет гораздо менее опаснее обычного. За отсутствием помещений для экипажа, для продовольствия, для очистки воды и воздуха такой корабль поднимет больше брони, больше оружия и станет более неуязвимым, нежели обычный. Один корабль с позитронным мозгом способен победить целый флот. Я прав или нет?

Последний вопрос был обращен к доктору Либичу, который вскочил с места и стоял как оцепенелый, почти что в каталепсии — то ли от гнева, то ли от ужаса. Ответа не было. Да его никто бы и не услышал — все вопили, как бешеные, словно с цепи сорвались. Клорисса бесновалась, как фурия, и даже Глэдия потрясала кулачками. И вся их ярость была направлена на Либича.

Бейли закрыл глаза, пытаясь хоть на несколько мгновений ослабить мускулы, отпустить сухожилия.

Сработало. Наконец-то он нажал нужную кнопку. Квемот вчера провел аналогию между солярианскими роботами и спартанскими илотами. Он сказал, что роботы не могут взбунтоваться, поэтому соляриане могут спать спокойно.

Но если найдется человек, угрожающий научить роботов чинить людям вред — бунтовать, другими словами?

Разве это не тяжчайшее преступление? Разве все до единого жителя Солярии не ополчатся яростно на того, кто хотя бы подозревается в том, что заставил робота вредить человеку? На Солярии, где роботов вдвадцать тысяч раз больше, чем людей?

— Вы арестованы! — кричал Аттлбиш. — Вам категорически запрещается пользоваться книгами или записями, пока правительство не изыщет возможности проверить их... — Он продолжал говорить, но его не было слышно в общем гвалте.

К Бейли подошел робот.

— Господин, вам сообщение от господина Оливо.

Бейли взял у него капсулу, раскрыл ее и крикнул:

— Минуту!

Его голос произвел почти магическое действие. Все как один обернулись к нему, и на всех лицах (кроме застывшего лица Либича) читалось самое напряженное внимание к тому, что скажет землянин. Бейли сказал:

— Глупо было бы ожидать, что доктор Либич не прикоснется к своим записям до прибытия вашего чиновника. Поэтому еще до начала нашего заседания мой партнер Дэниел Оливо отправился в имение доктора Либича. Я только что получил от него известие. Он находится на территории имения и сейчас войдет к доктору Либичу, чтобы взять его под стражу.

— Под стражу?! — взвыл Либич в каком-то животном ужасе. Его глаза, мнилось, вот-вот выскочат из орбит. — Сюда кто-то идет? Человек?! Нет! Нет! — Второе «нет» он просто провизжал.

— Вам не причинят вреда, — холодно сказал Бейли, — если вы окажете помощь следствию.

— Но я не хочу, чтобы он приходил. Я не вынесу! — Роботехник, не сознавая, что делает, упал на колени и стиснул руки в отчаянной мольбе. — Чего вы хотите от меня? Признания? Удельмаровского робота были съемные конечности. Да! Да! Да! Я организовал отравление Грюера. Я организовал покушение на вас. И задумал такой корабль, о котором вы говорили. У меня не получалось, но да, у меня была такая идея. Только отзовите своего человека. Не пускайте его сюда. Не пускайте! — Речь Либича перешла в невнятное бормотание.

Бейли кивнул. Он снова нажал правильно. Угроза личного визита вырвала у Либича признание быстрее, чем любая пытка.

И тут, услышав или увидев нечто вне поля зрения и слышимости остальных, Либич дернул головой и открыл рот. Он вскинул руки, будто защищаясь от чего-то.

— Уйди, — взмолился он. — Уйди. Не входи. Прощу тебя. Прошу... — и пополз куда-то на четвереньках, потом сунул руку в карман, достал что-то и быстро поднес ко рту. Качнулся и рухнул ничком.

«Дурак, — хотел крикнуть Бейли, — к тебе шел не человек, а один из твоих любимых роботов!»

В поле зрения ворвался Дэниел Оливо и остановился, глядя на скрюченное тело у своих ног.

Бейли затянул дыхание. Если Дэниел поймет, что Либича убило его мнимое сходство с человеком, это нанесет страшный удар его мозгу, подчиненному Первому Закону.

Но Дэниел лишь опустился на колени и тихонько потрогал Либича. Потом, взяв в руки голову роботехника, приподнял ее, как нечто хрупкое и драгоценное. Обратив свое точеное лицо к собравшимся, он прошептал:

— Человек умер!

Бейли ждал ее — она попросила о последнем свидании. Но когда Глэдия появилась, он широко раскрыл глаза.

— Вы здесь, вы пришли.

— Да — а как вы догадались?

— На вас перчатки.

— А-а, — она смущенно взглянула на свои руки. — Вам это неприятно?

— Нет, совсем нет. Но почему вы решились на личную встречу?

— Видите ли, Элайдж, — слабо улыбнулась она, — надо же мне привыкать. Раз я собралась на Аврору...

— Значит, все уложено?

— У господина Оливо есть кое-какие связи. Все уложено. Я больше не вернусь сюда.

— Это хорошо. Вам там будет лучше, Глэдия. Я знаю.

— Я немного побаиваюсь.

— Знаю. Там все время придется встречаться с другими людьми и не будет того комфорта, как здесь, на Солярии. Но вы привыкнете, а самое главное — забудете весь тот ужас, который вам пришлось пережить.

— Я не хотела бы забыть все, — мягко сказала Глэдия.

— Со временем захотите. — Бейли посмотрел на ее стройную фигуру и не без мимолетной боли сказал: — И когда-нибудь выйдете замуж, на сей раз по-настоящему.

— Почему-то сейчас замужество меня совсем не привлекает, — грустно сказала она.

— Когда-нибудь вы перемените свое мнение.

Какой-то миг они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я так и не поблагодарила вас, — сказала Глэдия.

— Я всего лишь делал свою работу.

— Вы ведь возвращаетесь на Землю?

— Да.

— И я вас больше не увижу.

— Наверное. Но вы не огорчайтесь. Лет через сорок, самое большое, я умру, а вы останетесь такой же, как теперь.

Ее лицо горестно скривилось.

— Не говорите так.

— Это правда.

— А знаете, насчет Джотана Либича все подтвердились, — быстро сказала Глэдия, словно желая сменить тему.

— Да, знаю. Другие роботехники просмотрели его записи и обнаружили опытный проект космического

корабля с искусственным мозгом. И нашли роботов со съемными конечностями.

— Как по-вашему, зачем он делал такие страшные вещи?

— Он боялся людей. Он убил себя, лишь бы избежать присутствия человека, и готов был истребить целые миры, лишь бы Солярия с ее табу на личные контакты осталась в неприкословенности.

— Как он мог так думать, — промолвила она, — ведь личный контакт иногда бывает... — И снова они помолчали, стоя в десяти шагах друг от друга. Потом Глэдия воскликнула: — Элайдж, вы сочтете меня развязной, но...

— Почему я должен счесть вас развязной?

— Можно мне прикоснуться к вам? Я ведь никогда больше вас не увижу.

— Если хотите.

Шаг за шагом она приближалась к нему, сияя глазами, но все же с опаской. Остановилась в трех футах от него и медленно, как в трансе, стала стягивать перчатку с правой руки. Бейли сделал отстраняющий жест.

— Не делайте глупостей, Глэдия.

— Я не боюсь. — И она протянула ему дрожащую руку без перчатки.

Рука Бейли тоже дрогнула. Робкая, испуганная рука Глэдии на миг задержалась в его ладони. Потом он разжал пальцы, рука ускользнула, неожиданно взлетела к его лицу и легко, как перышко, на долю мгновения коснулась щеки.

— Спасибо вам, Элайдж. До свидания.

— До свидания, Глэдия, — сказал он ей вслед.

Даже мысль о корабле, который ждет, чтобы отвезти его на Землю, не могла облегчить охватившее инспектора чувство утраты.

Заместитель министра Альберт Минним встретил Бейли со сдержанной приветливостью.

— Рад снова видеть вас на Земле. Ваш отчет, разумеется, прибыл раньше, и сейчас его изучают. Вы хорошо поработали. Это дело украсит ваш послужной список.

— Благодарю, — сказал Бейли. Для более обширных излияний у него не было сил. Вернувшись на Землю, под кров родных Пещер, и успев уже поговорить с Джесси, Бейли чувствовал какую-то странную пустоту изнутри.

— Однако, — продолжал Минним, — ваш отчет касается только следствия. Нас же интересовало и другое. Может быть, вы доложите мне устно?

Бейли помолчал и машинально полез во внутренний карман, где снова утешительно покосилась трубка.

— Можете курить, — поспешил сказать Минним. Бейли несколько затянула процесс раскуривания.

— Я не социолог, — сказал он наконец.

— Да ну? — слегка улыбнулся Минним. — Мы ведь, кажется, это уже обсуждали. Хороший полицейский должен быть и хорошим социологом-практиком, даже если он никогда не слышал об уравнении Хэккета. По вашему замешательству я вижу, что свои выводы относительно Внешних Миров вы сделали, но не уверены, как я к ним отнесусь.

— Что ж, будь по-вашему, сэр. Посылая меня на Солярию, вы поставили передо мной вопрос: в чем слабость космонитов? Их сила в роботах, в малом населении, в долгой жизни, но в чем их слабость?

— Ну-ну?

— Мне кажется, я знаю, в чем слабость соляриан, сэр.

— Значит, можете ответить на мой вопрос? Хорошо. Я слушаю.

— Их слабость, сэр, в роботах, в малочисленности, в долгой жизни.

Минним посмотрел на Бейли, не меняясь в лице, быстро чертя что-то пальцами по столу.

— Почему вы так думаете?

На обратном пути Бейли часами репетировал свою речь и спорил с чиновником, выдвигая уравновешенные, продуманные аргументы. Но сейчас он растерялся.

— Не уверен, что смогу изложить связно...

— Ничего, послушаем. Это ведь только первая прикдка.

— Соляриане отказались от того, чем человечество владеет уже миллион лет, — начал Бейли. — От того, что ценней атомной энергии, Городов, сельского хозяй-

ства, орудий труда, огня — ценнейшее всего. Потому что эта вещь как раз и делает возможным все, что я перечислил.

— Не хочу гадать, Бейли. Что же это такое?

— Племя, сэр. Сотрудничество отдельных личностей. Солярия полностью отказалась от него. Это мир отдельных, изолированных друг от друга личностей, и единственный социолог планеты от этого в восторге. Кстати, он и не слыхивал о социометрии — изобретает собственную науку. Ему не у кого поучиться, некому ему помочь, некому подать мысль, которую он упустил. Единственная наука, действительно процветающая на Солярии, — роботехника, но и ею занимаются считанные люди, а когда им понадобилось проанализировать отношения между человеком и роботом, пришлось звать на помощь землянина. Солярианская культура абстрактна. У нас на Земле абстракционизм — лигь одно из направлений искусства, на Солярии — единственное направление, и человеческого образа в нем нет. А на будущее планируется эктогенез и полная изоляция от деторождения.

— Да, жутковато, — сказал Минним. — Но на сколько это опасно для них?

— Думаю, что очень опасно. Без игры человеческих взаимоотношений жизнь лишается своего главного смысла; духовные ценности обесцениваются, и жить, в общем, становится незачем. Видеосвязь не может заменить живого общения — соляриане сами сознают, что это слишком слабое связующее звено. И если одной изоляции недостаточно для застоя, то долгая жизнь завершает дело. На Земле в наши ряды постоянно вливается молодежь, которая жаждет перемен, поскольку не успела прочно осесть в жизни. У нас, по-моему, существует определенный оптимум: жизнь, достаточно длинная, чтобы чего-то добиться, и достаточно короткая, чтобы уступить дорогу молодым. Процесс смены поколений идет довольно быстро. А на Солярии он чересчур замедлился.

Минним продолжал рисовать пальцем на столе.

— Интересно! Интересно! — потом он поднял голову, и Бейли увидел его без маски — Минним просто сиял. — Вы проницательный человек, инспектор.

— Спасибо, — буркнул Бейли.

— Знаете, почему я попросил вас самого рассказать о своих наблюдениях? — ликуя, как мальчишка, спросил Минним и не стал дожидаться ответа. — Наши социологи уже провели первоначальный анализ вашего отчета, и я спрашивал себя, понимаете ли вы, какие превосходные новости привезли на Землю. Оказывается, понимаете.

— Подождите, ведь это еще не все.

— Конечно, — ликующе согласился Минним. — Солярии уже не преодолеть своего застоя. Они миновали критическую точку — их зависимость от роботов зашла слишком далеко. Робот не может наказать ребенка, даже если наказание пойдет ребенку на пользу — робот не способен заглянуть в будущее и переступить через боль, которую причиняет сейчас. А роботы в целом не могут руководить планетой, потому что для того нужно упразднить все, что становится вредным, — роботы не способны переступить через хаос, который это вызовет сейчас. Таким образом Внешние Миры вступили на путь постепенного загнивания, и Земле недолго терпеть их владычество. Ваша информация все изменила. Нам не понадобится никаких восстаний — свобода придет сама собой.

— Подождите, — настойчиво, уже погромче повторил Бейли. — Мы ведь говорим только о Солярии, а не обо всех Внешних Мирах.

— Это одно и то же. Ваш солярианский социолог, Кимот...

— Квемот, сэр.

— Пускай Квемот. Разве он не сказал, что все Внешние Миры идут путем Солярии?

— Сказал — но он ничего не знает о других Внешних Мирах, да он и не социолог. То есть не настоящий. Мне казалось, я это достаточно ясно изложил в отчете.

— Наши ученые разберутся.

— Им тоже не хватает данных. Нам ничего не известно о крупнейших Внешних Мирах. Вот, например, Аврора — мир Дэниела. Мне кажется опрометчивым отождествлять ее с Солярией. Собственно, в Галактике есть только один мир, напоминающий Солярию.

— Ученые разберутся, — махнул своей ухоженной ручкой счастливый Минним. — Я уверен, что они согласятся с Квемотом.

Бейли помрачнел. Если земным социологам захочется получить нужный результат, то почему бы и не согласиться. Из цифр можно вывести все, что угодно, если постараться как следует и подольше, да еще слегка подтасовать данные.

Он колебался. Сказать сейчас, пока его слушает высокопоставленное лицо, или...

Колебался чуть дольше, чем надо. Минним нашел на столе какие-то бумаги и перешел к делу.

— Выясним еще пару вопросов по делу Дельмара, инспектор, и вы свободны. Вы сознательно толкнули Либича на самоубийство?

— Я хотел добиться признания, сэр, — и не ожидал, что он покончит с собой при появлении не человека даже, а робота, который в действительности не нарушил никакого табу. Ирония судьбы. Но откровенно говоря, я не жалею о его смерти. Слишком опасный он был человек. Нескоро теперь появится другой, в ком сочетались бы безумие и одаренность Либича.

— Я согласен, что его смерть пришлась кстати, — сухо сказал Минним, — но разве вы не понимаете, чем рисковали, если бы соляриане поняли, что Либич никак не мог убить Дельмара?

Бейли вынул трубку изо рта, но ничего не сказал.

— Бросьте, инспектор. Вы-то знаете, что он не убивал. Чтобы убить, надо было подойти к Дельмару близко, а Либич скорее бы умер, чем решился на это. Собственно, он и умер, лишь бы избежать подобной возможности.

— Вы правы, сэр. Я рассчитывал на то, что соляриан до глубины души поразят его опыты с роботами и о другом они просто думать забудут.

— Кто же тогда убил Дельмара?

— Если вы спрашиваете, кто нанес удар, — медленно проговорил Бейли, — то все и раньше знали, кто это сделал. Глэдия, жена Дельмара.

— И вы позволили ей уйти?

— Моральная ответственность лежит не на ней. Либич знал, что Глэдия постоянно затевала бурные

ссоры с мужем, и знал, должно быть, до какого бешенства она доходит в гневе. Либичу нужно было, чтобы умер муж, а подозрение пало на жену. Вот он и подставил Дельмару робота, которого, наверное, научил с присущим ему мастерством подать Глэдии свою съемную руку, когда она разъярится до предела. Получив оружие в критический момент, Глэдия в помрачении разума нанесла удар, и ни Дельмар, ни робот не успели остановить ее. Глэдия послужила Либичу таким же бессознательным орудием, как и робот.

— Но на руке у робота должна была остаться кровь и прилипшие волосы.

— Так, наверное, и было, но роботом занимался Либич. А роботам Дельмара, которые тоже могли заметить это, он просто приказал его забыть. Мог это видеть и доктор Тул, но он был слишком занят трупом и потерявшей сознание женщиной. Однако Либич ошибся, полагая, что вина Глэдии будет столь очевидной, что даже отсутствие орудия преступления ее не спасет. Не мог он предвидеть и того, что вести следствие вызовут землянина.

— Итак, Либич умер, и вы устроили так, что Глэдия покинула Солярию. На случай, если соляриане, успокоившись, примутся размышлять и в итоге сообразят, что к чему?

— Она достаточно настрадалась, — пожал плечами Бейли. — Была жертвой своего мужа, жертвой Либига, жертвой всего солярианского уклада.

— Значит, использовали закон в личных целях?

Суровое лицо Бейли совсем окаменело.

— Нет, не в личных. Солярианский закон мне не указ. Превыше всего были интересы Земли, и во имя этих интересов я проследил за тем, чтобы Либич, представлявший опасность и для нас, ушел из жизни. Что касается госпожи Дельмар... — Бейли взглянул в лицо Минниму, чувствуя, что делает критический шаг. Он должен сказать! — Что касается ее, на ней я поставил эксперимент.

— Какой еще эксперимент?

— Хотел выяснить, согласится ли она жить в мире, где личные контакты и дозволены, и желательны. Мне было любопытно, хватит ли у нее мужества порвать с

привычками, которые так укоренились в ней. Я боялся, что она откажется и предпочтет лучше остаться на Солярии, ставшей для нее чистилищем, чем заставить себя порвать с извращенными солярианскими нравами. Но она выбрала путь перемен, и я был тому рад. Ее решение показалось мне символичным. Как будто выбор Глэдии Дельмар открыл врата спасения и для нас.

— Для нас? Что вы такое несете?

— Не для нас с вами, сэр, а для всего человечества. Вы неверно представляете себе Внешние Миры. У них там мало роботов, они свободно общаются между собой и присматриваются к Солярии. Вы знаете, что со мной был Р. Дэниел Оливо — он тоже представит свой отчет. Да, для них существует опасность сделаться Солярией, но они могут вовремя заметить эту опасность, удержать разумное равновесие и таким образом сохранить власть над человечеством.

— Это только ваше мнение, — недоверчиво сказал Минним.

— Я еще не все сказал. Есть один мир, напоминающий Солярию, и это — Земля.

— Инспектор Бейли!

— Это так, сэр. Мы — Солярия навыворот. Они ушли друг от друга, мы ушли от Галактики. Они укрылись в своих неприкословенных поместьях, мы замуровали себя в подземных Городах. Они — вожди без масс, у них есть только безответные роботы. Мы — масса без вождей, и нас защищают лишь наши Города. — Бейли стиснул кулаки.

Минниму явно не понравились его слова.

— Инспектор, вам пришлось многое испытать. Вам нужен отдых, и вы его получите. Полностью оплаченный месячный отпуск, а затем вас ждет повышение.

— Благодарю вас, но я нуждаюсь не только в этом. Мне нужно, чтобы вы меня выслушали. Существует лишь один выход из тупика, и он ведет наружу, в космос. Там миллионы миров, а космонитам принадлежат только пятьдесят. Космонитов мало, и живут они долго. Нас много, и жизнь у нас короткая. Мы приспособлены для открытой и колонизации новых земель лучше, чем они. Нас подталкивает рост населения, а быстрый оборот поколений снабжает молодыми беспо-

койными людьми. Да ведь и сами Внешние Миры созданы нашими предками.

— Да-да, но боюсь, время нашей встречи истекло.

Бейли, видя, как Минниму не терпится спровадить его, усился поудобнее.

— Когда первые поселенцы создали миры, опередившие нас в техническом развитии, мы начали строить себе норы под землей и забились в них, точно в чрево матери. Космониты навязали нам свое превосходство, и мы от них спрятались. Это не выход. Чтобы сломать губительный цикл мятежей и расправ, мы должны вступить с космонитами в соревнование, пойти по их следам, если надо, — обогнать, если можно. А для того нужно выйти на поверхность. Нужно научиться смотреть в пространство. А если нам уже поздно учиться, нужно научить тому детей.

— Вам надо отдохнуть, инспектор.

— Слушайте меня, сэр! — рявкнул Бейли. — Есай космониты настолько сильны, как выглядят, а мы останемся такими, как есть, — не пройдет и ста лет, как Землю уничтожат. Это уже подсчитано, вы сами сказали. Если же космониты слабы и станут еще слабее, то у нас есть шанс — но кто сказал, что они слабы? Соляриане — все, кого мы знаем.

— Но...

— Я еще не договорил. Есть то, что мы можем изменить независимо от силы или слабости космонитов. Мы можем изменить себя. Выдем в пространство, и надобность бунтовать отпадет. Мы создадим кучу собственных миров и сами станем космонитами. Если же мы останемся на скученной Земле, бессмысленный и роковой бунт неизбежен. И будет гораздо хуже, если люди преисполнятся ложных надежд, основанных на мнимой слабости космонитов. Поговорите с социологами. Представьте им мои аргументы. А если они по-прежнему будут сомневаться, найдите способ послать меня на Аврору. Дайте мне составить рапорт о настоящих космонитах, и вы поймете, что нужно Земле.

— Да-да, — кивнул Минним. — Всего вам хорошего, инспектор Бейли.

Бейли ушел ликующий. Ведь он и не ожидал одержать над Миннимом открытую победу. Укоренившиеся

мысли нельзя изменить ни в один час, ни в один год. Зато Бейли видел, как задумался Минним, лишившись, хоть ненадолго, своей безрассудной веселости.

Бейли знал, что будет дальше. Минним обратится к социологам и посеет в ком-то из них сомнение. Они начнут задавать себе вопросы. Они захотят поговорить с Бейли.

Пройдет год, думал Бейли, всего один год — и я отправлюсь на Аврору. Пройдет одно поколение — и мы снова выйдем в космос.

Бейли ехал по северной экспресс-дороге. Скоро он увидит Джесси. Поймет ли она? Сыну, Бентли, сейчас семнадцать. Может быть, обзаведшись собственным сыном, Бен, когда тому стукнет семнадцать, уже будет строить новую жизнь на какой-нибудь пустой планете?

Мысль пугала. Бейли все еще боялся пространства. Но зато больше не боялся своего страха. Нужно не бежать от страха, а сражаться с ним.

Он чувствовал себя так, будто пережил приступ безумия. Он ведь с самого начала испытывал таинственный зов пространства — еще тогда, когда в машине обманул Дэниела, чтобы открыть верх и выглянуть наружу.

Тогда он не понимал. Дэниел посчитал его психопатом. А сам Бейли думал, что выходит наружу из профессионального долга, в интересах следствия. Только в тот последний вечер на Солярии, сорвав штору с окна, он понял, что хочет видеть пространство ради самого пространства — потому что оно манит и сулит свободу.

Миллионы людей на Земле чувствуют, наверное, тоже самое — их бы только навести на мысль о пространстве, только бы заставить сделать первый шаг.

Бейли посмотрел вокруг.

Экспресс-дорога бежала вперед. По сторонам сверкали огни, проносились мимо огромные жилые блоки, сияли вывески, мелькали витрины, фабрики, огни, шум, толпа, шум, люди, люди, люди...

Это было то, что он любил, то, что он ненавидел, то, с чем боялся расставаться, то, по чему, как ему казалось, тосковал на Солярии.

А теперь все стало чужим.
Он больше не чувствовал себя здесь дома.
Он отлучился, чтобы расследовать убийство, и за это время с ним что-то произошло.

В разговоре с Миннимом он сравнил Город с материнским чревом — так оно и есть. А что первым делом должен сделать человек, чтобы стать человеком? Он должен родиться. Выйти из чрева. И выйдя из него, он уже не в силах вернуться.

Бейли покинул Город и не может вернуться назад. Город ему больше не принадлежит. Стальные Пещеры стали чужими. Этого не избежать. Так будет и с другими — и Земля, выйдя в пространство, родится заново.

Сердце Бейли бешено колотилось, городской шум еле слышно отдавался в ушах.

Он вспомнил сон, который снился ему на Солярии, и наконец понял его. Он поднял голову и увидел — сквозь толщу бетона, стали и человеческих тел над собой. Увидел маяк, манящий человека в пространство. Увидел, как светит оно — обнаженное солнце!

Содержание

Стальные пещеры , роман, <i>перевод с английского И. Кочкаревой</i>	5
Обнаженное солнце , роман, <i>перевод с английского Н. Виленской</i>	259

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

В двенадцати книгах

Книга третья

В оформлении использована работа
Энгуса Маккяя

Составитель *В. Быстров*

Главный редактор *А. Захаренков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *Т. Бережных, И. Королев*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Е. Ошуркова, И. Лаздина*

Оператор компьютерной верстки *Н. Болтач*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление шмидтитулов: *А. Бибанаев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.09.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 26,20. Уч.-изд. л. 26,7.

Тираж 25 000 экз. (1-й завод 1—10 000 экз.). Заказ № 4-339.

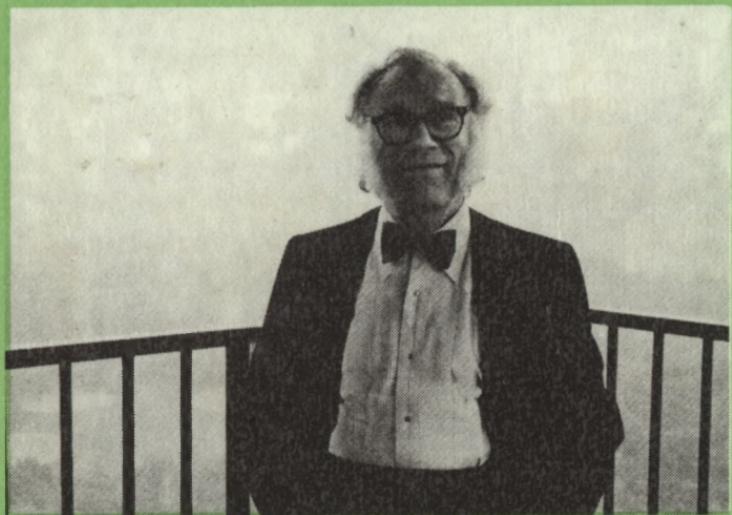
Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 29.

«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ОБНАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994